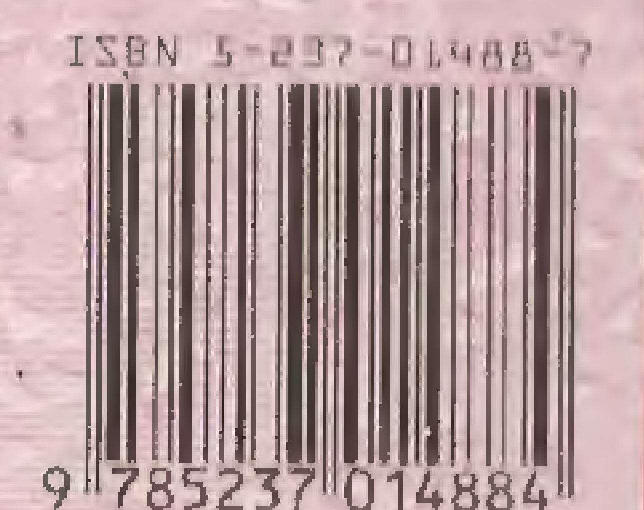

ISBN 5-237-01488-7
9 785237 014884

Крещение огнем

– Я иду к Цири.
Я теряю время! Я ей нужен.
В моем сне она плясала. Плясала
в какой-то забитой дымом халупе. А над
крышей этой чертовой халупы, в холодном
ночном воздухе плясала смерть. – Геральт сложил
пальцы знаком Аард и ударил в полыхающие
ветки. – За мной! За мной! Сквозь огонь!
«Крещение огнем, – подумал ведьмак, словно
сумасшедший рубя и парируя удары.
– Я должен был пройти сквозь
огонь ради Цири».

Анджей Сапковский

Крещение огнем

Век Дракона

Анджей Сапковский

Крещение огнем

ANDRZEJ SAPKOWSKI

«Chrzest ognia»

Анджей Сапковский

Крещение огнем

Москва

ББК 84. 4П
С19

Серия основана в 1996 году

Составители серии:
С.Герцева, Н.Науменко, Н.Ютанов

Серийное оформление: С.Герцева, А.Кудрявцев

Перевод с польского Е.П.Вайсброта

В оформлении обложки использована работа, предоставленная Александром Корженевским.

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов NOWA Publishers (Польша) и Александра Корженевского (Россия).

Сапковский А.
С19 Крещение огнем: Романы / Пер. с польского Е.П. Вайсброта. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 480 с. – (Век дракона).

ISBN 5-237-01488-7

Крик и стон, звон оружия и перевернутое небо, боль и бьющаяся в висках кровь. Тьма для павших, скорбь для выживших. Мир в огне, человек не только эльфу волк, но и человеку, брат на брата с ножом идет... А ведьмак Геральт идет по выжженной земле в Нильфгаард. Ведьмак, которому роком назначено лишь по миру болтаться да вредящих людям монстров кончать... Ради Цири, Дитя-Надежды, должен Геральт пройти страшное из страшного – крещение огнем...

Крещенье огнем —
в громе, в полях сражений
вспомни о нем.
Не было завершенья —
войны вершились пламенем,
шли племена —
на битвы.
Больно по мне бил
голос набата,
страшная правда преданий,
отсвет огня рыжего.
Но вы — не предали,
*братья мои по оружию...**

«Dire Straits»

* Перевод с английского Н.Эристави.

...И сказала гадалка ведьмаку: «Вот тебе мой ответ — обуй ботинки с подошвами железными, возьми в руку посох железный. Иди в тех железных ботинках на край света, а дорогу перед собой посохом ощупывай, слезой окропляй. Иди сквозь огонь и воду, не останавливайся, не оглядывайся. А когда сотрутся подошвы железные, изотрется посох железный, когда от ветра и жары иссохнут очи твои так, что боле ни одна слеза из них истечь не сможет, тогда на краю света найдешь ты то, что ищешь и что любишь. Может быть».

И пошел ведьмак сквозь огонь и воду и не оглядывался. Но не взял ни башмаков железных, ни посоха. А взял только свой меч ведьмачий. Не послушался он слов гадалки. И хорошо сделал, ибо была это плохая гадалка.

Флоуренс Деланной.
«Сказки и предания».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В кустах дебоширили птицы.

Склон балки покрывала плотная, густая масса ежевики и барбариса — идеальное место для гнездовья и кормежки, поэтому неудивительно, что тут прямо-таки кишмя кишела птица. Самозабвенно расточали трели зеленушки, щебетали чечетки и славки-завирушки, то и дело раздавалось звучное «теньк-теньк» зяблика. «Зяблик тенькает к дождю», — подумала Мильва, невольно взглянув на небо. Туч не было. Но зяблики всегда тенькают к дождю. А немного бы дождя не помешало.

Место напротив устья котловинки было прекрасной позицией, обещавшей удачную охоту, особенно здесь, в Брокилоне, пристанище всякой живности. Владеющие обширным лесным районом дриады охотились очень редко, а человек отваживался заходить сюда и того реже. Жаждущий мяса и шкур ловчий сам становился

объектом ловли. Брокилонские дриады были безжалостны к пришельцам. Мильва имела случай убедиться в этом на собственной шкуре.

Чего-чего, а уж зверья в Брокилоне было предостаточно. Однако Мильва сидела в засаде уже больше двух часов, а на расстоянии выстрела еще никто не появлялся. Охотиться на ходу она не могла — стоявшая месяцами сушь выстлала почву хворостом и листьями, хрустевшими при каждом шаге. Сейчас только неподвижность в засаде могла завершиться успехом и принести добычу.

На лук присела бабочка адмирал. Мильва не стала ее пугать. Наблюдая за тем, как бабочка складывает и раскрывает крылышки, она одновременно смотрела на лук, новое приобретение, которому все еще не могла нарадоваться. Она была, как говорится, лучницей от Бога, обожала хорошее оружие. А то, которое сейчас держала в руке, было лучшим из лучших.

За свою жизнь Мильва сменила множество луков. Она училась стрелять из обыкновенных ясеневых и тисовых, но быстро отказалась от них в пользу чутко реагирующих на малейшее движение руки ламинированных, которыми пользуются дриады и эльфы. Эльфьи луки были короче, легче и удобнее, а благодаря комбинации дерева и сухожилий животных гораздо «скоростнее», чем тисовые, — выпущенная из них стрела достигала цели гораздо быстрее и летела по более пологой траектории, что значительно уменьшало возможность сноса ветром. Самые лучшие экземпляры такого оружия с четверным изгибом носили у эльфов название

zefhar, потому что изогнутые плечи и грифы лука напоминали именно такой рунический знак. Мильва пользовалась зефарами уже несколько лет и считала, что вряд ли найдется лук, который бы превосходил их.

Но наконец напала и на такой. Было это, конечно, в Цидарисе на Морском базаре, славившемся богатым выбором удивительных и редких товаров, которые моряки привозили из самых дальних уголков мира, отовсюду, куда только добирались их когги и галеоны. Мильва всякий раз, как только выпадала возможность, посещала базар и осматривала заморские луки. Именно там она приобрела лук, который, как она решила, послужит ей долгие годы, изготовленный в Зеррикании зефар, усиленный шлифованным рогом антилопы. Этот лук она считала идеальным. Целый год. Потому что год спустя, на том же самом лотке, у того же самого купца увидела другое чудо.

Лук пришел с дальнего севера. Прекрасно отбалансированное оружие шестидесяти двух дюймов в размахе, плоские ламинированные плечи, склеенные из перемежающихся слоев благородной древесины, вываренных жил и китового уса. От лежавших рядом экземпляров его отличала не только конструкция, но и цена — и цена-то и обратила на себя внимание Мильвы. Однако стоило ей взять лук в руки и испробовать, как она, не колеблясь и не торгуясь, заплатила все, что требовал купец. Четыреста новиградских крон. Конечно, такой сногсшибательной суммы при ней не было. Она тут же продала свой зерриканский зефар, связку собольих шку-

рок и чудесной работы эльфий медальончик — коралловую камею, обрамленную речными жемчугами.

Но не сожалела. Никогда. Лук был невероятно легкий и идеально меткий. Хоть и не очень размашистый, он таил в своих композитных плечах сильный удар. Снабженный прикрепленной к очень точно изогнутым грифам шелково-конопляной тетивой, он при двадцатичетырехдюймовом натяжении давал шестьдесят пять фунтов силы. Правда, существовали луки, дававшие даже восемьдесят, но Мильва считала это перебором. Выпущенная из ее «китовьей» шестидесятипятки стрела преодолевала расстояние в двести футов за время между двумя ударами сердца, а на ста шагах сохраняла силу, вполне достаточную, чтобы запросто уложить оленя. Человека же, если он был без лат, прошивала насквозь. На зверя крупнее оленя и на тяжеловооруженных людей Мильва охотилась редко.

Бабочка улетела. Зяблики по-прежнему шебуршились в кустах. И по-прежнему ничто не выходило на выстрел. Мильва оперлась бёдром о ствол сосны и принялась вспоминать. Так просто, чтобы убить время.

Впервые она встретилась с ведьмаком в июле, через две недели после событий на острове Танедд и начала войны в Доль Ангре. Мильва возвращалась в Брокилон после почти двадцатидневного отсутствия. Она привела остатки команды скоя'таэлей, разгромленной в Темерии, когда белки пытались пройти на территорию охваченного войной Аэдирна. Команда думала присоеди-

ниться к восстанию, поднятому эльфами в Доль Блатанна. Им не повезло. Если б не Мильва, с ними было бы покончено. Но они нашли Мильву и убежище в Брокилоне.

Сразу по приезде она узнала, что в Коль Серрае ее срочно ждет Аглайиса. Мильва немного удивилась Аглайиса стояла во главе брокилонских целительниц, а глубокая, богатая горячими источниками и пещерами котловина Коль Серрая была местом лечебниц.

Однако она откликнулась на вызов, думала, речь идет о каком-нибудь лечащемся эльфе, который хочет с ее помощью связаться со своей командой. Увидев же раненого ведьмака и узнав, в чем дело, прямо-таки взбеленилась. Выскочила из грота с развевающимися волосами и все возмущение выместила на Аглайисе.

— Он меня видел! Видел мое лицо! Ты понимаешь, чем мне это грозит?

— Нет, не понимаю, — холодно ответила целительница. — Это Gwynbleidd, ведьмак. Друг Брокилона. Он здесь с новолуния. Уже четырнадцать дней. И пройдет еще какое-то время, прежде чем он сможет встать и нормально ходить. Ему нужны вести из мира, вести о его близких. Доставить их можешь только ты.

— Вести из мира? Да ты в своем уме, духобаба?! Ты хоть знаешь, что творится сейчас на свете за границами твоего спокойного леса? В Аэдирне — война! В Бругге, в Темерии и в Редании неразбериха, великая ловитва! За теми, кто поднял восстание на Танедде, гоняются повсюду. Кругом полным-полно шпионов и ан'гиваров. Хватит одного слова, достаточно губы скри-

вить где не надо, и уже палач в яме тебя каленым железом припшарит. И что, мне идти на разведку, выпытывать, известия собирать? Шею подставлять? И ради кого? Ради какого-то паршивого ведьмака? Он мне что, брат, сват? Нет, ты точно разума лишилась, Аглайиса!

— Ежели ты намерена и дальше орать, — спокойно прервала дриада, — то идем подальше в лес. Ему нужен покой.

Мильва невольно оглянулась на выход из грота, в котором только что видела раненого. «Хорош парень, — невольно подумала она. — Правда, худ, кожа да кости... Башка белая, но живот плоский, словно у парнишки, — видать, труд ему друг, а не солонина с пивом...»

— Он был на Танедде, — отметила, не спросила она. — Бунтовщик.

— Не знаю, — пожала плечами Аглайиса. — Раненый. Нуждается в помощи. До остального мне дела нет.

Мильва отмахнулась. Целительница славилась нелюбовью к болтовне. Но Мильва успела наслушаться сообщений дриад с восточных границ Брокилона, знала уже все о событиях двухнедельной давности. О рыжеволосой чародейке, явившейся одновременно с магической вспышкой в Брокилон, о калеке со сломанными рукой и ногой, которого она притащила в лес и который оказался ведьмаком, гвинблейддом, Белым Волком, как его называли дриады.

Вначале, рассказывали дриады, не известно было, что делать. Заляпанный кровью ведьмак то кричал, то

терял сознание. Аглайиса делала ему временные перевязки, чародейка ругалась. И плакала. В последнее Мильва совершенно не верила — кто-нибудь хоть раз видел плачущую чародейку? А потом пришел приказ из Дуэн Канэлль, от Среброглазой Эитнэ, владычицы Брокилона. Чародейку отпустить. Ведьмака лечить.

И его лечили. Мильва видела. Он лежал в гроте, в дохане, полной воды из волшебных брокилонских источников, его укрепленные в шинах и на вытяжках конечности были опутаны плотным покровом из лечебных вьюнов конинхаэли и побегов пурпурного окопника. Волосы белые, ровно молоко. Он был в сознании, хотя те, кого лечили конинхаэлью, обычно чуть ли не трупом валяются, бредят, их устами говорит магия...

— Ну? — Невыразительный голос целительницы вырвал ее из задумчивости. — Так как? Что ему сказать?

— Чтобы шел ко всем чертям, — проворчала Мильва, поправляя оттянутый кошелем и охотничьим ножом пояс. — И ты туда же, Аглайиса.

— Твоя воля. Я не принуждаю.

— Верно. И не принудишь.

Она не оглядываясь пошла в лес меж редких сосен. Она была зла.

О ночных событиях на острове Танедд в первое июльское новолуние Мильва знала из бесконечных разговоров скоя'таэлей.

Во время Большого Сбора чародеев на острове вспыхнул мятеж, пролилась кровь, полетели головы. Армия Нильфгаарда как по сигналу ударила на Аэдирн

и Лирию, началась война. А в Темерии, Редании и Каэдвене все сосредоточилось на белках. Во-первых, потому что, кажется, взбунтовавшимся чародеям на Танедде пришла на помощь команда скоя'таэлей. Во-вторых, потому что вроде бы какой-то то ли эльф, то ли полуэльф кинжалом прикончил Визимира, реданского короля. Повсюду бурлило, словно в котле. Кровь эльфов текла рекой...

«Да, — подумала Мильва, — может, и верно болтают жрецы, мол, конец света и судный день уж рядом. Мир в огне, человек не только эльфу волк, но и человеку, брат на брата с ножом идет... А ведьмак лезет в политику и пристает к бунтовщикам. Ведьмак, который только для того существует, чтоб по миру болтаться и вредящих людям монстров кончать. Сколь существует мир, ведьмаки никогда не давали себя втянуть ни в политику, ни в войны. Недаром же сказывают сказку о глупом короле, который хотел ситом воду носить, зайца гонцом сделать, а ведьмака воеводой посадить. А тут, нате вам, ведьмак в мятеже супротив короля пострадал, в Брокилоне от кары хорониться вынужден. Нет, и впрямь конец света пришел. Точно!»

— Здравствуй, Мария.

Мильва вздрогнула. У стоящей при сосне дриады глаза и волосы были цвета серебра. Заходящее солнце окружало ее голову кроваво-красным ореолом на фоне пестрой стены леса. Мильва опустилась на одно колено, низко склонила голову.

— Здравствуй, госпожа Эитнэ.

Владычица Брокилона засунула за лыковый поясок золотой ножик в форме серпа.

— Встань. Пройдемся. Хочу с тобой поговорить.

Они долго шли по заполненному тенями лесу, маленькая сребровлосая дриада и высокая девушка с мышиными волосами. Ни та, ни другая не прерывали молчания.

— Давно ты не заглядывала в Дуэн Канэлль, Мария, — сказала наконец дриада.

— Времени не было, госпожа Эитнэ. До Дуэн Канэлли от Ленточки долгая дорога, а я... Ты же знаешь.

— Знаю. Устала?

— Эльфам нужна помощь. Ведь я помогаю им по твоему приказу.

— По моей просьбе.

— Во-во. По просьбе.

— Есть у меня еще одна.

— Так я и думала. Ведьмак небось?

— Помоги ему.

Мильва остановилась, отвернулась, резким движением отломила зацепившуюся за платье веточку жимолости, повертела в пальцах, кинула на землю.

— Уже полгода, — сказала она тихо, глядя в серебристые глаза дриады, — я рискую головой, провожу в Брокилон эльфов из разгромленных команд. А как токо передохнут, раны подлечат, вывожу обратно... Мало тебе? Недостаточно я сделала? Каждое новолуние темной ночью на тракт отправляюсь... Солнца уже боюсь, ровно летучая мышь или сова какая...

— Никто не знает лесных тропок лучше тебя.

— В дебрях мне не узнать ничего. Ведьмак вроде бы хочет, чтобы я вести собирала, к людям пошла. Это бунтовщик, на его имя у ан'гиваров уши наставлены. Мне самой никак невозможно в городах показываться. А вдруг кто распознает? Память о том еще жива, не засохла еще та кровь... А много было тогда крови, госпожа Эитнэ, ох, много.

— Немало. — Серебристые глаза пожилой дриады были чужими, холодными, непроницаемыми. — Немало, правда твоя.

— Если меня узнают, на кол натянут.

— Ты осмотрительна... Ты осторожна и внимательна.

— Чтобы добыть сведения, о которых просит ведьмак, надо забыть об осторожности. Надо расспрашивать. А сейчас любопытствовать опасно. Если меня схватят...

— У тебя есть контакты.

— Умучают. Заистязают. Либо сгноят в Дракенборге...

— Ты — мой должник.

Мильва отвернулась, закусила губу.

— Да, должник, — сказала она горько. — Не забыть.

Она прикрыла глаза, лицо вдруг сморщилось, губы дрогнули, зубы стиснулись сильнее. Под веками призрачным, лунным светом той ночи бледно забрезжило воспоминание. Неожиданно вернулась боль в щиколотке, схваченной ременной петлей, боль в выворачиваемых суставах. В ушах загудели листья резко распрямляющиеся деревья... Крик, стон, дикое, сумасшедшее мелькание и жуткое чувство охватившего ее страха, когда она поняла, что ей не освободиться... Крик и страх, скрип веревки, раскачивающиеся тени, неестественная, перевернутая земля, перевернутое небо, деревья с перевернутыми кронами, боль, бьющаяся в висках кровь... А на рассвете — дриады, вокруг, веночком... Далекий серебристый смех... Куколка на веревочке! Дергайся, дергайся, куколка, головкой книзу... И ее собственный, но чужой визгливый крик. А потом тьма.

— Да, должник. Конечно, — повторила она сквозь стиснутые зубы. — Да, конечно, я же висяк, снятый с веревки. Похоже, пока я жива, мне с этим долгом не расплатиться.

— У каждого свой долг, — сказала Эитнэ. — Такова жизнь, Мария Барринг. Долги и кредиты, обязательства, благодарности, расплаты. Что-то кому-то должен сделать. А может, себе самой? Ведь если по правде, то каждый всегда расплачивается с самим собой, а не с кем-то. Любой долг мы выплачиваем себе самим. В каждом из нас сидит кредитор и должник одновременно. Главное — уравновесить этот счет. Мы приходим в мир как частица данной нам жизни, а потом все время только и знаем, что расплачиваемся за это. С самим собою. Для того, чтобы в конце концов сошелся баланс.

— Тебе дорог этот человек, госпожа Эитнэ? Этот... ведьмак?

— Дорог. Хоть он и сам этого не знает. Возвращайся в Коль Серрай, Мария Барринг. Иди к нему. И сделай то, о чем я прошу.

* * *

В котловинке хрустнул хворост, скрипнула ветка. Громко и зло прозвучал крик сороки, взлетели зяблики, мелькнув белыми правильными перышками. Мильва затаила дыхание. Наконец-то!

«Чек-чек, — крикнула сорока. — Чек-чек-чек». Снова скрипнула ветка.

Мильва поправила вытертый до блеска, на славу послуживший кожаный наплечник на правом предплечье, вложила кисть руки в прикрепленную к грифу лука петлю. Вынула стрелу из плоского колчана на бедре. Автоматически, по привычке проверила острие и оперение. Стержни стрел она покупала на ярмарках, выбирая в среднем одну из десятка предложенных, но перья прилаживала всегда сама. У большинства готовых стрел были слишком короткие воланы и укреплены они были по оси стрелы; а Мильва пользовалась исключительно стрелами со спиральными воланами длиною не менее пяти дюймов.

Она наложила стрелу на тетиву и уставилась на выход котловинки, в зеленеющее между стволами пятно барбариса, отягощенного гроздьями красных ягод.

Зяблики улетели недалеко и снова принялись теньтенькать. «Ну иди же, козочка, — подумала Мильва, приподнимая и натягивая лук. — Иди. Я готова».

Но косули пошли по балке в сторону болотца и источников, питающих ручьи, впадающие в Ленточку. Из котловинки вышел козел. Стройный, на глаз фунтов сорока весом. Он поднял голову, застриг ушами, потом повернулся к кустам, сорвал ветку.

Стоял он удачно — задом. Если б не ствол, заслонявший цель, Мильва выстрелила бы, не раздумывая. Даже попав в живот сзади, стрела прошила бы его и добралась до сердца, печени или легких. Попав в бедро, она рассекла бы артерию, животное тоже должно было бы вскоре пасть. Мильва ждала, не освобождая тетивы.

Козел снова поднял голову, сделал шаг, вышел из-за ствола и слегка повернулся. Мильва, удерживая тетиву в полном натяжении, мысленно выругалась. Выстрел в переднюю часть тела был нежелателен: наконечник вместо легкого мог угодить в живот. Она ждала, сдерживая дыхание, уголком губ чувствуя соленый привкус тетивы. Это было еще одно большое, прямо-таки неоценимое достоинство ее лука — пользуйся она более тяжелым или не столь тщательно изготовленным оружием, она не смогла бы так долго держать его в натяжении, не рискуя утомить руку и снизить точность выстрела.

К счастью, козел наклонил голову, сорвал выступающую из мха траву и повернулся боком. Мильва спокойно вздохнула, прицелилась в область легкого и мягко отпустила тетиву.

Однако ожидаемого звука ломаемого наконечником ребра она не услышала. Козел подпрыгнул, взвизгнул и скрылся, сопровождаемый хрустом сухих веток и шумом листьев.

Несколько ударов сердца Мильва стояла неподвижно, окаменевшая, словно мраморная статуя лесной русалки. Лишь когда все звуки утихли, она отвела правую руку от щеки и опустила лук. Отметив в памяти, куда побежало животное, спокойно села и оперлась спиной

о ствол. Она была опытной охотницей, браконьерствовала в господских лесах с малых лет, первую косулю уложила, когда ей было одиннадцать, первого четырнадцатилетнего оленя — по невероятному охотничьему везению — в день своего четырнадцатилетия. А опыт говорил, что никогда не следует спешить за подстреленным животным. Если попала хорошо, козел должен пасть не больше чем в двухстах шагах от устья котловинки. Если попала хуже — поспешность могла испортить дело. Неудачно подстреленное животное, если его не беспокоить, после панического бегства немного успокоится и пойдет тише. Если же его преследовать и пугать, оно будет мчаться сломя голову и остановится, лишь когда вымотается вконец.

Так что в распоряжении у Мильвы было никак не меньше получаса. Она прикусила сорванный стебелек и снова задумалась. Вспоминала.

Когда через двенадцать дней она вернулась в Брокилон, ведьмак уже ходил. Слегка прихрамывал и немного тянул бедро, но ходил. Мильва не удивилась — она знала о чудесных целительных свойствах лесной воды и травы, именуемой конинхаэлью. Знала также способности Аглайисы, неоднократно была свидетельницей прямо-таки мгновенного исцеления раненых дриад. А слухи о невероятной выносливости и стойкости ведьмаков тоже, видать, не были высосаны из пальца.

Она не пошла в Коль Серрай сразу по прибытии, хоть дриады напоминали, что Gwynbleidd нетерпеливо

ждал ее возвращения. Она тянула умышленно, все еще недовольная поручением, намеренно показывала, что сначала должна была провести в лагерь эльфов из очередной команды белок. Пространно рассказала обо всем случившемся в пути, сказала дриадам о том, что люди блокируют границу вдоль Ленточки. Лишь когда ей напомнили в третий раз, она искупалась, переоделась и отправилась к ведьмаку.

Он ждал на опушке, там, где росли кедры. Прохаживался, время от времени приседал, пружинисто выпрямлялся. Видимо, Аглайиса назначила ему упражнения.

— Какие вести? — спросил он сразу же, как только они поздоровались. Холод в его голосе ее не обманул.

— Война, пожалуй, идет к концу, — ответила она, пожав плечами. — Нильфы, говорят, вконец разгромили Лирию и Аэдирн. Вердэн не поддался, и король Темерии заключил союз с нильфгаардским императором. Эльфы в Долине Цветов собственное государство заложили. А вот скоя'таэли из Темерии и Редании туда не ушли. Продолжают биться...

— Я не об этом.

— Нет? — Она изобразила удивление. — Ах, верно. Да, заглянула я в Дорьян, как ты просил, хоть и пришлось хороший крюк сделать. А тракты нынче опасны.

Она оборвала, потянулась. На этот раз он ее не торопил.

— Слушай, а этот Кодрингер, — наконец спросила она, — которого ты велел навестить, был твоим другом?

Лицо ведьмака не дрогнуло, но Мильва знала, что он понял с полуслова.

— Нет. Не был.

— Это хорошо, — облегченно вздохнула она. — Потому как его уже среди живых нет. Сгорел вместе со своим домом, осталась вроде бы труба и половина передней стены. Весь Дорьян гудом гудит от слухов. Одни болтают, что Кодрингер занимался чернокнижничеством и яды варил, что у него с дьяволом уговор был, так что чертов огонь его поглотил. Другие говорят, мол, сунул он, как обычно, нос и пальцы не в ту дырку. А кому-то это не понравилось, вот его и укокошили и огонь подкинули, чтоб следы замести. А ты как думаешь?

Ни ответа, ни эмоций на посеревшем лице ведьмака она так и не дождалась. Поэтому продолжала, сохраняя язвительный и грубоватый тон:

— Интересно, что пожар и погибель Кодрингера случились в первое июльское новолуние, точно как мятеж на Танедде. Ну, прямо так, будто б кто догадался, что как раз Кодрингер знает чего-то о бунте и его станут выпытывать о подробностях. Будто кто-то хотел ему заране рот зашнуровать навеки, язык удержать. Что на это скажешь? Э, вижу, ничего! Ишь, неразговорчивый какой! Тода я тебе скажу: опасное твое дело, все это твои вынюхивания да расспрашивания. Может, кто-нито еще и другие рты и уши, кроме кодрингеровых, захочет прикрыть. Так я думаю.

— Прости, — сказал он, немного помолчав. — Ты права. Я подверг тебя риску. Это было слишком опасное задание для...

— Для девки, верно? — Она дернула головой, резким движением отбросила с плеча все еще влажные волосы. — Это, что ль, ты хотел сказать? Тоже мне, фрайер сыскался! Заруби себе на носу, что хоть я и сидя отливаю, все равно мой кафтан не зайцем, а волком оторочен! Не шей мне труса, ты меня не знаешь!

— Знаю, — сказал он тихо и спокойно, не прореагировав на ее злость и повышенный тон. — Ты — Мильва. Водишь сквозь облавы в Брокилон белок. Мне известно твое мужество. Но я легкомысленно и себялюбиво подверг тебя риску...

— Дурень! — грубо оборвала она. — О себе беспокойся, не обо мне. О девчонке беспокойся!

Она насмешливо улыбнулась, потому что на этот раз лицо у него изменилось. Она намеренно помолчала, ожидая дальнейших вопросов.

— Что тебе известно? — наконец спросил он. — И от кого?

— У тебя — Кодрингер, — фыркнула она, заносчиво подняв голову. — У меня свои знакомцы. Такие, у которых быстрые глаза и чуткие уши.

— Говори, Мильва. Пожалуйста.

— После заварушки на Танедде, — начала она, переждав секунду, — закипело повсюду. Ловля предателей началась. Особливо тех чародеев, которые за Нильфгаардом пошли, как и других продажных... Некоторых поймали. Другие канули, будто камень в воду. Не надо большого ума, чтобы угадать, куда они подались, под чьими перьями спрятались. Но охотились не токо на чародеев и предателей. В мятеже на Танедде

взбунтовавшимся чародеям помогала команда белок, ими известный Фаоильтиарна верховодил. Ищут его. Отдан приказ кажного схваченного эльфа пытать, о команде Фаоильтиарны выспрашивать.

— Кто он, Фаоильтиарна этот?

— Эльф, скоя'таэль. Мало кто людям в печенку залез, как он. Большая цена за его голову назначена. Но ищут не только его. Ищут еще какого-то нильфгаардского рыцаря, что на Танедде был. И еще...

— Ну, говори.

— Ан'гивары о ведьмаке по имени Геральт из Ривии выспрашивают. И о девушке по имени Цирилла. Этих двух велено живьем брать. Под страхом смерти у их обоих волос с головы упасть не должен, пуговицу с платья сорвать не имеют права. Хо! Здорово же ты, видать, мил их сердцу, коли так о твоем здоровье пекутся...

Она осеклась, увидев выражение его лица, с которого мгновенно сползло нечеловеческое спокойствие. Поняла, что хоть и старалась, но не сумела нагнать на него страха. Во всяком случае, не за его собственную шкуру. Неожиданно ей стало стыдно.

— Ну, с этим преследованием-то они впустую шебуршатся, — сказала она уже мягче, но все еще с чуть насмешливой ухмылкой на губах. — Ты в Брокилоне в безопасности. Да и деваху они тоже живой не получат. Когда они развалины на Танедде да на магической башне, которая обвалилась, перелопачивали... Эй, что с тобой?

Ведьмак покачнулся, оперся о кедр, тяжело опустился рядом с деревом. Мильва отскочила, напуганная бледностью, которая вдруг покрыла его лицо.

— Аглайиса! Сирисса! Фаувэ! Ко мне, живо! У, хрен чертов, помирать он, что ль, собрался! Эй ты, ведьм!

— Не зови их... Со мной все в порядке... Говори... Я хочу знать.

Мильва вдруг поняла.

— Ничего они в развалинах не нашли! — крикнула она, чувствуя, как тоже бледнеет. — Ничего! Хоть кажный камень осмотрели и волшебствовали — ничего не нашли...

Она смахнула испарину со лба, жестом остановила сбежавшихся на крик дриад. Схватила ведьмака за плечи, наклонилась над ним так, что ее длинные светлые волосы упали ему на побледневшее лицо.

— Ты неверно понял, — быстро, нескладно повторяла она, с трудом отыскивая нужные слова в толчее тех, которые так и рвались на язык. — Я токо хотела сказать, что... Ты неверно меня понял. Ведь я... ну, откуда мне было знать, что ты аж так... Я не так хотела. Я токо о том, что девушка... Что ее не найдут, потому как она бесследно исчезла, все одно как те чародеи... Прости.

Он не ответил. Глядел в сторону. Мильва закусила губу, сжала кулаки.

— Через три дня я уезжаю из Брокилона, — сказала она тихо после долгого, очень долгого молчания. — Как токо месяц пойдет на ущерб и ночки малость темнее станут. Через десять дней вернусь, может, раньше. Сразу после Ламмаса, в первых днях августа. Не волнуйся. Землю перерою, но дознаюсь для тебя обо всем. Ежели кто хоть что-нибудь знает о той девочке, ты тоже будешь знать.

— Спасибо, Мильва.

— Через десять дней... Gwynbleidd.

— Меня зовут Геральт, — протянул он руку.

Она пожала, не задумываясь. Крепко.

— Меня зовут Мария Барринг.

Кивком и тенью улыбки он поблагодарил за откровенность, она знала, что он это оценил.

— Будь осторожна, прошу тебя. Задавая вопросы, смотри, кому задаешь.

— За меня не беспокойся.

— Твои информаторы... Ты им доверяешь?

— Я никому не доверяю.

— Ведьмак в Брокилоне. У дриад.

— Так я и думал. — Дийкстра скрестил руки на груди. — Но хорошо, что подтвердилось.

Он немного помолчал. Леннеп облизнул губы. Он ждал.

— Хорошо, что подтвердилось, — повторил шеф тайных служб королевства Редании, задумавшись так, словно говорил сам с собой. — Всегда лучше, когда уверен. Эх, если б еще оказалось, что Йеннифэр... Чародейка не с ним, Леннеп?

— Простите. — Разведчик вздрогнул. — Нет, светлейший господин. Нет. Что прикажете? Если хотите получить живьем, я выманю его из Брокилона. А ежели вам милее мертвяк...

— Леннеп, — Дийкстра поднял на агента холодные бледно-голубые глаза, — не надо усердствовать.

В нашем деле излишнее усердие не оправдывается. Зато всегда подозрительно.

— Господин, — слегка побледнел Леннеп, — я только...

— Знаю. Ты только спросил, что я прикажу. Приказываю: оставь ведьмака в покое.

— Слушаюсь. А как с Мильвой?

— И ее тоже. Пока что.

— Слушаюсь. Можно идти?

— Иди.

Агент вышел, осторожно и тихонечко притворив за собой дубовую дверь комнаты. Дийкстра долго молчал, уставившись в наваленные на столе карты, письма, доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

— Ори.

Секретарь поднял голову, откашлялся. Молчал.

— Ведьмак в Брокилоне.

Ори Ройвен снова кашлянул. Невольно глянул под стол, на ноги шефа.

— Точно. Этого я ему не забуду, — буркнул тот. — Две недели не мог из-за него ходить. Опозорился перед Филиппой. Словно пес скулил и вымаливал у нее чертовы чары, иначе хромал бы до сих пор. Ну что ж, сам виноват, недооценил его. Хуже всего, что не могу ему сейчас отплатить, добраться до его ведьмачьей задницы! У самого времени нет, а использовать в личных интересах моих людей не могу. Ведь верно, Ори, не могу?

— Кхе, кхе...

— Нечего покашливать. Сам знаю. Эх, черт побери, как же власть развращает! Как искушает вос-

пользоваться ею! Как легко забыться, когда она у тебя есть! Но стоит забыться раз, конца не видать... А что, Филиппа Эйльхарт все еще сидит в Монтекальво?

— Да.

— Бери перо и чернила. Продиктую письмо к ней. Пиши... А, черт, никак не сосредоточусь. Что там за крики, Ори? Что там творится на площади?

— Жаки закидывают камнями резиденцию нильфгаардского посла. Мы им за это, кхе, кхе, заплатили. Мне кажется.

— Ага. Ну, ладно. Прикрой окно. Завтра пусть идут забрасывать камнями филиал банка краснолюда Джианкарди. Он отказался открыть мне счет.

— Джианкарди, кхе, кхе, перечислил значительные суммы в военный фонд.

— Да? Тогда пусть закидывают те банки, которые не перечислили.

— Все перечислили.

— Ну и нуден же ты, Ори. Пиши, говорю. «Милейшая Филь, свет очей моих...» Черт, постоянно забываю. Возьми новый лист. Готов?

— Так точно, кхе, кхе...

— «Дорогая Филиппа. Трисс Меригольд, вероятно, тоскует по ведьмаку, которого телепортировала с Танедда в Брокилон, делая из этого факта глубокую тайну даже от меня, что меня жестоко огорчило. Успокой ее. Ведьмак уже чувствует себя хорошо. Начал посылать из Брокилона эмиссарок с заданием искать следы княжны Цириллы, мазельки, которая тебя так интересует. Наш друг Геральт явно не знает, что

Цирилла пребывает в Нильфгаарде, где готовится к браку с императором Эмгыром. Мне хотелось бы, чтобы ведьмак спокойно сидел в Брокилоне, поэтому я постараюсь, дабы это известие дошло до него». Написал?

— Кхе, кхе, дошло до него.

— С новой строки. «Меня интересует...» Ори, вытри перо, черт побери! Мы ведь Филиппе пишем, не в королевский совет. Письмо должно выглядеть эстетично! С новой строки. «Меня интересует, почему ведьмак не ищет контактов с Йеннифэр. Не хочется верить, что такая граничащая с помешательством страсть столь неожиданно угасла, вне зависимости от политических пристрастий его идеала. Прости за невольный каламбур. С другой стороны, если окажется, что именно Йеннифэр доставила Цириллу Эмгыру и если найдутся тому доказательства, я с удовольствием споспешествовал бы тому, чтобы эти доказательства попали ведьмаку в руки. Проблема разрешилась бы сама собой, в этом я уверен, а вероломная черноволосая красотка потеряла бы покой. Ведьмак не любит, когда кто-нибудь прикасается к его девчушке. Артауд Терранова однозначно убедился в этом на Танедде. Хотелось бы верить, Филь, что у тебя нет доказательств предательства Йеннифэр и ты не знаешь, где она скрывается. Мне было бы ужасно неприятно, если б оказалось, что это очередной от меня секрет. У меня от тебя нет тайн...» Ты почему хихикаешь, Ори?

— Так просто, кхе, кхе.

— Пиши! «У меня нет от тебя тайн, Филь, и я рассчитываю на взаимность. Остаюсь с глубоким уважением», ну и т.д. и т.п. Давай подпишу.

Ори Ройвен посыпал письмо песочком. Дийкстра уселся поудобнее, завертел мельницу пальцами сплетенных на животе рук.

— А Мильва, которую ведьмак посылает на слежку, — проговорил он. — Что можешь о ней сказать?

— Она, кхе, кхе, — кашлянул секретарь, — занимается переброской в Брокилон групп скоя'таэлей, разбитых темерскими войсками. Выводит эльфов из облав и котлов, обеспечивает им отдых и возможность формировать новые боеспособные команды...

— Не ублажай меня общедоступными сведениями, — прервал Дийкстра. — Деятельность Мильвы мне известна. Кстати, я собираюсь ее использовать. Если б не это, я давно бы кинул ее на сожрание темерцам. Что ты можешь сказать о ней самой? О Мильве, как таковой?

— Родилась она, мне кажется, в какой-то захудалой деревушке в Верхнем Соддене. Вообще-то ее зовут Мария Барринг. Мильва — прозвище, которое ей дали дриады. На Старшей Речи означает...

— Знаю. Каня — Коршун, — прервал Дийкстра. — Дальше.

— В роду с незапамятных времен — охотники. Лесные люди, запанибрата с дебрями. Когда сына старого Барринга затоптал сохатый, старик выучил лесному ремеслу дочку. Когда он умер, мать снова вышла замуж. Кхе, кхе... Мария не ладила с отчимом

и сбежала из дома. Тогда, мне кажется, ей было шестнадцать лет. Отправилась на север, жила охотой, но баронские лесничие не давали ей житья, преследовали и травили, словно зверя. Тогда она принялась браконьерствовать в Брокилоне, и там, кхе, кхе, на нее напали дриады.

— И вместо того чтобы прибить, пригрели, — буркнул Дийкстра. — Признали своей... А она отблагодарила. Стакнулась с брокилонской ведьмой, со старой Среброокой Эитнэ. Мария Барринг умерла, да здравствует Мильва!.. Сколько раз она ходила, прежде чем люди из Вердэна и Керака спохватились? Три?

— Кхе, кхе... Четыре, мне кажется... — Ори Ройвену постоянно что-то казалось, хотя память у него была безупречная. — Всего было что-то около сотни человек, тех, что особенно рьяно охотились за духобабьими скальпами. И долго они не могли сообразить, потому что время от времени Мильва кого-нибудь из них выносила из бойни на своем горбу, а уцелевший до небес восхвалял ее мужество. Только после четвертого раза, в Вердэне, мне кажется, кто-то хватил себя по лбу. Как же так получается, кхе, кхе, что провожатая, которая людей против духобаб сзывает, сама всякий раз живьем уходит? И вылезло шило из мешка, поняли людишки, что провожатая-то ведет, да только в западню, прямо под стрелы поджидающих в засаде дриад...

Дийкстра отодвинул на край стола протоколы с допросами. Ему почудилось, что пергамент все еще воняет камерой пыток.

— И тогда, — догадался он, — Мильва исчезла в Брокилоне, словно сон златой. Но до сих пор в Вердэне трудно сыскать охотника ходить на дриад. Старая Эитнэ и юная Коршунка проделали недурственную работенку. И после этого они еще осмеливаются утверждать, будто провокации — наше, человеческое изобретение. А может...

— Кхе, кхе? — закашлялся Ори Ройвен, удивленный оборванной фразой и затянувшимся молчанием шефа.

— А может, наконец-то начали учиться у нас, — докончил холодно главшпик, глядя на доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

Не увидев нигде следов крови, Мильва забеспокоилась. Вдруг вспомнила, что козел шагнул в тот момент, когда она выстрелила. Шагнул или собирался шагнуть — одно на одно выходило. Пошевелился, и стрела могла попасть в живот спереди. Мильва выругалась. Выстрел в живот, проклятие и позор для охотника! Неудача! Тьфу-тьфу, не повезло!

Она быстро подбежала к склону долинки, внимательно выискивая следы крови среди ежевики, мха и папоротника. Искала стрелу. Снабженная четырехгранным наконечником, наточенным так, что острия граней сбривали волоски на предплечье, стрела, выпущенная с пятидесяти шагов, должна была пробить козла навылет.

Наконец увидела, нашла и облегченно вздохнула. Трижды сплюнула, радуясь удаче. Напрасно опасалась, было даже лучше, чем она предполагала. Стрела не была обляпана клейким и вонючим содержимым желудка. Не было на ней и следов светлой, розовой и пенистой легочной крови. Весь стержень покрывал темный богатый пурпур. Стрела пронзила сердце. Мильве не надо было подкрадываться, ее не ожидал долгий поход по следам. Козел, несомненно, лежал мертвый в чаще, не больше чем в ста шагах от полянки, в том месте, которое ей укажет кровь. А получивший в сердце козел должен был, сделав пару прыжков, сильно кровоточить, так что след найдется.

Пройдя десяток шагов, она действительно нашла след и направилась по нему, снова погружаясь в мысли и воспоминания.

Данное ведьмаку обещание она выполнила. Вернулась в Брокилон даже раньше, чем думала, спустя пять дней после праздника жатвы, через пять дней после новолуния, начинающего у людей месяц август, а у эльфов Ламмас, седьмой, предпоследний savaed года.

На рассвете переправились через Ленточку она и пятеро эльфов из команды, которую она вела. Вначале было девять конных, но солдаты из Бругге все время преследовали их, а за три стоянки до реки нагнали и отстали только перед самой Ленточкой, когда в утреннем тумане на правом берегу замаячил Бро-

килон. Солдаты боялись Брокилона. Это спасло Мильву и эльфов. Они переправились. Исхудавшие, израненные. И не все.

У нее было для ведьмака известие, но, думая, что Gwinbleidd все еще находится в Коль Серрае, она собиралась пойти к нему только к обеду, выспавшись как следует. Поэтому сильно удивилась, когда он неожиданно возник из тумана, словно дух лесной. Молча присел рядом, глядя, как она устраивает себе лежанку, расстилает попону на куче веток.

— Ну тебя и принесло, — сказала она укоризненно. — Слушай, ведьмак, я с ног валюсь. День и ночь в седле, задницы не чувствую, а вымокла до пупка, потому как мы на заре словно волки через прибрежные ивняки продирались.

— Прошу тебя! Ты что-нибудь узнала?

— Узнала, — хмыкнула она, расшнуровывая и скидывая промокшие, упирающиеся сапоги. — Без особого труда, об этом кричат повсюду. Что ж ты не сказал, что твоя дева такая важная птица? Я-то думала, падчерица твоя, заморыш какой-нито, сирота, судьбой обиженная. А тут — глядь: цинтрийская княжна! Хо-хо! А может, и ты князь переодетый, а?

— Пожалуйста, говори.

— Не достанется уже твоя Цирилла королям, потому что, говорят, из Танедда прямиком в Нильфгаард сбежала. Не иначе как вместе с теми магиками, что королей предали. А в Нильфгаарде император Эмгыр ее с помпой принял. И знаешь, что? Навроде как оженится с ней надумал. А теперь дай мне отдохнуть Если хочешь, поговорим, когда высплюсь.

Ведьмак молчал. Мильва развесила мокрые онучи на разлапистой ветке, так, чтобы их достало восходящее солнце, дернула застежку пояса.

— Раздеться хочу, — буркнула она. — Ну, чего стоишь? Приятных-то сообщений, мнится мне, не ожидал? Ничего тебе не угрожает, никто о тебе не спрашивает, неинтересен ты стал шпикам. А твоя девица сбежала, слышь, от королей, императрицей будет...

— Сведения верные?

— Нонче ничего верного нету, — зевнула Мильва, присаживаясь на лежанке. — Разве что солнышко кажный день по небу с востока на закат плывет. А что болтают о нильфгаардском императоре и принцессе из Цинтры, то должно быть правдой, уж больно много разговоров о них.

— Откуда вдруг такой неожиданный интерес?

— А ты будто не знаешь? Как-никак она Эмгыру в приданое кус земли притащит. Слушай, да она ж и моей госпожой станет, потому как я ж из Верхнего Содлена, а весь Содден, оказывается, ее лен! Тьфу, ежели в ее лесах олененка уложу, а меня прихватят, то по ейному приказу и повесить могут... Ну и поганый же мир! Зараза, глаза у меня слипаются...

— Последний вопрос. Из тех чародеев... Ну, из тех чародеев, которые предали, кого-нибудь поймали?

— Нет. Но одна магичка, говорят, жизни себя лишила. Вскоре после того, как пал Венгерберг, а каэ-

двенские войска вступили в Аэдирн. Не иначе как с огорчения или со страха перед казнью...

— В группе, которую ты привела, были свободные лошади? Какую-нибудь эльфы мне дадут?

— Ага, в дорогу тебе не терпится, — проворчала Мильва, закутываясь в попону. — Думается, знаю куда...

Она замолчала, пораженная выражением его лица. Неожиданно поняла, что принесенное ею известие вовсе не было удачным. И тут вдруг сообразила, что ничего, ну ничегошеньки не понимает. Вдруг, неожиданно, как-то невзначай почувствовала потребность сесть с ним рядом, засыпать его вопросами, выслушать, узнать, быть может, что-то посоветовать. Она сильно потерла костяшкой указательного пальца уголок глаза. «Я устала, — подумала она. — Смерть всю ночь наступала мне на пятки. Мне необходимо отдохнуть. В конце концов, какое мне дело до его горестей и печалей? Какое мне вообще до него дело? И до той девчонки? К чертовой матери и его, и ее! Зараза, из-за всего этого совсем сон пропал...»

Ведьмак встал.

— Так дадут мне лошадь? — повторил он.

— Бери любую. Только не лезь эльфам на глаза. Потрепали нас на переправе, окровавили... А вороного не тронь. Мой он, вороной-то... Ну, чего стоишь?

— Спасибо за помощь.

Она не ответила.

— Я твой должник. Как мне расплачиваться?

— Как? Очень просто — уйди ты наконец! — крикнула она, приподнимаясь на локте и резко дернув

попону. — Я... Я выспаться должна! Бери коня... И езжай. В Нильфгаард, в пекло, ко всем чертям, мне все едино! Уезжай! Оставь меня в покое!

— За все, что задолжал, расплачусь, — тихо сказал он. — Не забуду. Может, когда-нибудь случится так, что тебе потребуется помощь. Опора. Плечи. Руки. Крикни тогда, крикни в ночь! И я приду.

Козел лежал на краю склона, губчатого от бьющих всюду родников, густо заросшего папоротником, вытянувшийся, с остекленевшим глазом, уставившимся в небо. Мильва видела огромных клещей, впившихся в его светло-льняное брюхо.

— Придется вам поискать себе кровушку в другом месте, стервецы, — буркнула она, засучивая рукава и доставая нож. — Эта уже остыла.

Ловкими и быстрыми движениями она вспорола кожу от грудины до анального отверстия, умело отделила слой жира, испачкав руки до локтей, отрезала пищевод, вывалила наружу внутренности. Взрезала желудок и желчный пузырь, ища безоары. В магические свойства безоаров она не верила, но хватало дурней, которые верили и платили за эти комочки свалявшейся шерсти.

Потом подняла козла и уложила на валявшийся неподалеку ствол распластанным животом к земле, чтобы кровь могла стекать. Вытерла руки пучком папоротников.

Села рядом с добычей.

— Спятивший, сумасшедший ведьмак. Псих, — сказала она тихо, вглядываясь в нависшие в ста футах

над ней кроны брокилонских сосен. — Отправляешься в Нильфгаард за своей девкой. Отправляешься на край света, который полыхает огнем, и даже не подумал о том, чтобы прихватить с собой провизии. Я знаю, тебе есть ради чего жить. А чего есть?

Сосны, конечно, не отвечали и не прерывали монолога.

— Я думаю так, — продолжала Мильва, выбирая ножом кровь из-под ногтей. — Нет у тебя ни одного шанса отыскать твою девицу. Ты не доберешься не то что до Нильфгаарда, а даже и до Яруги. Я думаю, не дойдешь даже до Соддена. Мнится мне, смерть тебе прописана. На твоей морде она выписана, из глаз твоих паскудных глядит. Достанет тебя твоя смерть, чокнутый ведьм, ох, быстро достанет. Ну, козлик мой не даст тебе помереть с голоду. А это тоже что-то! Так я думаю.

Видя входящего в зал аудиенций нильфгаардского вельможу, Дийкстра незаметно вздохнул. Шилярд Фиц-Эстерлен, посол императора Эмгыра вар Эмрейса, имел привычку вести разговоры на дипломатическом языке и обожал вплетать во фразы всяческие языковые диковинки, понятные только дипломатам и ученым. Дийкстра обучался в оксенфуртской академии и хоть не получил звания магистра, основы напыщенного университетского сленга знал. Однако пользовался им неохотно, ибо в глубине души терпеть не мог помпы и всяческих форм претенциозного церемониала.

— Приветствую вас, ваше превосходительство.

— Милостивый государь граф, — церемонно поклонился Шилярд Фиц-Эстерлен. — Ах, благоволите простить. Возможно, следовало бы сказать: светлейший князь? Ваше высочество регент? Ваше высокопревосходительство государственный секретарь? Клянусь честью, ваше высокопревосходительство, почести сыплются на вас таким градом, что, ей-богу, не знаю, как вас и титуловать, чтобы не нарушить протокола.

— Лучше всего будет: «Ваше королевское величество», — скромно ответил Дийкстра. — Вы же знаете, ваше превосходительство, что короля играет свита. И вам, думаю, не чужд тот факт, что стоит мне шепнуть: «Подскакивать!» — как третогорские дворяне немедля спрашивают: «Как высоко?»

Посол знал, что Дийкстра преувеличивает, но не так уж сильно. Принц Родовид был еще малолеткой, королева Гедвига пришиблена трагической смертью супруга, аристократия напугана, одурела, вся в склоках и разбилась на фракции. Фактически в Редании правил Дийкстра. Дийкстра мог запросто получить любой титул и государственный пост. Ему стоило только захотеть. Но Дийкстра не хотел. Ничего.

— Ваше высокопревосходительство изволили меня вызвать, — сказал, немного помолчав, посол, — минуя министра иностранных дел. Чему я обязан такой честью?

— Министр, — Дийкстра возвел очи горе, — отказался от своих функций по состоянию здоровья.

Посол сокрушенно покачал головой. Он прекрасно знал, что министр иностранных дел сидит в темнице, а будучи трусом и идиотом, несомненно, выдал

Дийкстре все о своем не вполне невинном флирте с нильфгаардской разведкой, как только увидел «инструментарий», любезно продемонстрированный ему перед началом допроса. Он знал, что сеть, организованная агентами Ваттье де Ридо, шефа императорской разведки, была разгромлена, и все нити оказались в руках Дийкстры. Знал также, что нити эти вели напрямую к его собственной персоне. Но его персона была под защитой дипломатического иммунитета, а обязанности посла принуждали его вести игру до конца. Тем более после странных зашифрованных инструкций, которые недавно прислали в посольство Ваттье и коронер Стефан Скеллен, имперский агент по специальным поручениям.

— Поскольку преемник министра иностранных дел еще не назначен, — продолжал Дийкстра, — на меня возложена малоприятная обязанность проинформировать вас, ваше превосходительство, что вы признаны в королевстве Реданском персоной нон грата.

Посол поклонился.

— Весьма сожалею, — сказал он, — что чреватые взаимным отзывом послов последствия вызваны проблемами, непосредственно не затрагивающими ни королевства Реданского, ни империи Нильфгаарда. Империя не предпринимала никаких враждебных Редании шагов.

— Если, конечно, не считать блокады устья Яруги и островов Скеллиге для наших кораблей и товаров. А также вооружения и поддержки банд скоя'таэлей.

— Это, ваше превосходительство, злостные инсинуации.

— А концентрация имперских сил в Вердэне и Цинтре? А рейды вооруженных банд на Содден и Бругге? Содден и Бругге — темерские протектораты, а мы, ваше превосходительство, в союзе с Темерией, так что нападение на Темерию — это нападение на нас. Остаются также проблемы, касающиеся непосредственно Редании: мятеж на острове Танедд и бандитское покушение на короля Визимира. И роль, которую империя сыграла в этих событиях.

— Quod attinet* инцидента на Танедде, — развел руками посол, — я не уполномочен высказывать свое мнение. Его императорскому величеству Эмгыру вар Эмрейсу чужды закулисные игры и сведе́ние личных счетов между вашими чародеями. Я весьма сожалею о том, что наши протесты относительно вашей пропаганды, всячески пытающейся навязать общественному мнению иной взгляд на вещи, дают исчезающе малый эффект. Пропаганды, распространяемой, позволю себе заметить, не без поддержки властей королевства Реданского.

— Ваши протесты поражают и безмерно удивляют меня, — улыбнулся Дийкстра. — Кстати, император отнюдь не скрывает, что при его дворе находится цинтрийская герцогиня, похищенная именно на Танедде.

— Цирилла, королева Цинтры, — с нажимом поправил Шилярд Фиц-Эстерлен, — была не похищена, но искала в империи убежища. Здесь нет ничего общего с инцидентом на Танедде.

— Серьезно?

---

* Что касается *(лат.)*.

— Инцидент на Танедде, — продолжал с каменной физиономией посол, — вызвал неудовольствие императора. А коварное покушение какого-то сумасшедшего на жизнь короля Визимира — его искреннее возмущение. Еще большее возмущение и отвращение вызывает распространяемая в обществе мерзкая сплетня о якобы скрывающихся в империи истинных подстрекателях названных преступлений.

— Изоляция истинных подстрекателей, — медленно проговорил Дийкстра, — положит конец сплетням. Будем надеяться. А их изоляция и восстановление справедливости — вопрос времени.

— Justitia fundamentum regnorum, — серьезно согласился Шилярд Фиц-Эстерлен. — A crimen horribilis non potest non esse punibile*. Ручаюсь, что его императорское величество также желает, чтобы стало так.

— Император в силах выполнить это желание, — как бы нехотя проговорил Дийкстра, скрещивая руки на груди. — Одна из вдохновительниц заговора, Энид ан Глеанна, до недавнего времени — чародейка, известная под именем Францеска Финдабаир, с императорского благословения разыгрывает из себя королеву марионеточного государства эльфов в Доль Блатанна.

— Его императорское величество, — холодно поклонился посол, — не может вмешиваться в дела Доль Блатанна, независимого государства, признанного всеми сопредельными.

* Правосудие — основа государства... А ужасные преступления не должны оставаться безнаказанными *(лат.)*.

— Но не Реданией. Для Редании Доль Блатанна — по-прежнему часть королевства Аэдирн. Хотя совместно с эльфами и Каэдвеном вы растащили Аэдирн по кускам, хоть от Лирии не осталось lapis super lapidem*, вы слишком поспешно вымарали эти королевства с карты мира. Слишком быстро и поспешно, ваше превосходительство. Однако сейчас не время и не место дискутировать на сей счет. Пусть себе Францеска Финдабаир пока что правит, истина и справедливость восторжествуют. А как с другими бунтовщиками и организаторами покушения на короля Визимира? Что с Вильгефорцем из Роггевеена, что с Йеннифэр из Венгерберга? Есть основания полагать, что после провала путча они сбежали в Нильфгаард.

— Уверяю вас, — поднял голову посол, — это не так. И если б такое случилось, ручаюсь, кара их не минует.

— Они виновны не перед вами, следовательно, не вам их карать. Искренность желания осуществить возмездие, являющееся, как ни говорите, fundamentum regnorum**, император Эмгыр докажет, выдав нам преступников.

— Нельзя отказать в справедливости вашему требованию, — признал Шилярд Фиц-Эстерлен, изобразив на лице смущенную улыбку. — Однако этих персон нет в империи, это primo***. Secundo****, если б они

* камня на камне *(лат.)*.
** основой государства *(лат.)*.
*** первое *(лат.)*.
**** второе *(лат.)*.

даже туда попали, то существует impediment*. Экстрадицию совершают по приговору суда, в данном случае вынесенному имперским советом. Надеюсь, вы, ваше превосходительство, не станете возражать, что разрыв Реданией дипломатических отношений — акт недружелюбный, и трудно рассчитывать на то, что Совет выскажется в пользу экстрадиции персон, ищущих убежища, если таковой экстрадиции домогается недружественное государство. Это был бы случай беспрецедентный. Разве что:..

— Что?

— Разве что создать такой прецедент?

— Не понимаю.

— Если б королевство Реданское согласилось выдать императору его подданного, арестованного у вас обыкновенного бандита, император и его Совет имели бы основания ответить взаимностью на такой жест доброй воли.

Дийкстра долго молчал, казалось, он дремлет или размышляет.

— О ком идет речь?

— Имя преступника... — Посол прикинулся, будто пытается вспомнить, потом открыл сафьяновую папочку с документами. — Простите, memoria fragilis est**... Ага, вот. Некий Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. За ним числятся немалые преступления. Он разыскивается за убийство, дезертирство, raptus puellae***, изнасилование,

* препятствие (*лат.*).
** память подводит (*лат.*).
*** похищение девочек (*лат.*).

воровство и подделку документов. Скрываясь от гнева императора, он сбежал за границу.

— В Реданию? Далекий же он выбрал путь.

— Ваше превосходительство, — слегка улыбнулся Шилярд Фиц-Эстерлен, — вы, насколько мне известно, не ограничиваете своих интересов только лишь Реданией. Мы ничуть не сомневаемся, что, если б преступник был схвачен в одном из союзных Редании королевств, вы, ваше превосходительство, знали б об этом из донесений своих многочисленных знакомых.

— Как, говорите, зовут преступника-то?

— Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

Дийкстра долго молчал, притворяясь, будто копается в памяти, наконец сказал:

— Нет, знаете ли, никого с подобным именем не арестовывали.

— Серьезно?

— Моя memoria в таких вопросах fragilis не бывает. Сожалею, ваше превосходительство.

— Взаимно, — холодно ответил Шилярд Фиц-Эстерлен. — Особенно сожалею, поскольку взаимная экстрадиция преступников при таких условиях представлялась бы осуществимой. Не смею дольше задерживать ваше внимание. Желаю здоровья и успехов.

— Взаимно. Прощайте, ваше превосходительство.

Посол вышел, проделав несколько весьма сложных церемониальных поклонов.

— Поцелуй меня в sempiternum meam, хитрец, — проворчал Дийкстра, скрещивая руки на груди. — Ори! Вылезай!

Красный от долго сдерживаемого кашля секретарь вышел из-за портьеры.

— Филиппа все еще торчит в Монтекальво?

— Да, кхе, кхе. И с нею госпожи Ло-Антиль, Меригольд и Мец.

— Через день-два может начаться война, через минуту вспыхнет граница на Яруге, а эти бабы заперлись в какой-то зачуханной развалюхе. Бери перо, пиши. «Возлюбленная Филь...» А, холера!

— Я написал: «Дорогая Филиппа».

— Прекрасно. Пиши дальше. «Возможно, тебе будет интересно узнать, что чудака в шлеме с перьями, который скрылся с Танедда столь же таинственно, сколь и появился, зовут Кагыр Маур Дыффин, он сын сенешаля Кеаллаха. Этого странного типа ищем не только мы, но, как выяснилось, и служба Ваттье де Ридо и люди того курвиного сына...»

— Госпожа Филиппа, кхе, кхе, не любит таких выражений. Я написал: «канальи».

— Пусть будет канальи... «этой канальи Стефана Скеллена. Ты знаешь не хуже меня, дорогая Филь, что разведслужбы империи активно разыскивают только тех агентов и эмиссаров, которые вызвали особое недовольство Эмгыра. Тех, которые вместо того чтобы выполнить приказ или сгинуть, предали и приказа не выполнили. Поэтому проблема выглядит достаточно странно, как-никак мы были уверены, что приказы, данные Кагыру, касались поимки княжны Цириллы и доставки ее в Нильфгаард». С новой строки. «Странные, но обоснованные подозрения, возникшие у меня в связи

с этим делом, а также довольно удивительные, но не лишенные смысла теории, которые у меня есть, я хотел бы обсудить с тобой один на один.

С выражением глубокого уважения et cetera, et cetera*...»

Мильва поехала на юг, прямо, не сворачивая, сначала по берегу Ленточки, через Выжиги, потом, переправившись через реку, по подмокшим ярам, покрытым мягчайшим ярко-зеленым ковром кукушкина льна. Она исходила из того, что ведьмак, не зная местности так хорошо, как она, не станет рисковать и не переправится на берег, занятый людьми. Срезав огромный, выпучившийся в сторону Брокилона изгиб реки, она вполне могла бы нагнать его в районе порогов Кеанн Трайс. Двигаясь быстро и не останавливаясь, могла даже перегнать.

Зяблики не ошибались, когда звенели. Небо на юге явно хмурилось. Воздух стал плотным и тяжелым, комары и мошкара сделались чертовски нахальными и настойчивыми.

Когда она спустилась в пойму, заросшую еще увешанным зелеными орехами орешником и голой, чернявой крушиной, почувствовала: она здесь не одна. Не услышала. Почувствовала. Знала — это эльфы.

Придержала коня, чтобы укрывшиеся в чаще лучники могли как следует ее рассмотреть. Затаила дыхание. В надежде, что терпения у них хватит.

* и т.д. и т.д. (*лат.*).

Над перекинутым через спину коня козлом бренчала муха.

Шелест. Тихий свист. Она просвистела в ответ. Скоя'таэли словно духи выглянули из зарослей, а Мильва только теперь вздохнула свободно. Она их знала. Они были из команды Коиннеаха Де Рео.

— Hael, — сказала она, слезая с коня. — Que'ss va?

— Ne'ss, — сухо ответил эльф, имени которого она не помнила. — Caemm.

Неподалеку на поляне расположились остальные. Их было не меньше тридцати, больше, чем во всей команде Коиннеаха. Мильва удивилась. Последнее время отряды белок скорее таяли, нежели росли. Встречавшиеся теперь команды были кучками истекающих кровью, взбудораженных, едва державшихся в седлах и на ногах голодранцев. Эта команда была другой.

— Cead, Coinneach, — поздоровалась она с приближающимся командиром.

— Ceadmil sor'ca.

Sor'ca. Сестренка. Так ее называли те, с которыми она была в дружбе, когда хотели выразить ей уважение и симпатию. Хотя они, как ни говори, были на многомного вим старше ее. Сначала она была для эльфов просто Dh'oine, человеком. Позже, когда она уже регулярно им помогала, стали называть ее Aen Woedbeanna, «девушка из леса». Еще позже, узнав лучше, стали на манер дриад именовать Мильвой, Коршуном. Ее настоящее имя, которое она выдавала только самым близким, отвечая взаимностью на подобные жесты с

их стороны, эльфам не нравилось, они выговаривали его как «Mear'ya» со слабой гримасой, словно оно ассоциировалось в их языке с чем-то неприятным. И сразу переходили на «sor'ca».

— Куда направляетесь? — Мильва взглянула внимательнсе, но по-прежнему не видела ни раненых, ни больных. — На Восьмую Версту? В Брокилон?

— Нет.

Слишком хорошо зная эльфов, она воздержалась от дальнейших расспросов. Ей достаточно было нескольких взглядов на неподвижные, застывшие лица, на преувеличенное, демонстративное спокойствие, с каким они приводили в порядок экипировку и оружие. Достаточно было внимательно заглянуть в глубокие, бездонные глаза, чтобы понять: они шли в бой.

Небо на юге темнело, затягивалось туманами.

— А ты куда направляешься, sor'ca, — спросил Коиннеах, потом быстро кинул взгляд на перевешенного через спину коня козла и слабо улыбнулся.

— На юг, — холодно сказала она, давая понять, что он ошибается. — К Дришоту.

Эльф перестал улыбаться.

— По человечьему берегу?

— По крайней мере до Кеанн Трайса, — пожала она плечами. — У порогов наверняка перейду на брокилонскую сторону, потому что...

Она обернулась, услышав храп коней. Новые скоя'таэли присоединились к команде, и без того уже необычно многочисленной. Новых Мильва знала еще лучше.

— Чиаран! — тихо вскрикнула она, не скрывая изумления. — Торувьель! Вы что тут делаете? Едва успела вывести вас в Брокилон, а вы снова...

— Ess'creasa, sor'ca, — серьезно сказал Чиаран аэп Деарб. Повязка, наложенная ему на голову, пропиталась кровью.

— Так надо, — повторила вслед за ним Торувьель, осторожно, чтобы не повредить висящей на перевязи руки, слезая с коня. — Пришли сообщения. Мы не можем сидеть в Брокилоне, когда на счету каждый лук.

— Если б я знала, — надула губы Мильва, — не стала б трудиться ради вас. Не подставляла бы шею на переправе.

— Известия поступили только вчера ночью, — тихо пояснила Торувьель. — Мы не могли... Мы не можем в такой момент оставить наших братьев по оружию. Не можем, пойми это.

Небо темнело все больше. На этот раз Мильва явно услышала далекий гром.

— Не езди на юг, sor'ca, — сказал Коиннеах Де Рео. — Идет буря.

— Что мне буря... — Она осеклась, внимательно глянула на него. — Ха! Так вот какие вести до вас дошли? Нильфгаардцы, да? Переправляются через Яругу в Соддене? Бьют на Бругге? Вот почему вы двинулись?

Он не ответил.

— Как в Доль Ангре, — заглянула она ему в темные глаза. — Снова нильфгаардский император использует вас, чтобы вы огнем и мечом творили замешательство на тылах людей. А потом император с королями мир заключит, а вас выгонят взашей. Сами же и сгорите в огне, который распалите.

— Огонь очищает. И закаляет. Сквозь него надо пройти. Aenyell'hael, all'ea, sor'ca? По-вашему: «крещение огнем».

— Мне мильше другой огонь. — Мильва толкнула козла и сбросила его на землю, под ноги эльфам. — Такой, что под котлом потрескивает. Берите, чтобы в походе с голоду не ослабнуть. Мне он уже ни к чему.

— Не поедешь на юг?

— Поеду.

«Поеду, — подумала она, — поеду быстро. Надо предупредить дурного ведьмака, упредить, в какую заварушку он прет. Надо его повернуть обратно».

— Не езди, sor'ca.

— Отстань, Коиннеах.

— С юга идет буря, — повторил эльф. — Идет страшная буря. И большой огонь. Схоронись в Брокилоне, сестренка, не езди на юг. Ты сделала для нас очень много, больше уже сделать не сможешь. И не должна... Мы — должны. Ess'tedd, esse creasa. Нам пора. Прощай.

Воздух был тяжелый и плотный.

Телепроекционное заклинание было очень сложным, произносить его надо было совместно, соединив руки и мысли. И даже тогда усилие оказалось чертовски большим. Да и расстояние было немалое. Стиснутые

веки Филиппы Эйльхарт дрожали, Трисс Меригольд тяжело дышала, на высоком лбу Кейры Мец выступила испарина. Только на лице Маргариты Ло-Антиль не заметно было утомления.

В скупо освещенной комнате вдруг сделалось очень светло, темные панели стен покрыла мозаика розблесков. Над круглым столом повис горящий молочным светом шар. Филиппа Эйльхарт докончила заклинание, и шар опустился напротив, на один из двенадцати стоящих вокруг стола стульев. Внутри шара возникла туманная фигура. Изображение дрожало, проекция была не очень стабильной. Но быстро становилась все четче.

— Дьявольщина, — буркнула Кейра, вытирая лоб. — Что они там, в Нильфгаарде, не знают ни гламарии, ни украшающих чар?

— Скорее всего нет, — ответила Трисс уголком губ. — О моде, пожалуй, тоже никогда не слышали.

— И ни о чем вроде макияжа, — тихо сказала Филиппа. — А теперь ша, девушки. И не глазейте на нее. Надо стабилизировать проекцию и поприветствовать нашу гостью. Поддержи меня, Рита.

Маргарита Ло-Антиль повторила формулу заклинания и жест Филиппы. Изображение несколько раз дрогнуло, утратило туманную шаткость, контуры и цвета обострились. Теперь чародейки могли получше рассмотреть фигуру, разместившуюся по противоположную сторону стола. Трисс закусила губу и многозначительно подмигнула Кейре.

У женщины в проекции было белое лицо с нездоровой кожей, неопределенные, невыразительные глаза,

тонкие губы и слегка кривоватый нос. На голове — странная конусовидная, немного помятая шляпа. Из-под мягких полей ниспадали темные, казавшиеся не очень чистыми волосы. Впечатление непривлекательности и неряшливости усиливалось черной, свободной и бесформенной одеждой с потрепавшейся серебряной вышивкой на плече. Рисунок изображал полумесяц, окруженный звездами, и был единственным украшением нильфгаардской чародейки.

Филиппа Эйльхарт встала, стараясь не слишком демонстрировать бижутерию, кружева и декольте.

— Почтенная госпожа Ассирэ, — проговорила она. — Приветствуем тебя в Монтекальво. Чрезвычайно рады, что ты согласилась принять наше приглашение.

— Обыкновенное любопытство, — неожиданно приятным и мелодичным голосом ответила чародейка из Нильфгаарда, автоматически поправляя шляпу. Рука у нее была худая, покрытая желтыми пятнами, ногти обломанные и неровные, явно обгрызенные... — Обыкновенное любопытство, — повторила она, — последствия которого могут, кстати, быть для меня трагическими. Я хотела бы услышать объяснения.

— Незамедлительно приступаю, — кивнула Филиппа, подав знак остальным чародейкам. — Однако вначале позволь вызвать проекции других участников собрания и представить всех друг другу. Прошу немного терпения.

Чародейки вновь соединили руки. Воздух в комнате зазвенел натянутой струной, из-под кесонного потолка на стол опять опустился светящийся туман, заполняя по-

мещение мерцающими тенями. Над тремя из незанятых стульев выросли пульсирующие светом сферы, внутри сфер замаячили очертания фигур. Первой возникла Сабрина Глевиссиг в бирюзовом, вызывающе декольтированном платье с огромным ажурным стоячим воротником, создающим изумительное обрамление для фантазийно уложенных и забранных в бриллиантовую диадему волос. Рядом с ней проявилась из млечного тумана проекция Шеалы де Танкарвилль в черном, обшитом жемчугом бархате и боа из черно-бурой лисы на шее. Магичка из Нильфгаарда нервно облизнула тонкие губы. «Подожди Францеску, — подумала Трисс. — Увидишь Францеску, черная крыска, так глаза у тебя на лоб полезут».

Францеска Финдабаир не подвела. Ни роскошным платьем цвета бычьей крови, ни гордой прической, ни рубиновым колье, ни глазами серны, подчеркнутыми ярким эльфьим макияжем.

— Приветствую всех дам, — сказала Филиппа, — в замке Монтекальво, куда я позволила себе пригласить вас для обсуждения неких проблем весьма серьезного свойства. Я искренне сожалею, что встречаемся мы в виде телепроекций. Однако встретиться непосредственно пока что не позволяют ни время, ни разделяющие нас пространства, ни ситуация, в которой мы все оказались. Я — Филиппа Эйльхарт, владелица этого замка. В качестве инициатора собрания и хозяйки позволю себе представить всех. Справа от меня сидит Маргарита Ло-Антиль, ректор академии в Аретузе. Слева от меня — Трисс Меригольд и Кейра Мец из Каррерраса. Дальше — Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга, Шеала де Танкарвилль, прибывшая из Крейдена в Ковире, Францеска Финдабаир, известная также как Энид ан Глеанна, теперешняя властительница Долины Цветов, Доль Блатанна. И наконец, Ассирэ вар Анагыд из Виковаро в Нильфгаардской империи. А теперь...

— А теперь я попрощаюсь! — рявкнула Сабрина Глевиссиг, указывая унизанной перстнями рукой на Францеску. — Ты слишком далеко зашла, Филиппа! Я не намерена сидеть за одним столом с этой чертовой эльфкой, даже в виде иллюзии! Кровь на стенах и паркетах Гарштанга еще не успела засохнуть! А кровь эту пролила она. Она и Вильгефорц!

— Попрошу соблюдать приличия. — Филиппа обеими руками оперлась о край стола. — И спокойствие. Выслушайте то, что я имею сказать. Ни о чем больше я не прошу. Когда закончу, каждая из вас решит, остаться или уйти. Проекция — добровольная, ее можно прервать в любой момент. Единственное, о чем я прошу тех, кто решит уйти, это соблюсти нашу встречу в тайне.

— Я знала! — Сабрина пошевелилась так резко, что на мгновение выпала из проекции. — Тайная встреча! Тайные договора! Короче говоря, заговор! И, думаю, ясно, против кого. Ты что, смеешься над нами, Филиппа? Требуешь удержать все в тайне от наших королей, от коллег, которых не сочла нужным пригласить. А там вон сидит Энид Финдабаир, по милости Эмгыра вар Эмрейса распоряжающаяся в Доль Блатанна, владычица эльфов, которых активно и вооруженно поддерживает Нильфгаард. С каких это пор чародеи из Нильфгаарда перестали слепо слушаться своих

владык и рабски подчиняться императорской власти? О каких секретах мы тут говорим? Если она здесь, то с согласия и ведома Эмгыра! По его приказу. В качестве его глаз и ушей!

— Я возражаю, — спокойно сказала Ассирэ вар Анагыд. — Никто не знает, что я участвую во встрече. Меня просили соблюсти тайну, я ее соблюла и блюсти буду. Также и в своих личных интересах. Ибо если это станет известно, мне не сносить головы, поскольку на этом зиждется низкопоклонство чародеев в Империи. У них на выбор либо низкопоклонство, раболепие, угодничество, либо эшафот. Я пошла на риск. Я возражаю против того, что якобы прибыла сюда в качестве шпиона. Доказать это я могу лишь одним: собственной смертью. Достаточно нарушить тайну, о которой просит госпожа Эйльхарт. Достаточно, чтобы весть о нашей встрече вышла за пределы этих стен, и я распрощаюсь с жизнью.

— Для меня разглашение тайны тоже могло бы иметь малоприятные последствия, — очаровательно улыбнулась Францеска. — У тебя отличная возможность отыграться, Сабрина.

— Я расплачусь другим способом, эльфка. — Черные глаза Сабрины грозно вспыхнули. — Если секрет выйдет на явь, то не по моей вине либо неосторожности. Ни в коем случае не по моей!

— Ты на что-то намекаешь?

— Конечно, — вклинилась Филиппа Эйльхарт. — Конечно, Сабрина намекает. Она тонко напоминает дамам о моем сотрудничестве с Сигизмундом Дийкстрой. Словно сама не связана с разведкой короля Хенсельта!

— Есть разница, — буркнула Сабрина. — Я не была три года любовницей Хенсельта! А тем более его разведки!

— Достаточно! Замолкни!

— Поддерживаю, — неожиданно громко сказала Шеала де Танкарвилль. — Заткнись, Сабрина. Довольно болтать о Танедде, шпионских и внесупружеских аферах. Я прибыла не для того, чтобы участвовать в склоках или выслушивать взаимные упреки и замечания. Меня также не привлекает роль арбитра, и если меня пригласили ради этого, то заявляю, что это ход впустую. Я, по правде говоря, подозреваю, что участвую в сборище напрасно, что теряю время, которое с трудом урвала от своей исследовательской работы. Однако воздержусь от преждевременных предположений. Предлагаю наконец дать высказаться Филиппе Эйльхарт. Надо в конце концов узнать цели и причины нашего сборища. Роли, в которых нам предстоит выступать. Тогда мы без лишних эмоций решим, продолжать ли спектакль, или опустить занавес. Тайна, о которой нас попросили, разумеется, обязывает нас всех. Что же касается последствий для тех, кто тайну не сохранит, то я, Шеала де Танкарвилль, займусь этим лично.

Ни одна из чародеек не пошевелилась и не произнесла ни слова. Трисс ни на миг не усомнилась в серьезности предупреждения Шеалы. Отшельница из Ковира не привыкла бросать слова на ветер.

— Говори, Филиппа, а многоуважаемое собрание прошу соблюдать тишину, пока Филиппа не даст знать, что окончила.

Филиппа Эйльхарт встала, шурша платьем.

— Уважаемые сестры, — сказала она. — Ситуация серьезна. Магия в опасности. Трагические события на Танедде, к которым я мысленно возвращаюсь с сожалением и нежеланием, доказали, что результаты сотен лет бесконфликтного сотрудничества мгновенно рассыпаются в прах, стоит заговорить личным интересам и чрезмерным, неуемным амбициям. Теперь мы имеем разброд, несогласие, взаимную вражду и недоверие. Происходящее начинает ускользать из-под контроля. Чтобы контроль восстановить, не допустить стихии возобладать, необходимо взять в крепкие руки правила этого терзаемого штормами корабля. Я, госпожа Ло-Антиль, госпожа Меригольд и госпожа Мец уже обсудили проблему и достигли согласия. Восстановить уничтоженные на Танедде Капитул и Совет недостаточно. Да, впрочем, их и не из кого восстанавливать, к тому же нет гарантий, что в них с самого начала не угнездится болезнь, которая уничтожила предыдущие. Необходима совершенно иная, секретная организация, которая будет служить исключительно делу магии. Которая совершит все возможное, чтобы не допустить катаклизма. Ибо погибнет магия — погибнет этот мир. Так же, как много веков назад мир прежний, лишившись магии и несомого ею прогресса, погрузился в хаос и мрак, захлебнулся в крови и варварстве. Всех при-

сутствующих здесь дам мы приглашаем примкнуть к нашей инициативе, принять активное участие в работах предлагаемого тайного сообщества. Мы позволили себе пригласить вас, чтобы услышать ваше мнение по этому вопросу. Я кончила.

— Благодарим, — кивнула Шеала де Танкарвилль. — Если позволите, я продолжу. Мой первый вопрос, дорогая Филиппа, таков: почему я? Зачем сюда позвали меня? Я неоднократно отказывалась от выдвижения моей кандидатуры в Капитул, я отказалась от кресла в Совете. Во-первых, меня поглощает моя работа. Во-вторых, я считала и считаю, что в Ковире, Повиссе и Хенгфорсе есть другие, более достойные этой чести. Я спрашиваю, почему сюда пригласили меня, а не Кардуина? Не Истредда из Аэдд Гинваэля, Тугдуаля или Зангениса?

— Потому что они — мужчины, — ответила Филиппа. — Организация же, которую я имею в виду, должна состоять исключительно из женщин. Госпожа Ассирэ?

— Я снимаю свой вопрос, — улыбнулась нильфгаардская чародейка. — Он совпадал с вопросом госпожи де Танкарвилль. Ответ меня удовлетворяет.

— Попахивает бабским шовинизмом, — язвительно бросила Сабрина Глевиссиг. — Особливо в твоих устах, Филиппа, после того, как ты изменила свою... ориентацию. Я ничего не имею против мужчин. Больше того, я обожаю мужчин и жизни без них себе не представляю. Но... После недолгого обдумывания... В прин-

ципе это разумная концепция. Мужчины психически нестабильны, слишком поддаются эмоциям, на них нельзя положиться в критический момент.

— Это верно, — спокойно согласилась Маргарита Ло-Антиль. — Я постоянно сравниваю результаты адепток из Аретузы с достижениями мальчиков из школы в Бан Арде, и сравнение неизменно склоняется в пользу девочек. Магия — это терпение, тонкость, интеллект, рассудительность, выдержка, а также покорное, но спокойное приятие поражений и неудач. Мужчин губит амбиция. Они всегда хотят чего-то такого, о чем прекрасно знают, что это невозможно и недостижимо. А возможного и достижимого не замечают.

— Достаточно, достаточно, достаточно! — воскликнула Шеала, не скрывая усмешки. — Нет ничего более опасного, нежели научно обоснованный шовинизм, стыдись, Рита. Однако же... Да, я тоже считаю правильным предложенную однополую структуру этого... конвента или, если угодно, ложи. Как нам сказали, речь идет о будущем магии, а магия — дело слишком серьезное, чтобы ее судьбу доверить мужчинам.

— Если позволите, — мелодично проговорила Францеска Финдабаир, — я хотела бы ненадолго прервать дискуссию о вполне естественном и несомненном доминировании нашего пола, а сосредоточиться на вопросах, касающихся предложенной инициативы, цель которой по-прежнему мне не до конца ясна. Выбранный же момент не случаен и вызывает ассоциации. Идет война. Нильфгаард разгромил и припер северные ко-

ролевства к стенке. Так не скрывается ли под общими словами, которые я здесь слышала, понятное желание обратить ситуацию? Разгромить и прижать к стенке Нильфгаард? А потом взяться за наглых эльфов? Если да, дорогая Филиппа, то мы не найдем общего языка.

— Это что, та причина, ради которой меня сюда пригласили? — спросила Ассирэ вар Анагыд. — Я особого внимания политике не уделяю, но знаю, что императорская армия одерживает в войне победы над вашими войсками. Кроме госпожи Францески и госпожи Танкарвилль, подданной нейтрального королевства, все остальные дамы представляют враждебные Нильфгаардской империи государства. Как мне следует понимать слова о солидарности магичек? Как призыв к измене? Сожалею, но в этой роли я себя не вижу.

Закончив, Ассирэ наклонилась, словно тронула что-то, не уместившееся в проекции. Трисс показалось, что она слышит мурлыканье.

— Да с ней еще и кот, — шепнула Кейра Мец. — Ручаюсь, черный...

— Тише, — прошипела Филиппа. — Дорогая Францеска, уважаемая Ассирэ. Наша инициатива должна быть абсолютно аполитичной, это наше основное положение. Руководствоваться мы будем не интересами рас, королевств, королей и императоров, а благом магии и ее будущим.

— Руководствуясь благом магии, — Сабрина Гленвиссиг насмешливо ухмыльнулась, — мы, я думаю, не должны забывать о благосостоянии магичек? А ведь нам известно, как относятся к чародеям в Нильфгаарде.

Мы тут себе будем спокойно болтать, а когда Нильфгаард победит и мы попадем под власть императора, то все мы будем выглядеть так же, как...

Трисс беспокойно пошевелилась, Филиппа еле слышно вздохнула. Кейра опустила глаза. Шеала сделала вид, будто поправляет боа. Францеска закусила губу. Лицо Ассирэ вар Анагыд не дрогнуло, но покрылось легким румянцем.

— Всех нас будет ждать малоприятная судьба, хотела я сказать, — быстро докончила Сабрина. — Филиппа, Трисс и я, все мы были на Содденском холме. Эмгыр рассчитается с нами за то поражение, за Танедд, за всю нашу деятельность. Но это только одно из сомнений, которые вызывает у меня декларируемая аполитичность предполагаемого конвента. Означает ли участие в нем незамедлительное отречение от действительной и, как ни говори, политизированной службы, которую мы сейчас несем при наших королях? Или же мы должны будем остаться на своих местах и служить двум господам: магии и власти?

— Когда кто-то уверяет меня, что он не интересуется политикой, — усмехнулась Францеска, — я всегда спрашиваю: которая из политик имеется в виду. Конкретно.

— А я знаю, что наверняка не та, которую ведет вопрошающий, — сказала Ассирэ вар Анагыд, глядя на Филиппу.

— Я вне политики, — подняла голову Маргарита Ло-Антиль. — И моя школа тоже. Я имею в виду все существующие типы, роды и разновидности политики.

— Милые дамы, — заговорила долго молчавшая Шеала. — Помните, что вы пол доминирующий. Так что не ведите себя как девчонки, которые через весь стол тянут к себе блюдо со сладостями. Предложенные Филиппой принципы абсолютно понятны. По крайней мере мне, а у меня не так уж много оснований считать вас менее сообразительными. За стенами этой залы можете быть кем угодно, служить кому и чему желаете столь верно, сколь хотите. Но когда конвент соберется, мы должны будем заниматься исключительно магией и ее будущим.

— Именно так я себе все и представляю, — подтвердила Филиппа Эйльхарт. — Знаю, что проблем множество, что есть сомнения и неясности. Обсудим их при следующей встрече, в которой все мы примем участие уже не как проекции или иллюзии, а, так сказать, во плоти. Присутствие будет считаться не формальным актом присоединения к конвенту, а жестом доброй воли. Возникнет ли вообще такой конвент, мы примем решение сообща. Мы все. На равных правах.

— Мы все? — повторила Шеала. — Я вижу здесь пустые стулья, полагаю, их поставили не случайно.

— Конвент должен состоять из двенадцати чародеек. Я хотела бы, чтобы кандидатку на одно из пустующих пока стульев предложила нам и представила на следующем сборе госпожа Ассирэ. В Нильфгаардской империи наверняка сыщется еще хотя бы одна достойная чародейка. Другое место я оставила для тебя, Францеска. Чтобы ты как единственная чистокровная эльфка не чувствовала себя одинокой. Третье...

3 Зак. № 548

Энид ан Глеанна подняла голову.

— Прошу выделить два места. У меня две кандидатуры.

— Кто-нибудь из дам возражает? Если нет, я тоже не против. Сегодня у нас пятое августа, пятый день после новолуния. Встретимся снова на второй день после полнолуния, дорогие единомышленницы. Через четырнадцать дней.

— Минутку, — прервала Шеала де Танкарвилль. — Одно место все же остается пустым. Кто будет двенадцатой чародейкой?

— Это как раз и станет первой задачей, которой займется ложа, — таинственно улыбнулась Филиппа. — Через две недели я вам скажу, кто должен сесть на двенадцатый стул. А потом мы совместно подумаем, как это осуществить. Вас удивит моя кандидатура и эта особа. Потому что это не обычная особа, уважаемые коллеги. Это Смерть или Жизнь. Разрушение или Возрождение. Порядок или Хаос. Все зависит от точки зрения.

Вся деревня высыпала на улицу, чтобы поглазеть на проезжающую банду. Тузéк вышел вместе со всеми. У него была масса работы, но удержаться он не мог. Последнее время много чего говорили о Крысах. Прошел даже слух, будто всех их схватили и вздернули. Однако слух оказался ложным, доказательство чему демонстративно и не спеша как раз двигалось через всю деревню.

— До чего ж наглые, — изумленно шептал кто-то за спиной у Тузека. — Надо ж, посередь деревни прут...

— Вырядились-то будто б на свадьбу...

— А кони? Какие кони-то! И у нильфгаардцев таких не сыщешь!

— Э! Краденые. Крыси у всех конёв забирают. Коня-то теперича всюду продашь запросто. А самых лучших себе оставляют...

— Тот, вона, впереду который, гляньте-ка, энто Гиселер... Атаман ихний.

— А подле него, на каштанке, эльфка. Искра, стало быть.

Из-за забора выскочила дворняга, зашлась лаем, увиваясь подле передних ног Искриной кобылы. Эльфка тряхнула буйной гривой темных волос, развернула коня, сильно наклонилась и стеганула собаку нагайкой. Дворняга заскулила и, трижды перевернувшись в воздухе, шлепнулась в пыль, а Искра плюнула на нее. Тузек с трудом сдержал проклятие.

Стоявший рядом кмет продолжал шептать, незаметно указывая на других Крыс, медленно едущих по деревне. Тузек и не хотел бы слышать, да приходилось. Не затыкать же уши. Он знал сплетни и слухи не хуже других, без труда догадывался, что тот вон, со спутанными, доходящими до плеч соломенными волосами, который грызет яблоко, это Кайлей, широкоплечий — Ассе, а тот, что в вышитом полукожушке, — Реф.

Дефиладу замыкали две девушки, едущие бок о бок, держась за руки. Та, что повыше, на гнедом коне, острижена словно после тифа, кафтанчик распахнут, кру-

жевная блузка просвечивает идеальной белизной, колье, браслет и серьги брызжут слепящими искрами.

— А стриженая, энто Мистля... — услышал Тузек. — Обвесилась стекляшками, ровно елка на Йуле...

— Говорят, прибила больше людей, чем вёсен считает...

— А другая? На пегой? Ну, та вон, с мечом на спине?

— Фалькой ее кличут. С того лета с Крысями ходит. Тоже, говорят, не золото...

«Не золото» было, по оценке Тузека, немногим старше его дочери Миленки. Пепельные волосы молоденькой бандитки космами выбивались из-под бархатного берета, украшенного надменно покачивающимся пучком фазаньих перьев. На шее у нее пылал шелковый платочек цвета мака, завязанный фантазийным бантом.

Среди выбежавших из домишек кметов неожиданно возникло движение, потому что ехавший первым Гиселер вдруг придержал коня и ленивым движением кинул звонкий мешочек к ногам опирающейся на клюку бабки Микитки.

— Дай тебе Бог счастья, сыночек милостивый, — взвыла бабка Микитка. — Чтоб ты здоровенький был, благодетель ты наш, чтоб ты...

Переливчатый смешок Искры заглушил Микиткино бормотание. Эльфка молодецки перебросила правую ногу через луку, полезла в кошель и с размаху сыпанула в толпу горсть монет. Рееф и Ассе последовали ее примеру, самый настоящий серебряный дождь обрушился

на песчанистую дорогу. Кайлей, хохоча, бросил в копошащихся над деньгами людей огрызок яблока.

— Благодетели!

— Соколики вы наши!

— Да продлятся дни ваши!!!

Тузек не последовал за другими, не повалился на колени выгребать монеты из песка и куриного помета. Он по-прежнему стоял у ограды, глядя на медленно проезжающих девушек. Младшенькая, та, что с пепельными волосами, заметила его взгляд и выражение лица. Отпустила руку стриженой, хлестнула лошадь, боком наехала на него, приперев к забору и чуть не задев стременами. Он увидел ее зеленые глаза и задрожал. Столько в них было злобы и холодной ненависти.

— Брось, Фалька! — крикнула стриженая.

Это было ни к чему. Зеленоглазая бандитка удовольствовалась тем, что приперла Тузека к забору, и поехала за Крысами, даже не повернув головы.

— Благодетели!

— Соколики!

Под вечер в деревню влетели вызывающие ужас Черные конники из форта под Фэн Аспрой. Звенели подковы, ржали кони, бряцало оружие. Солтыс и другие выпытываемые кметы врали, будто нанятые, направляли погоню на ложный след. Тузека никто ни о чем не спрашивал. И хорошо.

Вернувшись с пастбища и зайдя во двор, он услышал голоса. Распознал щебетанье двойняшек колесника Згарба, ломкие фальцеты соседских мальчишек. И

голос Миленки. «Играют», — подумал он, вышел из-под поленницы и остолбенел.

— Милена!

Миленка, его единственная выжившая дочка, его счастье, перевесила себе через плечо палку на шнурке, изображающую меч. Волосы распустила, к шерстяной шапочке прицепила петушиное перо, на шею намотала материнский платочек. С удивительным, фантазийным бантом.

Глаза у нее были зеленые.

Тузек никогда прежде не бил дочери, никогда не пускал в ход отцовский ремень.

Сегодня он сделал это впервые.

На горизонте сверкнуло. Порыв ветра бороной прошелся по поверхности Ленточки. «Будет буря, — подумала Мильва, — а после бури наступит ненастье. Зяблики не ошибались».

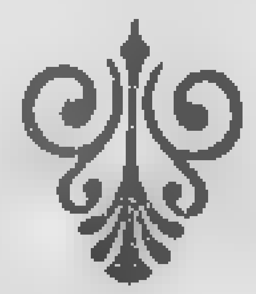
Она пришпорила коня. Чтобы нагнать ведьмака до бури, надо поспешить.

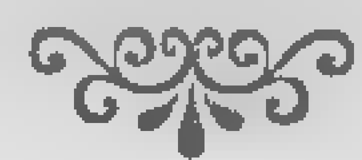
Я был знаком в жизни со многими военными. Знавал маршалов, генералов, воевод и гетманов, триумфаторов многочисленных кампаний и битв. Слушал их рассказы и воспоминания. Видывал их склоненными над картами, выписывающими на них разноцветные черточки и стрелки, разрабатывающими планы, обдумывающими стратегию. В этой бумажной войне все получалось прекрасно, все работало, все было ясно и в идеальном порядке. Так должно быть, поясняли военные. Армия — это прежде всего порядок и организованность. Армия не может существовать без порядка и организованности.

Тем поразительнее, что реальная война — а несколько реальных войн мне видеть довелось — с точки зрения порядка и организованности удивительно походит на охваченный пожаром бордель.

Лютик. «Полвека поэзии».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хрустально чистая вода Ленточки переливалась через грань порога мягкой гладкой дугой, потом шумным и вспененным каскадом рушилась между черными как оникс камнями, ломалась на них и исчезала в белой кипени, из которой разливалась в обширные плесы, такие прозрачные, что виден был каждый камушек в разноцветной мозаике дна, каждая зеленая косичка колеблющихся в потоке водорослей.

Оба берега покрывал ковер горец, в котором извивались плющи, гордо выставляющие на горлышках белые жабо. Кусты над горецами переливались зеленым, коричневым и охрой и выглядели на фоне елей так, словно их посыпали серебряным порошком.

— Да, — вздохнул Лютик. — Это прекрасно.

Огромная темная форель попыталась прыгнуть через ступень водопада. Какое-то мгновение она висела в воздухе, трепеща плавниками и метя хвостом, потом тяжело упала в пену кипящей круговерти.

Темнеющее на юге небо перечеркнула разлапистая молния, эхо далекого грома прокатилось по стене леса. Гнедая кобыла ведьмака заплясала, мотнула головой, ощерилась, пытаясь выплюнуть удила. Геральт сильно натянул поводья, кобыла, танцуя, попятилась, звеня подковами по камням.

— Тпру! Тпррру! Видал, Лютик? Чертова балерина! Нет, при первой же оказии освобожусь от этой скотины! Провалиться мне, обменяю хоть на осла!

— И как думаешь, скоро выпадет такой случай? — Поэт почесал горящую от комариных укусов шею. — Правда, дикий ландшафт этой долины дает нам ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, но для разнообразия я охотно заглянул бы в какой-нибудь не столь эстетичный трактир. Скоро неделя, как мы услаждаемся романтической природой, пейзажами и далекими горизонтами. Что-то я затосковал по закрытым помещениям. Особенно таким, в которых подают горячую пиццу и холодное пиво.

— Придется потосковать еще некоторое время, — повернулся в седле ведьмак. — Возможно, твои страдания смягчит сознание того, что я тоже малость тоскую по цивилизации. Ты же знаешь, я торчал в Брокилоне ровно тридцать шесть дней. И ночей, во время которых романтически услаждающая природа подмораживала мне зад, ползала по спине и оседала росой на носу... Тпррру! Зараза! Ты перестанешь наконец прыгать, треклятая кобылятина?

— Слепни ее кусают. Эти гадины сделались злыми и кровожадными, как всегда перед бурей. На юге громыхает и сверкает все чаще.

— Я заметил. — Ведьмак взглянул на небо, сдерживая расплясавшуюся лошадь. — Да и ветер изменился. Морем отдает. Смена погоды, не иначе. Ну, поехали. Подгони своего сонного мерина.

— Моего жеребца зовут Пегас.

— Само собой! Знаешь, что? Мою эльфью кобылу тоже надо бы как-то назвать. Хммм...

— Может, Плотвичка? — съехидничал трубадур.

— Плотва? — согласился ведьмак. — А что, звучит.

— Геральт?

— Слушаю.

— У тебя в жизни была хоть одна лошадина, которую не называли бы Плотва?

— Нет, — ответил ведьмак после недолгого раздумья. — Не было. Подгони своего кастрированного жеребца, Лютик. Путь дальний.

— И верно, — буркнул поэт. — Нильфгаард... Как думаешь, сколько верст?

— Много.

— До зимы доберемся?

— Сначала до Вердэна. Там обсудим... некоторые проблемы.

— Какие? Думаешь отделаться от меня? Как бы не так! Я буду тебя сопровождать! Так я решил.

— Посмотрим. Я же сказал, сначала надо добраться до Вердэна.

— А далеко еще? Ты эти места знаешь?

— Знаю. Мы у порогов Кеанн Трайса, перед нами место, которое называется Седьмая Верста. А вон те горки за рекой — Совиные Холмы.

— А мы едем на юг, вниз по течению? Ленточка впадает в Яругу где-то в районе крепости Бодрог...

— Мы поедем на юг, но по тому берегу. Ленточка сворачивает к западу, мы поедем лесами. Я хочу добраться до места, которое называется Дришот, то есть Треугольник. Там сходятся границы Вердэна, Бругге и Брокилона.

— А оттуда?

— К Яруге. И к устью. В Цинтру.

— А потом?

— А потом видно будет. Если это вообще возможно, заставь своего Пегаса идти хоть немного быстрее.

Ливень настиг их на переправе, на самой середине реки. Сначала поднялся сильный ветер, прямо-таки ураганными порывами вороша волосы и плащи, сеча лица листьями и веточками, сорванными с прибрежных деревьев и кустов. Криками и ударами пяток они подгоняли лошадей и, вспенивая воду, двигались к берегу. Когда ветер неожиданно утих, они увидели движущуюся на них стену дождя. Поверхность Ленточки побелела и закипела, словно кто-то с неба кидал в реку миллиарды свинцовых шариков.

Еще не добравшись до берега, они уже здорово вымокли. Быстро укрылись в лесу. Кроны деревьев образовали над головами плотную зеленую крышу, но это была не та крыша, которая могла бы укрыть от такого ливня. Дождь быстро иссек и наклонил листья, спустя минуту в лесу лило ничуть не хуже, чем на открытом пространстве.

Они завернулись в плащи, подняли капюшоны. Меж деревьев воцарилась тьма, освещаемая только все более частыми сполохами молний. То и дело громыхало, протяжно и оглушительно. Плотва пугалась, фыркала и плясала. Пегас хранил невозмутимое спокойствие.

— Геральт! — вскрикнул Лютик, пытаясь перекричать очередной развал грома, катящийся по лесу гигантской телегой. — Давай остановимся! Спрячемся где-нибудь!

— Где? — крикнул тот в ответ. — Езжай!

И они ехали.

Спустя какое-то время дождь заметно ослаб, ветер опять зашумел в кронах деревьев, раскаты громов перестали сверлить уши. Они выехали на тропу, бегущую через густой ольховник. Потом на поляну. На поляне вздымался гигантский бук, под его ветвями, на толстом и просторном ковре из коричневых листьев и орешков, стоял запряженный парой мулов воз. На козлах сидел возница и целился в них из арбалета. Геральт выругался. Слова заглушил раскат грома.

— Опусти самострел, Кольда, — сказал невысокий человек в соломенной шляпе, отворачиваясь от ствола бука, подпрыгивая на одной ноге и застегивая штаны. — Мы не этих ждем. Но все одно — клиенты. Не пугай клиентов, Кольда. Времени у нас маловато, но поторговать завсегда успеем!

— Кой черт? — проворчал Лютик за спиной у Геральта.

— Подъезжайте ближе, господа эльфы! — крикнул человек в шляпе. — Не бойтесь, я свой. N'ess a tearth! Va, Seidhe, Ceadmil! Я свой, понимаешь, эльф?

Поторгуем? Ну, подъезжайте сюда, под буковину, тута не так льет на голову!

Геральт ошибке не удивился. Они с Лютиком были закутаны в серые эльфьи плащи. На нем самом была полученная от дриад куртка с любимым эльфами лиственным мотивом, а сидел он на коне с типично эльфьей сбруей и характерно украшенными трензелями. Лицо частично заслонял капюшон. Что до красавчика Лютика, так того уже и раньше не раз принимали за эльфа или полуэльфа, особенно после того, как он отпустил волосы до плеч и взял привычку изящно завивать их на железках.

— Поосторожнее, — буркнул ведьмак, — слезай. Ты — эльф. Не раскрывай пасти без надобности.

— Это почему же?

— Это гавенкары.

Лютик тихонько зашипел. Он понимал, чем тут пахнет.

Всем правили деньги, спрос вызывал предложение. Рыскающие по лесам скоя'таэли собирали годную на продажу, но ненужную им добычу, однако страдали от недостатка оружия и экипировки. Так родилась лесная разъездная торговля. На просеки, тропы и поляны втихую заявлялись телеги торгующих с белками спекулянтов. Эльфы называли их hav'caaren, словом непереводимым, но как-то сочетающимся с хищным корыстолюбием. Меж людей укоренился термин «гавенкары», и слово это в ушах Геральта по крайней мере звучало еще паскуднее. Потому что паскудными были и эти люди. Жестокие и беспощадные, не отступающие ни перед чем, даже перед убийством. Схваченный солдатами гавенкар не мог рассчитывать на милосердие. А

потому и сам не привык его проявлять. Встретив на пути кого-то, кто мог бы выдать его солдатам, он не раздумывая хватался за самострел либо нож.

Так что влипли они — лучше не придумаешь. К счастью, гавенкары приняли их за эльфов. Геральт плотнее заслонил лицо капюшоном и начал подумывать о том, что будет, когда маскарад раскроется.

— Ну, дает! — потер руки торгаш. — Льет, словно кто в небе дырку пробуравил. Паршивый tedd, ell'ea? Ну ничего, для торговли нет плохой погоды. Есть только скверный товар или скверные денежки, хе, хе! Понял, эльф?

Геральт кивнул. Лютик буркнул что-то нечленораздельное из-под капюшона. На их счастье, презрительная нелюбовь эльфов к общению с людьми была широко известна и никого не удивляла. Однако возница не отложил самострел, а это был недобрый знак.

— Вы от кого? Из какой команды? — Гавенкар, как и всякий серьезный торговец, не дал сбить себя с толку сдержанностью и неразговорчивостью клиентов. — От Коиннеаха Де Рео? От Ангуса Бри-Кри? Или, может, от Риордаина? Риордаин, к примеру, неделю назад под корень вырубил королевских коморных, с обозом идущих, а в обозе-то дань была собранная. Монета, не хламье какое. Я не беру в оплату ни деготь, ни зерно, ни окровавленную одёжу, а из добычи токмо норку, соболя, аль горностая. Но милей всего мне монетка, камушки да драгоценности! Ежели есть — можно поторговаться. У меня товарец — первый сорт! Evelienn vara en ard scedde, ell'ea, понял, эльф? Все есть. Гляньте.

Торгаш подошел к возу, приподнял край тента. Они увидели мечи, луки, пучки стрел, седла. Гавенкар покопался в товаре, вытащил одну из стрел. Наконечник был зазубренный и надпиленный.

— У других такого не сыщете, — сказал он хвастливо. — Другие купцы с перепугу в штаны накладут, хвосты подожмут, потому как за такие стрелочки лошадками напополам разрывают, ежели кого с ними прихватят. Но я-то знаю, что белкам любо, клиент — наш хозяин, а торговлишки без риска не бывает, только б профитик был! У меня разбрызгивающие наконечники, девять оренов за дюжину. Разнесут так, что кусочков не соберешь! Naev'de aen tvedeane,ell'ea, понял, Seidhe? Клянусь, не обдираю, сам зарабатываю малость самую, головками деток своих клянусь. Ежели три дюжины сразу возьмете, шесть процентов скину с цены. Случайность, клянусь, чистейшая случайность... Эй, Seidhe, а ну, прочь от фургона!

Лютик испуганно отдернул руку от тента, глубже натянул капюшон.

Геральт неведомо который раз проклял про себя неуемную любознательность барда.

— Mir'me vara, — забормотал Лютик, просительно поднимая руки. — Squaess'me.

— Ладно, ничего, — осклабился гавенкар. — Но туда нельзя заглядывать, потому как там на возу другой товар тожить есть. Но не на продажу, не для Seidhe. Заказной, хе-хе. Ну, мы тут болтаем... Кажите денежки.

«Начинается», — подумал Геральт, глядя на натянутый самострел возницы. У него были основания полагать, что наконечник стрелы вполне мог быть гавенкарской «случайно приобретенной», разбрызгивающей штучкой, которая, попав в живот, выходила из спины в трех, а порой и четырех местах, превращая внутренности подстреленного в весьма неприятный гуляш.

— N'ess tedd, — сказал он, подражая певучему акценту. — Tearde. Mireann vara, va'en vort. Вернемся с командой, тогда торговля. Ell'ea? Понял, Dh'oine?

— Понял, — сплюнул гавенкар. — Понял, что вы нагишом. Товар-то взять хочите, а наличных — тю-тю. Пшли прочь! И не возвращайтесь, потому как у меня тута с важными особами встреча назначена. Вам лучше тем особам на глаза не попадаться. Двигайте...

Он осекся, услышав храп коня.

— А, чтоб тебя! Поздно! Они уже здесь. А ну, лбы под капюшоны, эльфы! Не шевелиться и чтоб мне ни гу-гу! Кольда, дуб стоеросовый, отложи арбалетину, да живей!

Шум дождя, громыхание грома и ковер листьев заглушали стук копыт, благодаря чему наездникам удалось подъехать незаметно и окружить бук мгновенно. Это не были скоя'таэли. Белки не носили лат, а восемь окруживших дерево конников посверкивали металлом шлемов, наплечников и кольчуг, залитых дождем.

Один из них медленно приблизился, вырос над гавенкаром, словно гора. Сам он был нормального роста, но сидел на могучем боевом жеребце. Защищенные латами плечи прикрывала волчья шкура, лицо заслонял шлем с широким выступающим наносником, доходящим до нижней губы. В руке чужак держал грозно выглядевший чекан.

— Ридокс! — крикнул он хрипло.

— Фаоильтиарна! — отозвался торговец ломким голосом.

Наездник подъехал еще ближе, наклонился в седле. Вода струей стекала со стального наносника прямо на карваш и зловеще блестящий клюв чекана.

— Фаоильтиарна! — повторил гавенкар, кланяясь в пояс. Он снял шляпу, дождь мгновенно плотно прилепил к черепу его реденькие волосики. — Фаоильтиарна! Я свой, пароль и отзыв знаю... От Фаоильтиарны еду, Ваше превосходительство... Жду вот тута, как было договорено...

— А это кто такие?

— Эскорт мой. — Гавенкар наклонился еще ниже. — Ну энти, эльфы...

— Пленник?

— На возу. В гробе.

— В гробу?! — Гром частично заглушил яростный рев наездника с чеканом. — Это тебе даром не пройдет! Господин Риво ясно приказал: пленник должен быть доставлен живым!

— Так живой же он, живой, — спешно пробормотал торгаш. — Как приказано! В гроб мы его запихали, но живой он... Не я придумал с гробом-то, Ваше превосходительство... Это Фаоильтиарна...

Конник хлопнул чеканом по стремени, дал знак. Трое конных спрыгнули с седел и стащили тент с фургона. Когда они выкинули на землю седла, попоны и связки упряжи, Геральт при свете молнии действительно увидел гроб из свежеструганной сосны. Однако не приглядывался особо внимательно, чувствуя покалывание в кончиках пальцев. Он уже знал, что́ увидит через минуту.

— Как же так, ваша милость? — проговорил гавенкар, глядя на раскиданные по мокрой траве товары. — Добро мое с возу вон?

— Беру все. Вместе с упряжкой.

— Аааа. — На заросшую щетиной физиономию торгаша выползла слащавая улыбочка. — Энто другая разница. Энто будет... Дайте подумать. Пять сотен, с позволения вашей милости, ежели в темерской валюте. Если же вашими флоренами, то сорок пять.

— Гляди, не продешеви! — фыркнул конный, отвратительно ухмыляясь из-за наносника. — А ну, подойди ближе.

— Осторожнее, Лютик, — прошипел ведьмак, незаметно расстегивая застежку плаща.

Громыхнуло.

Гавенкар подошел к наезднику, наивно рассчитывая на самую большую торговую сделку в своей жизни. И это действительно была сделка его жизни, может, не самая лучшая, но уж наверняка последняя. Наездник приподнялся на стременах и с размаху всадил ему чекан в полысевшее темечко. Торговец упал, не издав ни звука, задергался, замахал руками, вспахал каблуками мокрый ковер листьев. Кто-то из копавшихся в телеге закинул ремень на шею вознице, затянул, второй подскочил, ткнул кинжалом.

Один из конников рывком поднял арбалет, целясь в Лютика. Однако у Геральта в руке уже был меч, выброшенный из телеги гавенкара. Перехватив оружие посередине лезвия, он метнул его как копье. Прошитый насквозь арбалетчик свалился с коня, все еще с выражением безбрежного изумления на лице.

— Беги, Лютик!

Лютик подскочил к Пегасу и диким прыжком взлетел к седлу. Однако прыжок оказался излишне диким, а поэт недостаточно ловким. Он не сумел удержаться за луку и шмякнулся на землю по другую сторону лошади. Это спасло ему жизнь, клинок меча напавшего на него наездника рассек воздух над ушами Пегаса. Мерин испугался, рванул, столкнулся с конем противника.

— Это не эльфы! — рявкнул наездник в шлеме с наносником, тоже выхватывая меч. — Живыми брать! Живыми!

Один из тех, кто, выполняя приказ, соскочил с телеги, замешкался. Однако Геральт уже успел выхватить собственный меч и не терял ни секунды. Запал двух оставшихся несколько остудил хлынувший на них фонтан крови. Геральт воспользовался этим и прикончил второго. Но конники уже подскочили к нему. Он вывернулся из-под их мечей, парировал удар, сделал вольт и в этот момент почувствовал сильную боль в правом колене, почувствовал, что падает. Он не был ранен. Просто вылеченная в Брокилоне нога без всякого предупреждения перестала слушаться.

Замахнувшийся на него секирой пеший вдруг крикнул и завертелся, словно кто-то его сильно толкнул. Прежде чем упасть, ведьмак увидел стрелу с длинными перьями, впившуюся в бок нападающего до половины стержня. Лютик крикнул. Гром заглушил его крик.

Вцепившийся в колесо телеги Геральт увидел при свете молнии светловолосую девушку с натянутым луком, выбегающую из ольховника. Конники тоже заметили ее. И не могли не заметить, потому что в этот момент один из них перевалился через конский круп, получив в кадык стрелу, превратившую его горло в кровавое месиво. Трое остальных, в том числе командир в шлеме с наносником, сразу же оценили опасность, с криком помчались к лучнице, прячась за шеями лошадей. Они думали, что конские шеи будут достаточной защитой от стрел. Они ошибались.

Мария Барринг по прозвищу Мильва натянула лук. Она целилась спокойно, прижав тетиву к щеке. Первый из атакующих вскрикнул и сполз с коня, ступня застряла в стремени, и подкованные копыта раздавили его. Второго стрела прямо-таки смела с седла. Третий, командир, был уже близко, поднялся в стременах, занес меч для удара. Мильва даже не дрогнула. Бесстрашно глядя на нападающего, натянула лук и с пяти шагов всадила ему стрелу прямо в лицо, рядом со стальным наносником. Стрела прошла навылет, сбросив шлем. Конь не остановился. Наездник, лишившийся шлема и значительной части головы, еще несколько мгновений сидел в седле, потом медленно наклонился и свалился в лужу. Конь заржал и помчался дальше.

Геральт с трудом встал, помассировал ногу, которая хоть и болела, но — о диво — казалась вполне дееспособной. Он мог спокойно встать на нее, мог ходить. Рядом, сваливая с себя придавивший его труп с развороченным горлом, поднимался с земли Лютик. Лицо поэта цветом могло соперничать с негашеной известью.

Мильва приблизилась, попутно выдергивая стрелу из тела убитого.

— Благодарю тебя, — сказал ведьмак. — Лютик, поблагодари. Это Мильва Барринг. Мы обязаны ей жизнью.

Мильва вырвала стрелу из другого трупа, осмотрела окровавленный наконечник. Лютик что-то невнятно промямлил, склонился в учтивом, но несколько дрожащем поклоне, затем упал на колени, и его вырвало.

— Кто такой? — Лучница вытерла наконечник о мокрые листья, сунула стрелу в колчан. — Друг твой, что ли, ведьмак?

— Да. Его зовут Лютик. Он поэт.

— Поэт. — Мильва поглядела на сотрясаемого сухими уже позывами трубадура, потом подняла глаза. — Ежели так, то понимаю. А вот чего не понимаю, так это пошто он тут блюет, заместо того чтобы где в тишине рифмы складывать. Впрочем, мне-то что. Не мое дело.

— В определенной степени твое. Ты спасла ему шкуру. Мне тоже.

Мильва протерла мокрое от дождя лицо, на котором все еще можно было увидеть оттиск тетивы. Хоть стреляла она несколько раз, оттиск был только один — тетива постоянно прижималась к одному и тому же месту.

— Я уже сидела в ольховнике, когда ты трепался с гавнюкаром, — сказала она. — Не хотела, чтобы шельма меня видел, да и нужды не было. А потом приехали другие и пошла сеча. Нескольких ты здорово разделал. Умеешь мечом крутить, ничего не скажешь. Хоть ты и хромой. Надо было тебе еще в Брокилоне посидеть, лечить ногу-то. Попортишь, так до конца жизни спотыкаться будешь, соображаешь, думаю?

— Переживу.

— И мне так мнится. Потому как я ехала следом, чтобы предупредить. И завернуть. Ничего не получится из твоей езды. На юге война. От Дришота идут на Бругге нильфгаардские войска.

— Откуда знаешь?

— А хоть бы и оттуда. — Девушка широким взмахом указала на трупы и коней. — Это ж нильфы. Похуже гавнюкаров будут. Солнце на шлемах видишь? Шитье на попонах? Собирайтесь, берем ноги в руки, того и гляди сюда новые нагрянут. Эти тут разъездом. Разведкой.

— Не думаю, — покачал головой Геральт, — что разведка или передовой отряд. За другим они приехали.

— Это за чем же?

— За этим, — указал он на лежащий в телеге гавенкаров потемневший от воды сосновый гроб.

Дождь поутих, греметь перестало. Буря перемещалась к северу. Ведьмак поднял валяющийся среди листьев меч, запрыгнул на воз, ругаясь втихую, потому что колено все еще давало о себе знать.

— Помоги открыть.

— Ты что, мертвяка хочешь... — Мильва осеклась, видя просверленные в крышке отверстия. — Холера! Гавнюкар живца в ящике вез?

— Какой-то пленник. — Геральт поддел мечом крышку. — Гавенкар здесь ждал нильфгаардца, чтобы передать ему. Они обменялись паролем и отзывом...

Крышка со скрипом оторвалась, явив человека с кляпом во рту, за руки и за ноги привязанного ременными петлями к боковинам гроба. Ведьмак наклонился. Присмотрелся внимательнее. Потом еще раз, еще внимательнее. И выругался.

— Ну, извольте, — проговорил он протяжно. — Сюрпризец! Кто бы ожидал?

— Знаешь его, что ль, ведьмак?

— Встречались, — неприятно усмехнулся он. — Спрячь нож, Мильва. Не разрезай ему пут. Это, похоже, внутренняя нильфгаардская проблема. Нам не следует вмешиваться. Оставим все как есть.

— Да хорошо ли я слышу? — проговорил из-за их спин Лютик. Он все еще был бледен, но любопытство пересилило другие чувства. — Хочешь оставить в лесу связанного человека? Догадываюсь, ты узнал кого-то, с кем был на ножах, но ведь это пленник, черт побери! Он был узником людей, которые напали на нас и чуть было не прикончили. Он враг наших врагов, а враги наших врагов...

Лютик замолчал, видя, что ведьмак вытаскивает из-за голенища складной нож. Мильва тихо кашлянула. Темно-голубые, прикрытые до сих пор от дождя глаза связанного человека расширились. Геральт наклонился и разрезал петлю на его левом плече.

— Глянь, Лютик, — сказал он, взяв пленника за кисть и поднимая ее. — Видишь шрам на руке? Это его Цири рубанула. На острове Танедд, месяц назад. Это нильфгаардец. Приехал на Танедд специально, чтобы увезти Цири. Она дала ему мечом, спасаясь от похищения.

— Коту под хвост вся ейная работня, — буркнула Мильва. — Чего-то тут, сдается, не играет. Ежели этот нильф твою Цирю с острова для Нильфгаарда увести хотел, то как он в гроб-то попал? Почему его гавнюкар

нильфам как раз же и выдавал? Вытащи у него кляп из пасти, ведьмак. Может, он чего скажет?

— Нет у меня никакого желания его слушать, — глухо ответил ведьмак. — У меня уже сейчас рука чешется ткнуть его мечом. Едва сдерживаюсь. А если он еще и заговорит, не сдержусь. Я вам не все о нем сказал.

— Ну и не сдерживайся, — пожала плечами Мильва. — Сдерживаться вредно. Ткни, ежели это такой негодяй. Только побыстрей, время торопит. Я ж говорила, вот-вот нильфы нагрянут. Я — за своим конем.

Геральт выпрямился, отпустив руку связанного. Тот тут же выдернул изо рта кляп и сплюнул. Но не заговорил. Ведьмак кинул ему нож на грудь.

— Не знаю, за какие грехи запихали тебя в этот сундук, нильфгаардец, — сказал он. — И мне это до свечки. Оставляю тебе нож, освобождайся сам. И жди здесь своих или убегай в леса, воля твоя.

Пленник молчал. Сейчас, связанный и засунутый в деревянный ящик, он выглядел еще более жалким и беззащитным, чем на Танедде, а там Геральт видел его на коленях, в луже крови, раненного, трясущегося от страха. Да и казался он гораздо моложе. Ведьмак не дал бы ему больше двадцати пяти лет.

— Я подарил тебе жизнь на острове, — добавил он. — Дарю и сейчас. Но в последний раз. При следующей встрече прикончу как собаку. Запомни. Если тебе вдруг вздумается уговорить своих дружков погнаться за нами, прихвати гроб с собой. Пригодится. Поехали, Лютик.

— А ну, быстро! — крикнула Мильва, возвращаясь галопом с ведущей на запад тропы. — Да не сюда! В леса, сучья мать, в леса!

— Что случилось?

— От Ленточки конники идут. Большой кучей! Нильфы! Ну, чего глазеете? По коням, пока нас не окружили!

Бой за село шел уже битый час, а конца все еще видно не было. Пешие, обороняющиеся из-за каменных стенок, заборов и баррикад, сложенных из телег, отразили уже три атаки конницы, наступавшей на них по дамбе. Ширина дамбы не позволяла конникам организовать фронтальный нажим, а обороняющейся пехоте давала возможность уплотнить оборону. В результате волны конницы всякий раз разбивались о баррикаду, из-за которой отчаявшиеся, но ожесточенные кнехты осыпали плотные ряды конников градом стрел из луков и арбалетов. Кавалеристы сбивались в кучу, и тогда защитники набрасывались на них, колотя бердышами, гизармами и коваными боевыми цепами. Конница отступала к прудам, оставляя трупы людей и лошадей, а пехотинцы вновь прятались за баррикадой и покрывали врага страшными ругательствами. Спустя какое-то время конница восстанавливала порядок и атаковала снова.

И все повторялось.

— Интересно, кто с кем дерется? — в очередной раз невнятно спросил Лютик, мусоливший во рту сухарь, который выклянчил у Мильвы.

Они сидели на самом краю обрыва, хорошо укрытые в можжевельнике, и могли наблюдать за боем, не опасаясь, что их самих кто-нибудь заметит. Точнее говоря, не то чтобы могли, а просто вынуждены были наблюдать. Другого выхода у них не было. Впереди кипел бой, позади горели леса.

— Нетрудно угадать, — наконец неохотно решился ответить Геральт на вопрос Лютика. — Конники — нильфгаардцы.

— А пешие?

— А пешие — не нильфгаардцы.

— Конники — регулярная кавалерия из Вердэна, — сказала Мильва, до той поры угрюмая и подозрительно неразговорчивая. — Шахматные клетки на попонах. А те, что в деревне, — бруггенские наемники. По хоругви видать.

Действительно, ободренные очередным успехом кнехты подняли над шанцем зеленый штандарт с белым крестом, плечи которого раздваивались на концах. Геральт смотрел внимательно, но раньше штандарта не видел, защитники подняли его только теперь. Видимо, в начале боя он где-то затерялся.

— И долго мы будем сидеть? — спросил Лютик.

— Глянь-ка! — буркнула Мильва. — Спрашивает! Посмотри сам-то! Куды ни глянь — всюду хреново.

Лютику не надо было ни смотреть, ни оглядываться. Весь горизонт был исполосован столбами дыма. Плотнее всего дымило на севере и западе, где чья-то армия поджигала леса. Многочисленные дымы вздымались в небо и на юге, там, куда они направлялись, когда путь

им преградил бой. Но за тот час, что они провели на обрывистом холме, дымы поднялись и на востоке.

— Однако ж, — начала лучница после недолгого молчания, взглянув на Геральта, — интересует меня, ведьмак, и здорово интересует, что ты теперь собираешься делать. За нами Нильфгаард и горящие леса, что перед нами — сам соображаешь. Так какие же у тебя планы?

— Мои планы не изменились. Пережду бой и отправлюсь на юг. К Яруге.

— Не иначе как тебе разум отшибло, — скривилась Мильва. — Видать же, что деется. Голым же глазом видать, что это не какая-то там драчка ничьих мужиков, а, как говорится, война. Нильфгаард на пару с Вердэном прет. На юге уж верняком Яругу перешли, не иначе уж весь Бругге, а может, и Содден в огне...

— Я должен добраться до Яруги.

— Ладно! А потом?

— Найду лодку, пойду вниз, попробую дойти до устья. Потом корабль. Должны же оттуда, черт побери, плавать какие-нито корабли...

— В Нильфгаард, что ли? — фыркнула Мильва. — Планы, значит, не изменились.

— Ты не обязана меня сопровождать.

— Ясно, не обязана. И хвала богам, потому как я смерти не ищу. Бояться-то я ее не боюсь, но скажу тебе: дать себя прикончить невелика штука.

— Знаю, — ответил он спокойно. — Есть опыт. Не шел бы в ту сторону, коли не нужда. Но — нужда, вот и иду. Ничто меня не удержит.

— Хо! — окинула она его взглядом. — А голосок, словно кто ножом по дну старого котла скребет. Если б тебя император Эмгыр услышал, в штаны б, ей-бо, напустил со страху. Ко мне, стража, ко мне, свита моя императорская, беда, беда-то какая, слышь, уж тут к нам, в Нильфгаард, ведьмак челном прет. Вот-вот тута будет, жизни и короны лишит! Все! Погибнул я, несчастный!

— Перестань, Мильва.

— Факт! Сам час тебе правду в глаза сказать. Да пусть меня полинялый кролик на пне отдерет, если я когда дурнее тебя парня видала! Едешь у Эмгыра свою девку выдирать? Которую Эмгыр в императрицы высмотрел? Которую у королей отобрал? У Эмгыра коготь что надо, чего уцепит, того не отпустит. Короли с ним не управились, а ты хочешь?

Ведьмак не ответил.

— В Нильфгаард, стало быть, намылился, — повторила Мильва, покачав головой. — С императором воевать надумал, невесту у него отбить. А ты подумал, как все может обернуться? Вот ты доехал, вот свою Цирю в дворцовых покоях отыскал, всю в злате и шелках, ну и что ты ей скажешь? Пошли, мол, милая, со мной, что тебе императорский трон, вдвоем в шалаше заживем из души в душу, перед новолунием кору грызть будем. Ты глянь на себя, хромой оборвыш. Ты даже капор и опорки у дриад получил после какого-то эльфа, который от ран помер в Брокилоне. Ты знаешь, что будет, когда тебя твоя мазелька увидит? В очи тебе плюнет, высмеет, драбантам велит тебя взашей за порог выкинуть и собаками затравить!

Мильва говорила все громче, под конец почти кричала. Не только от злости, но чтобы перекричать усиливающийся гул. Снизу орали десятки, может, сотни глоток. На бругтенских кнехтов навалилась очередная атака. Но теперь с двух сторон одновременно. Одетые в синие туники с черно-белыми клетками на груди вердэнцы гарцевали впереди, а из-за пруда, заходя защитникам с фланга, вылетел сильный отряд наездников в черных плащах.

— Нильфы, — кратко бросила Мильва.

Теперь у бругтенской пехоты не было никаких шансов выстоять. Кавалеристы прорвались через преграды и мгновенно разнесли защитников мечами. Штандарт с крестом упал. Часть пехотинцев бросила оружие и сдалась, часть пыталась бежать к лесу. Но оттуда налетел третий отряд, ватага разномастно одетых легковооруженных конников.

— Скоя'таэли, — поднявшись, сказала Мильва. — Теперь-то ты понял, что творится, ведьмак? Дошло до тебя? Нильфгаард, Вердэн и белки вкупе. Война. Как в Аэдирне месяц назад.

— Это рейд, — покрутил головой Геральт. — Грабительский налет. Только конница, никакой пехоты...

— Пехота форты и укрепленные замки берет. Вон те дымы, думаешь, откуда? Из коптилен?

Снизу, от деревушки, до них долетали дикие, отчаянные вопли беглецов, которых догоняли и приканчивали белки. С крыш поднялись дымы и огонь. Сильный ветер подсушил солому после утреннего ливня, пожар мгновенно перекидывался на соседние домишки.

— Вот, — буркнула Мильва, — конец селу. А ведь токо-токо отстроились опосля той войны. Два года в поте лица ставили, а сгорит за пару часов. Научиться б пора!

— Чему? — быстро спросил Геральт.

Она не ответила. Дым от пылающей деревушки взбивался высоко, добрался до обрыва, щипал глаза, выжимал слезы. Со стороны пожара долетели крики. Лютик вдруг побелел как полотно.

Пленных сбили в кучу, взяли в кольцо. По приказу рыцаря в шлеме с черным султаном конники принялись сечь и рубить безоружных. Падающих топтали лошадьми. Кольцо сжималось. Крики, долетавшие до обрыва, перестали походить на человеческие голоса.

— И мы пойдем на юг? — спросил поэт, выразительно глядя на ведьмака. — Через пожары? Туда, откуда являются эти мясники?

— Сдается мне, — не сразу ответил Геральт, — выбора у нас нет.

— Есть, — сказала Мильва. — Я могу провести вас лесами за Совиные Холмы и обратно до Кеанн Трайса. В Брокилон.

— Через пылающие леса? Сквозь огонь, от которого мы едва убежали?

— Все вернее, чем дорогой на юг. До Кеанн Трайса не боле четырнадцати верст, а я знаю тропки.

Ведьмак глядел вниз, на гибнущую в огне деревню. Нильфгаардцы уже управились с пленными, конники выстраивались в походную колонну. Разношерстная ватага скоя'таэлей двинулась по тракту, ведущему на восток.

— Я не возвращусь, — ответил Геральт жестко. — А вот Лютика в Брокилон проводи.

— Нет! — запротестовал поэт, хоть лицо его все еще не обрело своего нормального цвета. — Еду с тобой.

Мильва махнула рукой, подняла колчан и лук, сделала шаг в сторону лошадей, неожиданно повернулась.

— К дьяволу! Слишком долго и слишком часто я эльфов от погибели спасала. Не можно мне теперь глядеть, как кто гибнет. Провожу вас до Яруги, психи шальные, токо не южным путем, а восточным.

— Там же леса горят!

— Провожу через огонь. Привыкла.

— Ты не должна этого делать, Мильва.

— И верно, не должна! Ну, в седла! Двигайтесь наконец!

Уехали недалеко. Кони с трудом передвигались в чащобе и по заросшим стежкам, а пользоваться дорогами они не отваживались — отовсюду долетал топот и гул перемещающихся войск. Сумрак застал их среди заросших кустарником балок, и тут они остановились на ночлег. Дождь перестал. Небо было светлым от пожаров.

Они отыскали сравнительно сухое место, присели, обернувшись накидками и попонами. Мильва отправилась разведать околицу. Как только она отошла, Лютик дал волю долго сдерживаемому любопытству, которое возбуждала в нем брокилонская лучница.

— Девушка — прямо лань, — бурчал он. — Везет тебе на такие знакомства, Геральт. Стройная и ладная, не ходит — танцует. По мне, так немного узковата в бедрах, а в плечах чуточку мощновата, но ведь

женщина, женщина... Яблочки впереди, того и гляди, хо, хо... рубашка лопнет...

— Заткнись, Лютик.

— В пути, — мечтательно закатил глаза Лютик, — мне случилось нечаянно коснуться. Бедра, скажу тебе, словно мрамор. М-да, не скучал ты тот месяц в Брокилоне...

Мильва, которая в этот момент вернулась из разведки, услышала театральный шепот и заметила взгляды.

— Обо мне треплешься, поэт? Че-то ты на меня пялишься, едва я отвернусь? Птица мне на спину наклала?

— Никак не можем надивиться твоему искусству лучника, — осклабился Лютик. — Думаю, на стрелецких состязаниях у тебя б конкурентов не было.

— Давай-давай, трепись.

— Читал я, — Лютик многозначительно глянул на Геральта, — что самых лучших лучниц можно найти среди зерриканок, в степных кланах. Некоторые вроде бы отрезают себе левую грудь, чтобы не мешала натягивать лук. Бюст, говорят, мешает тетиве.

— Не иначе, какой виршеплет навроде тебя выдумал, — прыснула Мильва. — Сидит себе и от нечего делать придумывает всякую ослиную дурь, перо в горшок ночной макает, а люди глупые верят! Что, сиськами, что ль, стреляют-то? Или как? К щеке тетиву натягивают, боком стоя, вот так. Ни за чего тетива не задевает. Что отрезают — глупость, выдумка пустоголовых бездельников навроде тебя, которым вечно одни бабьи титьки снятся.

— Благодарю за сердечные слова о поэтах и поэзии. И за лекцию о лучницах. Хорошее оружие лук. Знаете, что? Я думаю, именно в этом направлении будет развиваться военная наука. В будущих войнах биться будут на расстоянии. Изобретут такое оружие, что противники смогут запросто убивать друг друга, вообще не видя, кого убивают!

— Дурь одна... — кратко оценила Мильва. — Лук — хорошая штука, но война — это мужик супротив мужика, на длину меча. Тот, что крепче, слабаку башку пополам. Всегда так было и так будет. А когда кончится, то и войнам конец. А пока что — видел, как воюют? В той деревне, возле дамбы. Эх, что трепаться впустую. Пойду гляну. Кони храпят, ровно б волк где поблизости крутит...

— Ну — лань и лань! — Лютик проводил ее взглядом. — Хммм... Однако, возвращаясь к упомянутой деревне у дамбы и к тому, что Мильва твоя сказала, когда мы на обрыве сидели... Ты не считаешь, что она была малость права?

— Относительно чего?

— Относительно... Цири. — Поэт слегка запнулся. — Наша прелестная и быстрострельная дева, похоже, не уразумела ваших взаимоотношений, думает, как мне кажется, что ты намерен соперничать с нильфгаардским императором в борьбе за ее руку. Что в этом истинная причина твоего похода в Нильфгаард.

— Стало быть, относительно этого она не права. А относительно чего права?

— Погоди, не заводись. Но взгляни правде в глаза. Ты приголубил Цири и считаешь себя ее опекуном. Но

это ведь не обычная девушка. Она — королевское дитя, Геральт. Ей, как ни говори, положен трон. Дворец. Корона. Не знаю, конечно, нильфгаардская ли. Не знаю, лучший ли для нее муж Эмгыр...

— И верно. Не знаешь.

— А ты знаешь?

— Ясное дело — потихоньку приближаешься к выводам, — сказал ведьмак, плотнее заворачиваясь в попону. — Не старайся очень-то. Я знаю, что это за вывод. Нет смысла спасать Цири от судьбы, писанной ей при рождении. Ибо спасенная Цири вполне может приказать драбантам скинуть нас с лестницы. А посему — оставим ее в покое. Так?

Лютик раскрыл рот, но Геральт не дал ему заговорить.

— Девочку, — начал он все сильнее изменяющимся голосом, — поймал не дракон или злой волшебник, не пираты похитили ее ради выкупа. Она не сидит в башне, в застенке или в клетке, ее не пытают и не морят голодом. Все совсем наоборот. Она спит на дамасте, ест с серебра, носит шелка и кружева, вся увешана драгоценностями, того и гляди ее коронуют. Короче говоря, она счастлива. А какой-то ведьмак, которого злой рок когда-то случайно поставил у нее на пути, надумал это счастье порушить, уничтожить, растоптать дырявыми опорками, которые ему достались в наследство от какого-то дохлого эльфа. Так?

— Не это я имел в виду, — буркнул Лютик.

— Да не к тебе он обращается. — Мильва неожиданно вынырнула из мрака и после недолгого колебания присела рядом с ведьмаком. — Ко мне. Это мои слова

так его допекли. По злобе я говорила, не подумавши... Ты уж прости, ведьм. Знаю я, как бывает, когда в живую рану коготь всадить... Ну, не злись. Больше я так не сделаю. Простишь? Или надо тебя ради прощения... приголубить?

Не ожидая ответа или разрешения, она сильно обняла его за шею и поцеловала в щеку. Он крепко сжал ей руку.

— Придвиньтесь, — откашлялся он. — И ты тоже, Лютик. Рядом теплее будет!

Молчали долго. По светлому от зарев небу двигались облака, то и дело заслоняя помигивающие звезды.

— Хочу вам кое-что сказать, — наконец проговорил Геральт. — Но поклянитесь, что не станете смеяться.

— Давай.

— Видел я странные сны. В Брокилоне. Сначала думал — бред. Что-то с головой. Понимаете, на Танедде меня здорово треснули по лбу. Но несколько ночей я видел один и тот же сон. Постоянно один и тот же.

Лютик и Мильва молчали.

— Цири, — продолжал он, — не спит во дворце под парчовым балдахином, а едет на лошади через какую-то пыльную деревушку... Кметы указывают на нее пальцами. Называют именем, которого я не знаю. Лают собаки. Она не одна. Есть там и другие. Какая-то коротко остриженная девушка держит Цири за руку... Цири ей улыбается. Не нравится мне ее улыбка. Не нравится мне ее яркий макияж... А больше всего не нравится мне то, что за ней следом плетется смерть...

— Тогда где же эта девушка? — заурчала Мильва, словно кошка прижимаясь к нему. — Не в Нильфгаарде?

— Не знаю, — с трудом ответил он. — Но один и тот же сон я видел несколько раз. Проблема-то в том, что я не верю в такие сны.

— Ну и глупо. Я верю.

— Не знаю, — повторил он. — Но чувствую. Перед ней огонь, а за ней смерть. Мне надо спешить.

На рассвете снова пошел дождь. Не так, как вчера, когда буря сопровождалась сильным, но кратким ливнем. Сейчас небо посерело и затянулось свинцовым налетом. Начало моросить: мелко, ровно, докучливо.

Они ехали на восток. Мильва вела. Когда Геральт обратил ее внимание на то, что Яруга находится на юге, лучница обрезала его и напомнила, что ведет она и она сама знает, что делает. Больше он не заговаривал. В конце концов важно было, что они едут. Направление особого значения не имело.

Ехали молча, мокрые, озябшие, ссутулившись в седлах. Придерживались лесных тропок, проскальзывали вдоль вырубок, пересекали тракты. Слыша стук копыт проходившей по дорогам кавалерии, углублялись в чащу. Широкой дугой обходили гул и рев боев. Проезжали мимо полыхающих деревень, мимо дымящихся и тлеющих пожарищ, мимо поселков и мыз, от которых остались только черные квадраты выгоревшей земли и резкая вонь промоченной дождем гари. Спугивали стаи ворон, обжирающихся трупами. Миновали группы и колонны сгибающихся

под тяжестью тюков и сундуков, бегущих от войны и пожара кметов, отупевших, отвечающих на вопросы только испуганным, ничего не понимающим и не выражающим взглядом пустых от несчастья и ужаса глаз.

Они ехали на восток, в огне и в дыму, в мороси и тумане, а перед их глазами разворачивался гобелен войны, сменялись картины.

Была картина с журавлем, вознесшим черную стрелу посреди руин спаленной деревушки. На журавле висел нагой труп. Головой вниз. Кровь из разрубленной промежности и живота стекала ему на грудь и лицо, сосульками свисала с волос. На спине трупа была видна руна «Ард». Вырезанная ножом.

— An'givare, — сказала Мильва, откидывая мокрые волосы с шеи. — Здесь были белки.

— Что значит an'givare?

— Доносчик.

Была картина с сивой лошадью в черной попоне. Животное, покачиваясь, ступало по краю побоища, пробираясь между навалами трупов и вбитыми в землю обломками копий, тихо и со свистом ржало и волочило за собой вывалившиеся из распоротого брюха внутренности. Добить лошадь они не могли — кроме нее, по полю шатались обдирающие трупы мародеры.

Была картина с распятой девушкой, лежащей недалеко от спаленного крестьянского двора, голой, окровавленной, глядящей в небо остекленевшими глазами.

— Говорят, драка — мужская доля, — проворчала Мильва. — А над бабой не сжалятся, обязательно должны поизмываться. Герои, собачья масть!

— Ты права. Но этого не изменишь.

— Я уже изменила. Сбежала из дому. Не хотела подметать халупу и драить полы. И ждать, когда придут, халупу подпалят, а меня разложат на полу и...

Она не докончила, подогнала коня.

А потом была картина со смолокурней. Вот тогда-то Лютик выблевал все, что в тот день съел, то есть сухарь и половину вяленой трески.

В смолокурне нильфгаардцы — а может, скоя'таэли — расправились с большой группой пленников. Сколько их было в этой большой группе, невозможно было сосчитать даже приблизительно. Потому что для расправы послужили не только стрелы, мечи и копья, но и найденный в смолокурне лесорубский инструмент: топоры, струги и пилы.

Были и другие картины, но Геральт, Лютик и Мильва их уже не запомнили. Выкинули из памяти.

Стали невосприимчивыми.

За следующие два дня не проехали и двадцати верст. Шел дождь. Почва, возжаждущая после летней суши воды, упилась до пересыта, лесные дорожки развезло. Туман и испарения не позволяли видеть дымы пожаров, но запах гари указывал на то, что войска все еще недалеко и продолжают жечь все, что берет огонь.

Беженцев они не видели. Шли по лесам одни. Во всяком случае, так им казалось.

Геральт первым услышал храп идущего за ними следом коня. С каменным лицом завернул Плотву. Лютик раскрыл было рот, но Мильва жестом велела ему молчать, вынула лук из сайдака при седле.

Едущий следом за ними человек появился из зарослей. Увидел, что его ожидают, и остановил коня, гнедого жеребца. Так они и стояли в тишине, прерываемой только шумом дождя.

— Я запретил тебе ехать за нами, — наконец сказал ведьмак.

Нильфгаардец, которого Лютик последний раз видел засунутым в гроб, уставился на мокрую гриву коня. Поэт едва узнал его, одетого в кольчугу, кожаный кафтан и плащ, несомненно, позаимствованный у одного из убитых гавенкаров. Однако он запомнил молодое лицо, которое с момента приключения под буком еще не успела изменить скупо растущая бородка.

— Я запретил, — повторил Геральт.

— Запретил, — наконец признал юноша. Говорил он без нильфгаардского акцента. — Но я должен.

Геральт спрыгнул с коня, бросил поводья поэту. И вытянул меч.

— Слезай, — сказал он спокойно. — Вижу, ты уже приобрел себе железяку. Это хорошо. Я не хотел кончать тебя, когда ты был безоружным. Теперь — другое дело. Слезай.

— Я не стану с тобой биться. Не хочу.

— Догадываюсь. Как и все твои соплеменники, предпочитаешь другой вид драки. Такой, как в той смолокурне, рядом с которой тебе пришлось проехать, следуя за нами. Слезай, говорю.

— Я — Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

— Меня не интересует твое имя. Я приказал слезть.

— Не слезу. Я не хочу с тобой биться.

— Мильва, — кивнул ведьмак лучнице. — Окажи мне любезность, убей под ним коня.

— Нет! — Нильфгаардец поднял руку, прежде чем Мильва наложила стрелу на тетиву. — Нет, пожалуйста, не надо. Я слезу.

— Так-то оно лучше. А теперь доставай меч, сопляк.

Юноша скрестил руки на груди.

— Убей меня, если хочешь. Если не хочешь сам — прикажи своей эльфке застрелить меня из лука. Я не стану с тобой биться. Я Кагыр Маур Дыффин... сын Кеаллаха. Я хочу... Я хочу присоединиться к вам.

— Уж не ослышался ли я? Повтори.

— Хочу к вам присоединиться. Ты ищешь девочку. Я хочу тебе помочь.

— Псих ненормальный, — повернулся Геральт к Мильве и Лютику. — Он спятил. Чокнутый какой-то.

— В сам раз для нашей компании, — буркнула Мильва. — Прямо тютелька в тютельку подошел бы.

— Обдумай его предложение, Геральт, — съехидничал Лютик. — Как-никак, нильфгаардский дворянин. Может, с его помощью нам будет легче пробраться в...

— Попридержи язык, — прервал его ведьмак. — Ну, давай, доставай меч, нильфгаардец.

— Я не буду биться. И я не нильфгаардец. Я из Виковаро. Меня зовут...

— Мне плевать, как тебя зовут. Доставай оружие.

— Нет.

— Ведьмак, — Мильва наклонилась в седле, сплюнула на землю, — время идет, а дождь мочит. Нильф не хочет с тобой биться, а ты, хоть и строишь зверские рожи, не зарубишь его так, за здорово живешь.

И что, будем тут торчать, покуда не обделаемся? Всажу его гнедому стрелу в пах и едем дальше. Пёхом он за нами не поспеет.

Кагыр, сын Кеаллаха, одним прыжком подскочил к гнедому жеребцу, запрыгнул в седло и помчался назад, криком подгоняя коня. Ведьмак какое-то время глядел ему вслед, потом сел на Плотву. Молча. И не оглядываясь.

— Старею, видать, — буркнул он немного погодя, когда Плотва поравнялась с вороным конем Мильвы. — Принципы наружу вылезли.

— У стариков это бывает. — Лучница с сочувствием глянула на него. — И часто вылезают? Отвар из медуницы, говорят, помогает. И вправлять надо. А пока — клади себе подушечку под зад.

— Принципы, — серьезно пояснил Лютик, — не геморройные шишки, Мильва. Ты путаешь понятия.

— А кто их там поймет, треп-то ваш заумный! Болтаете, болтаете, одно токо и умеете! А ну, дальше! Езда!

— Мильва, — немного погодя спросил ведьмак, прикрывая лицо от секущего на галопе дождя. — Убила б ты под ним коня?

— Нет, — неохотно призналась она. — Чем конь-то виноват? Да и нильф энтот... Какого черта он за нами увязался? Пошто говорит, что должен?

— Чтоб меня черти взяли, если знаю.

Дождь не прекращался, когда лес неожиданно кончился и они выехали на тракт, бегущий среди холмов с юга на север. Или наоборот, в зависимости от точки зрения.

То, что они увидели на тракте, их не удивило. Такое уже было. Перевернутые и развороченные телеги, конские трупы, раскиданные тюки, вьюки и лубяные короба. И изувеченные, застывшие в разных позах тела, которые еще недавно были живыми людьми.

Подъехали ближе, без опаски, так как ясно было, что бойня произошла не сегодня, а вчера или позавчера. Они уже научились распознавать такие штуки, а может, чувствовали их простым животным инстинктом, который пробудился и обострился в них за прошедшие дни. Научились они и осматривать побоища, потому что иногда — правда, редко — среди пораскиданных пожитков удавалось найти немного съестного либо мешок фуража.

Остановились у крайнего фургона разгромленного обоза, спихнутого в ров и как бы присевшего на ступицу поломанного колеса. Под фургоном лежала полная женщина с неестественно вывернутой шеей. Ворот куртки покрывали размытые дождем струйки засохшей крови из разорванной мочки уха, из которой выдрали серьгу. На тенте фургона виднелась надпись: «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Сыновей поблизости не было.

— Это не кметы, — стиснула зубы Мильва. — Это купцы. С юга шли, от Диллингена и Бругге, тут их и накрыли. Скверно, ведьмак. Я уж мнила тут к югу свернуть, а теперь, ей-бо, не знаю, что делать. Диллинген и весь Бругге уж точно в нильфгаардских руках, здесь нам к Яруге не пройти. Надо дальше на восток

двигать, через Турлуг. Там леса и безлюдье, туда армия не пойдет.

— Дальше на восток я не поеду, — возразил Геральт. — Мне необходимо попасть на Яругу.

— И попадешь, — неожиданно спокойно ответила она. — Но по более безопасному пути. А двинешь отсюда на юг, прямо в зубы нильфам попадешь. И ничего не выгадаешь.

— Время выгадаю, — буркнул он. — А если ехать на восток, значит, снова его упущу. Говорил же — не могу я себе этого...

— Тише! — вдруг сказал Лютик, поворачивая коня. — Перестаньте на минуту болтать.

— Что такое?

— Слышу... пение.

Ведьмак покачал головой. Мильва хихикнула.

— Чудится тебе, трубадуй.

— Тихо, сказал! Заткнитесь! Кто-то поет, говорю же. Не слышите?

Геральт скинул капюшон, который Мильва обозвала капором. Мильва тоже прислушалась, потом глянула на ведьмака и молча кивнула.

Музыкальный слух не подвел трубадура. То, что казалось невозможным, оказалось правдой. Они стояли в сердце леса под моросящим дождем, на дороге, усеянной трупами, и слышали пение. Кто-то приближался с юга и пел бодро и весело.

Мильва дернула поводья вороного, готовая бежать, но ведьмак жестом остановил ее. Его это заинтересовало. Потому что доносящееся до них пение не было грозной, ритмичной, гудящей многоголосицей марширующей пехтуры или задорной песенкой конников. Оно не вызывало страха. Совсем наоборот.

Дождь шумел в листве. Уже можно было различить слова песенки. Веселой песенки, казавшейся в этой панораме войны и смерти чем-то чуждым, неестественным и совершенно неуместным.

Гляньте, там в бору-борочке
да волчишко пляшет,
Зубья щерит, резво скачет
и хвостишком машет.
Ты чего такой веселый, бестия лесная?
Иль жены не подыскалось?
Не нашлась такая?
Ум-та, ум-та, у-ху-ха!

Лютик вдруг рассмеялся, вытащил из-под мокрого плаща лютню, не обращая внимания на шипение ведьмака и Мильвы, рванул струны и подхватил во весь голос:

Гляньте, серый волк патлатый
стонет под горою,
Морда в землю, хвост
под брюхом и слеза рекою.
Ты чего такой унылый, бестия лесная?
Ох, женился я по дури!
Ох, судьбина злая!

— Ум-та, ум-та, у-ху-ха! — подхватили совсем близко многочисленные голоса.

Раздался дружный смех, кто-то пронзительно засвистел на пальцах, и из-за поворота показалась уди-

вительно живописная, идущая гуськом компания, разбрызгивающая грязь ритмичными ударами тяжелых сапожищ.

— Краснолюды, — вполголоса отметила Мильва. — Но не из белок. Бороды не заплетены.

Их было шестеро. В коротких, переливающихся всеми оттенками серого и коричневого плащах с капюшонами, какие краснолюды обычно носят во время ненастья. Геральт знал, что такие плащи совершенно не пропускали воды, поскольку из года в год они пропитывались дегтем, покрывались дорожной пылью и остатками жирной пищи. Практически такая одежда переходила от отца к старшему сыну, поэтому пользовались ею, как правило, исключительно краснолюды зрелого возраста. А зрелости краснолюд достигал тогда, когда борода доходила ему до пояса, что обычно случалось годам к пятидесяти.

Ни один из приближающихся на молодого не походил. Но и на старого тоже.

— Людей ведут, — буркнула Мильва, движением головы указывая Геральту на группу, выходящую из леса вслед за шестеркой краснолюдов. — Не иначе, как беженцев, глянь, все поклажей увешены.

— Да и сами тоже неплохо нагружены, — заметил Лютик.

Действительно, каждый краснолюд тащил груз, под которым запросто свалился бы не только человек, но и конь, что послабее. Кроме обычных наспинных мешков и котомок, Геральт заметил небольшие туески, солидный медный котел и что-то вроде маленького сундука с ящиками. Один нес на плече колесо от телеги.

Передний шел налегке. За пояс у него был засунут небольшой топорик, за спиной — длинный меч в ножнах, обернутых полосатыми кошачьими шкурками, на плече зеленый, мокрый взъерошенный попугай. Именно передний с ними и поздоровался.

— Приветствую! — рявкнул он, останавливаясь посередь дороги и упираясь руками в бока. — Времена такие, что лучше волка повстречать в бору, чем человека, а если уж выпало человека, то сподручней встречного стрелой из самострела попотчевать, чем добрым словом поприветствовать! Но кто песней здоровкается, кто музыкой представляется, тот, видать, свой мужик. А может, и своя баба, прошу прощения у милой дамы! Приветствую. Я — Золтан Хивай.

— Я — Геральт, — представился после недолгого колебания ведьмак. — Пел Лютик. А это — Мильва.

— Кррва мать! — проскрипел попугай.

— Захлопни клюв! — буркнул на птицу Золтан Хивай. — Прощения прошу. Мудрая эта заморская птица, но невоспитанная. Десять талеров за чудака отдал. Фельдмаршал Дуб зовется. А это остальная моя компания: Мунро Бруйс, Язон Варда, Калеб Страттон, Фиггис Мерлуццо и Персиваль Шуттенбах.

Персиваль Шуттенбах был не краснолюд. Вместо всклокоченной бороды из-под мокрого капюшона выступал длинный и острый нос, безошибочно указывающий на принадлежность владельца старой и благородной расе гномов.

— Эти, — указал Золтан Хивай на сбившихся неподалеку в кучку людей, — беженцы из Кернова. Одни

бабы с ребятней. Больше их было, но Нильфгаард окружил их три дня тому, вырезал и рассеял. Мы наткнулись на них в лесах и теперь вот сообща идем.

— Смело идете, — позволил себе заметить ведьмак. — По дороге с песнями.

— Не думаю, — тряхнул бородой краснолюд, — что топать с плачем было бы лучше. От Диллингена шли лесами, тихо и скрытно, а когда войска прошли, выбрались на тракт, чтобы время нагнать. — Он осекся, глянув на побоище.

— К таким картинкам, — указал он на трупы, — мы уже попривыкли. От самого Диллингена, от Яруги на трактах одна смерть... Вы из этих?

— Нет. Купцов нильфгаардцы вырезали.

— Нет. Не нильфгаардцы, — покрутил головой краснолюд, равнодушно глядя на убитых. — Скоя'таэли. Регулярное войско не тратит времени на то, чтобы стрелы из трупов вытаскивать. А хорошая стрела полкроны стоит.

— Ишь, разбирается, — буркнула Мильва.

— Куда идете?

— На юг, — тут же ответил Геральт.

— Не советую. — Золтан Хивай снова покачал головой. — Там сплошь ад, огонь и гибель. Диллинген уже наверняка захвачен, все крупные силы Черных переходят Яругу, того и гляди зальют всю долину на правом берегу. Сами видите, они уже перед нами, на севере, идут на город Бругге. Стало быть, единственно разумное направление бегства — восток.

Мильва многозначительно глянула на ведьмака, а ведьмак воздержался от комментариев.

— Мы, к примеру, на восток направляемся, — продолжал Золтан Хивай. — Единственный шанс — это спрятаться за фронт, а с востока, от реки Ины, в конце концов двинутся темерские войска. Думаем идти туда лесными просеками до Холмов Турлуга, потом Старой Дорогой до Соддена, до реки Хотли, что в Ину впадает. Хотите, пойдемте вместе. Если не помешает, что медленно идем. У вас кони, а нас беженцы задерживают здорово.

— Вам, гляжу, — проговорила Мильва, проницательно глядя на него, — это вроде бы не мешает. Краснолюд даже с грузом тридцать верст в день может отмахать без малого, сколь и конный человек. Я знаю Старую Дорогу. Без беженцев вы бы у Хотли за три дня были.

— Это ж бабы с детями. — Золтан Хивай выставил бороду и живот. — Мы их на милость судьбы не кинем. Иль посоветуете что другое? Э?

— Нет, — сказал ведьмак. — Не посоветуем.

— Рад слышать. Значит, не подвел меня первый взгляд. Ну, так как? Вместе идем?

Геральт глянул на Мильву, лучница кивнула.

— Добро. — Золтан Хивай заметил это. — Стало быть, в путь, пока нас тут на тракте какой-нито разъезд не прихватил. Но прежде... Язон, Мунро, осмотрите телеги. Ежели что полезного там осталось — забрать. Фиггис, проверь, годится ль наше колесо к той вон малой фуре. Она б нам была в сам раз.

— Годится! — крикнул через минуту тот, что тащил колесо. — Словно от ней и было.

— Ну, видишь, дурья башка? Дивился, когда я тебе вчера велел колесо взять и тащить! Приспособляй! Помоги ему, Калеб!

Удивительно быстро снабженный новым колесом воз покойницы Вэры Лёвенхаупт со снятым тентом и без ненужных элементов вытащили из рва на дорогу. Мгновенно свалили на него весь груз. Подумав, Золтан Хивай приказал посадить на телегу детей. Распоряжение было выполнено без энтузиазма — Геральт заметил, что беженки косо глядят на краснолюдов и предпочитают держаться от них подальше.

Лютик с явным неудовольствием поглядывал на двух краснолюдов, примерявших снятую с трупов одежду. Остальные шныряли среди телег, но, видно, ничего стоящего не нашли. Золтан Хивай свистнул на пальцах, дав знак, что пора уже кончать «промысел», затем глазом профессионала окинул Плотву и вороного Мильвы.

— Верховые, — отметил он, с неудовольствием шмыгнув носом. — Значит, не годятся. Фиггис, Калеб — за дышла. Будем меняться в упряжи. Марш!

Геральт был уверен, что краснолюды бросят телегу, как только та порядком увязнет на раскисших просеках, но ошибся. Низкорослые парни были сильны как быки, а ведущие на восток лесные дороги оказались травянистыми и не очень топкими.

Дождь шел без перерыва. Мильва стала угрюмой, вялой, а если и заговаривала, то только чтобы сказать, что у лошадей вот-вот полопается размякшая роговина

на копытах. Золтан Хивай в ответ облизывался, осматривал копыта и утверждал, что он крупный дока по части приготовления конины, чем доводил Мильву до бешенства.

Они выдерживали постоянный строй, в центре которого двигалась телега. «Тягачи» время от времени менялись. Перед телегой вышагивал Золтан, рядом с ним ехал на Пегасе Лютик, дружески препиравшийся с попугаем. За телегой следовали Геральт с Мильвой, а в хвосте тащились шесть женщин из Кернова.

Вел, как правило, Персиваль Шуттенбах, длинноносый гном. Уступая краснолюдам ростом и силой, он был их ровней по выносливости, а ловкостью даже значительно превосходил. Во время движения постоянно петлял, шебуршил по кустам, выбегал вперед и исчезал, затем неожиданно появлялся и нервными, обезьяньими жестами издалека давал понять, что все в порядке, можно идти дальше. Иногда подходил и быстро докладывал о преградах на пути. Всякий раз, возвращаясь, приносил четверке сидевших на возу детей горсть орехов, ягод либо какие-нибудь странные, но явно вкусные корешки.

Шли они чудовищно медленно, пробирались по просекам и вырубкам три дня. Не встретили армии, не видели ни дымов, ни пожарищ. Однако одиноки не были. «Разведчик» Персиваль то и дело докладывал о скрывающихся в лесах группах беженцев. Несколько таких групп они миновали, причем быстро, потому что вид вооруженных вилами и дубинами людей как-то не вызывал желания вступать с ними в контакт. Правда, кто-то из краснолюдов все-таки предложил попытаться переговорить и оставить одной группе женщин из Кер-

нова, но Золтан воспротивился, а Мильва его поддержала. Женщины тоже явно не горели желанием покинуть компанию. Это было тем удивительнее, что к краснолюдам они относились с очевидным страхом и неприязнью, почти не разговаривали с ними и на каждой стоянке держались особняком.

Геральт объяснял поведение женщин трагедией, которую они недавно пережили, но при том подозревал, что причиной неприязни могли быть и свободные нравы краснолюдов. Золтан и его компания ругались так же непристойно и часто, как и попугай по имени Фельдмаршал Дуб, но при этом репертуар у них был несравнимо богаче. Распевали скабрезные песенки, в чем им активно помогал Лютик. Плевались, сморкались в руку и пускали громкие ветры, становившиеся, как правило, поводом для смеха, шуток и соперничества. В кусты ходили исключительно по большой нужде, а малую справляли, не затрудняя себя долгим хождением. Последнее наконец разобрало Мильву, которая крепко отчитала Золтана, когда тот утром отлил на еще теплый пепел костра, совершенно не стесняясь зрителей и не обращая внимания на поднявшуюся вонь. Получив от Мильвы выговор, Золтан нисколько не смутился и сообщил, что скрывать такого рода действия могут только двуличные, коварные и склонные к доносительству типы, по каковым действиям таковых обычно и узнают. Однако красноречивые пояснения краснолюда не произвели на лучницу никакого впечатления. Она угостила краснолюдов богатым букетом ругательств и несколькими вполне конкретными обещаниями, что явно возымело действие, потому что все стали послушно ходить

в кусты. Однако чтобы не попасть в разряд двуличных и коварных доносителей, делали это коллективно.

Зато новое общество совершенно изменило Лютика. Поэт был с краснолюдами запанибрата, особенно когда оказалось, что некоторые слышали о нем и даже знают его баллады и куплеты. Лютик старался не уступать золтановой компании ни в чем. Носил стеганую куртку, которую выклянчил у краснолюдов, изрядно потрепанную шапочку с пером заменил на лихой куний колпак. Перепоясался широким, украшенным латунью поясом, за который заткнул полученный в подарок нож вполне разбойничьего вида. Нож этот, как правило, колол его в пах при каждом наклоне. К счастью, убийственное оружие вскоре где-то потерялось, а другого ему получить уже не удалось.

Они шли густыми лесами, покрывающими склоны Турлуга. Леса казались вымершими, никаких признаков животных, видимо, распуганных войсками и беженцами. Не за чем было поохотиться, но, к счастью, пока что голод им не грозил. Краснолюды прихватили с собой достаточно припасов. А когда они кончились — а кончились они вскоре, потому что ртов было много, — Язон Варда и Мунро Бруйс, едва стемнело, исчезли, прихватив пустой мешок. Под утро они вернулись уже с двумя мешками, полными под завязку. В одном оказался овес для лошадей, в другом — крупа, мука, сушеная говядина, только-только початый круг сыра и даже огромный сычуг — деликатес в виде фаршированного ливером свиного желудка, спрессованного между двумя дощечками вроде меха для раздувания огня в печи.

Геральт догадывался, откуда берется добыча. Сразу комментировать не стал, но дождался подходящего момента. Когда он оказался с Золтаном один на один, то вежливо спросил, не видит ли тот чего-нибудь неприличного в ограблении других беженцев, голодных не меньше них и наравне с ними бьющихся за выживание. Краснолюд серьезно ответил, что да, ему страшно стыдно, но такой уж у него характер.

— Мой колоссальный недостаток, — пояснил он, — в неизбывной доброте. Я прямо-таки не могу не творить добро. Однако я — краснолюд разумный и рассудительный и знаю, что быть добрым ко всем невозможно. Если я попробую быть добрым ко всем, ко всему миру и всем населяющим его существам, то это будет то же самое, что капля пресной воды в соленом море, другими словами: напрасное усилие. Поэтому я решил творить добро конкретное, такое, которое не идет впустую. Я добр к себе и своему непосредственному окружению.

Больше вопросов Геральт не задавал.

На одной из стоянок Геральт и Мильва долго беседовали с Золтаном Хиваем, неисправимым и закоренелым альтруистом. Краснолюд был в курсе того, как проходят военные действия. Во всяком случае, так казалось.

— Наступление, — отвечал он, останавливая то и дело скрипяще сквернословящего Фельдмаршала Дуба, — началось с Дришота, на рассвете седьмого дня после Ламмаса. Вместе с нильфгаардцами шли союзные им вердэнские войска, потому что Вердэн, как вы знаете, теперь стал имперским протекторатом. Армии шли быстро, поджигая по пути все деревни за Дришотом и сметая размещенные там бругтенские гарнизоны. А на крепость Диллинген из-за Яруги накинулись нильфгаардские Черные пехотинцы. Они перешли реку в совершенно неожиданном месте. Навели мост на лодках, за полдня навели, верите?

— Тут во все поверишь, — проворчала Мильва. — Вы были в Диллингене, когда началось?

— Неподалеку, — уклончиво ответил краснолюд. — Когда до нас дошли вести о нападении, мы уже были на пути к городу Бругге. На тракте возник страшный бедлам, от беженцев не продохнешь, одни жмут с юга на север, другие — наоборот. Забили тракт, тут мы и уперлись. А нильфгаардцы, как оказалось на поверку, были и за нами, и перед нами. Вероятно, разделились те, что шли от Дришота. Думается мне, большой конный разъезд пошел на северо-восток, как раз к городу Бругге.

— Значит, Черные уже находятся к северу от Турлуга. Получается, что мы в самой середке, между разъездами. В пустоте.

— Ага, в середке, — согласился краснолюд. — Да не в пустоте. Императорским ратям фланги прикрывают белки, вердэнские волонтеры и всякие вольные группы, а эти похуже нильфгаардцев будут. Такие-то Кернов и спалили и нас чуть было не сцапали, мы едва успели в леса дунуть. Нам туда нельзя носа высунуть из пущи. И все время надо быть настороже. Вот дойдем до Старой Дороги, а оттуда по берегу Хотли до Ины,

а уж на Ине должны напасть на темерские войска. Солдаты короля Фольтеста, верно, тоже уже отряхнулись от неожиданности и дали отпор нильфгаардцам.

— Хорошо б, — сказала Мильва, глядя на ведьмака. — Однако ж секрет в том, что нас важные дела на юг гонят. Мы-то думали от Турлуга на юг двинуть, к Яруге.

— Не знаю, какие такие дела гонят вас в те стороны. — Золтан подозрительно зыркнул на них. — Однако, видать, шибко важные и срочные, ежели ради них шеей рисковать собрались.

Он понизил голос, переждал, но никто не спешил с пояснениями. Краснолюд почесал зад, кашлянул, сплюнул и наконец сказал:

— Я не удивлюсь, если окажется, что нильфгаардцы уже держат в кулаке оба берега Яруги аж до самого до устья Ины. А вам в какое место у Яруги надо?

— Ни в какое конкретно, — решился ответить Геральт. — Лишь бы к реке. Хочу на лодке к устью поплыть.

Золтан глянул на него и рассмеялся. Однако тут же умолк, сообразив, что это была не шутка.

— Надо признать, — сказал он, помолчав, — дорожка у вас что надо! Только забудьте об этом. Весь южный Бругге в огне, не успеете добраться до Яруги, вас или на кол посадят, или в плен возьмут и погонят в Нильфгаард. А если вы каким-то чудом все же дотопаете до реки, то спуститься к устью у вас нет никакой возможности. Я уже сказал о мосте на лодках, перекинутом из Цинтры на бруггский берег. Этот мост, говорю вам, стерегут днем и ночью, там никто по реке не проплывет,

разве что лосось. Вашим срочным и важным делам следует поубавить в срочности и важности. Выше задницы не подскочишь. Я имею в виду ваши дела.

Выражение лица и взгляд Мильвы явно свидетельствовали, что ей тоже так мнится. Геральт не комментировал. Чувствовал он себя отвратительно. Кость левого предплечья и правое колено все еще грызли невидимые клыки тупой, раздражающей боли, которую еще больше усиливала вездеприсутствующая влага. Докучали также мучительные, удручающие, невыразимо неприятные ощущения, ощущения чуждые, которых никогда раньше он не испытывал и с которыми не умел справиться.

Бессилие и отчаяние.

Через два дня дождь прекратился, выглянуло солнце. Леса вздохнули испарениями и быстро рассеивающимися туманами, птицы принялись активно наверстывать упущенное. Золтан повеселел и объявил стоянку подольше, после которой пообещал идти быстрее и добраться до Старой Дороги всего за один день.

Женщины из Кернова разукрасили все окружающие ветки черным и серостью развешанной для сушки одежды, а сами в одних ночных рубашках, собранных у шеи, стыдливо укрылись в кустах и занялись стряпней. Раздетые догола ребятишки разыгрались, самыми причудливыми способами нарушая благородный покой исходящей паром пущи. Лютик отсыпался. Мильва исчезла.

Краснолюды отдыхали активно. Фиггис Мерлуццо и Мунро Бруйс отправились на поиски грибов. Золтан

Хивай, Язон Варда, Калеб Страттон и Персиваль Шуттенбах уселись неподалеку от телеги и без передыху резались в гвинт — их любимую карточную игру, которой отдавали каждую свободную минуту даже в предыдущие дождливые вечера.

Ведьмак иногда подсаживался и болел, теперь поступил так же. Сложных правил этой типично краснолюдской игры он по-прежнему не мог уразуметь, но восхищался исключительно старательным исполнением карт и картинками фигур. В сравнении с теми, которыми пользовались люди, карты краснолюдов были истинным шедевром полиграфии. Геральт в который уже раз убеждался, что техника бородатого народца ушла далеко вперед не только в области горного промысла и металлургии. То, что в конкретной, карточой отрасли способности краснолюдов не обеспечили им монополии на рынке, объяснялось лишь тем, что у людей карты были не столь популярны, как кости, а наиболее активные представители человеческой расы менее всего обращали внимание на эстетику. Люди, за которыми ведьмаку довелось наблюдать не раз, как правило, резались в истрепанные, замусоленные картонки, настолько грязные, что прежде чем сделать ход, картежникам приходилось их с трудом отлеплять от пальцев. Фигуры были изображены так неряшливо, что отличить, например, даму от валета можно было лишь благодаря тому, что валет сидел на коне. Впрочем, конь больше напоминал покалеченного хорька.

Картинки на картах краснолюдов исключали подобные ошибки. Окоронованные короли, которых краснолюды именовали «выжниками», были явно королевских

статей, дамы — или «бабы» по краснолюдской терминологии — грудасты и красивы, а вооруженные алебардами валеты — «нижники» — лихо усаты.

Солнце пригревало, лес парил. Геральт болел.

Основным принципом краснолюдского гвинта было что-то напоминающее торг на конском рынке — как интенсивностью, так и напряженностью голосов торгующихся. Затем пара, объявляющая самую высокую «цену», старалась получить как можно больше взяток, чему другая пара игроков всячески мешала. Игра протекала громко и шумно, а рядом с каждым игроком лежала толстая палка. Пользовались палками довольно редко, но хватались за них часто.

— Ты чего делаешь, зуб те в корень! Дуб хреновый! Ты почему листами пошел заместо сердец? Я чего, задарма в сердцах гвинтовал? У-ух, взял бы дрын и огрел бы тебя по дурной башке!

— Дык у меня ж было четыре листа с нижником. Я думал набрать!

— Аккурат четыре! Небось собственный хер присчитал, карты-то меж ног держал. Ты хоть малость-то думай, Страттон, тут тебе не университет какой! Тут в карты играют! Да при хорошей-то карте и свинья выиграет. Сдавай, Варда.

— Лепня в звонах.

— Мала куча в шарах.

— Ширял выжник в шарах, да осталось ох да ах! Дубль в листах.

— Гвинт!

— Не дрыхни, Калеб! Дубль с гвинтом был! Что нахмурился?

— Больша куча в звонах!

— Хааа! Пас! Ну и чего? Никто не гвинтует? Поджали хвосты, сынки? Вистуй, Варда. Персиваль, перец старый, ежели ему еще раз подмигнешь, так тресну меж глаз, до зимы не проморгаешься!

— Нижник!

— Баба!

— А я по ней выжником! Баба, тоже мне! Бью и ха-ха, еще у меня сердца есть, на черный час приберег! Нижник, десята, девята...

— И хрен с ними! А я козырем. Кто без козырей, тому... Ха, ха! И в кучу! Ага, Золтан! Вот те в пуп!!!

— Видали его, гнома тырканного! И-эх! Взял бы дрын...

Прежде чем Золтан сумел воспользоваться палкой, из леса донесся дикий визг.

Геральт вскочил первым. Выругался на бегу, потому что колено снова прошила боль. Тут же следом мчался Золтан Хивай, схватив с телеги свой обмотанный кошачьими шкурками меч. Остальные краснолюды и Персиваль Шуттенбах кинулись за ним, вооружившись палками, последним трусил Лютик, разбуженный криком. Сбоку, из леса выскочили Фиггис и Мунро. Бросив корзинки с грибами, оба краснолюда подхватили на руки и оттащили убегающих детей. Неведомо откуда появилась Мильва, на ходу вытаскивая стрелу из колчана и указывая ведьмаку место, откуда донесся крик. Впрочем, Геральт и без того слышал, видел и уже знал, в чем дело.

Кричала веснушчатая лет девяти девчушка с косичками. Она стояла словно истукан в нескольких шагах от кладки сгнивших стволов. Геральт подскочил, схватил ее под мышки, прерывая дикий писк и одновременно уголком глаза ловя шевеление между стволами. Быстро попятился, налетев на Золтана и его краснолюдов. Мильва, которая тоже заметила движение среди стволов, натянула лук.

— Не стреляй, — прошипел он. — Забирай отсюда ребенка! Быстро! А вы — назад. Только спокойно. Никаких резких движений.

Вначале им казалось, что пошевелилась одна из гнилых колод, словно собиралась слезть с нагретой солнцем кладки и поискать тени среди деревьев. Лишь присмотревшись внимательнее, можно было заметить нетипичные для колоды элементы — прежде всего четыре пары тонких лап с шишковатыми суставами, поднимающихся над грязным, покрытым точками и поделенным на рачьи сегменты панцирем.

— Только спокойно, — тихо повторил Геральт. — Не провоцируйте его. Не обманитесь его кажущейся неподвижностью. Он не агрессивен, но способен двигаться молниеносно. Если почувствует угрозу, может напасть, а против его яда противоядия нет.

Существо потихоньку вползло на колоду. Посматривало на людей и краснолюдов, медленно вращая сидящими на стебельках глазами. И почти не двигалось. Чистило концы лап, поочередно приподнимая их и старательно общипывая вызывающими уважение острыми жвалами.

— Столько крика, — вдруг спокойно бросил Золтан, вставая рядом с ведьмаком, — я уж подумал было, это и впрямь что-то страшное. К примеру, кавалерист

из вердэнских добровольцев. Или прокуратор. А это, глянь-ка, просто шибко выросший паучий рачище. Надо признать, интересные формы ухитряется принимать природа.

— Уже не ухитряется, — ответил Геральт. — То, что там сидит, это гловоглаз. Творение Хаоса. Вымирающий реликт, оставшийся после Сопряжения Сфер, если ты знаешь, о чем я говорю.

— Представь себе, знаю, — посмотрел ему в глаза краснолюд. — Хоть и не ведьмак и не спец по Хаосу и таким зверушкам. М-да, интересно, что ты, ведьмак, теперь сотворишь с этим... послесопряженным реликтом. Точнее говоря, любопытно, как? Воспользуешься собственным мечом или предпочтешь мой сигилль?

— Хорошее оружие. — Геральт глянул на меч, который Золтан вытянул из лаковых ножен, обмотанных кошачьими шкурками. — Но оно не понадобится.

— Интересно, — повторил Золтан. — А мы, стало быть, будем стоять и таращиться друг на друга? Ждать, пока реликт почувствует угрозу? А может, повернуться и призвать на помощь нильфгаардцев? Ну, что предлагаешь, изничтожитель чудовищ?

— Принесите с телеги черпак и крышку от котла.

— Чего-чего?

— Не спорь со спецом, Золтан, — бросил Лютик.

Персиваль Шуттенбах кинулся к телеге и мгновенно доставил требуемое. Ведьмак подмигнул компании и изо всех сил принялся колотить черпаком по крышке.

— Хватит! Кончай! — чуть ли не сразу заорал Золтан Хивай, зажимая уши руками. — Черпак, дьявол тебя раздери, сломаешь! Сбежал рак-то! Сбежал уже, дуб хреновый.

— Еще как сбежал! — восхитился Персиваль. — Аж пыль столбом. Мокрель кругом, а за ним пыль, чтоб я сдох!

— У гловоглаза, — холодно пояснил Геральт, возвращая краснолюду немного помятые кухонные принадлежности, — невероятно чуткий и нежный слух. Ушей нет, а слышит он, я бы сказал, всем собой. Особенно он не переносит металлических звуков. Ему больно...

— Даже в жопе, — прервал Золтан. — Знаю, у меня тоже засвербило, когда ты принялся дубасить по крышке. Если у чуда слух получше моего, то я ему сочувствую. Надеюсь, он не вернется? Дружков не приведёт?

— Не думаю, чтобы на свете осталось много его дружков. Да и сам гловоглаз теперь наверняка не скоро вернется в эти места. Бояться нечего.

— О чудах спорить не стану, — погрустнел краснолюд. — Но твой концерт на жестяных инструментах был, думаю, слышен аж на островах Скеллиге. Возможно, какие-нибудь меломаны уже прут в нашу сторону, лучше б они нас тут не застали, когда притопают. Сворачиваем стоянку, парни! Эй, девки, одеваться и пересчитать детишек! Отправляемся! Живо!

Когда остановились на ночлег, Геральт решил выяснить неясности. На сей раз Золтан Хивай не сел играть в гвинт, так что отвести его в сторону для от-

кровенного разговора было нетрудно. Геральт начал сразу, без предисловий:

— Говори, откуда ты знал, что я ведьмак?

Краснолюд вылупился на него и плутовато ухмыльнулся.

— Конечно, можно похвалиться наблюдательностью. Можно бы сказать, мол, заметил, как изменяются твои глаза в сумерках и на полном солнце. Можно бы показать, что я краснолюд бывалый и слышал кое-что о Геральте из Ривии. Но правда гораздо банальнее. Не гляди волком. Ты — скрытный, но твой дружок бард поет и треплется, рот у него не закрывается. Оттуда и знаю, какая у тебя профессия.

Геральт воздержался от следующего вопроса. И правильно сделал.

— Ну ладно, — продолжал Золтан. — Лютик выболтал все. Видать, почувствовал, что мы ценим откровенность, а то, что мы к вам относимся по-дружески, ему и чувствовать не было нужды, потому как мы своего отношения не скрываем. Короче: я знаю, почему ты так спешишь на юг. Знаю, что за срочные и важные дела ведут тебя в Нильфгаард. Знаю, кого ты намерен там искать. И не только из трепотни поэта. Перед войной я жил в Цинтре и слышал рассказы о Ребенке-Неожиданности и беловолосом ведьмаке, которому эта Неожиданность была предназначена.

Геральт не прокомментировал и на этот раз.

— Остальное, — продолжал краснолюд, — уже действительно вопрос наблюдательности. Ты пожалел того обраковевшего отвратника, хотя ты — ведьмак, а ведьмаки на то и созданы, чтобы таких чудов выкорчевывать. Но чуд ничего твоей Неожиданности не сделал, потому ты и пожалел меча, прогнал его только, дубася по крышке. Потому как ты сейчас не ведьмак вовсе, а благородный рыцарь, который спешит на выручку похищенной и оскорбленной девушке.

Вот ты все сверлишь меня глазами, — добавил он, так и не дождавшись ответа. — Подвохи выискиваешь, боишься, как бы вылезший на явь секрет против тебя не обернулся. Не грызи себя. Вместе дойдем до Ины, помогая друг другу, поддерживая взаимно. У тебя такая же цель, как у нас: продержаться и жить. Чтобы благородную миссию продолжать. Или жить обычно, но так, чтобы в смертный час не устыдиться. Ты думаешь, что сам изменился? Что мир изменился? А ведь он, мир-то, каким был раньше, таким и остался. И ты тоже. Не грызи себя.

И не думай отделяться от нас, — продолжал Золтан монолог, не обескураженный молчанием ведьмака, — я о том, чтобы идти в одиночку на юг, через Бругге и Содден к Яруге. Надо поискать другой путь в Нильфгаард. Хочешь, посоветую...

— Не советуй. — Геральт помассировал колено, которое болело уже несколько дней. — Не советуй, Золтан.

Он нашел Лютика, сидевшего рядом с режущимися в гвинт краснолюдами. Молча взял поэта за рукав и оттянул в лес. Лютик сразу сообразил, чем дело пахнет, достаточно было одного взгляда на лицо ведьмака.

— Трепло, — тихо сказал Геральт. — Болтун. Фонтан красноречия, черт побери! Язык бы тебе тисками зажать, болван. Удила в зубы засунуть.

5 Зак. № 548

Трубадур молчал, но выражение лица у него было гордое.

— Когда народ увидел, что я начал с тобой появляться, — продолжал ведьмак, — некоторые умники дивились такому знакомству. Их поражало, что я позволяю тебе путешествовать со мной. Советовали, грабанув тебя где-нито на безлюдье, задушить, выкинуть в яму от выкорчеванного дерева и присыпать ветками и листьями. Ей-богу, жалею, что не послушался доброго совета.

— Неужто такой уж большой секрет, кто ты и что собираешься делать? — неожиданно вспылил Лютик. — И что, мы все время должны это скрывать и притворяться? А краснолюды... Они же вроде бы совсем наша компания...

— У меня нет компании, — буркнул ведьмак. — Нету. И я не хочу, чтобы она была. Мне она не нужна. Понял?

— Что ж не понять? — проговорила у него за спиной Мильва. — И я тоже понимаю. Никто тебе не нужен, ведьмак. Ты это часто показываешь.

— Я не веду необъявленную войну, — резко обернулся он. — Мне не нужна компания удальцов, я иду в Нильфгаард не для того, чтобы спасти мир, низвергнуть империю зла. Я иду к Цири. Поэтому могу идти в одиночку. Простите, если это нехорошо прозвучит, но остальные меня не интересуют. А теперь уйдите. Я хочу побыть один.

Когда он обернулся, оказалось, что ушел только Лютик.

— Я снова видел сон, — бросил он кратко. — Мильва, я теряю время. Я теряю время! Я ей нужен. Ее нужно спасать.

— Говори, — сказала она тихо. — Выкинь это из себя. Хоть и было страшно, выкинь!

— Это не было страшно. В моем сне... Она плясала. Плясала в какой-то забитой дымом халупе. И была, черт возьми, счастлива. Играла музыка, кто-то что-то выкрикивал... Вся халупа ходуном ходила от крика и хохота... А она плясала, плясала, дробила каблучками... А над крышей этой чертовой халупы, в холодном ночном воздухе... плясала смерть. Мильва... Мария... Я ей необходим.

Мильва отвела глаза.

— Не только ей, — шепнула она.

Так, чтобы он не услышал.

На следующей стоянке ведьмак заинтересовался сигиллем, мечом Золтана, на который успел мельком взглянуть во время встречи с гловоглазом. Краснолюд спокойно развернул кошачьи шкурки и вынул меч из лаковых ножен.

Меч был длиной около сорока дюймов, а весил не больше тридцати пяти унций. Покрытый на значительной длине таинственными руническими письменами голубоватый клинок был таким острым, что при определенном навыке им можно было бриться. У двенадцатидюймовой, покрытой перекрещивающимися лоскутами ящериной кожи рукояти вместо оголовья был ци-

линдрический латунный хомутик, гарда была небольшая и мастерски выполненная.

— Хороша вещь. — Геральт прокрутил сигиллем короткую шипящую мельницу, изобразил быстрый удар слева и молниеносный переход к защите из второй позиции декстера. — Да, отличная железяка.

— Ха! — фыркнул Персиваль Шуттенбах, — железяка! Посмотри как следует, а то еще чего доброго назовешь его хреновиной.

— Когда-то был у меня меч получше.

— Не спорю, — пожал плечами Золтан. — Потому что он наверняка был выкован в наших краях. Вы, ведьмаки, умеете мечами размахивать, а сами делать-то их не научились. Такие мечи только у нас покупают, в Махакаме, у горы Карбон.

— Краснолюды варят сталь, — добавил Персиваль, — и куют слоистые оголовки. А шлифовкой и оттачиванием занимаемся мы, гномы. В наших мастерских. По нашей, гномовой технологии, в точности как некогда мы делали наши гвихиры, лучшие мечи на свете.

— Меч, который я ношу сейчас, — обнажил Геральт клинок, — взят в Брокилоне, в катакомбах на Крааг Ане. Я получил его от дриад. Первоклассное оружие и вовсе не краснолюдское и не гномово. Это эльфье оружие, ему лет сто, а то и двести.

— Ничего он не понимает в этом! — воскликнул гном, взяв меч в руку и проведя по лезвию пальцами. — Окончание эльфье, верно. Рукоять, гарда и оголовок. Эльфы травили, гравировали и вообще украшали. Но ковали клинок и точили в Махакаме. И верно, сделали это несколько веков назад, потому как сразу видно, что это сталь второсортная, да и обработка примитивная. Вот, глянь на сигилль Золтана, разницу видишь?

— Вижу. Мой выглядит не хуже.

Гном хмыкнул и махнул рукой. Золтан высокомерно усмехнулся.

— Оружие, — пояснил он менторским тоном, — должно рубить, а не выглядеть. И оценивают его не по тому, как оно выглядит. Дело в том, что твой меч — обычная композиция стали и железа, а у моего сигилля клинок выкован из металла с присадками графита и буры...

— Современная технология! — не выдержал Персиваль, немного горячась, поскольку дискуссия явно переходила на хорошо знакомые ему вопросы. — Конструкция и композиция клинка, многослойный мягкий сердечник, окованный твердой, а не мягкой сталью...

— Помаленьку, помаленьку, — придержал его краснолюд. — Металлурга ты из него, Шуттенбах, все равно не сделаешь, не утомляй его деталями. Я ему попроще объясню. Добрую, твердую магнетитовую сталь, ведьмак, наточить невероятно трудно. Почему? Потому что она твердая! Ежели не владеешь технологией, как не владели ею некогда мы, а вы не владеете и по сей день, а острый меч получить хочется, то упроченный сердечник по ребрам оковывают мягкой сталью, которая легче поддается обработке. Именно такой упрощенной методой изготовлен твой брокилонский меч. Современные клинки изготовляют наоборот — мягкий сердечник, твердое острие. Обработка отнимает много времени и, как я уже сказал, нуждается в совершенной технологии.

Но в результате получают клинок, которым можно рассечь подброшенный в воздух батистовый платочек.

— Твоим сигиллем такой фокус проделать можно?

— Нет, — усмехнулся краснолюд. — Так отточенные экземпляры можно по пальцам пересчитать, и редко какой из них выходит за пределы Махакама. Но ручаюсь, скорлупа того шершавого краба практически не выдержала бы удара сигиллем. Ты разделал бы его на кусочки и даже не притомился б.

Дискуссия о мечах и металлургии продолжалась еще некоторое время. Геральт слушал с интересом, делился собственными наблюдениями, пополнял знания, спрашивал о том о сем, осматривал и опробовал Золтанов сигилль. Он еще не знал, что назавтра ему придется подкрепить теорию практикой.

Первым сигналом, что поблизости живут люди, была стоящая в окружении щепок и коры ровная поленница дров, обнаруженная на вырубке идущим впереди Персивалем Шуттенбахом.

Золтан остановил группу и выслал гнома на дальнюю разведку. Персиваль скрылся, а спустя полчаса примчался, возбужденный и задыхающийся, уже издалека размахивая руками. Подбежал, но вместо того чтобы сразу приступить к докладу, ухватил пальцами длинный нос и громко, со звуком, которому позавидовала бы чабанья трембита, высморкался.

— Не пугай зверей, — буркнул Золтан Хивай. — И говори, что там впереди?

— Мыза, — выдохнул гном, вытирая пальцы о полы украшенного многочисленными карманами кафтана. — На поляне. Три хаты, овин, пара клетей под дерном... На дворе псина, а из трубы — дым. Чего-то там готовят, похоже, овсянку, к тому ж на молоке.

— Ты что, на кухне был? — засмеялся Лютик. — В горшки заглядывал? Откуда знаешь, что овсянка?

Гном, несмотря на свой малый рост, свысока взглянул на него, а Золтан гневно фыркнул.

— Не обижай его, поэт. Он унюхает жратву за версту. Если сказал — овсянка, значит, овсянка. Черт. Не нравится мне это.

— Почему ж? Я, к примеру, овсянку люблю. С удовольствием бы съел.

— Золтан прав, — сказала Мильва. — А ты помалкивай, Лютик, это тебе не поэзия. Ежели овсянка на молоке, значит, там корова есть. А кмет, стоит ему узреть дымы, перво-наперво хватает корову и прет в пущу. Почему этот аккурат не смылся? Сворачиваем в лес, обойдем стороной. Скверно все это пахнет.

— Не шебуршись, не шебуршись, — буркнул краснолюд. — Сбежать всегда успеем. А может, уж войне конец? Может, двинулась наконец темерская армия? Что мы тут знаем, в пуще? Может, уж где победная битва прошла, может, отогнали Нильфгаарда, может, фронт уж у нас позади, кметы и коровы по домам воротились? Надо проверить, разведать. Фиггис, Мунро, тут останетесь, да глаза пошире. А мы сообразим разведку. Если будет безопасно, прокричу ястребом-перепелятником.

— Ястребом-перепелятником? — обеспокоенно пошевелил бородой Мунро Бруйс. — Да ты ж в подражании птичьим голосам ни уха ни рыла, Золтан.

— О том и речь. Как услышишь странный, ни на что не похожий крик — значит, я. Веди, Персиваль. Геральт, пойдешь с нами?

— Все пойдем, — слез Лютик с седла. — Если это засада, большой группой безопаснее.

— Оставляю вам Фельдмаршала. — Золтан снял попугая с плеча и подал Фиггису Мерлуццо. — Этот военачальничек хренов может ни с того ни с сего начать матом садить, и тогда прости-прощай скрытный подход. Пошли.

Персиваль быстро вывел их на опушку, в густые кусты дикой сирени. За кустами местность немного опускалась, там были навалены кучи выкорчеванных пней. Дальше раскинулась большая поляна. Они осторожно выглянули.

Сообщение гнома было абсолютно точным. В центре поляны действительно стояли три хаты, овин и несколько крытых дерном клетей. Посреди двора отливала всеми цветами радуги огромная лужа навозной жижи. Постройки и небольшой прямоугольник запущенного огорода были обнесены низким, частично развалившимся заборчиком, за заборчиком метался грязный пес. Над одной из халуп подымался дым, лениво ползая по провалившейся крыше.

— И верно, — шепнул, принюхавшись, Золтан, — аппетитно чем-то пахну́ло. Особенно после того, как ноздри к вони погорелья привыкли. Обузданных

лошадей не видать, это хорошо, потому как не исключаю, что тут какие-нито бездельники пристали и стряпней занялись. Хммм... похоже, не опасно тут.

— Пойду туда, — заявила Мильва.

— Нет, — возразил краснолюд. — Ты больно уж на бельчиху смахиваешь. Ежели тебя увидят, могут испугаться, а в страхе люди бывают непредсказуемыми. Пойдут Язон и Калеб. А ты держи лук наготове, в случае чего защитишь их. Персиваль, жми к остальным. Будьте готовы, ежели придется отход трубить.

Язон Варда и Калеб Страттон осторожно вышли из кустов, медленно, внимательно поглядывая по сторонам, двинулись к постройкам.

Собака унюхала их сразу, яростно залаяла, заметалась по двору, не обращая внимания на ласковое почмокивание и посвистывание краснолюдов. Дверь хаты распахнулась. Мильва тут же подняла лук и мягко натянула тетиву. И тут же ее отпустила.

На порог выплыла невысокая полненькая девочка с длинными косами. Что-то крикнула, размахивая руками. Язон Варда развел руки, что-то крикнул в ответ. Девочка принялась кричать, они слышали крик, но не могли различить слов.

Но до Язона и Калеба слова эти, видимо, дошли и произвели впечатление, потому что оба краснолюда, словно по команде, выполнили военный маневр «Кру-у-гом!» и кинулись обратно в кусты. Мильва снова натянула лук и принялась водить стрелой, выискивая цель.

— В чем дело, язви их? — прошипел Золтан. — Что такое? От кого они так прут? Мильва?

— Заткнись, — зашипела лучница, продолжая водить стрелой от хаты к хате, от клети к клети. Но никак не могла отыскать цели. Девочка с косами скрылась в хате, захлопнула за собой дверь.

Краснолюды мчались, словно все демоны Хаоса гнались за ними. Язон что-то вопил, может, ругался. Лютик вдруг побледнел.

— Он кричит... О матерь Божья!

— Что еще... — Золтан осекся, потому что Язон и Калеб уже подбежали, красные от усилия. — В чем дело? Ну!

— Там зараза... — выдохнул Калеб. — Черная оспа...

— Вы к чему-нито прикасались? — Золтан Хивай быстро попятился, чуть не перевернув Лютика. — Говорю, прикасались к чему-нито?

— Нет... Псина подойти не дала...

— Будь она благословенна, собака траханная. — Золтан воздел очи горе. — Дайте ей, боги, долгую жизнь и гору костей повыше Карбона. Девчонка та, толстая... на ней были коросты?

— Нет. Она здоровая. Больные в крайней хате лежат, ее родня. А много уже померло, крикнула. Ай-яй! Золтан, ветер-то на нас дул!

— Ну, кончайте зубами лязгать, — сказала Мильва, опуская лук. — Если заразных не трогали, ничего с вами не станет, нечего трястись. Если вообще правда с этой оспой. Девка просто могла вас напугать.

— Нет, — возразил Язон, все еще дрожа. — За клетью яма... В ней трупы. Девчонка не в силах мертвяков хоронить, вот в яму и кидает.

— Ну, — Золтан потянул носом, — вот те и овсянка, Лютик. У меня что-то отбило желание. Убираемся отсюда, живо.

Со стороны построек разлаялся пес.

— Прячьтесь, — прошипел ведьмак, опускаясь на колени.

Из вырубки с правой стороны поляны вылетела группа всадников, свистя и не сдерживая галопа, объехала постройки, потом ворвалась во двор. Наездники были вооружены, но одеты разношерстно и бестолково, да и вооружение, казалось, тоже было собрано с бору по сосенке. И не в цейхгаузе, а на поле боя.

— Тринадцать, — быстро пересчитал Персиваль Шуттенбах.

— Кто такие?

— Не нильфгаардцы и не регулярные войска, — оценил Золтан. — И не скоя'таэли. Похоже, волонтеры. Тык вольные охотники.

— Или мародеры.

Конники кричали, рыскали по подворью. Собака получила по спине древком копья и сбежала. Девочка с косами выскочила на порог, крикнула. Но на этот раз предупреждение не подействовало или его просто не приняли всерьез. Один из конных подлетел, схватил девочку за косу, стащил с порога, поволок через лужу. Другие спрыгнули с лошадей, помогли, выволокли девочку на край подворья, содрали с нее рубашку и повалили на кучу перегноя. Девчушка отчаянно сопротивлялась, но силенки у нее были не те. Только один мародер не присоединился к потехе, стерег лошадей,

привязанных к забору. Девочка пронзительно и протяжно крикнула. Потом коротко, болезненно. И больше ее слышно не было.

— Вояки! — Мильва вскочила. — Герои, курвины дети!

— Оспы не боятся, — покрутил головой Язон Варда.

— Страх, — пробормотал Лютик, — свойство людей. А в этих не осталось ничего человеческого.

— Кроме кишок, — прохрипела Мильва, тщательно накладывая стрелу на тетиву, — которые я им сейчас пропорю, сволочам.

— Их тринадцать, — многозначительно проговорил Золтан Хивай. — И у них кони. Ну, свалишь одного, двух, остальные нас окружат. Кроме того, это может быть разъезд. Хрен их знает, какая сила за ними тянется.

— А что, спокойно глядеть?

— Нет. — Геральт поправил меч на спине и повязку на волосах. — С меня довольно. У меня бездеятельность уже вот где сидит. А они разбежаться не должны. Видишь того, что коней держит? Когда я туда подойду, сбивай его с седла. Если удастся, то и еще одного. Но только, когда я подойду.

— Останется одиннадцать, — повернулась лучница.

— Я считать умею.

— И еще оспа, — буркнул Золтан Хивай. — Пойдешь туда, притащишь заразу... Дьявольщина, ведьмак! Подвергаешь всех нас опасности из-за... Мать твою, это ж не та девчонка, которую ты ищешь!

— Заткнись, Золтан. Возвращайтесь к телеге, спрячьтесь в лесу.

— Я с тобой, — хрипло бросила Мильва.

— Нет. Прикрывай издали, так будет больше пользы.

— А я? — спросил Лютик. — Что делать мне?

— Что обычно. Ничего.

— Ты спятил, — буркнул Золтан. — Один на такую кучу... Что с тобой? В героя нацелился играть, в избавителя девиц?

— Заткнись, сказал.

— А, хрен с тобой. Погоди. Давай сюда свой меч. Их много, лучше, если тебе не придется повторять удары. Возьми мой сигилль. Им достаточно рубануть один раз.

Ведьмак не колеблясь молча взял оружие краснолюда. Еще раз указал Мильве на мародера, присматривавшего за лошадьми. Потом перепрыгнул через выкорчеванный пень и быстрыми шагами направился к хатам.

Светило солнце. Кузнечики выпрыгивали из-под ног.

Стерегущий коней человек заметил его, вытянул копье из кольца при седле. Волосы у него были очень длинные, спутавшиеся, падающие на рваную, чиненную ржавой проволокой кольчугу. Ботинки — новенькие, с блестящими застежками, видимо, недавно сорванные с кого-то.

Часовой крикнул, из-за забора вышел второй мародер. У этого пояс с мечом висел на шее, и свободными руками он застегивал штаны. Геральт был уже совсем рядом. Со стороны кучи перегноя доносился хохот занятых девочкой мужиков. Он дышал глубоко, и каждый

вдох усиливал в нем жажду убийства. Он мог бы успокоиться, но не хотел. Хотел получить хоть немного удовлетворения.

— А ты кто? Стой! — крикнул длинноволосый, взвешивая копье в руке. — Чего тут надо?

— Мне надоело смотреть.

— Чевооооо...

— Тебе имя Цири ни о чем не говорит?

— Да я те...

Больше мародер не успел сказать ничего. Украшенная серыми перьями стрела попала ему в середину груди и скинула с седла. Прежде чем он упал на землю, Геральт услышал шум перьев другой стрелы. Второй солдат получил наконечником в живот, низко, между руками, державшими ширинку. Он взвыл зверем, согнулся пополам и полетел спиной на забор, ломая и валя жерди.

Прежде чем остальные опомнились и схватились за оружие, ведьмак уже был среди них. Краснолюдский меч замерцал и запел, в пении его легкой как перышко и острой как бритва стали была слышна дикая жажда крови. Ведьмак почти не чувствовал сопротивления тел, которые рубил. Кровь брызнула ему на лицо, вытирать ее было некогда.

Если даже мародеры сначала и думали о борьбе, то вид трупов и потоков крови быстро заставил их об этом забыть. У одного штаны были спущены до колен, он даже не успел их подтянуть, получил в шейную артерию и рухнул навзничь, смешно раскачивая так и не удовлетворенной мужской гордостью. Другой, совсем еще

сопляк, заслонил голову обеими руками, а сигилль отсек обе в кистях. Остальные рассыпались, разбежались в разные стороны. Ведьмак догонял их, проклиная боль, которая снова забилась в колене. Он надеялся, что нога не откажет.

Двух он еще успел прижать к ограде, они пытались защищаться, заслониться мечами. Но, парализованные ужасом, делали это неловко. Лицо ведьмака снова обагрилось кровью, бьющей из разрубленных краснолюдским клинком артерий. Но остальные мародеры воспользовались моментом, успели отбежать и уже заскакивали на коней. Один, получив стрелу, тут же свалился, дергаясь и извиваясь как вытащенная из сети рыба. Двое других пустили лошадей в галоп. Но убежать успел только один, потому что на поле боя появился Золтан Хивай. Краснолюд раскрутил топор и кинул его, попав одному из убегающих в середину спины. Мародер взвыл, вывалился из седла, дрыгая ногами. Последний живой прижался к конской шее, перелетел через переполненную трупами яму и помчался к вырубке.

— Мильва! — одновременно крикнули ведьмак и краснолюд.

Лучница, уже бежавшая к ним, остановилась, замерла, расставила ноги, опустила натянутый лук и начала его медленно поднимать все выше и выше. Они не услышали звона тетивы. Стрелу увидели лишь тогда, когда она достигла вершины дуги и помчалась вниз. Седок свесился с коня, из плеча у него торчала оперенная стрела. Но он не упал. Выпрямился и продолжал криком подгонять лошадь.

— Ну, да! — изумленно охнул Золтан Хивай. — Ну — выстрел!

— В жопу такие выстрелы. — Ведьмак отер кровь с лица. — Сбежал сукин сын и приведет дружков.

— Она ж попала! А было шагов двести!

— Могла целиться в коня.

— А конь-то в чем виноват? — зло прошипела Мильва, подходя к ним. Сплюнула, глядя на наездника, исчезающего в лесу. — Промазала в голодранца, потому что задыхалась чуток... Ладно, гад, сматывайся с моей стрелой! Чтоб тебе подохнуть!

Из просеки до них донеслось лошадиное ржание и сразу после этого дикий визг убиваемого человека.

— Хо-хо! — Золтан глянул на лучницу с изумлением. — Далеко-то он не ушел! Недурно работают твои шипы! Отравленные? Иль, может, чары? Потому как если даже этот сукин кот оспу подхватил, то болезнь, думаю, так быстро не возьмет!

— Это не я. — Мильва понимающе глянула на ведьмака. — И не оспа. Но, мнится мне, я знаю — кто.

— Я тоже. — Краснолюд закусил ус и мимолетно ухмыльнулся. — Я приметил, что вы постоянно оглядываетесь, знаю, что кто-то за вами тайком идет. На гнедом жеребце. Не знаю, кто, но коли это вам не помеха... Не мое дело.

— Тем более что от такой тыловой охраны польза бывает, — сказала Мильва, снова взглянув на Геральта. — Ты уверен, что этот Кагыр — тебе враг?

Геральт не ответил. Вернул Золтану меч,

— Благодарю. Славно сечет!

— В хорошей руке, — сверкнул зубами краснолюд. — Слыхал я байки о ведьмаках, но чтоб положить восьмерых за неполных две минуты...

— Хвалиться нечем. Они защищаться не умели.

Девочка с косами поднялась на четвереньки, потом встала на ноги, покачнулась, трясущимися руками попыталась поправить на себе остатки разорванной в клочья рубашки. Ведьмак сильно удивился, увидев, что она вообще ничем, ну совершенно ничем не похожа на Цири, а ведь еще мгновение назад он мог бы поклясться, что она прямо-таки Цирина двойняшка. Девочка неуверенными движениями потерла лицо и, покачиваясь, двинулась к хибаре. Прямо по жиже.

— Эй, погоди! — крикнула Мильва. — Эй, ты... Может, тебе в чем помочь? Эй!

Девочка даже не взглянула на нее. На пороге она споткнулась, чуть не упала, придержалась за косяк и захлопнула за собой дверь.

— Благодарность человеческая не знает границ, — проговорил краснолюд. Мильва развернулась как на пружине. Лицо ее застыло.

— А за что благодарить-то?

— Вот именно, — добавил ведьмак. — За что?

— За мародерских лошадей, — опустил глаза Золтан. — Прирежет на мясо, не придется коров забивать. Супротив оспы она, видать, отпорна, а теперь ей и голод не страшен. Выживет. А то, что благодаря тебе миновали ее долгие игры и огонь горящих халуп, она поймет только через пару дней, когда придет в себя. Пошли отсюда, пока нас не обдуло заразным ветром... Эй, ведьмак, ты куда? Собирать благодарности?

— За ботинками, — холодно сказал Геральт, наклоняясь над длинноволосым мародером, таращившимся в небо мертвыми глазами. — Похоже, они мне будут в самый раз.

Все следующие дни они ели конину. Ботинки с блестящими застежками были вполне приличны. Нильфгаардец по имени Кагыр все время ехал следом за ними на своем гнедом жеребце, но ведьмак больше не оглядывался.

Наконец-то он понял секреты игры в гвинт и даже сыграл с краснолюдами. И конечно, проиграл.

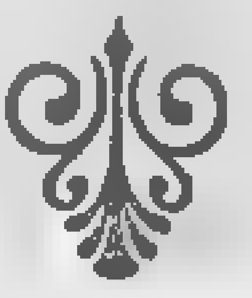
О событиях на мызе не разговаривали. Смысла не было.

МАНДРАГОРА, или поскрип, мужской корень, сонное зелье — растение из семейства пасленовых, включающего в себя злаковые бесстебельчатые с реповидными корневищами растения, в которых можно обнаружить подобие человеческому телу; листья собраны в розетку. M. autumnalis или officinalis в небольших количествах культивируется в Виковаро, Роване и Имлаке, в диком виде встречается редко. Ягоды зеленые, впоследствии желтеющие, потребляются с уксусом и перцем. Листья используют в сыром виде. Корни М. в настоящее время применяются в медицине и фармацевтике. В прошлом занимали большое место в предрассудках, особенно у народов севера; из них вырезали человеческие фигурки (альруники, альрауны) и хранили в домах в качестве ценных талисманов. Они считались защитой от болезней, приносили счастье в судебных процессах, женщинам гарантировали удачную беременность и

легкие роды. Их выряжали в платьица и в новолуние давали им новую одежду. Корнями М. торговали, а их цена доходила до шестидесяти флоренов. С той же целью использовались корни переступеня (см.). Если верить предрассудкам, корень М. применялся для чар и чародейских фильтров, а также приготовления отрав; этот предрассудок возродился в период охоты на ведьм. Обвинение в преступном использовании М. было выдвинуто, в частности, в процессе Лукреции Виго (см.). Пользовалась М. в качестве отравы также легендарная Филиппа Альхард (см.).

Эфиренберг и Тальбот.
Encyclopaedia Maxima Mundi, том IX.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Старая дорога немного изменилась с того времени, когда ведьмак проезжал по ней последний раз. Некогда ровный, выложенный плоскими базальтовыми плитами тракт, построенный сотни лет назад эльфами и краснолюдами, теперь превратился в руины, испещренные дырами. Местами дыры там, где некогда лежали хорошо подогнанные плиты, были настолько глубокими, что походили на небольшие каменоломни. Движение замедлилось, телега краснолюдов то и дело останавливалась, с величайшим трудом лавируя между ямами.

Золтан Хивай знал, что разрушило дорогу. В результате последней войны с Нильфгаардом, пояснил он, невероятно выросла потребность в строительном материале. Тогда люди вспомнили, что Старая Дорога — неисчерпаемый источник обработанного камня. А поскольку запущенный, лежащий в стороне от торговых

путей и селений, ведущий из никуда в никуда тракт давным-давно потерял значение как транспортная магистраль и мало кому был нужен, постольку его разрушали без жалости и меры.

— Ваши крупные города, — сетовал краснолюд, вторя скрипучим ругательствам попугая, — все как один построены на эльфьих и наших фундаментах. Под небольшие замки и дома вы положили собственные фундаменты, но на постройку этажей по-прежнему берете наши камни. И при этом неустанно твердите, что именно благодаря вам, людям, свершается прогресс.

Геральт не комментировал.

— Но вы даже разрушать по-умному не умеете, — ругался Золтан, командуя очередной операцией по извлечению колеса из ямы. — Ну почему бы не брать камни постепенно, начиная с обочин? Ну — дети! Вместо того чтобы последовательно есть пончик, вы выковыриваете пальцем мармелад из середины, а остальное выкидываете, потому что дальше уже не так вкусно.

Геральт толковал, что всему виной политическая география. Западный конец Старой Дороги лежит в Бругге, восточный — в Темерии, а середина — в Соддене, так что каждое королевство разрушает свой участок по собственному разумению. В ответ Золтан красочно и смачно охарактеризовал то место, в котором ему видятся короли, и привел перечень изысканных непристойностей, обрисовывающих их политику. Фельдмаршал Дуб добавил от себя еще кое-что относительно королевских матерей.

Чем дальше, тем было хуже. Золтаново сравнение с пончиком и мармеладом становилось все менее точным — дорога скорее напоминала дрожжевую выпечку, из которой старательно повытаскивали все изюмины и цукаты. Похоже было, что неотвратимо приближается та роковая минута, когда телега либо развалится, либо увязнет окончательно и бесповоротно. Однако спасло их то же, что некогда уничтожило тракт. Они натолкнулись на идущую на юго-восток грунтовую дорогу, пробитую и утрамбованную тяжелыми фургонами, перевозившими выковыренные плиты. Золтан повеселел, решил, что дорога наверняка ведет к какому-нибудь форту над Иной, рекой, у которой он уже надеялся встретить темерские войска. Краснолюд свято верил, что, как и в предыдущей войне, именно из-за Ины, из Соддена развернется сокрушительное контрнаступление армий союзных королевств, и недобитки поверженного Нильфгаарда со срамом убегут за Яругу.

И действительно, новая дорога снова приблизила их к войне. Ночью небо впереди неожиданно осветилось гигантским заревом, а днем они обнаружили столбы дыма, пометившие горизонт на юге и востоке. Однако поскольку все еще не известно было, кто бьет и палит, а кого бьют и палят, постольку они двигались осторожно, высылая на дальнюю разведку Персиваля Шуттенбаха.

Однажды утром их неожиданно догнал гнедой жеребец без седока. Зеленый чепрак с нильфгаардским шитьем пестрел темными потеками крови. Нельзя было с уверенностью сказать, была ли это кровь наездника,

убитого рядом с телегой гавенкара, или же она пролилась позже, когда конь уже обрел нового хозяина.

— Ну, вот и конец заботам, — сказала Мильва, глядя на Геральта. — Ежели это и вправду были заботы.

— Настоящая забота в том, что мы не знаем, кто седока из седла вышиб, — буркнул Золтан. — И не едет ли этот «кто-то» следом за нами и нашей бывшей тыловой охраной.

— Это был нильфгаардец, — сквозь зубы процедил Геральт. — Он говорил почти без акцента, но беглые кметы могли его распознать...

— Надо было его тогда кончать, ведьмак, — повернула голову Мильва. — Смерть была бы полегче.

— Он восстал из гроба, — покачал головой Лютик, красноречиво глядя на Геральта, — только для того, чтобы сгнить в каком-нибудь рву.

На этом закончилась эпитафия Кагыру, сыну Кеаллаха, выпущенному из гроба нильфгаардцу, утверждавшему, что он вовсе и не нильфгаардец. Больше о нем не говорили. Поскольку Геральт, несмотря на многократные угрозы, так и не захотел расстаться с норовистой Плотвой, на гнедого взобрался Золтан Хивай. Краснолюд не доставал ногами до стремени, но жеребчик был спокойный и не возражал, чтобы им командовали.

Ночью горизонт светился заревами, днем ленты дымов вздымались в небо, пачкая голубизну. Вскоре они натолкнулись на сожженные постройки, языки огня

все еще ползали по обугленным балкам и конькам. Неподалеку от пожарища сидели восемь оборванцев и пять собак, совместно отдирающих остатки мяса с раздувшегося, частично обуглившегося конского трупа. При виде краснолюдов пиршествующие в панике разбежались. Остался только один человек и один пес, которых никакая опасность не в состоянии была оторвать от торчащих гребнем ребер павшей лошади. Золтан и Персиваль пытались расспросить человека, но узнать ничего не смогли. Человек только скулил, трясся, втягивал голову в плечи и давился сдираемыми с костей остатками. Собака ворчала и скалила зубы, показывая десны. Лошадиный труп жутко вонял.

Золтан и Геральт решили рискнуть и не сворачивать с дороги, которая вскоре вывела их на очередное пожарище. Здесь сожгли крупное село, неподалеку от которого, видимо, тоже была стычка, потому что сразу за дымящимися развалинами вздымался свеженасыпанный курган. А невдалеке от кургана на развилке дорог рос огромный дуб.

Дуб был обвешан желудями.

И людьми.

— Это надо осмотреть, — решил Золтан Хивай, положив конец дискуссиям о риске и опасности. — Подъедем ближе.

— На кой черт, — возмутился Лютик, — тебе рассматривать висельников, Золтан? Чтобы обобрать? Так и отсюда видно, что на них даже обуви нет.

— Дурень, меня интересует не обувь, а военная ситуация. Развитие событий на театре военных действий. Ну, чего ржешь? Ты поэт и не знаешь, что такое стратегия.

— Я тебя удивлю. Знаю.

— А я тебе говорю, что ты не распознал бы стратегию, даже если она выскочит из кустов и даст тебе под зад.

— И верно, такой бы я не узнал. Стратегию, выскакивающую из кустов, я предоставляю краснолюдам. Висящую на дубах тоже.

Золтан махнул рукой и направился к дереву. Лютик, которому никогда не удавалось сдержать любопытства, легонько ударил Пегаса пятками и шагом поехал за краснолюдом. Геральт после недолгого раздумья двинулся следом. Мильва присоединилась к нему.

Вороны, устроившие пир на трупах, при виде конников с трудом поднялись на крыло, каркая и шумя перьями. Некоторые отлетели к лесу, другие только перебрались на верхние ветви огромного дерева, с интересом посматривая на Фельдмаршала Дуба, который с плеча краснолюда осыпал их матюками.

У первого из повешенных была на груди табличка с надписью «Предатель народа», другой оказался «Коллаборационистом», третий — «Эльфским стукачом», четвертый — «Дезертиром». Пятой была женщина в разорванной и окровавленной ночной рубашке, поименованная «Нильфгаардской курвой». На двух казненных табличек не было, из чего следовало, что они попали в петли случайно.

— Прекрасно! — возликовал Золтан Хивай, указывая на дощечки. — Видите? Здесь прошли наши войска. Наши парни перешли в наступление, отогнали агрессора. И, как всегда, у них нашлось время на отдых и солдатские забавы.

— И что это означает?

— Что фронт уже передвинулся, и от нильфгаардцев нас отделяют темерские войска. Мы в безопасности.

— А дымы впереди?

— Это наши, — уверенно заявил краснолюд. — Жгут деревни, которые давали ночлег либо жратву белкам. Говорю вам — мы уже за линией фронта. С этого развилка начинается южный тракт, который ведет к Армерии, укрепленному замку в вилке Хотли и Ины. Дорога смотрится прилично, по ней можно идти. Бояться нильфгаардцев нечего.

— Где дымит, там горит, — бросила Мильва. — А где горит, там можно обжечься. Я так думаю — дурное дело идти на огонь. Дурное дело идти по дороге, на которой нас сразу же любой конный разъезд окружит. Заберемся в леса.

— Здесь прошли темерцы или войско из Соддена, — упирался краснолюд. — Мы за линией фронта. Можно не опасаясь жать по тракту: если и встретятся войска, то наши.

— Рисковый ты мужик, Золтан, — покачала головой лучница. — Ежели ты такой уж шибко военный, то должен знать, что у нильфов в обычае далеко запускать конные разъезды. Здесь были темерцы. Возможно. А вот что перед нами, мы не знаем. На

юге небо аж черно от дыма, не иначе как горит твой замок в Армерии. А значит, мы не за фронтом, а на фронте. Можем наткнуться на войско, на мародеров, на бандитов, на белок. Пошли к Хотле, но просеками.

— Верно, — поддержал ее Лютик. — Мне тоже эти дымы не нравятся. Даже если Темерия перешла в наступление, перед нами еще могут быть передовые нильфгаардские части. Черные делают глубокие рейды. Выходят на тылы, соединяются со скоя'таэлями, сеют панику и отходят. Я помню, что делалось в Верхнем Соддене во время предыдущей войны. Я тоже считаю, что идти надо лесами. В лесах нам ничего не грозит.

— Я бы, пожалуй, не был так-то уж уверен. — Геральт указал на последнего повешенного, у которого, хоть он и болтался выше всех, вместо ступней были разорванные когтями, окровавленные огрызки с торчащими костями. — Глядите. Это работа гулей.

— Вампиров? — Золтан Хивай попятился, сплюнул. — Трупоедов?

— Вот-вот. Ночью в лесу надо оберегаться.

— Курррва мать! — заскрипел Фельдмаршал Дуб.

— Ну, прям мои слова, птица, — насупился Золтан Хивай. — М-да, попали мы в переплет. Ну, так что ж? В лес, где упыри, или по дороге, где армия и мародеры?

— В леса, — убежденно сказала Мильва. — И в самую гущу. Лучше гули, чем люди.

* * *

Шли лесами, вначале осторожные, собранные, реагирующие на каждый шорох в чаще. Однако вскоре приободрились, настроение немного улучшилось, и темп движения восстановился. Ни гулей, ни каких-либо следов их присутствия видно не было. Золтан в шутку бросил, что вампиры и всякая прочая нечисть, должно быть, узнали о приближающихся войсках, и ежели чудам еще и довелось увидеть в деле мародеров и вердэнских волонтеров, то они с перепугу забились в самые дикие и непроходимые дебри и сидят, дрожа со страха и клацая клыками.

— И стерегут вомпериц, жен своих и дочек, — ворчала Мильва. — Чуды знают, что солдат в походе и овцы паршивой не пропустит. А ежели бабские рубашки на вербе повесить, то героям хватит и дыры от сучка.

Лютик, который долгое время не терял задора и юмора, настроил лютню и принялся складывать соответствующий куплет о вербах, дуплах и похотливых вояках, а краснолюды и попугай наперебой подбрасывали ему рифмы.

— О, — сказал Золтан.

— Что? Где? — спросил Лютик, приподнимаясь на стременах и заглядывая в овраг, на который указывал краснолюд. — Ничего не вижу.

— О, — повторил Золтан.

— Не болтай, словно попугай! Что — о?

— Речка, — спокойно пояснил Золтан. — Правый приток Хотли. Называется О.

— Аааа...

— Да ты что? — засмеялся Персиваль Шуттенбах. — Речка А впадает в Хотлю в верховьях далеко отсюда. А это О, а не А.

Низина, по дну которой текла речушка с незатейливым названием, заросла высокой, выше краснолюдских голов, крапивой, пронзительно пахла мятой и сопревшей древесиной и была до предела заполнена непрекращающимся лягушиным кваком. Берега у нее были крутые, и именно это сделало свое гиблое дело. Телега Вэры Лёвенхаупт, которая с самого начала движения героически переносила все превратности судьбы и преодолела все преграды, проиграла в стычке с речкой О. Она вырвалась из рук спускающих ее к воде краснолюдов, подскакивая, съехала на самое дно низинки и развалилась на мелкие куски.

— Кррրва мать! — заскрежетал Фельдмаршал Дуб, контрапунктируя хоровой крик Золтана и его компании.

— Откровенно говоря, — оценил Лютик, рассматривая останки экипажа и раскиданную поклажу, — оно, может, и к лучшему. Дурной воз — мир праху его! — только затруднял движение, вечно с ним были хлопоты. Взгляни реально, Золтан. Согласись, нам здорово повезло, что никто на нас не напал и не преследовал. Если б надо было быстренько драпать, пришлось бы фургон бросить вместе со всем вашим добром, которое теперь можно спасти...

Краснолюд с негодованием отвернулся и зло забурчал себе в бороду, но Персиваль Шуттенбах неожиданно поддержал трубадура. Поддержку, как заметил ведьмак, сопровождало несколько многозначительных подмигиваний. Подмигивания, по идее, должны были быть незаметными, но выразительная мимика маленькой физиономии гнома всякую незаметность исключала.

— Поэт прав, — повторил Персиваль, кривясь и подмигивая. — Отсюда до Хотли и Ины можно шапкой докинуть. Перед нами Фэн Карн, сплошное бездорожье. Там тащиться с телегой было б тяжко. А если нас на Ине встретят темерские войска, то с нашим грузом... нам пришлось бы трудновато.

Золтан задумался, шмыгнул носом.

— Ну ладно, — наконец сказал он, поглядывая на останки телеги, омываемые ленивым течением речки О. — Разделимся. Мунро, Фиггис, Язон и Калеб остаются. Остальные идут дальше. Лошадей придется нагрузить торбами с провизией и ручным инструментом. Мунро, знаешь, что делать? Лопаты есть?

— Ну!

— Только чтобы мне никаких видимых следов не осталось. А место как следует пометьте и запомните!

— Будь в спокое.

— Догоните нас запросто. — Золтан закинул за спину вещевой мешок и сигилль, поправил топорик за поясом. — Идем по течению О, потом вдоль Хотли до Ины. Ну, пока.

— Интересно, — шепнула Мильва Геральту, когда поредевший отряд двинулся в путь, провожаемый

взмахами рук оставшейся позади четверки краснолюдов. — Интересно, что такое было в тех туесах, ежели их надо на месте закопать, а место пометить? Да еще и так, чтобы не видел никто из нас?

— Не наше дело.

— Вряд ли, — вполголоса сказал Лютик, осторожно направляя Пегаса между обнаженными стволами, — в туесах были сменные подштанники. У них с этим грузом связаны крупные планы. Я достаточно много с ними болтал, чтобы сообразить, чем дело пахнет и что в их туесах может быть спрятано.

— И что же там, по-твоему, спрятано?

— Их будущее. — Поэт оглянулся, не услышит ли кто. — Персиваль по профессии шлифовщик камней, собирается открыть собственное дело. Фиггис и Язон — кузнецы, говорили о кузне. Калеб Страттон намерен жениться, а родители невесты однажды уже выгнали его взашей как голодранца. А Золтан...

— Перестань, Лютик. Треплешься, словно баба. Прости, Мильва.

— Да чего уж там...

За речкой, за темной и подмокшей полосой старых посадок лес редел, дальше пошли поляны, низкий березняк и сухие луговины. И все-таки продвигались медленно. По примеру Мильвы, которая, стоило им тронуться, взяла на седло веснушчатую девочку с косичками, Лютик тоже взял на Пегаса ребенка, а Золтан усадил на гнедого жеребца двух, а сам шел рядом, держа поводья. Но скорость не увеличилась, женщины из Кернова не поспевали за конными.

* * *

Уже смеркалось, когда, проплутав почти час по ярам и оврагам, Золтан Хивай остановился, перебросился несколькими словами с Персивалем Шуттенбахом и повернулся к остальным членам группы.

— Не галдите и не смейтесь надо мной, — сказал он, — но, сдается мне, заблудился я. Не знаю, хрен его возьми, где мы находимся и куда надо идти.

— Не болтай глупостей, — занервничал Лютик. — Что значит, не знаешь? Мы же руководствуемся течением речки. А там, внизу, ведь все еще речка О. Я прав?

— Прав. Только заметь, в какую сторону она течет.

— Елки... Невероятно!

— Вероятно, — угрюмо сказала Мильва, терпеливо выбирая сухие листики и хвою из волос веснушчатой девочки. — Мы заплутали среди оврагов. Река вертит, выкручивает подковы. Мы — на излучине.

— Но это все еще речка О, — упирался Лютик. — Если держаться речки, заплутать невозможно. Речкам доводится выписывать кренделя, согласен, но в конце концов все они обязательно куда-то впадают. Таков закон природы.

— Не мудри, певун, — поморщился Золтан. — Заткнись. Не видишь, я думаю?

— Нет. По тебе не видно. Повторяю, надо двигаться берегом речки и тогда...

— Перестань, — буркнула Мильва. — Ты городской. Твой закон природы стенами обложен, там твои

6 Зак. № 548

мудрости, может, чего и стоят. А ты глянь кругом. Долина изрыта оврагами, берега крутые, заросшие. Как ты собираешься идти вдоль речки? По склону яра вниз, в заросли и болото, потом обратно наверьх, снова вниз, обратно наверьх, коней за вожжи тащить? Два оврага осилишь, а на третьем пластом свалишься. Мы женщин и детей везем, Лютик. А солнце того и жди сядет.

— Заметил. Ну ладно, молчу. Послушаем, что предложат привычные к лесам следопыты.

Золтан Хивай хватил по голове матерящегося попугая, накрутил на палец клок бороды, зло рванул.

— Персиваль?!

— Направление в общем-то знаем. — Гном взглянул на солнце, висящее уже над самыми кронами деревьев. — Значит, первая... э... концепция будет такова: плюнем на речку, возвращаемся, выходим из оврагов на сухую землю и идем через Фэн Карн по междуречью аж до Хотли.

— Вторая концепция?

— О — речка мелкая. Правда, после недавних дождей воды в ней прибыло, но перейти можно. Срезаем извилины поперек течения, всякий раз, когда она загородит нам дорогу. Держась солнца, выйдем впрямую на развилок Хотли и Ины.

— Нет, — вдруг проговорил ведьмак. — От второй... концепции предлагаю отказаться сразу же. Об этом нечего и думать. На другом берегу мы рано или поздно влезем в одно из Мехунских Урочищ. Паскудные места, я решительно советую держаться от них в стороне.

— Что ли знаешь эти места? Бывал когда? Знаешь, как отсюда выбраться?

Ведьмак немного помолчал. Потер лоб.

— Довелось как-то. Три года назад. Но въехал я с противоположной стороны, с востока. Направляясь в Бругге, хотел срезать кусок. А как выбрался, не помню. Потому что меня полуживым вывезли на телеге.

Краснолюд некоторое время глядел на него, но больше вопросов не задавал.

Повернули молча. Женщины из Кернова шли с трудом, спотыкаясь и опираясь на палки, но ни одна ни разу не пожаловалась на трудности. Мильва ехала рядом с ведьмаком, поддерживая руками веснушчатую девочку с косичками.

— Мнится мне, — неожиданно проговорила она, — что крепко резанули тебя тады на урочище, ну, три лета назад. Думаю, чуда какая. Рискованное у тебя занятие, Геральт.

— Не возражаю.

— Я знаю, — подхватил сзади Лютик, — как тогда было. Ты был ранен, какой-то купчина вывез тебя оттуда, а потом в Заречье ты отыскал Цири. Мне об этом Йеннифэр говорила.

При звуке этого имени Мильва слегка усмехнулась. Геральт заметил и решил на ближайшей стоянке как следует надрать Лютику уши за неуемную болтовню. Однако, зная поэта, не рассчитывал на особый результат, тем более что скорее всего Лютик уже выболтал все, что знал.

— А может, напрасно, — бросила после недолгого молчания лучница, — не поехали мы тем берегом, на

урочища... Ежели в тот раз ты девочку отыскал... Эльфы говорят, что если второй раз то место посетить, где что-то случилось, то время может обернуться... Они это называют... А, черт, забыла... Чего-то там с судьбой. Узел, что ль...

— Петля, — поправил Геральт. — Петля судьбы.

— Тьфу ты! — скривился Лютик. — Кончайте болтать о петлях и судьбах. Мне когда-то эльфка наворожила, что с этой юдолью слез я распрощаюсь на эшафоте с помощью ловкого мастера висельных дел. Правда, не верю я в такого рода дешевую ворожбу, но несколько дней назад приснилось мне, будто меня вздергивают. Проснулся весь в поту, сглотнуть не мог и воздуха хватить. Так что не люблю я, когда кто о петлях болтает.

— Не с тобой разговариваю, а с ведьмаком, — парировала Мильва. — А ты ушей не наставляй, так ничего дрянного в них не влетит, верно, Геральт? Так что скажешь об этой петле судьбы? Вдруг да повторится время-то, если на урочище заехать?

— Потому и хорошо, что завернули мы, — резко ответил он. — У меня нет никакого желания повторять кошмар.

— М-да, ничего не скажешь, — покачал головой Золтан, осматриваясь. — В хорошенькое местечко ты нас завел, Персиваль! Лучше некуда!

— Фэн Карн, — буркнул гном, почесывая кончик длинного носа. — Выгон Курганов... Всегда пытался понять, откуда такое название...

— Теперь понял? Курганы тут пасутся. На выгоне, стало быть.

Просторная низина перед ними была уже затянута вечерним туманом, из которого, словно из моря, докуда хватал глаз, выступали бесчисленные могильные холмы и омшелые монолиты. Некоторые камни были обычными бесформенными глыбами. Другие, ровно отесанные, превращены в обелиски и менгиры. Третьи, стоящие ближе к центру этого каменного леса, были сгруппированы в дольмены, могильные холмики и кромлехи и расположены концентрически, что исключало случайный каприз природы.

— Да уж, — повторил краснолюд. — Лучше места для ночлега не придумаешь. Эльфье кладбище. Если мне память не изменяет, ведьмак, ты недавно гулей упоминал? Ну так вот знай, я их чую меж этих курганов. Здесь, должно быть, все. Гули, гравейры, вампиры, вихты, духи эльфов, привидения — полный набор! Все сидят там и знаете, о чем сейчас думают? Что, мол, вот не придется ужин искать, сам пришел.

— Может, вернемся? — шепотом предложил Лютик. — Может, выберемся отсюда, пока еще немного видно?

— Бабы больше и шага не сделают, — зло бросила Мильва. — Дети от усталости с ног валятся. Кони утомлены. Сам же подгонял, Золтан, еще немного, еще полверсты, повторял, еще стае*, болтал. А теперь что? Два стае взад переть? Дерьмо все

* Стае — мера длины ≈ 1067 м.

это! Кладбище — не кладбище, жальник — не жальник, ночуем где досталось.

— И верно, — поддержал ведьмак, слезая с лошади. — Не паникуйте. Не всякое кладбище чудовищами и привидениями полнится. Я никогда не бывал на Фэн Карне, но если б тут действительно было опасно, я б об этом слышал.

Никто, не исключая и Фельдмаршала Дуба, не проронил ни слова. Женщины из Кернова разобрали своих детей и уселись тесной кучкой, молчаливые и явно напуганные. Персиваль и Лютик стреножили коней и пустили их на буйную траву. Геральт, Золтан и Мильва подошли к краю поляны, рассматривая утопающее в тумане и надвигающихся сумерках кладбище.

— Ко всему прочему еще и новолуние, — буркнул краснолюд. — Ох, будет сегодня ночью ведьмов праздник, чую, ох, дадут нам демоны жару... А что это там светится на юге? Не зарево?

— А как же, зарево и есть, — подтвердил ведьмак. — Снова кому-то кто-то крыши над головами запалил. Знаешь что, Золтан? Я себя как-то безопаснее чувствую здесь, на Фэн Карне.

— Я тоже так себя почувствую, когда солнце взойдет. Если только гули дадут нам восхода дождаться.

Мильва покопалась в торбе, вытащила что-то блестящее.

— Серебряный наконечник. На такую оказию приберегала. В пять крон мне на базаре обошелся. Таким гуля можно пришить, ведьмак, а?

— Не думаю, чтобы тут были гули.

— Ты ж сам говорил, — буркнул Золтан, — что висельника на дубе гули обгрызли. А где жальник, там и гули.

— Не всегда.

— Ловлю тебя на слове. Ты — ведьмак, спец, надеюсь, будешь нас защищать. Мародеров ты здорово разделал... А что, гули дерутся лучше мародеров?

— Несравненно. Я же просил — перестаньте паниковать.

— А против вомпера пойдет? — Мильва насадила серебряный наконечник на стержень стрелы, проверила остроту подушечкой большого пальца. — Или на упыря?

— Может подействовать.

— На моем сигилле, — буркнул Золтан, обнажая меч, — вытравировано старинными краснолюдскими рунами древнейшее краснолюдское заклинание. Ежели хоть какой-никакой гуль приблизится ко мне на длину клинка — запомнит меня! Вот, гляньте.

— Хо, — заинтересовался подошедший в этот момент Лютик. — Так вот они какие, знаменитые тайные письмена краснолюдов? И о чем говорит надпись?

— «На погибель сукинсынам!»

— Что-то пошевелилось среди камней! — неожиданно воскликнул Персиваль Шуттенбах. — Гуль, гуль!

— Где?

— Вон там, там! Среди камней спрятался!

— Один?

— Я видел одного.

— Знать, здорово проголодался, коли думает к нам еще до ночи подобраться. — Краснолюд попле-

вал на ладони и крепче ухватил рукоять сигилля. — Хо-хо! Враз убедится, что лакомство ему не по зубам. А ну, Мильва, всади ему стрелу в жопу, а я выпущу из него дух!

— Ничего я там не вижу, — прошипела Мильва, держа у подбородка перья стрелы. — Ни травка меж камней не дрогнет. А тебе не привиделось, гном?

— Отнюдь, отнюдь, — возразил Персиваль. — Видите вон тот валун, что вроде разбитого стола? Туда гуль скрылся, как раз за ту каменюку.

— Стойте здесь. — Геральт быстро вынул меч из ножен за спиной. — Стерегите баб и следите за лошадьми. Если гули нападут, животные сбесятся. Я пойду проверю, что это было.

— Один не пойдешь, — решительно возразил Золтан. — Тогда, на мызе, я позволил тебе одному пойти, потому как осы испугался. И две ночи кряду не мог уснуть от срама. Больше — никогда! Персиваль, а ты куда? На тылы? Ты ж вроде бы чуду увидел, значит, теперь авангардом пойдешь. Не боись, я иду следом.

Они осторожно пошли меж курганов, стараясь не шуметь в траве, доходящей Геральту до колен, а краснолюду и гному до пояса. Приближаясь к дольмену, который указал Персиваль, быстро разделились, отрезая гулю дорогу к бегству. Но тактика оказалась ненужной. Геральт знал, что так оно и будет — его ведьмачий медальон даже не дрогнул, не просигналил ни о чем.

— Никого тут нет, — осматриваясь, отметил Золтан. — Ни живого духа. Надо думать, привиделось

тебе, Персиваль. Ложная тревога. Напрасно только страху на нас нагнал. Да, положено тебе за это дать пинка под зад.

— Видел! — взъерепенился гном. — Видел, как между камнями проскакивал. Худой, черный, как сборщик податей...

— Заткнись, гном дурной, не то я тебе...

— Что за странный запах? — спросил вдруг Геральт. — Не чуете?

— А и верно. — Краснолюд принюхался на манер гончей. — Странно воняет.

— Травы. — Персиваль потянул воздух чутким двухдюймовым носом. — Полынь, камфорный базилик, шалфей, анис... Корица? Какого черта?

— А чем воняют гули, Геральт?

— Трупами. — Ведьмак быстро осмотрел следы в траве, потом в несколько шагов вернулся к дольмену и слегка постучал плоскостью меча по камню.

— Вылезай, — прошипел он сквозь зубы. — Знаю, что ты там. А ну, живо, не то ткну в дыру железом.

Из идеально замаскированной норы под камнем донеслось глухое урчание.

— Вылезай, — повторил Геральт. — Мы ничего тебе не сделаем.

— Волос у тебя с головы не упадет, — сладко заверил Золтан, поднимая над норой сигилль и грозно вращая глазами. — Выходи смело!

Геральт покачал головой и решительным жестом велел ему отойти. В дыре под дольменом снова захрипело и оттуда крепко дыхнуло травяно-корневым аро-

матом. Через минуту появилась седая голова, а потом лицо, украшенное породистым горбатым носом, определенно принадлежавшим не гулю, а худощавому мужчине средних лет. Персиваль не ошибся. Мужчина действительно немного смахивал на сборщика податей.

— Можно вылезти не опасаясь? — спросил он, поднимая на Геральта черные глаза под седеющими бровями.

— Можешь.

Мужчина выбрался из дыры, отряхнул черную одежду, перехваченную в поясе чем-то вроде фартука, поправил полотняную торбу, вызвав тем самым волну травяных запахов.

— Предлагаю вам, милостивые государи, спрятать оружие, — сказал он совершенно спокойно, водя взглядом по окружающим его путникам. — Оно не понадобится. У меня, как видите, никакого оружия нет. Я его не ношу. Никогда. Нет при мне также ничего такого, что можно было бы счесть достойной вас добычей. Меня зовут Эмиель Регис — цирюльник. Я из Диллингена.

— Действительно, — поморщился Золтан Хивай. — Цирюльник, алхимик или же знахарь. Не обижайтесь, но от вас сильно несет аптекой.

Эмиель Регис, не разжимая губ, странно усмехнулся, развел руками — мол, что поделаешь.

— Запах вас выдал, милсдарь цирюльник, — сказал Геральт, убирая меч в ножны. — У вас были особые причины прятаться от нас?

— Особые? — глянул на него черноглазый мужчина. — Нет. Скорее — обычные. Просто испугался. Такие времена.

— Верно, — согласился краснолюд и указал большим пальцем на освещающее небо зарево. — Времена такие. Я думаю, вы такой же беженец, как и мы. Конечно, интересно, почему вы, так далеко от родимого Диллингена убежав, в одиночку скрываетесь среди здешних курганов. Впрочем, людям всякое случается, тем более в трудные времена. Мы испугались вас, вы — нас. У страха глаза велики.

— С моей стороны, — назвавшийся Эмиелем Регисом мужчина не спускал с них глаз, — вам ничего не угрожает. Надеюсь, я могу рассчитывать на взаимность?

— Вы что ж, — ощерился Золтан, — за разбойников нас принимаете, или как? Мы, милсдарь цирюльник, тоже беженцы. Направляемся к темерской границе. Хотите, можете пристать. Вместе-то оно лучше и безопасней, чем в одиночку, а нам медик может пригодиться. С нами женщины и дети. А не найдется ль среди смердящих чудодейственных лекарств, которые, чую, вы носите при себе, чего-нибудь против ног? Стерли мы их.

— Найдется, — тихо сказал цирюльник. — Рад случаю помочь. Что же до вашего предложения... Искренне благодарю, но я не беженец. Я не бежал из Диллингена от войны. Я здесь живу.

— Подумать только! — нахмурился краснолюд, слегка отступив. — Живете? Тут, на кладбище?

— На кладбище? Нет, что вы, у меня хата неподалеку. Кроме дома и магазина в Диллингене, разумеется. Но здесь я провожу все лето, каждый год с июня

по сентябрь, от соботки, то есть летнего солнцестояния, до эквинокциума, то есть осеннего равноденствия. Собираю разные травы и коренья, частично на месте дистиллирую лекарства и эликсиры.

— Но о войне знаете, — отметил, а не спросил Геральт, — несмотря на отшельничью жизнь вдали от мира и людей. От кого знаете?

— От беженцев. В неполных двух верстах отсюда, у реки Хотли, большой лагерь. Там скопилось несколько сотен беженцев, кметов из Бругге и Содлена.

— А темерская армия? — заинтересовался Золтан. — Двинулась?

— Об этом мне не ведомо.

Краснолюд выругался, потом уставился на цирюльника.

— Так. Стало быть, живете здесь себе, поживаете, милсдарь Регис, — проговорил он протяжно. — А по ночам меж могил разгуливаете. И не страшно?

— А чего мне бояться?

— А вот этот... господин. — Золтан указал на Геральта. — Ведьмак. Он недавно видел следы гулей. Трупоедов, понимаете? А не надо быть ведьмаком, чтобы знать, что гули держатся жальников.

— Ведьмак? — Цирюльник с явным интересом взглянул на Геральта. — Истребитель чудовищ? Ну-ну. Любопытно. А вы не объяснили спутникам, милостивый государь ведьмак, что этому некрополю больше полутысячи лет? Гули неразборчивы в пище, верно, однако пятисотлетние кости не грызут. Здесь гулей нет.

— Это меня нисколько не огорчает, — сказал Золтан Хивай, оглядываясь. — Ну-с, милсдарь медик, позвольте пригласить вас в наш лагерь. Побалуемся холодной конинкой, надеюсь, не побрезгаете?

Регис долго смотрел на него. Наконец сказал:

— Благодарствую. Однако у меня есть мысль получше. Приглашаю к себе. Правда, моя летняя, так сказать, резиденция скорее шалаш, а не хата. Но рядом ключевая вода. И «топка», на которой можно разогреть конину.

— Охотно воспользуемся, — поклонился краснолюд. — Может, и нет здесь гулей, но все равно мысль о ночевке на кладбище не очень меня привлекает. Пошли, познакомитесь с остальными из нашей компании.

Когда они подходили к стоянке, кони зафыркали, стали бить копытами.

— Встаньте малость под ветер, милсдарь Регис. — Золтан Хивай окинул медика красноречивым взглядом. — Запах шалфея пугает лошадей, а мне, стыдно признаться, напоминает о зубодрале.

— Геральт, — буркнул Золтан, как только Эмиель Регис скрылся за пологом, прикрывавшим вход в хату. — Разуй глаза. Этот вонючий знахарь не шибко мне нравится.

— Что-нибудь конкретное?

— Не нравятся мне люди, сидящие целое лето на кладбищах, к тому же вдали от человеческого жилья.

Неужто травы не растут в более приятных местах? Уж больно этот Регис смахивает на любителя пограбить могилки. Цирюльники, алхимики и им подобные выкапывают на жальниках трупы, чтобы потом проделывать с ними разные экскременты.

— Эксперименты. Для этих целей используют свежие трупы. А здесь очень старое кладбище.

— Точно, — почесал бороду краснолюд, наблюдая за женщинами из Кернова, готовящими себе ночлег у кустов черемухи, растущей вокруг халупы цирюльника. — А может, он выгребает из могил спрятанные там драгоценности?

— Спроси его, — пожал плечами Геральт. — Приглашение ты принял сразу, не раздумывая, а теперь вдруг тебя подозрительность заела, словно старую деву, которой расточают комплименты.

— Хммм, — протянул Золтан. — Вообще-то ты, пожалуй, прав. Но я охотно глянул бы, что у него там, в халупе. Так, для верности...

— Так войди и прикинься, будто хочешь попросить вилку...

— Почему вдруг вилку?

— А почему нет?

Краснолюд долго глядел на него, потом решился, быстро подошел к хатке, аккуратненько постучал в косяк и вошел. Не выходил довольно долго, потом вдруг появился в дверях.

— Геральт, Персиваль, Лютик, идите-ка сюда. Увидите нечто интересное. Ну, смелее, без церемоний, господин Регис приглашает.

В хате было тесно и забито теплым, дурманящим, свербящим в носу запахом, бьющим в основном от пучков трав и кореньев, которыми были увешаны стены. Вся мебель состояла из подстилки, тоже прикрытой травами, и колченогого стола, заставленного неисчислимыми стеклянными, глиняными и фарфоровыми бутылочками. Скупой свет, позволявший видеть все это, шел от угольев в топке странной пузатой печки, напоминавшей клепсидру на сносях. Печку охватывала паутина разнокалиберных трубок, изогнутых дугами и спиралями. Под одной из таких трубок стояла деревянная бадейка, в которую что-то капало.

При виде печки Персиваль Шуттенбах вытаращил глаза, раззявился, вздохнул, потом подпрыгнул и восторженно заорал:

— Хо-хо-хо! Что я вижу? Это же самый настоящий перегонный куб с ректификационной колонкой и медным охладителем! Какая работа! Сами сконструировали, милостивый государь цирюльник?

— Именно, — скромно признался Эмиель Регис. — Я занимаюсь изготовлением эликсиров, приходится дистиллировать, извлекать пятые вытяжки, а также...

Он осекся, видя как Золтан Хивай ловит стекающие из трубки капли и облизывает палец. Краснолюд вздохнул, на его румяной физиономии отразилось неописуемое блаженство.

Лютик не выдержал, тоже попробовал. И тихонько застонал.

— Пятая вытяжка, — признал он, причмокивая. — А может, шестая или даже седьмая.

— Ну да, — слегка улыбнулся цирюльник. — Я же сказал, дистиллят...

— Самогон, — поправил Золтан. — Да еще какой! Испробуй, Персиваль!

— Я в органической химии не разбираюсь, — не вставая с коленей, растерянно ответил гном, изучающий особенности монтажа алхимической печи. — Сомневаюсь, что распознаю компоненты...

— Дистиллят из мандрагоры, — рассеял сомнения Регис. — Обогащенный балладонной. И ферментированный крахмальной массой.

— То есть затором?

— Можно и так назвать.

— А нельзя ли попросить какую-нибудь плошку?

— Золтан, Лютик. — Ведьмак скрестил руки на груди. — Вы что, сдурели? Это же мандрагора. Самогон из мандрагоры. Оставьте в покое бадейку.

— Но, милейший господин Геральт. — Алхимик отыскал среди запыленных реторт и бутылей небольшую мензурку, заботливо протер ее тряпочкой. — Ничего страшного. Мандрагора была собрана в соответствующий сезон, а пропорции старательно подобраны и точно отмерены. На одну либру крахмальной массы я даю только пять унций поскрипа, а белладонны всего половину драхмы...

— Не об этом речь. — Золтан глянул на ведьмака, понял с ходу, посерьезнел, осторожно отодвинулся от печи. — Не в том дело, милсдарь Регис, сколько драхм

вы туда кидаете, а в том, сколько стоит одна драхма поскрипа. Слишком это дорогой напиток для нас.

— Мандрагора? — удивленно шепнул Лютик, указывая на лежащую в уголке домишки кучку клубней, напоминающих маленькие сахарные свеколки. — Это мандрагора? Настоящая мандрагора?

— Женская разновидность, — кивнул алхимик. — Она растет в больших количествах именно на кладбище, на котором нам довелось познакомиться. Поэтому здесь я и провожу лето.

Ведьмак красноречиво взглянул на Золтана. Краснолюд моргнул. Регис едва заметно ухмыльнулся.

— Прошу, прошу, господа, если есть охота, искренне приглашаю продегустировать. Ценю ваш такт, но в данной ситуации у меня мало шансов довезти эликсиры в охваченный войной Диллинген. Все это и без того пропало бы, поэтому не будем говорить о ценах. Как говорится, лучше в нас, чем в... Простите, но сосуд для дегустации у меня всего один.

— Достаточно, — проворчал Золтан, принимая мензурку и осторожно зачерпывая из бадейки. — Ваше здоровье, милсдарь Регис. Ууууу!..

— Прошу прощения, — снова улыбнулся цирюльник. — Качество дистиллята, вероятно, оставляет желать лучшего... В принципе это полуфабрикат.

— Это самый лучший полуфабрикат из всех полуфабрикатов, какие только я пил, — наконец смог выдохнуть Золтан. — бери, поэт...

— Ааaах! О, мать моя! Отличный! Попробуй, Геральт.

— Первая — хозяину, — слегка поклонился ведьмак Эмиелю Регису. — Где твои манеры, Лютик?

— Извольте извинить, милостивые государи, — ответил поклоном на поклон алхимик. — Но я себе этого не позволяю. Здоровье уже не то, что ранее. Пришло время отказаться... по многим причинам.

— Ни глоточка?

— Тут дело в принципе, — спокойно пояснил Регис. — Я никогда не нарушаю принципов, которые сам себе установил.

— Восхищаюсь и завидую принципиальности. — Геральт малость отпил из мензурки и после недолгого колебания выпил до дна.

Удовольствие немного подпортили брызнувшие из глаз слезы. По желудку растеклось живительное тепло.

— Схожу-ка я за Мильвой, — бросил он, передавая сосуд краснолюду. — Не вылакайте все, пока мы не вернемся.

Мильва сидела при лошадях, играя с веснушчатой девчушкой, которую весь день везла на своем седле. Узнав о гостеприимстве Региса, она сначала пожала плечами, но упрашивать себя не заставила.

Войдя в домишко, они застали компанию за осмотром корней мандрагоры.

— Впервые вижу, — признался Лютик, вертя в руках клубень. — И верно, немного напоминает человека.

— Которого перекорежил прострел, — заявил Золтан. — А этот вот — ну прямо баба на сносях. А глянь, этот-то, прошу прощения, словно два человека трахаются.

— У вас одни потрахушки в башках-то. — Мильва ловко опрокинула наполненную мензурку, крепко кашлянула в кулак. — А, чтоб тебя... Хороша фиговина! И верно, что ль, из поскрипа? Чародейский напиток пьем! Не всякий раз попадается. Благодарствую, милсдарь цирюльник.

— Ну что вы, что вы, право! И мне приятно!

Активно наполняемая мензурка обошла компанию, поднимая настроение, придавая бодрость и активируя разговорчивость.

— Такая мандрагора, слышал я, варево ба-а-альшой магической силы, — убежденно сказал Персиваль Шуттенбах.

— А как же, — подтвердил Лютик, затем хлебнул, отер губы и принялся разглагольствовать. — Разве ж мало баллад сложено на эту тему? Чародеи используют мандрагору для эликсиров, которые обеспечивают им вечную молодость. А чародейки, кроме того, изготовляют из поскрипа мазь, гламария называется. Намазавшаяся такой мазью чародейка становится такой красивой и чарующей, что прям глаза на лоб вылазят. И еще следует вам знать, что мандрагора сильные афродизионные свойства имеет и ее используют при любовной магии, особенно для того, чтобы сломить девичье сопротивление. Отсюда и название народное мандрагоры: поскрип. Зелье, значит, чтобы у девок не скрипело...

— Балда, — прокомментировала Мильва.

— А вот я слышал, — сказал гном, опрокинув разом полную мензурку, — что когда корень такой

из земли вытягивают, то растение плачет и голосит, словно живое.

— Хо, — сказал Золтан, зачерпывая из бадейки. — Если б только голосило. Говорят, мандрагора вопит так жутко, что можно, значитца, чувств лишиться, а кроме того, заклинания выкрикивает и порчу наводит на того, кто ее из земли тянет. Жизнью можно за таковой риск уплатить.

— Ох, мнится мне, трепотня все это. — Мильва приняла от краснолюда мензурку, браво хлебнула и вздрогнула. — Не может того быть, чтобы у растения такая сила была.

— Самая что ни на есть правдивая правдость! — разгорячился краснолюд. — Однако толковые знахари изобрели способ защититься. Отыскав поскрип, намотают на корень веревку одним концом, а к другому концу, значитца, веревки, привязывают собаку. За хвост.

— Иль свинью, — вставил гном.

— Иль дикого кабана, — серьезно добавил Лютик.

— Дурак ты, хоть и поэт. Суть в том, чтобы эта собака или свинья мандрагору из земли вытянула, вот тогда ругань и заклинания падут на них, а знахарь, в кустах скрывшийся, целым останется. Ну как, милсдарь Регис? Я верно говорю?

— Метод довольно любопытный, — согласился алхимик, загадочно улыбаясь. — В основном благодаря хитроумности. Однако существенным минусом такой методы следует признать ее сложность. В конце концов

теоретически достаточно было бы просто веревки без животного. Не думаю, чтобы мандрагора умела понять, кто тянет за веревку. Волшебства и заклинания в принципе-то должны пасть на веревку, которая, согласитесь, дешевле и проще в обслуживании, нежели собака. Не говоря уж о свинье.

— Ехидничаете?

— Да как я смею? Я же сказал, поражаюсь хитроумности. Потому что хоть мандрагора вопреки всеобщему мнению не способна ни порчу навести, ни ругаться, однако в природном виде это растение настолько токсично, что ядовита даже почва вокруг корней. Попадание свежего сока на лицо или поврежденную руку, да что там, даже вдыхание запаха может привести к печальным последствиям. Я пользуюсь маской и перчатками, хоть и ничего не имею против «метода хвоста и веревки».

— Хммм, — задумался краснолюд. — А насчет крика страшнейшего, который издает вырываемый поскрип, это-то правда?

— У мандрагоры нет голосовых связок, — спокойно пояснил алхимик. — Это в принципе довольно типично для растений, не правда ли? Однако выделяемый клубнями токсин обладает сильным галлюциногенным действием. Голоса, крики, шепоты и иные звуки — все это не что иное, как галлюцинации, вызываемые поражением нервного центра.

— Ха, совсем было запамятовал. — Лютик, который только что опрокинул очередную мензурку, громко отрыгнул. — Мандрагора сильно ядовита! А

я брал ее в руку! А сейчас мы хлебаем этот отвар, не задумываясь...

— Токсичен лишь свежий корень растения, — успокоил его Регис. — Мой выдержан целый сезон и приготовлен соответствующим образом, а дистиллят профильтрован. Опасаться нечего.

— Это уж точно, нечего, — согласился Золтан. — Самогон завсегда самогон, гнать его можно даже из цикуты, крапивы, рыбьей чешуи и старой шнуровки от сапог. Давай посуду, Лютик, народ ждет!

Последовательно наполняемая мензурка снова пошла по кругу. Все удобно расположились на глинобитном полу. Ведьмак зашипел и выругался — боль в колене снова дала о себе знать. Он заметил, что Регис внимательно присматривается к нему.

— Свежая рана?

— Не совсем. Но докучает. У тебя нет каких-нибудь трав, чтобы боль унять?

— Смотря что за боль, — едва заметно улыбнулся цирюльник. — И по какой причине. В твоем поте, ведьмак, я ощущаю странный запах. Магией лечили? Давали магические энзимы и гормоны?

— Всякие лекарства давали. Понятия не имею, что еще можно вынюхать в моем поту. У тебя чертовски тонкое обоняние, Регис.

— У каждого свои достоинства. Для нейтрализации недостатков. Что тебе лечили волшебством?

— Рука была сломана и бедренная кость.

— И давно?

— Месяц с небольшим.

— И уже ходишь? Невероятно. Брокилонские дриады, верно?

— Как ты угадал?

— Только дриады знают лекарства, способные так быстро восстановить костную ткань. На твоих руках я вижу темные точки, места, в которые проникали корешки конинхаэли и симбиотические побеги пурпурного окопника. Конинхаэлью умеют пользоваться только дриады, а пурпурный окопник не растет нигде, кроме Брокилона.

— Браво! Безошибочный вывод! Однако меня интересует другое. Мне сломали бедренную кость и предплечье. А сильные боли я почему-то чувствую в колене и локте.

— Типично, — покачал головой цирюльник. — Магия дриад восстановила тебе поврежденные кости, но одновременно произвела небольшую революцию в нервных стволах. Побочный эффект, который сильнее всего ощущается в суставах.

— Что можешь посоветовать?

— К сожалению, ничего. Ты еще долго будешь предчувствовать ненастье. Зимой боли усилятся. Однако я не рекомендовал бы тебе пользоваться сильными обезболивающими средствами. Особенно наркотиками. Ты — ведьмак. Тебе это абсолютно противопоказано.

— Значит, полечусь твоей мандрагорой. — Ведьмак поднял мензурку, которую ему только что вручила Мильва, выпил до дна и закашлялся так, что опять слезы потекли из глаз. — Мне уже лучше. Дьявольщина!

— Не уверен, — Регис улыбнулся, не разжимая губ, — ту ли болезнь ты лечишь. И вообще лечить надо причины, а не проявления.

— Это не для ведьмака, — фыркнул уже немного зарумянившийся Лютик, прислушивавшийся к разговору. — Ему-то как раз против его хворобы водяра поможет.

— Хорошо бы тебе тоже. — Геральт остудил поэта взглядом. — Особенно, если у тебя от нее язык задубеет.

— На это вряд ли можно рассчитывать, — снова улыбнулся цирюльник. — В состав препарата входит белладонна. Много алкалоидов, в том числе скополамин. Прежде чем на вас как следует подействует мандрагора, всех вас разберет элоквенция.

— Что разберет? — спросил Персиваль.

— Элоквенция. Красноречие. Простите. Давайте пользоваться простыми словами.

Геральт скривил губы в деланной улыбке.

— Справедливо. Легко впасть в манерность и начать пользоваться такими словами ежедневно. В таких случаях люди начинают считать болтуна невежественным шутом.

— Или алхимиком, — добавил Золтан Хивай, зачерпывая мензуркой из бадейки.

— Или ведьмаком, — фыркнул Лютик, — который начитался всякой муры, чтобы произвести впечатление на некую чародейку. А чародейки, милостивые государи... и милостивые государыни, ни на что не клюют так охотно, как на изысканный треп.

Я верно говорю, Геральт? Ну, расскажи нам чего-нибудь...

— Пропусти очередь, Лютик, — холодно прервал ведьмак. — Слишком уж быстро на тебя подействовали содержащиеся в этом самогоне алкалоиды и... скополамин. Ишь, разговорился. Элоквенция разобрала!

— А, перестань, Геральт, — поморщился Золтан. — Секретничаешь-то напрасно. Ничего нового нам Лютик не сказал. Ты давно уж стал ходячей легендой. Тут никуда не денешься. Истории о твоих похождениях разыгрывают в кукольных театриках. В том числе и историю о тебе и чародейке по имени Гвиневера.

— Йеннифэр, — вполголоса поправил Эмиель Регис. — Видел я такой спектакль. История об охоте на джина, если мне память не изменяет.

— Был я при той охоте, — похвалился Лютик. — Смеху, доложу я вам...

— Расскажи всем, — поднялся Геральт. — Завирая и разукрашивая по возможности. Я прогуляюсь.

— Эй! — встрепенулся краснолюд. — Нечего обижаться.

— Ты меня не понял, Золтан. Мне надо облегчиться. Что делать, такое случается даже ходячим легендам.

Ночь была ужасно холодная. Кони топали и похрапывали, пар валил у них из ноздрей. Залитый лунным светом домик цирюльника выглядел прямо-таки сказочно. Ну, один к одному — домик лесной волшебницы. Ведьмак застегнул брюки.

Мильва, вскоре вышедшая за ним, неуверенно кашлянула. Её длинная тень поравнялась с его тенью.

— Чего ты обратно злишься? — спросила она. — Что ли всерьез на них обозлился?

— Нет.

— Так какого беса стоишь тут один?

— Считаю.

— Э?

— С того момента, как мы выбрались из Брокилона, прошло двадцать дней, за это время мы прошли всего верст шестьдесят. Цири, если верить слухам, находится в Нильфгаарде, в столице империи, в городе, от которого меня отделяют, по осторожным прикидкам, что-то около двух с половиной тысяч верст. Из элементарных расчетов получается, что при таком темпе я доберусь туда через год и четыре месяца. Как тебе это нравится?

— Никак. — Мильва пожала плечами, снова кашлянула. — Я не умею считать так хорошо, как ты. А читать и писать и вовсе. Я глупая, простая девушка из деревни. Никакая тебе не компания. Не друг для разговоров.

— Не говори так.

— Так ведь правда же. — Она резко отвернулась. — На кой ты мне эти версты и дни перечислял? Чтобы я присоветовала тебе что-нибудь? Страх твой разогнала, тоску приглушила, которая свербит тебя сильнее, чем боль в поломанной ноге? Не умею! Тебе нужна не я, а та, другая, о которой болтал Лютик. Мудрая, ученая. Любимая.

— Лютик — трепач.

— Ну-ну. Но часом с головой треплется. Вернемся, хочу напиться еще.

— Мильва?

— Ну чего?

— Ты ни разу не сказала, почему решила ехать со мной.

— А ты не спрашивал.

— Теперь спрашиваю.

— Теперь — поздно. Теперь я уж и сама не знаю.

— Ну наконец-то, — обрадовался Золтан уже заметно изменившимся голосом. — А мы тут, представьте себе, решили, что Регис отправится с нами.

— Серьезно? — Геральт внимательно посмотрел на цирюльника. — Что вдруг такое неожиданное решение?

— Господин Золтан, — не опустил глаз Регис, — разъяснил, что в моих краях буйствует очень серьезная война. Возвращаться в те места нельзя, оставаться на этой пустоши — не очень разумно. Идти в одиночку — опасно.

— А с нами, совершенно незнакомыми, тебе, значит, безопасно. Ты определил это с одного взгляда?

— С двух, — слегка улыбнувшись, ответил цирюльник. — Первый — на женщин, которых вы охраняете. Второй — на их детей.

Золтан громко отрыгнул, скребанул мензуркой по дну бадейки.

— Внешность бывает обманчивой, — усмехнулся он. — А может, мы собираемся продать баб в неволю?

Персиваль, да сделай ты что-нибудь! Ну, открой побольше кран или еще чего. Мы ж хотим напиться, а капает, будто кровь из носа.

— Холодильник не управится. Жидкость будет теплой.

— Не беда. Ночь-то холодная.

Тепловатый самогон здорово подстегнул красноречие. Золтан и Персиваль порозовели вконец, голоса у них изменились еще больше. Речь гнома и поэта вообще превратилась в почти нечленораздельное бормотание. Разыгравшийся аппетит компания зажевывала холодной кониной, которую сдабривала оказавшимися в хате корешками хрена, обильно роняя слезы, потому что хрен по крепости ничуть не уступал самогону. Но добавлял огня дискуссии.

Регис неожиданно удивился, когда оказалось, что конечная цель похода не анклав массива Махакам, извечное и безопасное местопоселение краснолюдов. Золтан, который перещеголял болтливостью Лютика, сообщил, что в Махакам не вернется даже под конвоем, и дал волю своей неприязни к царящим там порядкам. Особенно ему претила политика и абсолютизм старосты Махакама и всех прочих краснолюдских кланов Брувера Гоога.

— Старый гриб! — рявкнул он и плюнул в топку печурки. — Глядишь и не знаешь, то ль живой, то ль сеном набитый. Почти не движется, и правильно делает, потому как при каждом движении его пердёж пробирает. Не поймешь, чего говорит — борода от засохшего борща с усами склеилась. А командует всем и всеми, все должны, вишь ты, плясать под его дудку.

— Тем не менее трудно утверждать, что политика старосты Гоога себя не оправдывает, — вставил Регис. — Именно благодаря его решительным действиям краснолюды отделились от эльфов и уже не дерутся совместно со скоя'таэлями. А это привело к прекращению погромов, к отмене карательной экспедиции на Махакам. Верность контактам с людьми приносит плоды.

— Хрен она приносит, а не плоды. — Золтан осушил мензурку. — Что касается белок, так старого пердуна вовсе не интересовала никакая верность людям. Просто слишком много юнцов бросало работу на рудниках и в кузницах, присоединялось к эльфам, чтобы найти в командах свободу и достойные мужчин приключения. Когда это выросло до размеров проблемы, Брувер Гоог зажал говнюков в железные клещи. Чихать ему на убиваемых скоя'таэлями людей и плевать на репрессии, которым из-за этого подвергались краснолюды, в том числе и ваши знаменитые погромы. Погромы ему вообще были и остаются до свечки, потому что осевших в городах краснолюдов он считает отщепенцами. А что касается угрозы в виде карательных экспедиций на Махакам, то не смешите меня, мои милые. Никакой угрозы не было и нет, потому что ни один из королей не осмелится тронуть Махакам даже пальцем. Я скажу больше: даже нильфгаардцы, если им удастся захватить окружающие массив долины, Махакам тронуть не посмеют. Знаете, почему? Так я вам скажу: Махакам — это сталь. И еще какая! Там есть уголь,

там есть магнетитовые руды, неисчерпаемые запасы. А в других местах одна труха.

— И в Махакаме есть техника, — вставил Персиваль Шуттенбах. — Металлургия! Огромные печи, не какие-то засранные курные избы. Водяные и паровые молоты...

— На, Персиваль, перец длинноносый, глотни, — Золтан подал гному в который раз наполненный сосуд, — а то доконаешь нас своей техникой. Все знают о технике. Но не все знают, что Махакам экспортирует сталь. В королевства. Но и в Нильфгаард тоже. А если нас кто пальцем тронет, мы уничтожим мастерские и затопим рудники. А тогда деритесь, люди, да только дубовыми палицами, кремнями и ослиными челюстями.

— Вроде бы такой злой был на Брувера Гоога и махакамские порядки, — заметил ведьмак, — и вдруг стал говорить «мы».

— Да! Верно! — запальчиво подтвердил краснолюд. — А разве не существует солидарность? А? Согласен, немного меня и гордость берет, что мы мудрее вазнаек эльфов. Надеюсь, возражать не станешь? Эльфы несколько сотен лет прикидывались, будто вас, людей, вообще нет. В небо посматривали, цветочки-василечки нюхали, а при виде людей отводили размалеванные глазки. А когда оказалось, что это ничего не дает, вдруг очухались и схватились за оружие. Решили убивать вас и дать повыбивать себя. А мы, краснолюды? Мы приспособились. Нет, мы не позволили себя подчинить, и не мечтайте. Это мы вас себе подчинили. Экономически.

— Правду говоря, — заметил Регис, — вам было приспособиться легче, чем эльфам. Эльфов объединяет земля, территория. Вас — клан. Где клан, там и родина. Если даже какой-нибудь совсем уж недальновидный король сдуру нападет на Махакам, вы затопите рудники и без сожаления пошлепаете куда-нибудь в другое место. В другие удаленные горы. Да хоть бы и в человечьи города.

— И верно! В ваших городах можно вполне прилично жить.

— Даже в гетто! — Лютик хватил воздуха после глотка дистиллята.

— А что плохого в гетто? Я предпочитаю жить среди своих. Зачем мне интеграция?

— Лишь бы нас в цехи пустили. — Персиваль утер нос рукавом.

— Когда-нибудь да допустят, — убежденно сказал краснолюд. — А нет, так станем портачить или оснуем собственные цехи, пусть создадут здоровую конкуренцию. Рынок — так рынок!

— А все-таки в Махакаме безопаснее, чем в городах, — заметил Регис. — Города могут в любой момент полыхнуть. Войну разумнее пересидеть в горах.

— Кто хочет, пусть идет туда. — Золтан зачерпнул из бадейки. — Мне милей свобода, а в Махакаме ей и не пахнет. Не представляете себе, как выглядит власть старика. Последнее время ему приспичило регулировать эти, ну, как их? О — общественные права и законы. К примеру: допустимо ли носить подтяжки

или нет? Карпа есть сразу или погодить, пока заливное застынет? Соответствует ли игра на окарине нашей многовековой краснолюдской традиции, или же это губительное влияние прогнившей и декадентствующей — во словцо-то, Регис, какое! — человеческой культуры. После скольких лет работы можно подать заявление на выделение постоянной жены. Которой рукой следует... подтираться. На каком расстоянии от рудника разрешается свистеть. И тому подобные проблемы жизненно важного значения. Нет, ребяты, я не вернусь к горе Карбон. Нет у меня желания провести жизнь в рудничном забое. Сорок лет внизу, если раньше не бухнет метан. Но у нас другие планы, верно, Персиваль? Мы себе будущее уже обеспечили...

— Будущее, будущее... — Гном осушил мензурку, высморкался и взглянул на краснолюда уже немного затуманенными глазами. — Не говори гоп, Золтан. Нас еще могут схватить, и тогда наше будущее — петля. Или Дракенборг.

— Заткнись, — буркнул краснолюд, угрожающе взглянув на него. — Разболтался!

— Скополамин, — шепнул Регис.

Гном сочинительствовал. Мильва грустила. Золтан, забыв, что однажды все это уже рассказывал, повествовал о Нооге, старом грибе, старосте Махакама. Геральт, забыв, что однажды все это уже слышал, внимал. Регис тоже слушал и даже добавлял комментарии, со-

вершенно не беспокоясь тем, что остался единственным трезвым в уже здорово подпитом обществе. Лютик бренчал на лютне и пел:

У гордых дам присловье есть:
Мол, трудно в дупла палкой влезть...

— Идиот, — заметила Мильва. Лютик не обиделся.

Да нет — всегда найдется тот,
чей сук в дуплишко путь найдет...

— Кубок... — бормотал Персиваль Шуттенбах, — чаша, значит... Из сплошного куска млечного опала вырезанная... Во-о-от такой величины. Я нашел на вершине горы Монсальват. По краю шла яшма, а основание из золота. Красотища...

— Кррва мать... — очнулся от дремы Фельдмаршал Дуб.

— Не давайте ему больше сивухи, — с трудом сказал Золтан Хивай, имея в виду явно не Фельдмаршала.

— Постой-постой, — проговорил Лютик, тоже не совсем внятно. — Так что сталось с тем легендарным кубком, в смысле чашей?

— На мула обменял. Нужен был мне мул, груз перевезти... Корунды и кристаллический уголь. Было у меня этого... Эзп... Целая куча... Эзп... Груз, значит, тяжелый, без мула никуда... На кой хрен был мне нужен этот кубок, в смысле чаша?

— Корунды? Уголь?

7 Зак. № 548

— Ну, по вашему рубины и алмазы. Очень... ээп... полезные...

— Я думаю!

— Для сверл и напильников. Для подшипников. Их у меня была... ээп... целая куча.

— Слышь, Геральт? — Золтан махнул рукой и, хотя сидел, чуть было не повалился на бок. — Мал, вот и набрался быстро. Куча алмазов ему снится. Эй, Персиваль, как бы сон-то твой не оправдался! Наполовину. На ту, которая без алмазов!

— Сны, сны, — снова забормотал Лютик. — А ты, Геральт? Тебе снова Цири снилась? Понимаешь, Регис, Геральт — мастер на пророческие сны! Цири — это Дитя-Неожиданность, Геральт связан с ней узами предназначения, потому видит ее в снах. Неплохо б тебе также знать, что мы в Нильфгаард идем, чтобы отнять нашу Цири у императора Эмгыра, который ее похитил. И не успеет Эмгыр оглянуться, как мы ее отобьем! Я бы сказал вам больше, парни, но это тайна. Секрет. Жуткая, глубокая и мрачная тайна... Никто не может об этом узнать, понятно? Ни-и-икто!

— Я ничего не слышал, — заверил Золтан, нахально глядя на ведьмака. — Не иначе как уховертка заползла в ухо.

— Ох уж эти ухвертки, — согласился Регис, делая вид, будто ковыряет в ухе, — ну прямо-таки несчастье какое-то.

— В Нильфгаард топаем... — Лютик оперся о краснолюда, думая удержать равновесие, что оказалось

крупной ошибкой. — Это, как я уже сказал, секретная тайна! Тайный секрет! Секретно-тайная цель!

— И по правде сказать, очень ловко спрятанная, — кивнул цирюльник, кинув взгляд на побледневшего от ярости Геральта. — Судя по направлению вашего похода, даже самый подозрительный и прозорливый тип не догадается о цели движения.

— Мильва, что с тобой?

— Отстань от меня, пьяный дурак.

— Хе! Она плачет! Эй, гляньте-ка...

— Иди к черту, говорю! — Лучница отерла слезы. — Вот дам кулаком меж глаз, виршеплет затраханный... Давай стекляшку, Золтан...

— Подевалась куда-то... — пробормотал краснолюд. — О, есть. Спасибо, ци-цилюрьник... А где, мать его, Шуттенбах?

— Вышел. Какое-то время назад. Лютик, помнится, ты обещал рассказать историю про Дитя-Неожиданность...

— Щас, щас. Регис. Только глотну... Все расскажу... И о Цири, и о ведьмаке... В подробностях...

— На погибель сукинсынам!!!

— Тихо ты, краснолюдина! Дите перед халупой разбудишь!

— Не злись, лучница! На, выпей.

— Эээх! — Лютик обвел комнатку полудурным взглядом. — Если б меня сейчас увидела графиня де Леттенхоф...

— Кто-кто?

— Не важно. Холера, эта сивуха и верно язык развязывает... Геральт, тебе еще налить? Геральт!

— Отзынь от него, — сказала Мильва. — Пусть спит.

Стоящий на краю села овин исходил музыкой, музыка дошла до них еще прежде, чем они подъехали, и взбудоражила. Они начали невольно раскачиваться в седлах медленно ступающих лошадей, вначале следуя глухому ритму барабана и басетлей, потом, когда подъехали ближе, в такт мелодии, которую пели пищалки и гусли. Ночь была холодная, в свете полной луны овин с прорывающимися сквозь щели в досках проблесками казался сказочным, волшебным замком.

Из ворот овина вырывался гул и свет, мерцающий от теней пляшущих пар.

Стоило им войти, как музыка оборвалась, расплылась протяжным, фальшивым аккордом. Расплясавшиеся и потные кметы расступились, освобождали глинобитный пол, собрались вдоль стен и подпирающих крышу столбов. Цири, шедшая рядом с Мистле, видела расширенные от страха глаза девушек, замечала твердые, решительные взгляды мужчин и парней готовых на все. Слышала усиливающийся шепот и гул, перебивающий сдержанное гудение дудок, мушиное пиликанье скрипок и гуслей. Шепот. Крысы... Крысы... Разбойники.

— Не пугайтесь, — громко сказал Гиселер, бросая онемевшим музыкантам плотно набитый позвякивающий мешочек. — Мы приехали повеселиться. Ведь гулянье для всех, разве нет?

— Где ваше пиво? — тряхнул мешочком Кайлей. — И где ваше гостеприимство?

— И почему здесь так тихо? — обвела помещение взглядом Искра. — Мы ехали с гор на гулянье. Не на тризну!

Кто-то из кметов наконец переборол страх, подошел к Гиселеру с пенящимся глиняным кувшином. Гиселер принял с поклоном, выпил, и по обычаю любезно поблагодарил. Несколько парней крикнули, мол, давайте плясать. Но остальные молчали.

— Эй, кумовья! — снова закричала Искра. — Плясать хочу, да, похоже, для начала надо вас растормошить!

У стены овина стоял тяжелый стол, уставленный глиняной посудой. Эльфка хлопнула в ладони, ловко запрыгнула на дубовую столешницу. Кметы поспешно пособирали посуду, а ту, которую убрать не успели, Искра сбросила широким пинком.

— Ну, господа музыканты... — подбоченилась она, тряхнув волосами. — Покажите, на что способны! Музыка!

Она быстро отбила каблуками ритм. Повторил барабан, подхватили басетля и свирель. Вступили дудка и гусли, усложняя, призывая Искру сменить шаг и ритм. Эльфка, яркая и легкая, как бабочка, легко подстроилась, заплясала. Кметы принялись хлопать в ладоши.

— Фалька! — крикнула Искра, щуря удлиненные броским макияжем глаза. — С мечом-то ты ловкая! А в пляске? Поддержишь?

Цири сбросила с плеча руку Мистле, отвязала с шеи платочек, сняла берет и курточку. Одним прыжком оказалась на столе рядом с эльфкой. Кметы подбодрили криком, барабан и басетля загудели, стонуще запели дудки.

— А ну, музыканты! — вскрикнула Искра. — Вовсю! И быстрей!

Уперев руки в бока и резко откинув волосы, эльфка задробила ногами, заплясала, отбила каблуками быстрое, ритмичное стаккато. Цири, захваченная ритмом, повторила ее движения. Эльфка рассмеялась, подпрыгнула, сменила ритм. Цири резким движением головы стряхнула со лба волосы, повторила точно один к одному. Обе заплясали синхронно, одна — зеркальное отражение другой. Кметы орали, подбадривали. Гусли и скрипки взвились высоким пением, разрывая в клочья размеренное гудение басетлей и стон дудок.

Они плясали, выпрямившись тростинками, касаясь друг друга локтями упирающихся в бедра рук. Подковки каблуков отбивали ритм, стол трясся и гудел, в свете сальных свечей и факелов клубилась пыль.

— Шибчей! — подгоняла музыкантов Искра. — А ну, жизни! Жизни!

Это была уже не музыка, это было безумие!

— Пляши, Фалька! Забудь обо всем! Про все! Про всех!

Каблук, мысок, каблук, мысок, каблук, шаг и прыжок, движение плеча, кулаки в бока, каблук, мысок. Стол трясется, свет качается, колеблется толпа, все колеблется, весь овин пляшет, пляшет, пляшет... Толпа

орет. Гиселер орет. Ассе орет. Мистле хохочет, хлопает, все хлопают и топают, дрожит овин, дрожит земля, дрожит мир! Мир? Какой мир? Нет никакого мира, нет ничего, есть только пляска, пляска... Каблук, мысок, каблук... Локоть Искры... Горячка, горячка... Уже только ржут скрипки, свирели, басетли и дудки, барабанщик только поднимает и опускает палочки, он больше не нужен, такт отбивают они, Искра и Цири, их каблуки, так что гудит и раскачивается стол, гудит и раскачивается весь овин... Ритм, ритм. Ритм в них, музыка в них, музыка — они сами! Темные волосы Искры пляшут надо лбом и на плечах. Струны гуслей надрываются лихорадочным, огненным, взвивающимся до самых высот пением. Кровь бьется в висках.

Исступление! Забвение!

«Я — Фалька! Я всегда была Фалькой! Пляши, Искра! Хлопай, Мистле!» Скрипки и дудки обрывают мелодию резким, высоким аккордом, Искра и Цири заканчивают пляску одновременно барабанной дробью каблуков, не отрывая друг от друга локтей. Дышат обе, распаленные, мокрые, вдруг прижимаются одна к другой, обнимают, обдают друг друга потом, жаром и счастьем. Сарай взрывается единым криком, заполняется громом рукоплесканий.

— Фалька, ты дьяволица! — тяжело дышит Искра. — Когда нам надоест разбойничать, пойдем в мир зарабатывать на жизнь плясками...

Цири тоже дышит тяжело, неровно. Не может произнести ни слова. Только судорожно смеется. По щекам текут слезы.

В толпе вдруг раздается крик, возникает суматоха. Кайлей сильно толкает могучего кмета, кмет толкает Кайлея, они схватываются, мелькают поднятые кулаки. Подскакивает Рееф, при свете факелов вспыхивает кинжал.

— Нет! Стоять! — пронзительно кричит Искра. — Никаких драк. Это ночь плясок!

Эльфка берет Цири за руку, обе соскакивают на пол.

— Музыканты, играть! Кому не терпится показать свое умение? Давайте с нами! Ну, кто смел?

Монотонно гудит басетля, в гул врывается протяжный стон дудок, потом высокое пение гуслей. Кметы хохочут, тыркают друг друга кулаками, перебарывают страх и смущение. Один, широкоплечий и светловолосый, хватает Искру. Другой, помоложе и постройнее, неуверенно кланяется Цири. Цири гордо вскидывает голову, но тут же улыбается. Паренек обнимает руками ее талию, Цири кладет свои руки ему на плечи. Прикосновение пронзает ее огненной стрелой, заполняет пульсирующим желанием.

— Живее, музыканты! Живее!

Овин дрожит от крика, вибрирует ритмом и мелодией. Цири пляшет.

ВАМПИР, или упырь, умерший человек, оживленный Хаосом. Утратив первую жизнь, В. проживает вторую ночной порой. Выходит из могилы при свете луны и перемещаться может токмо вослед за ее лучами; нападает на спящих девиц либо парней, кровь сладкую коих, не разбудив оных, сосет.

«Physiologus»

Кметы чеснок в превеликом множестве поедали, а большей верности ради ожерелья чесночные на шеи понавешали. Некоторые, особливо девушки, цельные головки чеснока запихивали себе куда только можно. Все село преужасающе чесночным духом воняло, кметы мыслили, будто в безопасности обретаются и теперь уже ничего им упырь учинить не сумеет. Како же велико было изумление, когда упырь, в полночь налетевши, вовсе не испугался, а токмо хохотать почал, зубьями от веселия скрежеща и насмеха-

ясь. «Славно, — кричал, — что вы сразу же нашпиговалися, потому как теперича я вас жрать стану, а заправленное мясо больше мне на вкус приходится. Посолитесь еще и поперчитесь, да и о горчице не позабудьте».

Сильвестр Бугнардо. «Liber Tenebrarum, или книга Страшных но Истинных Случаев, Наукою никогда не Экспликованных».

Светит месяц, светит ясный...
Глянь, мертвяк летит ужасный...
Подвывает крепко...
Не боишься, девка?

Народная песенка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Птицы, как всегда, опередили восход солнца, разбудив серую, туманную предрассветную тишь своим гомоном, и, как всегда, первыми в путь собрались молчаливые женщины из Кернова с детьми. Таким же быстрым и энергичным оказался цирюльник Эмиель Регис, присоединившийся к компании с дорожным посохом и кожаной торбой на спине. Остальная часть группы, которая ночью активно дегустировала дистиллят, не была столь прыткой. Утренний холод поднял ночных кутил, однако не сумел полностью свести на нет эффекты мандрагорового зелья. Геральт очнулся в углу домишки. Голова его лежала на подоле у Мильвы. Золтан и Лютик, обнявшись, храпели на куче поскрипповых клубней так, что раскачивались висящие на стенах пучки трав. Персиваль отыскался за халупой, свернувшийся в клубок под кустом черемухи и накрытый

соломенной рогожкой, которой Регис пользовался, чтобы вытирать ботинки.

Все пятеро являли миру очевидные, хоть и дифференцированные признаки утомления и последействия регисового пойла. Признаки эти они пытались изгнать, интенсивно утоляя жажду в ручье.

Однако когда туман рассеялся и лучи кроваво-красного солнца пробились сквозь кроны сосен и лиственниц Фэн Карна, группа была уже в пути, резво двигаясь среди курганов, дольменов и надгробий иной формы. Вел Регис, за ним следовали Персиваль и Лютик, подбадривавшие друг друга тем, что в два голоса пели балладу о железном волке и трех сестрах. За ними топал Золтан Хивай, тянувший за поводья вороного жеребца. Во владениях цирюльника краснолюд нашел суковатую ясеневую палку и теперь колотил ею по менгирам, мимо которых проходил, желая при этом давно преставившимся эльфам вечного отдохновения, а сидящий у него на плече Фельдмаршал Дуб топорщил перья и время от времени неохотно, малопонятно и как-то неубедительно поскрипывал.

Самой податливой на действие дистиллята оказалась Мильва. Она шла с явным трудом, вспотевшая, бледная, злая как оса и даже не отвечала на щебетание девочки с косичками, которую везла на седле своего воронка. Геральт не пытался заводить разговора, да и у него настроение тоже было не из лучших.

Туман, а также излагаемые громкими, но несколько испитыми голосами перипетии железного волка и трех сестер привели к тому, что на группу кметов они наткнулись неожиданно. Кметы же заслышали их уже издалека и не шевелясь ждали меж врытых в землю монолитов, а серые сермяги служили им прекрасной маскировкой. Еще немного и Золтан Хивай угостил бы одного из них палкой, приняв за надгробный камень.

— Огогого! — крикнул он. — Простите, люди! Не заметил. День добрый. Приветствую!

Десяток кметов нестройным хором пробурчали что-то в ответ, угрюмо посматривая на компанию. В руках они держали лопаты, кирки и саженной длины заостренные жерди.

— Приветствую, — повторил краснолюд. — Как я понимаю, вы из лагеря на Хотле. Попал?

Вместо ответа один из кметов указал на коня Мильвы.

— Вороной. Видите?

— Вороной, — повторил другой и облизнулся. — Точно, вороной. В сам раз будет.

— Э? — Золтан заметил движение и взгляды. — Ну вороной. И что? Конь ведь, не жирафа какая, чего глазеть-то на него?

— А вы чего тут делаете, кумовья, на кладбище на этом? — Кмет окинул компанию неприязненным взглядом.

— А вот выкупили эту территорию. — Краснолюд взглянул ему прямо в глаза и стукнул палкой по менгиру. — И меряем шагами*, не объегорили ли нас случаем на акрах.

— А мы тут вомпера ловим!

* Шаг — старинная мера длины, равная 0,81 м.

— Кого?

— Вомпера, — отчетливо повторил старший из кметов, почесывая лоб под заскорузнувшим от грязи колпаком. — Гдей-то тут лежбище себе учинил, сукин сын. Осиновых кольев настругали, отыщем окаянного, продырявим, штоб уж не встал!

— И вода святая у нас в двойчатках есть, которую нам блаженный жрец уделил! — бодро крикнул другой кмет, демонстрируя горшки. — Издырявим кровопивца, штоб на веки-веков исчезнул!

— Ха-ха, — сказал Золтан Хивай. — Охота, вижу, на всю ширь идет и продумана в подробностях. Вампир, говорите? Ну, считайте, повезло вам, добрые люди. У нас специалист по вампирам имеется, ведь...

Он осекся и выругался про себя, поскольку ведьмак крепко саданул его сапогом по щиколотке.

— Кто вампира видел? — спросил Геральт, взглядом велев спутникам молчать. — Откуда знаете, что его надо искать именно здесь?

Кметы пошептались.

— А никто его не видал, — признался наконец тот, что был в фетровом колпаке. — И не слыхал. А как же его увидать, ежели он по ночам летает, во тьмах? А как же его услыхать, коли он на нетопыриных крыльях полошшит, без шуму и шороху?

— Вомпера-то мы не видали, — добавил другой. — Но следы евонного страшного дела были. С того дня, как месяц в полню взошел, упырище кажну ночь кого-нито из наших пришибает. Двох уже разодрал. Бабу одну и отрока единого. Ужасть и тревога! На куски вомпер несчастливцев разодрал, всю кровю из них высосал! Так чего ж таперича — в бездействии третью ночь ждать?

— Кто сказал, что всему виной вампир, а не другой хищник? Кто придумал по могильникам рыскать?

— Блаженный жрец сказал. Ученый и набожный человек, счастье, что в наш лагерь забрел. Враз угадал, что на нас вомпер нападает. Кара это за то, что мы молитвы забросили и приношениев не делаем. Он ныне в лагере молитвы возносит игзорсизмы всякие, а нам велел поискать могилу, в которой мертвяк дневает.

— Именно здесь?

— А где ж еще могилу вомперью искать, ежели не на жальнике? Это ведь эльфов жальник, кажное дите знает, что эльфы — раса поганая и безбожная, каждый второй эльф опосля смерти адовым отродьем становится! Вся зараза через эльфов!

— И брадобреев! — серьезно кивнул Золтан. — Истинная правда. Каждое дите знает. Далеко лагерь-то, о котором речь шла?

— Э, недалеко...

— Да не говорите вы им много-то, отец Овсивуй! — буркнул заросший щетиной кмет с волосами до бровей, тот, который уже раньше проявил враждебность. — Черт их знает, кто такея, какая-то подозрительная шайка. А ну, за дело. Пущай коня дают, а опосля идут в свою сторону.

— Святая правда, — сказал старший кмет. — Надыть дело кончать, потому как время не ждет. Давайте

коня. Того, вороного. Нужон нам, чтобы вомпера отыскать. Сыми, девка, дите с седла.

Мильва, которая все время равнодушно пялилась на небо, взглянула на кмета, и черты лица у нее опасно обострились.

— Ты мне, что ли, говоришь, кметок?

— Тебе-тебе. Давай воронка, нужон он нам.

Мильва потерла вспотевшую шею и стиснула зубы, а ее усталые глаза приобрели совершенно волчье выражение.

— В чем дело, люди, — улыбнулся ведьмак, пытаясь разрядить обстановку. — Зачем вам конь, которого вы так любезно просите?

— А как же нам иначе-то могилу упыря отыскать? Известно ж, надыть на вороном жеребце жальник объехать, а у которой могилы жеребец пристанет и не даст себя стронуть, там вомпер и зарыт. Тады надыть его выкопать и осиновым колом прошить. Не противьтесь, потому как нам все едино, что в лоб, что по лбу. Должны мы того воронка получить!

— А другая масть, — дружелюбно спросил Лютик, протягивая кмету вожжи Пегаса, — не подойдет?

— Никак.

— Ну, значит, не повезло вам, — прошипела сквозь стиснутые зубы Мильва. — Я коня не отдам.

— Это как же так, не дашь? Не слыхала, что я сказал, девка? Нам надыть!

— Вам — да. А мне, стало быть, нет?

— Предлагаю полюбовное решение, — мягко проговорил Регис. — Как я понимаю, госпожу Мильву

дрожь пробирает при одной мысли, что можно отдать лошадь в чужие руки...

— Точно, — зло сплюнула лучница. — При одной мысли трясет...

— Ну, чтобы и волки были сыты и овцы целы, — спокойно продолжал цирюльник, — пусть госпожа Мильва сама сядет на воронка и совершит столь якобы необходимый объезд некрополя.

— Не стану я, будто дура какая, по кладбищу рыскать.

— Да тебя никто и не просит, девка! — крикнул мужик с волосами до бровей. — На то нужон парень, хват, а бабе на кухне при горшках сидеть след. Конешно, девка позжей могет сгодиться, потому как супротив упыря, говорят, шибко пользительны девичьи слезы. Ежели вомпера окропить имя, сгорит, ровно головня. Токмо слезы должна чистая и не тронутая еще молодка пролить. Что-то не видится мне, чтобы тебя не трогали, женчина. Стал быть, ты тут ни до чего не нужная.

Мильва быстро сделала шаг вперед и неуловимым движением выбросила правый кулак. Голова кмета отлетела назад — заросшая шея и подбородок оказались прекрасной мишенью. Девушка шагнула еще и саданула ребром раскрытой ладони, усилив удар за счет разворота бедер и плеч. Кмет попятился, запутался в собственных лаптях и повалился на менгир. Удар затылком был хорошо слышен.

— Теперь видишь, на что я гожусь, — сказала дрожащим от бешенства голосом лучница, растирая кулак. — Кто из нас хват, а кому в руки ухват? Ничего

нет вернее кулачного боя. После него все становится ясно. Кто молодец и хват, тот на ногах стоит, кто дурень и слабак, тот на земле лежит. Я верно говорю, кметы?

Крестьяне не торопились подтверждать, а, раскрыв рты, пялились на Мильву. Тот, что в фетровом колпаке, опустился перед длинноволосым на колени и легонько пошлепал его по щекам. Впустую.

— Убит, — ахнул он, поднимая голову. — Насмерть. Как же так, девка? Как же так — взять да человека убить?

— Я не хотела, — шепнула Мильва, опуская руки и бледнея от ужаса. А потом сделала то, чего от нее никто и ожидать не мог.

Отвернулась, покачнулась, оперлась лбом о менгир, и ее бурно вырвало.

— Что с ним?

— Легкое сотрясение мозга, — ответил Регис, вставая и застегивая торбу. — Череп цел. Он уже пришел в себя. Помнит, что случилось, помнит, как его зовут. Это хорошо. Бурная реакция госпожи Мильвы была, к счастью, безосновательна.

Ведьмак взглянул на лучницу, сидевшую неподалеку у камня и уставившуюся вдаль.

— Это не кисейная барышня, чтобы реагировать так бурно, — буркнул он. — Вину тому я приписал бы скорее вчерашнему самогону с «белладонной».

— Ее уже и раньше рвало, — тихо заметил Золтан. — Позавчера, на ранней заре. Все еще спали. Я

думаю, это из-за грибов, которые мы жрали в Турлуге. У меня тоже живот два дня болел.

Регис странно глянул на ведьмака из-под седеющих бровей, загадочно улыбнулся и закутался в черный шерстяной плащ. Геральт подошел к Мильве.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отвратно. Что с кметком?

— Ничего страшного. Пришел в себя. Однако Регис запретил ему вставать. Крестьяне сооружают люльку; отвезем его в лагерь между двумя лошадьми.

— Возьмите моего вороного.

— Мы взяли гнедого и Пегаса. Они помягче. Вставай, пора в путь.

Теперь выросшая количественно группа напоминала похоронную процессию и тащилась в столь же похоронном темпе.

— Что скажешь об их вампире? — спросил ведьмака Золтан Хивай. — Веришь в эту историю?

— Я не видел убитых. Ничего сказать не могу.

— Явная липа, — убежденно заметил Лютик. — Кметы говорят, что убитые были разорваны. Вампиры не разрывают. Прокусывают артерию и выпивают кровь, оставив два четких оттиска клыков. Очень часто жертва выживает. Я читал об этом в специальной книге. Были там и гравюры, изображающие следы вампирьих укусов на лебяжьих выях девушек. Подтверди, Геральт.

— А что подтверждать? Я не видел таких гравюр. Да и в девушках плохо разбираюсь. С лебяжьими выями.

— Не ехидничай. Следы вампирьих укусов должен был встречать не раз и не два. Тебе когда-нибудь доводилось видеть, чтобы вампир раздирал жертву в клочья?

— Чего нет, того нет.

— В случае высших вампиров — никогда, — тихо сказал Эмиель Регис. — Из того, что мне известно, таким ужасным образом людей не калечат ни альп, ни катакан, ни муля, ни брукса, ни носферат. А вот фледер и экимма очень грубо обходятся с жертвами.

— Браво! — Геральт взглянул на него с искренним восхищением. — Ты не упустил ни одного вида вампиров. И не назвал ни одного мифического, существующего только в сказках. Да уж — знания поразительные. Следовательно, ты не можешь не знать, что экиммы и фледеры в нашем климатическом поясе не встречаются.

— Тогда что же? — фыркнул Золтан, размахивая ясеневой палкой. — Кто же тогда в нашем поясе разорвал ту бабу и парня? Сами, что ли, себя в приступе отчаяния разорвали?

— Перечень существ, которым можно приписать такой поступок, достаточно велик. Открывает его стая одичавших собак, нередкое несчастье военных лет. Вы не представляете себе, на что способны такие псы. Половину жертв, приписываемых чудовищам Хаоса, в действительности следует отнести на счет одичавших дворняг.

— Значит, чудовищ ты исключаешь?

— Отнюдь. Это могла быть стрыга, гарпия, гравейр, гуль...

— Не вампир?

— Скорее всего нет.

— Кметы упоминали какого-то жреца, — напомнил Персиваль Шуттенбах. — Как думаете, жрецы разбираются в вампирах?

— Некоторые разбираются во многом, к тому же неплохо, их мнение, как правило, стоит выслушать. К сожалению, это относится не ко всем.

— Особенно не к тем, которые валандаются по лесам с беженцами, — фыркнул краснолюд. — Скорее всего это какой-то отшельник, темный пустынник из глухомани. Направил кметскую экспедицию на твое кладбище, Регис. Собирая мандрагору при лунном свете, ты никогда не замечал там какого-нибудь вампира? Даже малюсенького? Крохотного?

— Никогда, — усмехнулся цирюльник. — И ничего странного. Вампир, как вы только что слышали, летает во тьме на нетопыриных крыльях без шума и шороха. Его легко прозевать.

— И легко увидеть там, где никогда не было и нет, — подтвердил Геральт. — В молодости я не раз тратил втуне время и энергию, гоняясь за привидениями и плодами предрассудков, которых видела и красочно описывала вся деревня с солтысом во главе. А однажды я два месяца просидел в замке, который якобы облюбовал себе вампир. Вампира не было. Но кормили отменно. Первое, второе и... компот.

— Однако у тебя, несомненно, бывали случаи, когда слухи о вампирах имели под собой почву, — сказал Регис, не глядя на ведьмака. — Тогда, думается, время и энергия не пропадали втуне. Чудовище погибало от твоего меча?

— Случалось.

— Так или иначе, — сказал Золтан, — кметам повезло. Я думаю подождать у них в лагере Мунро Бруйса и парней, да и нам отдых не повредит. Кто бы ни пришиб бабу и парня, ему не позавидуешь, если в лагере будет ведьмак.

— Ну, коли уж об этом речь, — стиснул зубы Геральт, — то убедительно прошу не болтать, кто я такой и как меня зовут. В первую очередь это касается тебя, Лютик.

— Воля твоя, — кивнул краснолюд. — Наверно, у тебя есть к тому причины. Хорошо, что вовремя нас упредил, потому как лагерь уже видно.

— И слышно, — подтвердила Мильва, прервав долгое молчание. — Шуму-то, шуму — страсть!

— Мы слышим, — сделал мудрую мину Лютик, — обычную симфонию лагеря беженцев. Как всегда, расписанную на несколько сотен человеческих глоток, не меньшее количество мычащих коров, блеющих овец и гогочущих гусей. Сольные партии в исполнении скандалящих баб, дерущихся детей, поющего петуха, а также, если не ошибаюсь, осла, которому сунули репей под хвост. Симфония называется: «Человеческое сборище в борьбе за выживание».

— Симфония, — заметил Регис, шевеля крылышками породистого носа, — как всегда, одороакустическая. От борющегося за выживание человечества несет изумительным ароматом вареной капусты, блюда, без которого, видимо, долго продержаться невозможно. Характерный ароматический привкус создают также эффекты удовлетворения физиологических потребностей, справляемых где попало, чаще же всего по периметру лагеря. Никогда не мог понять, почему борьба за выживание воплощается в нежелании копать выгребную яму.

— Порази вас дьявол с вашей болтовней, — занервничала Мильва. — Полсотни пустых слов, когда хватило бы трех: воняет капустой и говном.

— Капуста и говно всегда идут в паре, — сентенциозно изрек Персиваль Шуттенбах. — Одно приводит в движение другое. Перпетуум мобиле.

Стоило им вступить в шумный и вонючий лагерь между кострами, телегами и шалашами, как они незамедлительно оказались в центре внимания всех собравшихся беженцев, которых было никак не меньше, а то и больше двух сотен. Интерес этот быстро и почти невероятно возрос: неожиданно кто-то крикнул, неожиданно кто-то завыл, неожиданно кто-то кинулся кому-то на шею, кто-то принялся дико хохотать, а кто-то столь же дико рыдать. Возникло сильнейшее замешательство. Из какофонии мужских, женских и детских выкриков трудно было вначале

понять, в чем дело, но наконец все объяснилось. У шедших с ними женщин из Кернова отыскались в лагере муж и брат, которых те уже считали погибшими либо пропавшими без вести в военной заварухе. Радости и слезам не было конца.

— Такая банальная мелодрама, — убежденно сказал Лютик, указывая пальцем на трогательную сцену, — может случиться только в реальной жизни. Попытайся я таким манером закончить одну из своих баллад, меня б подняли на смех.

— Несомненно, — подтвердил Золтан. — Однако такая мелодраматическая банальность радует. На сердце легчает, когда видишь, что судьба кому-то дарит, а не отнимает. Ну — бабы с возу... Вел, вел, аж наконец довел. Пошли, нечего стоять.

Ведьмак хотел было предложить немного повременить, надеясь, что какая-нибудь из женщин сочтет нужным хотя бы словом поблагодарить краснолюда. Но тут же раздумал, видя, что его надеждам не суждено оправдаться. Обрадованные встречей женщины вообще забыли об их существовании.

— Чего стоишь? — быстро глянул на него Золтан. — Ждешь, когда тебя цветами обсыпят? Медком помажут? Собираемся, нечего нам тут делать.

— Ты прав.

Далеко они не ушли. Их остановил тоненький голосок веснушчатой девочки с косичками. В руке у нее был большой букет полевых цветов.

— Спасибо вам, — задыхаясь от быстрого бега, пропищала она, — что вы охраняли меня, и братика,

и маму. Что были добрые к нам и вообще. Я нарвала вам цветочков.

— Спасибо, — сказал Золтан Хивай.

— Вы добрые, — добавила девчушка, прикусив кончик косички. — Я ни капельки не верю тому, что говорит моя тетка. Вы совсем-совсем никакие не паршивые подземные карлы. Ты, дяденька, не седой выродок из ада, а ты, дядя Лютик, вовсе никакой не кичливый индюк. Неправду она говорила, моя тетка. А ты, тетя Мильва, вовсе никакая не разбойница с луком, а тетя Мария, и я тебя люблю. Тебе я нарвала самых красивых цветочков.

— Спасибо, — сказала Мильва чуть-чуть изменившимся голосом.

— От всех нас спасибо, — добавил Золтан. — Эй, Персиваль, паршивый подземный карл, дай-ка ребенку что-нибудь на прощание. Не завалялся ли у тебя в кармане какой-нибудь ненужный камень?

— Завалялся. Держи, мазелечка. Это алюмосиликат бериллия, популярно называемый...

— Изумрудом, — докончил краснолюд. — Не забивай ребенку голову, все равно не запомнит.

— Ой, какой красивый! Зелененький! Спасибо! Большое-пребольшое!

— Играй на здоровье.

— И не потеряй, — буркнул «кичливый индюк» Лютик. — За этот камушек можно купить небольшую усадьбу.

— А, брось. — Золтан приладил к колпаку полученные от девочки васильки. — Камень как ка-

мень, о чём говорить. Бывай здорова, малявка. А мы пойдем, присядем где-нибудь у брода, подождем Бруйса, Язона и других. Они вот-вот должны быть. Странно, что их так долго не видать. Забыл, дубом меня хрясть, отобрать у них карты. Спорю, сидят где-нибудь и режутся в гвинт!

— Коней надо накормить, — сказала Мильва. — И напоить. Пошли к реке.

— Может, и для нас найдется какая-никакая теплая еда, — добавил Лютик. — Персиваль, пошукай в лагере, воспользуйся своим носярой на пользу народу. Подсядем там, где вкуснее готовят.

К их легкому удивлению, доступ к реке охранялся. Стерегущие водопой мужики потребовали по грошу за коня. Мильва и Золтан взъярились не на шутку, но Геральт, не желая скандала и связанного с ним шума, успокоил их, а Лютик выложил найденные на дне кармана монеты.

Вскоре обнаружился Персиваль Шуттенбах, злой и грустный.

— Нашел поесть?

Гном высморкался и вытер пальцы о шерсть проходившей мимо овцы.

— Нашел, только не знаю, хватит ли нас на нее. Здесь за все требуют деньги, а цена — хошь стой, хошь падай! Мука и крупы — крона за фунт. Тарелка жидкого супа — два нобиля. Котелок пойманных в Хотле вьюнов стоит столько, сколько в Диллингене фунт вяленого лосося...

— А фураж?

— Талер за мерку овса.

— Сколько-сколько? — взорвался краснолюд. — Сколько?

— Сколь-сколь, — буркнула Мильва. — Лошадей спроси, сколь. Падут, если заставим траву щипать! Впрочем, здесь и травы-то нет.

Против очевидных фактов не попрешь. Не помогла и бурная торговля с владельцем овса. Парень отобрал у Лютика остатки денег, получил несколько ругательств от Золтана, впрочем, нисколько не обидевшись. А кони охотно сунули морды в мешки с кормом.

— Чертовы обдиралы! — верещал краснолюд, разряжая злость ударами палки по колесам телег, мимо которых проходил. — Как они еще дышать позволяют задарма, не требуют полгрошика за вдох. Или пятак за... кучу!

— Высшие физиологические потребности, — вполне серьезно заметил Регис, — таксированы соответственно. Видите натянутую на жерди палатку? И мужика, что стоит рядом? Он торгует прелестями собственной дочери. Цена — договорная. Я только что видел, как он принял курицу.

— Хреновое же у вас будущее, люди, — угрюмо бросил Золтан Хивай. — Каждое разумное творение на этом свете, попав в беду, нужду и несчастье, присоединяется к собратьям, потому что вместе легче переждать худое время. Один другому помогает. А у вас, людей, каждый только и знает, как бы на чужой беде нажиться. В голод пищей не поделится, пожирает тех,

кто послабее. Такое поведение объяснимо у волков, ибо дает выжить самым здоровым и сильным. Но у разумных рас такая селекция обычно позволяет выжить и командовать другими самым большим подлецам. Выводы и прогнозы сделайте сами.

Лютик резко возразил, приведя известные ему примеры еще большей обдираловки и торгашества среди краснолюдов, но Золтан и Персиваль заглушили его, одновременно проиграв на губах протяжные звуки, имитирующие пускание ветров, что у обеих разумных рас выражало пренебрежение к аргументам оппонента. Конец начавшейся было ссоре положило неожиданное появление группы кметов, предводительствуемых уже знакомым по охоте на вампиров стариканом в фетровом колпаке.

— Мы касательно Лаптя, — сказал один из кметов.

— Не покупаем, — в унисон буркнули краснолюд и гном.

— Энто тот, которому башку пробили, — быстро пояснил другой кмет, — мы его женить замышляли.

— Не возражаю, — зло сказал Золтан. — Всего ему наилучшего на новом жизненном пути. Желаю здоровья, счастья, успехов в делах и личной жизни.

— И множества маленьких Лаптят, — добавил Лютик.

— Ну-ну, милсдари, — сказал кмет. — Вам бы все хиханьки да хаханьки, а как нам его таперича женить-то? Ежели он опосля того, как вы ему в умишко долбанули, вовсе дурной стал, дня от ночи не отличает?

— Ну, не так уж все паршиво, — буркнула Мильва, глядя в землю. — Мнится мне, ему уж полегчало. Гораздо лучше, чем с самого с ранья.

— Не знаю я, какой Лапоть с самого с ранья был, — возразил кмет, — а только видел, как стоял он перед оглоблей, торчком торчавшей, и втолковывал той оглобле, какая она красна девка. Э, чего тут болтать, скажу коротко: гоните штрах за убивство.

— Чего-чего?

— Кады лыцарь кмета прибьет, должон штрах платить. Так в законе сказано.

— Я не рыцарь! — рявкнула Мильва.

— Это во-первых, — поддакнул Лютик. — Во-вторых, это был несчастный случай. В-третьих, Лапоть жив, значит, не может быть и речи о штрафе за убийство. Самое большее — о компенсации, то есть возмещении ущерба. А в-четвертых, у нас нет денег.

— Тады отдавайте конев.

— А ху-ху не хо-хо? — Глаза Мильвы зловеще прищурились. — Да ты, похоже, вконец сбрендил, кметок! Гляди не переусердствуй.

— Кррва мать! — заскрежетал Фельдмаршал Дуб.

— Вот, прямо в самое суть попала птица, — протяжно сказал Золтан Хивай, похлопывая по засунутому за пояс топорику. — Чтоб вы знали, мужики, у меня тоже не самое лучшее мнение о матерях тех типов, у которых только и мыслей, как заработать, пусть даже на раздолбанной башке сородича. Дви-

гайте отсюда, люди. Если уйдете немедленно, обещаю — гнаться не стану.

— Не хочите платить, дык пусть вас вышние власти рассудют.

Краснолюд скрипнул зубами и уже потянулся к топорику, но Геральт схватил его за локоть.

— Спокойно. Так ты намерен разрешить проблему? Укокошить их?

— Почему сразу уж — укокошить? Достаточно порядком покалечить.

— Хватит, черт побери, — прошипел ведьмак, потом обратился к кмету: — Кто у вас тут вышняя власть, о которой ты говорил?

— Староста наш лагерный, Эктор Лаабс, солтыс из пожженной Брэзы.

— Ведите к нему. Как-нибудь договоримся.

— Он таперича занятый, — сказал кмет. — Суд над чаровницей чинит. Вóна, видите, какая тамотки толпишша, возле клена. Ведьму схватили, котора с вомпером в сговоре была.

— Снова вампир, — развел руками Лютик. — Слышите? Они опять за свое. Если не могилы раскапывать, так чародеек ловить, соучастниц вампирьих. Люди, а может, вместо того чтобы орать, сеять и урожаи собирать, вам сподручней было б ведьмаками стать?

— Вам бы токмо, говорю, шутковать, — сказал кмет. — Да смефуечки-смефуйки разводить! Жрец тута есть, а жрец — он повыше ведьмака будет.Повернее. Жрец сказал, что вомпер завсегда на пару с чаровницей свои дела обделывает. Чаровница призывает упыря и жертвы нему указывает, а всем глаза морочит, чтоб, значит, не видели ничего.

— И оказалося, что оно всамделе так и есть, — добавил второй. — Промеж собой ведьму-предательницу вырастили. На своей груде. Но жрец ее чары распознал, и таперича мы ее спалим.

— А как же иначе, — проворчал ведьмак. — Ну что, глянем на этот ваш суд. И поговорим со старостой о несчастье, приключившемся с дурным Лаптем. Подумаем о подходящем решении. Правда, Персиваль? Ручаюсь, в одном из твоих карманов отыщется еще какой-нибудь завалящий камушек. Ведите, люди.

Процессия двинулась к раскидистому клену, под которым, и верно, черно было от возбужденных людей. Ведьмак, немного поотстав, попытался заговорить с одним из кметов, у которого физиономия казалась более или менее приличной.

— Что за чародейка? Действительно занимается магией?

— Эх, господин, — буркнул тот. — Не знаю я ничего. Приблудная энто девка, чужая. По-моему, малость умом тронутая. Взрослая, а все с детишками малыми играла, и сама как дите, ее спросишь, а она в ответ ни бе ни ме. Но я ничего не знаю. Навроде все говорят, что она с вомпером того, ну, трахивалась и волшебствовалась.

— Все, кроме нее самой, — тихо бросил шедший рядом с ведьмаком Регис. — А когда ее об этом спрашивают, она в ответ ни бе ни ме. Так я думаю.

На более детальные рассуждения времени не хватило, потому что они уже подошли к клену. Толпа пропустила их, правда, не без помощи Золтана и его ясеневого дрына.

К обрешетке нагруженного мешками воза была привязана девушка лет шестнадцати, руки у нее были широко раскиданы. Девушка едва касалась земли пальцами ног. В тот момент, когда они подошли, с ее худых плеч сдирали рубашку, на что связанная прореагировала вращением глаз и глуповатой смесью хихиканья и плача.

Рядом был разожжен костер. Кто-то заботливо раздувал уголья, кто-то другой хватал клещами подковы и аккуратно укладывал их в самый жар. Над толпой носился возбужденный вопль жреца.

— Подлая колдунья! Безбожная женщина! Признай истину! Нет, вы только гляньте на нее, люди, упилась какого-то зелья! Взгляните только на нее! У нее на лице так и написано чародейство!

Жрец был худ, лицо у него было сухощавое и темное как вяленая рыба. Черная одежда висела на нем, как на жерди. На шее посверкивал священный символ. Геральт не мог разглядеть, какого божества, впрочем, он в этом и не разбирался. Быстро разрастающийся последнее время пантеон мало его интересовал. Однако жрец, несомненно, принадлежал к одной из самых новых религиозных сект. Те, что постарше, занимались более полезными делами, нежели ловлей девушек, распинанием их на обрешетках телег и науськиванием суеверной толпы.

— С первых дней истории женщина была и остается сосудом всяческого зла! Орудием Хаоса, соучастницей заговоров против мира и рода человеческого! Женщиной управляет только телесное сладострастие! Потому так охотно она демонам служит, чтоб можно было похоть свою ненасытную и свои натуре противные вожделения ублажать!

— Сейчас кое-что узнаем о женщинах, — буркнул Регис. — Это фобия в чистой, клинической форме. Святому мужу, видать, частенько снится vagina dentata.

— Могу поспорить, что все гораздо хуже, — проворчал Лютик. — Голову дам на отсечение, он даже наяву не перестает мечтать об обычной, беззубой. И семя ударило ему в голову.

— А заплатит за это недоразвитая девушка.

— Если не найдется кто-нибудь, — проворчала Мильва, — кто удержит черного дурня.

Лютик многозначительно и с надеждой взглянул на ведьмака, но Геральт отвел глаза.

— А от чего же, как не от бабского чародейства, все наши теперешние беды? — продолжал выкрикивать жрец. — Кто, как не чаровницы, предал королей на острове Танедд да покушение на короля Редании устроил? Кто, как не эльфская ведьма из Доль Блатанна, насылает на нас белок! Теперь-то видите, до какого зла довело нас цацканье с чародейками! Потакание их мерзопакостным делишкам! Закрывание глаз на их самоуправство, зазнайство, богатства! А кто тому виной? Короли! Зазнавшиеся владыки отреклись от богов, отстранили жрецов, отобрали у них управление

и места в советах, а омерзительных чаровниц осыпали почестями и златом! И вот теперь пожинают плоды!

— Ага! Так вот где вампир зарыт, — проговорил Лютик. — Ты ошибся, Регис. Тут речь о политике, а не о зубастой вагине.

— И о деньгах, — добавил Золтан Хивай.

— Воистину, — надрывался жрец, — говорю вам, прежде чем ринуться на борьбу с Нильфгаардом, надобно очистить от этих отвратниц собственный дом! Выжжем каленым железом эту язву! Очистимся огнем! Не позволим жить тем, кои занимаются волшебством!

— Не позволим! На костер ее!

Привязанная к телеге девушка истерически захохотала, завращала глазами.

— Погоди, погоди, не так шибко, — проговорил молчавший до той поры угрюмый кмет огромного роста, вокруг которого собралась группка из нескольких молчаливых мужчин и мрачных женщин. — Пока что мы токмо крики и слышали. Кричать-то кажный сумеет, вон дажить ворона. От вас, благочинный, боле уважения ожидать надо, нежели от вороны.

— Да вы никак сомневаетесь в моих словах, староста Ляабс? Словах священнослужителя?

— Ни в чем я не сомневаюсь. — Гигант сплюнул на землю и зло поддернул штаны. — Эта девка — сирота и приблуда, никто она для меня. Ежели окажется, что была с вомпером в сговоре, берите ее, кончайте. Но покудова в этом обове я староста, потудова токмо виновных буду здесь карать. Хотите карать, для начала покажьте довод вины ейной.

— И покажу! — крикнул жрец, подавая знак своим челядникам, которые недавно укладывали подковы в огонь. — И покажу! В глаза покажу! Вам, Ляабс, и всем присутствующим!

Челядники вынесли из-за телеги и поставили на землю небольшой закопченный котелок с ручкой.

— Вот доказательство! — рявкнул жрец, пинком переворачивая котелок. На землю плеснула жидкость, оставив кусочки морковки, ленточки неопределенного растения и несколько маленьких косточек.

— Ведьма варила магический декокт! Эликсир, благодаря коему могла по воздуху летать! К своему полюбовнику вомперу, чтобы с ним в греховную связь вступать и дальнейшие преступления замышлять! Знаю я ее чародейские дела и способы, знаю я, из чего этот декокт! Чаровница живьем кота варила!

Толпа грозно охнула.

— Кошмар, — вздрогнул Лютик. — Сварить живое существо? Было мне жалко девчонку, но далековато она, пожалуй, зашла...

— Заткнись, — прошипела Мильва.

— Вот оно — доказательство! — верещал жрец, вытаскивая из исходящей паром лужицы косточку. — Вот доказательство неопровержимое! Кошачья кость!

— Это птичья кость, — холодно сказал Золтан Хивай, прищуриваясь. — Как мне думается, сойки либо голубя. Девуха немного супа себе сварила, вот и все.

— Молчи, недомерок языческий! — взорвался жрец. — Не кощунствуй, ибо боги тебя накажут руками благочестивых людей! Это отвар из кота, утверждаю я!

— Из кота! Точно — из кота! — закричали окружавшие жреца кметы. — Был у девки кот! Черный кот был! Все видели, что был! Повсюду с ней лазал! А где он таперича-то, кот энтот! Нету его! Значит, сварила она его!

— Сварила! Сварила из него декот!

— Верно! Декот чаровница из кота сварила!

— Не надыть другого доказательства! В огонь ведьму! А для начала на спытки! Пусть во всем признается!

— Кррва мать! — скрежетнул Фельдмаршал Дуб.

— Жаль мне того кота, — вдруг громко сказал Персиваль Шуттенбах. — Хороша была зверюга, жирненькая. Шубка будто антрацит, глазки словно два хризоберилла, усики длинненькие, а хвост толстый, как дубина разбойничья! Картинка — не кот! Небось уйму мышей изничтожил!

Кметы утихли.

— А вы-то откедова знаете, милсдарь гном? — бухнул кто-то. — Откедова вам-то известно, как ейный кот выглядел?

Персиваль Шуттенбах высморкался, вытер пальцы о брючину.

— А потому, как вон он там на телеге сидит. За вашими спинами.

Собравшиеся как по команде обернулись, загудели, уставились на сидящего на узлах кота. А тот, не обращая внимания на всеобщий интерес, задрал заднюю лапу и принялся сосредоточенно вылизывать свой зад.

— Вот и видно, — в абсолютной тишине сказал Золтан Хивай, — что ваше неопровержимое доказательство — коту под хвост, благочестивый. Ну, какой еще у вас довод в запасе? Может, кошка? Хорошо б было, мы б свели парочку, расплодили, ни один грызун до амбара на расстояние полета стрелы не подойдет.

Несколько кметов хихикнули, несколько других, в том числе староста Эктор Лаябс, открыто захохотали. Жрец покраснел.

— Я тебя запомню, паршивец! — крикнул он, тыча пальцем в краснолюда. — Безбожный кобольд! Порождение тьмы! Ты откуда тут взялся? Может, и ты с вампиром вась-вась? Погоди, покараем ведьму, возьмем тебя на допрос! Но сначала над чаровницей суд учиним! Подковы уже поклали в уголья, поглядим, что грешница запоет, когда у нее мерзопакостная шкура зашипит. Ручаюсь, сама в преступном чаровстве признается. Нужно будет другое доказательство, когда признается?

— А нужно будет, нужно, — сказал Эктор Лаябс. — Потому как, если вам, благочинный, раскаленные подковы к пяткам приложить, так, уверен, вы признаетесь даже и в греховном с кобылой сожительстве. Тьфу! Вы — божий вроде бы человек, а словно живодер болтаете!

— Да, я — божий человек, — взвился жрец, перекрывая усиливающийся шум. — В божественную верую справедливость, кару и отмщение! И в божий суд! Пусть встанет ведьма пред божьим судом...

— Прекрасная мысль, — громко прервал ведьмак, выходя из толпы.

Жрец смерил его злым взглядом, кметы, перестав шептаться, глядели, раскрыв рты.

— Божий суд, — начал Геральт в полной тишине, — это абсолютно верное и совершенно справедливое дело. Ордалии признаны равно светскими судами и имеют свои правила. Правила эти гласят, что в случае обвинения женщины, ребенка, старика либо человека неполноценного перед судом может стать защитник. Я верно говорю, староста Ляабс? Так вот я объявляю себя защитником. Огородите ристалище. Кто уверен в виновности этой девушки и не боится суда божьего, пусть выйдет на бой со мной.

— Ха! — воскликнул жрец, все еще не сводя с него глаз. — Не слишком ли хитро, милостивый государь незнакомец? На поединок вызываешь? Сразу видно, что ты резник и рубака! Своему бандитскому мечу хочешь доверить суд божий?

— Если вам меч не нравится, благочестивый, — медленно проговорил Золтан Хивай, вставая рядом с Геральтом, — и если этот человек вам не подходит, так, может, я сгожусь? Извольте, пусть обвинитель девки выходит со мной на топоры...

— Или со мной на луки. — Мильва, прищурившись, тоже подошла к Геральту. — По одной стреле со ста шагов.

— Видите, люди, как быстро умножаются защитники ведьмы? — крикнул жрец, потом обернулся и скривился в мимолетной улыбке. — Ладно, негодники, принимаю на ордалии всю вашу тройку. Да свершится суд божий, да установим вину ведьмы, одночасно и вашу добродетельность проверим. Но не мечом, топором, копьями или стрелами. Говорите, вам известны законы

суда божьего? И я их знаю! Вот подковы, покладенные в уголья, раскаленные добела. Испытание огнем! Ну, приспешники чародейства! Кто подкову из огня вынет, поднесет ко мне и следов ожога не поимеет, тот докажет, что ведьма невиновна. Если же суд божий покажет что другое, то и вам смерть, и ей. Я сказал!

Недоброжелательное ворчание старосты Ляабса и его группы заглушили восторженные крики большинства собравшихся вокруг жреца, учуявших шикарное развлечение и зрелище. Мильва взглянула на Золтана, Золтан на ведьмака, ведьмак на небо, потом на Мильву.

— Ты веришь в богов? — спросил он тихо.

— Верю, — буркнула лучница, глядя на угли в костре. — Но не думаю, чтобы им захотелось забивать себе головы горячими подковами.

— От костра до этого сукина сына всего три шага, — прошипел сквозь стиснутые зубы Золтан. — Как-нибудь выдержу, работал у горна... Однако молитесь за меня вашим богам...

— Минуточку, — положил краснолюду руку на плечо Эмиель Регис. — Подождите молиться.

Цирюльник подошел к костру, поклонился жрецу и зрителям, быстро наклонился и сунул руку в раскаленные уголья. Толпа ахнула в одно горло. Золтан выругался. Мильва вцепилась в плечо Геральту. Регис выпрямился, спокойно поглядел на добела раскаленную подкову, которую держал в руке, и не спеша подошел к жрецу. Тот попятился, но уперся в стоящих у него за спиной кметов.

— Вы это имели в виду, уважаемый, если не ошибаюсь? — спросил Регис, поднимая подкову. — Испытание огнем? Если да, то я думаю, суд божий свершился и приговор однозначен. Девушка невиновна. Ее защитники невиновны. И я, представьте себе, тоже невиновен.

— По... по... покажите руку... — забормотал жрец. — Не обожжена ли...

Цирюльник усмехнулся свойственной ему улыбкой, не разжимая губ, потом переложил подкову в левую руку, а правую, совершенно здоровую, показал вначале жрецу, потом, высоко подняв, всем остальным. Толпа зарычала.

— Чья это подкова? — спросил Регис. — Пусть хозяин заберет ее.

Никто не ответил.

— Дьявольские штучки! — вскричал жрец. — Ты сам либо чаровник, либо воплощение дьявола!

Регис бросил подкову на землю и повернулся.

— Так проведите обряд экзорцизма, — предложил он холодно. — Пожалуйста! Однако суд божий уже свершился. А я слышал, что сомнение в результатах ордалий — ересь.

— Сгинь, пропади! — взвизгнул жрец, размахивая перед носом цирюльника амулетом и проделывая другой рукой каббалистические жесты. — Прочь в свою адскую бездну, черт! Да расступится под тобой земля...

— Ну, хватит! — зло крикнул Золтан. — Эй, люди! Господин староста Лябс! Вы намерены и дальше глядеть на это безобразие? Намерены...

Голос краснолюда заглушил дикий крик.

— Ни-и-ильфгаард!

— Конники с запада! Конники! Нильфгаард прет! Спасайся кто может!

Лагерь мгновенно охватила паника. Кметы соскакивали с телег, выбегали из шалашей, сталкиваясь и сшибая друг друга с ног. Всеобщий многоголосый рев вознесся к небесам.

— Наши лошади! — крикнула Мильва, освобождая вокруг себя место ударами кулаков и пинками. — Наши лошади, ведьмак! За мной! Быстро!

— Геральт! — вопил Лютик. — Спаси!

Толпа разделилась, раздробилась словно волна прибоя, мгновенно увлекла Мильву за собой. Геральт, удерживая Лютика за воротник, не дал себя прихватить, потому что вовремя вцепился в телегу, к которой была привязана обвиненная в волшебстве девушка. Однако телега вдруг дернулась и двинулась с места, а ведьмак и поэт свалились на землю. Девушка задергала головой и принялась истерически хохотать. По мере того как телега удалялась, смех стихал и терялся среди всеобщего рева.

— Затопчут! — визжал лежащий на земле Лютик. — В кашу превратят! Спаситееее!

— Крррва мать! — скрежетал где-то Фельдмаршал Дуб.

Геральт поднял голову, выплюнул песок и увидел пресмешную сцену.

Ко всеобщей панике не присоединились только четыре особы, из них одна — против своей воли. Это был жрец, которого железной хваткой держал за шею

староста Эктор Ляабс. Двое других были Золтан и Персиваль. Гном быстрыми движениями задрал сзади одежду жреца, а вооруженный клещами краснолюд вытащил из огня раскаленную подкову и засунул ее в штаны святого мужа. Освобожденный от объятий Ляабса жрец помчался словно комета с дымящимся хвостом, а его визг утонул в реве толпы. Геральт видел, как староста, гном и краснолюд собрались было поздравить друг друга с удачной ордалией, когда на них накатилась очередная волна мчащейся в панике толпы. Все утонуло в клубах пыли, ведьмак не видел ничего, да и рассматривать было некогда: он был занят Лютиком, которого теперь сбила с ног несшаяся напролом свинья. Когда Геральт наклонился, чтобы поднять поэта, из тарахтящего мимо него воза прямо ему на спину свалилась обрешетка. Тяжесть придавила его к земле, и прежде чем он успел сбросить с себя обрешетку, по ней промчалось не меньше пятнадцати человек. Когда наконец он сумел высвободиться, рядом с грохотом и треском перевернулась другая телега, из которой на ведьмака свалилось три мешка пшеничной муки по цене крона за фунт. Мешки развязались, и мир утонул в белом облаке.

— Вставай, Геральт! — кричал трубадур. — Вставай, язви тебя!

— Не могу, — простонал ослепленный драгоценной мукой ведьмак, обеими руками хватаясь за прошитое болью колено. — Спасайся сам, Лютик!

— Я тебя не оставлю!

С западной стороны лагеря доносились ужасные крики, перемешивающиеся со звоном подкованных копыт и ржанием лошадей. Рев и топот неожиданно усилились, на них наложился грохот металла, сталкивающегося с металлом.

— Бой! — крикнул поэт. — Они бьются!

— Кто? С кем? — Геральт резкими движениями пытался очистить глаза от муки и сора. Неподалеку что-то горело, их охватил жар и клубы вонючего дыма. Топот копыт усилился, земля задрожала. Первое, что он увидел в туче пыли, были десятки мелькающих перед глазами конских бабок. Всюду. Кругом. Он превозмог боль.

— Под телегу! Прячься под телегу, Лютик, иначе затопчут!

— Не двигайся... — простонал притиснутый к земле поэт. — Лежи... Говорят, конь никогда не наступит на лежащего человека...

— Не уверен, — вздохнул Геральт, — что каждый конь об этом слышал. Под телегу! Быстро!

В этот момент один из не знающих человеческих примет коней на лету саданул его копытом по виску. В глазах у ведьмака разгорелись пурпуром и золотом все созвездия небосклона, а секундой позже непроглядная темень затянула небо и землю.

Крысы вскочили, разбуженные протяжным криком, отразившимся многократным эхом от стен пещеры. Ассе и Рееф схватились за мечи. Искра принялась на

чем свет стоит ругаться, ударившись головой о каменный выступ.

— В чем дело? — вскрикнул Кайлей. — Что случилось?

В пещере стояла тьма, хоть снаружи и светило солнце. Крысы отсыпались за ночь, проведенную в седлах во время бегства от погони. Гиселер сунул лучину в уголья, распалил, поднял, подошел к тому месту, где, как обычно вдали от остальных, спали Цири и Мистле. Цири сидела, опустив голову, Мистле обнимала ее.

Гиселер поднял лучину выше. Подошли остальные. Мистле накрыла шкурой голые плечи Цири.

— Послушай, Мистле, — серьезно сказал главарь Крыс. — Я никогда не вмешивался в то, что вы делаете на одной постели. Никогда не сделал вам неприятного или насмешливого замечания. Это ваши заботы. Всегда старался отводить глаза и ничего не замечать. Это, повторяю, ваши заботы и ваши склонности, другим нет до того дела. Пока все происходило незаметно и тихо. Но теперь вы малость переборщили.

— Не будь идиотом, — взорвалась Мистле. — Ты что думаешь, это... Девочка кричала во сне! Это был кошмар!

— Верно, Фалька?

Цири кивнула.

— Такой страшный был сон? Что тебе снилось?

— Оставь ее в покое!

— Заткнись, Мистле. Ну, Фалька?

— Человека, которого я когда-то знала, — с трудом проговорила Цири, — затоптали кони. Копыта...

Я чувствовала, как меня давят... Чувствовала его боль... Голова и колено... У меня все еще болит... Простите. Я разбудила вас.

— Нечего извиняться. — Гиселер взглянул на сжатые губы Мистле. — Просить прощения должны мы. А сон? Ну что ж, присниться может каждому. Каждому.

Цири прикрыла глаза. Она не была уверена, что Гиселер прав.

В себя его привел пинок.

Он лежал, уперев голову в колесо перевернутой телеги, рядом с ним корчился Лютик. Пнул его кнехт в стеганом кафтане и круглом шлеме. Тут же стоял второй. Оба держали в поводу лошадей, у седел которых висели арбалеты и щиты.

— Мельники, что ль?

Второй кнехт пожал плечами. Геральт увидел, что Лютик не отрывает глаз от щитов. Сам он тоже давно заметил на щитах лилии. Герб королевства Темерии. Такие же знаки носили и другие конные стрельцы, которых было полным-полно кругом. Большинство занималось поимкой коней и обиранием трупов. В основном одетых в черные нильфгаардские плащи.

Лагерь по-прежнему представлял собою дымящиеся развалины после штурма, но уже появлялись уцелевшие и бывшие поблизости кметы. Конные стрельцы с темерскими лилиями сгоняли их в кучу, покрикивали.

Мильвы, Золтана, Персиваля и Регисa нигде не было видно.

Рядом сидел герой недавнего «процесса ведьм», черный котище, равнодушно взиравший на Геральта зелеными глазами. Ведьмак немного удивился: обычно кошки не терпели его присутствия. Однако раздумывать над странным явлением было некогда, потому что один из кнехтов ткнул его древком копья.

— А ну, вставайте. Оба! Эй, у седого-то меч!

— Кидай оружие! — крикнул другой, подзывая остальных. — Меч на землю, да побыстрее, нито пропорю глевией!

Геральт исполнил приказ. В голове звенело.

— Кто такие?

— Путники, — сказал Лютик.

— Ишь ты! — фыркнул солдат. — По домам топаете? Сбежали из-под знамени и цветá спороли? Много в энтом лагере таких путников, которые Нильфгаарда испужались, которым солдатский хлеб не пондравился! Есть и наши старые знакомцы! Из нашей хоругви!

— Энтих путников теперича другая дорога ждет, — захохотал второй. — Короткая! Наверх, на сук!

— Мы не дезертиры! — крикнул поэт.

— Видно будет, кто такие. Начальство разберется.

Из круга конных стрельцов выдвинулся небольшой отряд легкой кавалерии под командованием нескольких тяжеловооруженных латников с пышными султанами на шлемах.

Лютик пригляделся к рыцарям, отряхнулся от муки и привел в порядок одежду, затем поплевал на ладонь и пригладил растрепанные волосы.

— Ты, Геральт, молчи, — предупредил он. — Переговоры поведу я. Это темерское рыцарство. Разбили нильфгаардцев. Ничего с нами не сделают. Уж я-то знаю, как разговаривать с такими. Надо им показать, что они не с кем-кем, а с равными себе имеют дело.

— Лютик, умоляю...

— Не шебуршись, все будет в ажуре. Я собаку съел на разговорах с рыцарями и дворянами. Половина Темерии меня знает. Эй, прочь с дороги, прислуга, расступись! У меня слово к вашим господам!

Кнехты растерянно переглянулись, но отвели пики, расступились. Лютик и Геральт направились к рыцарям. Поэт вышагивал гордо, с барской миной на физиономии, мало соответствующей изодранному и вымазанному мукой кафтану.

— Стоять! — рявкнул на него один из латников. — Ни шагу! Кто такие?

— А кому это я отвечать должен? — подбоченился Лютик. — И почему? Кто вы такие, чтобы невинных путников удерживать?

— Не тебе спрашивать, голозадый! Отвечай!

Трубадур наклонил голову набок, поглядел на гербы, украшающие щиты и туники рыцарей.

— Три красных сердца на золотом поле, — отметил он. — Следовательно, вы — Обри. В голове щита трезубец, значит, вы — первородный сын Анзельма Обри. Родителя вашего я хорошо знаю, милсдарь рыцарь. А вы, милсдарь Крикливый, что там у вас на серебряном щите? Ага! Между головами грифов черный столб? Герб рода Пеппеброков, если не ошибаюсь, а я

в таких штуках редко ошибаюсь. Столб, говорят, отражает присущую членам этого рода «смекалку».

— Прекрати, черт возьми, — прошипел Геральт.

— Я — известный поэт Лютик! — напыжился бард, не обращая на него внимания. — Наверняка слышали? Так вот проводите-ка нас к вашему начальнику, к сеньору, ибо привык я с равными себе разговоры разговаривать.

Латники не отреагировали, но выражение их лиц становилось все менее приятным, а металлические перчатки все сильнее сжимали изукрашенные трензеля поводьев. Лютик явно этого не замечал.

— Ну, в чем дело? — громко спросил он. — Чего так глазеете, рыцарь? Да-да, к вам я обращаюсь, милсдарь Черный столб! Что вы рожи строите? Кто-то сказал вам, что ежели прищурить глаза и выпятить нижнюю челюсть, так будете выглядеть мужественнее, достойнее и грознее? Обманули вас. Вы выглядите так, словно уже неделю не могли как следует опорожниться!

— Взять их! — рявкнул первородный сын Анзельма Обри, владелец щита с тремя сердцами. Черный столб из рода Пеиеброков тырнул своего рысака шпорами.

— Взять их! Связать негодяев!

* * *

Они шли за лошадьми. Вторые концы веревок, которые связывали их руки, были прикреплены к лукам седел. То и дело им приходилось бежать, потому что наездники не жалели ни коней, ни пленников. Лютик дважды падал и по нескольку минут ехал на животе, крича так, что сердце разрывалось. Его ставили на ноги, безжалостно подгоняли древком копья. И гнали дальше. Пыль слепила слезящиеся глаза, душила и свербила в носу. Жажда сушила глотки.

Одно утешало — дорога, по которой их гнали, вела на юг. Так что наконец-то Геральт двигался в желаемом направлении, причем достаточно быстро. Однако радости он не испытывал, потому что совершенно иначе представлял себе такое путешествие.

На место добрались в тот момент, когда Лютик уже охрип от богохульствования, перемешанного с мольбами о милосердии, а боль в локте и колене Геральта превратилась в настоящую пытку, настолько мучительную, что ведьмак начал уже подумывать о радикальных, пусть даже и отчаянных действиях.

Добрались до армейского лагеря, разместившегося около разрушенной, наполовину сожженной крепости. Внутри, за кольцом стражи, коновязей и дымящих лагерных костров, стояли украшенные флагами палатки рыцарства, окружающие просторный и полный движения майдан за развалившейся и обгоревшей изгородью. Майдан оказался концом их вынужденной экскурсии.

Увидев колоду, Геральт и Лютик натянули веревки. Конные вначале не намерены были подпускать их к водопою, но сын Анзельма Обри вспомнил, видимо, о знакомстве Лютика со своим родителем и соизволил снизойти. Они втиснулись между лошадьми, напились, ополоснули лица связанными руками. Рывок веревки вернул их к реальности.

— Кого вы опять приволокли? — спросил высокий худощавый рыцарь в вороненых, богато вызолоченных доспехах, ритмично похлопывая булавой по орнаментированной ташке. — Только не говорите, что это очередные шпики.

— Шпики или дезертиры, — подтвердил сын Ансельма Обри. — Их поймали в лагере у Хотли, где разгромили нильфгаардский разъезд. Весьма подозрительные типы.

Рыцарь в золоченых доспехах прыснул, потом внимательнее посмотрел на Лютика, и его юное, но суровое лицо вдруг осветилось улыбкой.

— Ерунда. Развязать.

— Но это же нильфгаардские шпионы, — запетушился Черный столб из рода Пепеброков. — Особенно вон тот. Лаялся не хуже деревенского пса. Поэт, говорит! Сукин он сын, а не поэт!

— Он не врал, — улыбнулся рыцарь в золоченых доспехах. — Это бард Лютик. Я его знаю. Снять с него путы. Со второго тоже.

— Вы уверены, господин граф?

— Это приказ, рыцарь Пепеброк.

— А ты думал, я не пригожусь, да? — буркнул Лютик Геральту, растирающему онемевшие от уз кисти. — Ну, теперь видишь? Моя слава опережает меня, меня знают и уважают везде.

Геральт не ответил, занятый массированием собственных кистей, донимавшего локтя и колена.

— Соблаговолите простить рвение этих юношей, — сказал рыцарь, названный графом. — Им

всюду мерещатся нильфгаардские шпионы. Каждый наш разъезд приводит нескольких типов, показавшихся им подозрительными. То есть тех, которые чем-либо выделяются в бегущей толпе. А вы, милсдарь Лютик, очень даже выделяетесь. Как очутились у Хотли, среди беглецов?

— Я ехал из Диллингена в Марибор, — гладко соврал поэт, — когда мы попали в этот ад, я и мой... коллега по перу. Так сказать, сопёрник. Вероятно, вы его знаете. Это... Гиральдус.

— Как же, как же, знаю, читал, — похвалился рыцарь. — Такая честь для меня, господин Гиральдус. Я — Даниель Эчеверри, граф Гаррамон. Да, маэстро Лютик, многое изменилось с того времени, когда вы пели при дворе короля Фольтеста!

— Да уж!

— Кто б подумал, — нахмурился граф, — что до этого дойдет. Вердэн отдали Эмгыру, Бругге практически уже завоеван, Содден — в огне... А мы отступаем, непрерывно отступаем... Прошу прощения, я хотел сказать: совершаем тактический маневр. Нильфгаард все вокруг жжет и уничтожает, уже почти до Ины дошел, совсем немного — и окружит крепости Майены и Развана, а темерская армия не перестает проделывать «тактический маневр»...

— Когда у Хотли я увидел лилии на ваших щитах, — сказал Лютик, — думал, это контрнаступление.

— Контрудар, — поправил Даниель Эчеверри. — И разведка боем. Мы перешли Ину, разбили несколько нильфгаардских разъездов и групп скоя'таэлей, паля-

щих все, что только можно. Видите, что сталось с крепостью в Армерии, которую нам удалось отбить. А форты в Каркано и Видорте сожжены до основания. Весь юг в крови, огне и дыме... Ах, что же это я... Вы прекрасно знаете, что творится в Бругге и Соддене, с беженцами оттуда вам довелось идти. А мои молодцы вас за шпионов приняли! Еще раз приношу свои извинения. И приглашаю отобедать. Некоторые дворяне и офицеры будут рады познакомиться с вами, милостивые государи поэты.

— Такая честь для нас, милсдарь граф, — натянуто поклонился Геральт. — Но время торопит. Нас ждет дорога.

— Прошу не смущаться, — улыбнулся Даниель Эчеверри. — Обычный скромный солдатский обед. Косуля, рябчики, стерлядка, трюфели...

— Отказаться, — Лютик сглотнул и смерил ведьмака многозначительным взглядом, — значит оскорбить хозяина. Мы идем не мешкая, милсдарь граф. Не ваш ли это шатер, тот, богатый, в сине-золотых расцветках?

— Нет. Это палатка главнокомандующего. Лазурь и золото — цвета его родины.

— То есть? — удивился Лютик. — Я был уверен, что это армия Темерии. Что командуете здесь вы.

— Мы — отдельное подразделение армии Темерии. Я — офицер связи короля Фольтеста, здесь служит много темерских дворян со своими отрядами, которые порядка ради носят лилии на щитах. Но ядро корпуса составляют подданные другого королевства. Видите штандарт перед шатром?

— Львы, — остановился Геральт. — Золотые львы на голубом поле. Это... это герб...

— Цинтры, — подтвердил граф. — Это эмигранты из королевства Цинтры, в настоящее время оккупированного Нильфгаардом. Ими командует маршал Виссегерд.

Геральт развернулся, намереваясь сообщить графу, что срочные дела все же вынуждают его отказаться от косули, стерлядки и трюфелей. Но не успел. К ним приближалась группа, во главе которой шествовал рослый, очень полный седой рыцарь в голубом плаще с золотой цепью на латах.

— Вот, господа поэты, сам маршал Виссегерд собственной персоной, — сказал Даниель Эчеверри. — Позвольте, Ваше превосходительство, представить вам...

— Нет нужды, — хрипловато прервал маршал Виссегерд, сверля Геральта взглядом. — Мы уже были друг другу представлены. В Цинтре, при дворе королевы Калантэ. В день помолвки принцессы Паветты. Это было пятнадцать лет тому назад, но у меня прекрасная память. А ты, мерзавец ведьмак, помнишь меня?

— Помню, — кивнул Геральт, послушно протягивая солдатам руки.

Даниель Эчеверри, граф Гаррамон, пытался последовать за ними уже в тот момент, когда кнехты усадили связанных Геральта и Лютика на стоящие в палатке табуреты. Теперь, когда по приказу маршала Виссегерда кнехты вышли, граф возобновил усилия.

— Это поэт и трубадур Лютик, господин маршал, — повторил он. — Я его знаю. Его знает весь мир. Я считаю несправедливым так с ним обращаться. Ручаюсь рыцарским словом, что он не нильфгаардский шпион.

— Не ручайтесь опрометчиво, — буркнул Виссегерд, не спуская глаз с пленников. — Возможно, он и поэт, но если его схватили в компании этого мерзавца ведьмака, то я б не стал за него ручаться. Вы, кажется, все еще не представляете себе, что за пташка попалась нам в сети.

— Ведьмак?

— Он самый. Геральт по кличке Волк. Тот стервец, который предъявлял права на Цириллу, дочь Паветты, внучку Калантэ, ту Цири, о которой сейчас так много болтают. Вы еще слишком молоды, граф, чтобы помнить то время, когда афера эта будоражила многие королевские дворы, но я, так уж получилось, был очевидцем.

— А что может его связывать с княжной Цириллой?

— Этот пес, — Виссегерд указал на Геральта пальцем, — содействовал обручению Паветты, дочери королевы Калантэ, с Дани, никому не известным приблудой с юга. В результате этого собачьего союза позже родилась Цирилла, предмет их мерзопакостного сговора. Ибо вам следует знать, что ублюдок Дани заранее пообещал девочку ведьмаку в качестве платы за возможность марьяжа. Право Неожиданности, понимаете?

— Не совсем. Но продолжайте, Ваше превосходительство, господин маршал.

— Ведьмак, — Виссегерд снова наставил на Геральта палец, — хотел после смерти Паветты забрать

девочку, но Калантэ не позволила и с позором прогнала его. Однако он дождался соответствующей минуты. Когда началась война с Нильфгаардом и Цинтра пала, он похитил Цири, воспользовавшись военной неразберихой. Держал девочку в укрытии, хоть и знал, что мы ее разыскиваем. А в конце концов она ему наскучила и он продал ее Эмгыру!

— Это ложь и поклеп! — воскликнул Лютик. — Во всем сказанном нет и слова правды!

— Молчи, самоучка, или велю тебе кляп в рот засунуть. Сопоставьте факты, граф. Ведьмак владел Цириллой, теперь ею владеет Эмгыр вар Эмрейс. А ведьмака прихватили в авангарде нильфгаардского разъезда. О чем это говорит?

Даниель Эчеверри пожал плечами.

— О чем говорит? — повторил Виссегерд, наклоняясь над Геральтом. — Ну ты, шельма! Говори! Сколько времени шпионишь в пользу Нильфгаарда, пес паршивый?

— Я не шпионю ни для кого.

— Прикажу ремни из тебя драть!

— Приказывайте.

— Господин Лютик, — вдруг проговорил граф Гаррамон. — Пожалуй, полезнее будет, если вы попробуете объяснить. И чем скорее, тем лучше.

— Я уже давно бы это сделал, — взорвался поэт, — но светлейший господин маршал пригрозил сунуть мне кляп в рот! Мы невинны, все это досужие вымыслы и жуткая клевета. Цириллу похитили с острова Танедд, а Геральт был тяжело ранен, защищая

ее. Это может подтвердить любой! Любой бывший на Танедде чародей. И министр иностранных дел Редании, господин Сигизмунд Дийкстра...

Лютик вдруг замолчал, вспомнив, что как раз Дийкстра-то совершенно не годится в свидетели защиты, а ссылка на чародеев из Танедда тоже не очень улучшает ситуацию.

— И совсем уж дико, — продолжил он громко и быстро, — обвинять Геральта в том, что он похитил Цири в Цинтре! Геральт нашел девочку, когда после резни, учиненной в городе, она скиталась по Заречью, а спрятал он ее не от вас, а от преследовавших ее агентов Нильфгаарда! Меня самого эти агенты поймали и пытали, чтобы узнать, где скрывается Цири! Я-то ни словечка не вымолвил, а вот агенты эти уже землю грызут. Не знали, с кем имели дело!

— Однако, — прервал граф, — ваше мужество было бесполезным. Эмгыр в конце концов получил Цириллу. Как известно всем, он намерен на ней жениться и сделать императрицей Нильфгаарда. А пока что титуловал ее королевой Цинтры и округи, наделав нам тем самым массу хлопот.

— Эмгыр, — заявил поэт, — мог бы посадить на трон Цинтры кого угодно. Цири же, как ни взгляни, имеет на этот трон право.

— Да? — рявкнул Виссегерд, обрызгав Геральта слюной. — Право? Дерьмовое это право. Эмгыр может на ней жениться, его воля. Может и ей, и ребенку, которого ей заделает, присваивать звания и титулы, на какие ему достанет фантазии и прихоти. Королева

Цинтры и островов Скеллиге? Извольте, наше вам... Княгиня Бругге? А почему бы нет? Графиня-наместница Соддена... Ну-ну... А почему, спрашиваю вас, не владычица Солнца и герцогиня Луны? У этой проклятой, порочной крови нет никаких прав на престол. Проклятая кровь, вся бабская линия этого рода — проклятые, гнусные последыши, от Рианнон начиная! И прабабка Цириллы Адалия, которая с собственным кузеном зачала, и ее прапрабабка, Мерзавка Мюриель, которая сб... пардон, трахалась с любым проходимцем! Ублюдки от кровосмешения и прочие внебрачные выродки так и прут одна за другой!

— Говорите тише, господин маршал, — надменно сказал Лютик. — Перед вашей палаткой укреплен штандарт с золотыми львами, а вы не задумываясь готовы обозвать незаконнорожденной бабушку Цири, королеву Калантэ, Львицу из Цинтры, за которую большинство ваших солдат проливало кровь в Марнадале и под Содденом. Я не поручился бы за преданность вам вашего войска.

Виссегерд шагнул к Лютику, схватил поэта за жабо и приподнял с табурета. Лицо маршала, только что покрытое лишь красными пятнами, теперь залилось глубоким геральдическим пурпуром. Геральт начал сильно опасаться за друга, к счастью, в палатку неожиданно влетел возбужденный адъютант и доложил о срочных и важных известиях, доставленных конным разъездом. Виссегерд сильным толчком бросил Лютика на табурет и вышел.

— Фууу, — выдохнул поэт, крутя головой. — Еще б малость, и мне конец... Вы можете хоть немного ослабить узы, господин граф?

— Нет, господин Лютик, не могу.

— Верите этим бредням? Верите, что мы шпионы?

— Не имеет никакого значения, верю я или нет. Однако развязать вас не могу.

— Что делать, — кашлянул Лютик. — Какой дьявол вселился в вашего маршала? Чего ради он ни с того ни с сего накинулся на меня, словно чеглок на вальдшнепа?

Даниель Эчеверри криво усмехнулся.

— Напомнив ему о солдатской верности, вы невольно разбередили старую рану, господин поэт.

— То есть? Какую рану?

— Солдаты искренне оплакивали Цириллу, когда до них дошли известия о ее смерти. А потом разнеслась новая весть. Оказалось, что внучка Калантэ жива. Что она в Нильфгаарде и тешится благосклонностью императора Эмгыра. Тогда началось массовое дезертирство. Поймите, эти люди бросили дома и семьи, убежали в Содден и Бругге, в Темерию, потому что хотели биться за Цинтру, за кровь Калантэ. Хотели бороться за освобождение страны, изгнать из Цинтры агрессора, сделать так, чтобы наследница Калантэ обрела принадлежащий ей по праву трон. А что оказалось? Кровь Калантэ возвращается на трон Цинтры в почестях и славе...

— Как марионетка в руках Эмгыра, похитившего ее.

— Эмгыр женится на ней. Хочет посадить рядом с собой на императорский престол, подтвердить титулы и лены. Разве так поступают с марионетками? Цириллу видели при императорском дворе послы из Ковира. Они утверждают, что не похоже, будто ее увели силой. Цирилла, единственная наследница трона Цинтры, возвращается на престол союзницей Нильфгаарда. Такие вести разошлись среди солдат.

— Вести, которые распустили нильфгаардские агенты.

— Я-то знаю об этом, — кивнул граф. — Но солдаты не знают. Поймав дезертиров, мы караем их петлей, но я их немного понимаю. Это цинтрийцы. Они хотят драться за свои, не за темерские дома. Под своим, не темерским командованием. Под собственными штандартами. Они видят, что здесь, в этой армии, их золотые львы склоняются перед темерскими лилиями. У Виссегерда было восемь тысяч солдат, в том числе пять тысяч знатных цинтрийцев, остальные — темерские вспомогательные отряды и рыцари-добровольцы из Бругге и Соддена. Сейчас корпус насчитывает шесть тысяч. А дезертировали исключительно цинтрийцы. Армия Виссегерда тает и без боев. Вы понимаете, что для него это означает?

— Потерю престижа и положения.

— Конечно. Еще несколько сотен дезертиров, и король Фольтест отберет у него жезл. Уже сейчас этот корпус трудно назвать цинтрийским. Виссегерд мечется, хочет пресечь бегство, поэтому распускает слухи о сомнительном и даже незаконном происхождении Цириллы и ее предков.

— Слухи, которые вы, граф, — не сдержался Геральт, — воспринимаете с явным неудовольствием.

— Вы заметили? — улыбнулся Даниель Эчеверри. — Ну что ж, Виссегерд не знает моей родословной... Кратко говоря, мы с Цири родственники. Мюриель, графиня Гаррамон, по прозвищу Прелестная Мерзавка, прабабка Цири, была и моей прабабкой. О ее любовных похождениях в родне ходят легенды, тем не менее я без всякого удовольствия слушаю Виссегердовы измышления о склонностях моей родоначальницы к кровосмешению и ее неразборчивости в связях. Но не реагирую. Ибо я — солдат. Правильно ли вы меня поняли?

— Да, — сказал Геральт.

— Нет, — сказал Лютик.

— Виссегерд командует корпусом, входящим в состав темерской армии. А Цирилла в руках Эмгыра — угроза корпусу, а значит, армии и тем самым моему королю и моей стране. Я не намерен отрицать распускаемые Виссегердом слухи о Цири и тем самым подрывать авторитет командующего. Наоборот — я склонен даже поддерживать его утверждения, будто Цирилла — незаконнорожденная и не имеет права на престол. Я не только не пойду против маршала, не только не буду подвергать сомнению его решения и приказы, но наоборот — всячески поддержу их. И исполню, когда потребуется.

Ведьмак презрительно усмехнулся.

— Теперь, надеюсь, ты понимаешь, Лютик? Господин граф и не думал считать нас шпионами, иначе он не стал бы все так подробно объяснять. Господин

граф знает, что мы невиновны. Но он пальцем не пошевелит, когда Виссегерд приговорит нас...

— Неужели это значит... Это значит, что...

Граф отвел глаза.

— Виссегерд, — проговорил он тихо, — в бешенстве. Вы многое потеряли, попав ему в руки. Особенно вы, милсдарь ведьмак. Мэтра Лютика я постараюсь...

Его прервало появление Виссегерда, все еще пурпурного и сопящего как бугай. Маршал подошел к столу, ударил жезлом по устилающим стол картам, потом повернулся к Геральту и пронзил его взглядом. Ведьмак не опустил глаз.

— Раненый нильфгаардец, которого схватил разъезд, — процедил Виссегерд, — ухитрился по пути сорвать перевязку и изошел кровью. Он предпочел умереть, чем содействовать поражению и смерти своих соплеменников. Мы хотели его использовать, но он сбежал от нас в мир иной, протек сквозь пальцы, ничего на пальцах не оставив, кроме своей крови. Добрая школа. Жаль, что ведьмаки не прививают таких принципов королевским детям, которых забирают на воспитание.

Геральт молчал, но глаз по-прежнему не опускал.

— Что, выродок? Игра природы? Дьявольское порождение? Чему ты научил похищенную Цириллу? Как воспитал? Все видят и знают, как! Этот ублюдок жив, расположился на нильфгаардском троне без всяких-всяких! А когда Эмгыр призовет ее на свои перины, она без всяких-всяких с превеликим желанием расставит ножки... курррва мать! Проститутка!

— Вами руководит злоба, — буркнул Лютик. — Это что ж, по-рыцарски, взвалить на ребенка вину за всех? На ребенка, которого Эмгыр увел силой?

— Против силы тоже есть способы! Именно рыцарские, именно королевские! Будь она настоящей королевской крови, она б нашла их! Нашла бы нож! Ножницы, кусок разбитого стекла, наконец. Шило! Могла себе, сука, зубами жилы перегрызть на кистях! На собственном чулке повеситься!

— Я не желаю вас больше слушать, господин Виссегерд, — тихо сказал Геральт. — Не желаю больше слушать.

Маршал громко скрежетнул зубами, наклонился.

— Не желаешь? — проговорил он дрожащим от бешенства голосом. — Все складывается как нельзя лучше, потому что мне как раз больше нечего тебе сказать. Только одно: тогда, в Цинтре, пятнадцать лет назад, много болтали о Предназначении, ведьмак. В ту ночь твоя судьба была предрешена, черными рунами выписана меж звезд. Цири, дочь Паветты, — вот твое Предназначение. И твоя смерть. Ибо за Цири, дочь Паветты, ты будешь висеть.

К операции «Кентавр» бригада приступила в качестве отдельного подразделения IV Конной Армии. Мы получили подкрепление в виде трех сотен легкой вердэнской кавалерии, которые я передал в подчинение боевой группе «Вреемде». Из остальной части бригады, по примеру кампании в Аэдирне, я выделил боевые группы «Сиверс» и «Мортесен», каждая в составе четырех эскадронов.

Из района сосредоточения под Дришотом мы вышли в ночь с пятого на шестое августа. Приказ группам был таков: выйти на рубеж Видорт-Каркано-Армерия, захватить переправы на Ине, уничтожая встреченного противника, но обходя крупные узлы сопротивления. Устраивая пожары, особенно ночью, освещать дорогу дивизионам IV Армии, вызвать панику среди гражданского населения с тем, чтобы создать пробки беженцев на всех коммуникациях в тылах врага.

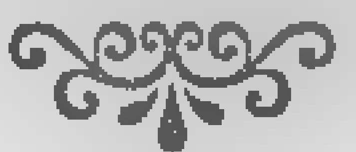
Имитируя окружение, оттеснять отступающие подразделения врага в сторону реальных котлов. Уничтожая отдельные группы гражданского населения и пленных, вызывать ужас, усугубляя панику и ломая моральный дух неприятеля.

Вышеприведенную задачу бригада выполняла с величайшей солдатской самоотверженностью и самоотдачей.

Элан Траге, «За императора и отечество Славный боевой путь VII Даэрлянской Кавалерийской Бригады».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мильва не успела подбежать и схватить лошадей. Она оказалась свидетелем их кражи, но свидетелем беспомощным. Сначала ее окружила ошалевшая, паникующая толпа, потом дорогу перекрыли мчащиеся телеги, затем она увязла в блеющей отаре овец, сквозь которую пришлось пробиваться как сквозь снежный завал. Потом, уже у Хотли, лишь прыжок в заросшее камышом прибрежное болото спас ее от мечей нильфгаардцев, безжалостно кромсавших сбившихся у реки беженцев, не разбирая ни женщин, ни детей. Мильва кинулась в воду и перебралась на другой берег, то бродом, то плывя на спине среди сносимых течением трупов.

И пустилась в погоню. Она запомнила, в каком направлении сбежали кметы, укравшие Плотву, Пегаса, гнедого жеребца и ее собственного воронка. А при седле у воронка был ее бесценный лук. «Что делать, — ду-

9 Зак. № 548

мала она, хлюпая на бегу набравшейся в сапоги водой. — Остальные пока обойдутся без меня. Мне, сучья мать, надо отыскать лук и лошадь!»

Сначала она отбила Пегаса. Мерин поэта не обращал внимания на колотившие его по бокам берестяные лапти, не реагировал на непрекращающуюся ругань неумелого седока и не собирался переходить в галоп, а шел через березняк лениво, сонно и медленно. Парень сильно отстал от остальных конокрадов. Услышав, а потом и увидев за спиной у себя Мильву, он не раздумывая скатился с лошади и дал деру в чащу, обеими руками поддерживая штаны. Мильва не стала его догонять, превозмогла клокотавшее в ней желание как следует отлупцевать воришку. Запрыгнула в седло с ходу, так что забренчали струны лютни, притороченной к вьюкам. Хорошо зная лошадей, она заставила мерина перейти в галоп. Вернее, на тяжелый бег, который Пегас почему-то считал галопом.

Но даже этого псевдогалопа хватило, потому что конокрадам не давала как следует двигаться вторая — нетипичная — лошадь, норовистая Плотва ведьмака, гнедая кобыла, которую раздраженный ее фокусами Геральт то и дело обещал обменять на другую верховую скотину, пусть даже на осла, мула или хоть козла. Мильва догнала грабителей в тот момент, когда разозленная неумелым использованием поводьев Плотва повалила седока на землю, а остальные кметы, соскочив с седел, пытались усмирить брыкающуюся и лягающуюся кобылку. Они были настолько заняты этим, что Мильву заметили лишь когда она налетела на них на Пегасе и

двинула одному кулаком по лицу, сломав нос. Когда он падал, воя и призывая божью помощь, она его узнала. Это был Лапоть, кмет, которому явно не везло на людей. И особенно на Мильву.

Мильву, увы, счастье тоже покинуло. Точнее говоря, виною было не счастье, а ее собственная дерзость и подтвержденная практикой уверенность в том, что любым двум кметам она сумеет наложить так, как сочтет нужным. Однако, соскочив с седла, она неожиданно получила кулаком в глаз и, непонятно как оказавшись на земле, тут же выхватила нож, готовая выпустить напавшему кишки, но отхватила толстой палкой по голове, да так, что дубина треснула, запорошив ей глаза корой и пылью. Оглохшая, ослепшая, она тем не менее ухитрилась вцепиться в колено охаживающего ее обломком дубинки кмета, а кмет неожиданно взвыл и упал. Второй крикнул, заслонил голову обеими руками. Мильва протерла глаза и увидела, что он закрывается от сыплющихся на него ударов плети, которые наносил сидевший на гнедом коне наездник. Она вскочила, с размаху дала поваленному кмету по шее. Конокрад захрипел, дернул ногами и раздвинул их. Мильва тут же воспользовалась этим, вложив в точно направленный пинок всю злость. Парень свился в клубок, зажал руками промежность и завыл так, что с берез посыпались листья.

Тем временем хозяин гнедого коня, разделавшись с другим кметом и пускающим кровь из носа Лаптем, ударами плети погнал обоих в лес, развернулся, чтобы отхлестать воющего, но сдержал коня. Потому что Мильва уже успела одной рукой схватить своего воро-

ного, а в другой держала лук с наложенной на тетиву стрелой. Тетива была натянута наполовину, но наконечник стрелы направлен прямо в грудь наездника.

— Я знал, — сказал он спокойно, — что мне представится случай вернуть твой наконечник, эльфка.

— Я не эльфка, нильфгаардец.

— Я не нильфгаардец. Опусти наконец свой лук. Если б я желал тебе зла, мне достаточно было просто посмотреть, как они с тобой разделаются.

— Без тебя знаю, — проговорила она сквозь зубы, — что ты за тип такой и чего от меня хочешь. Но спасибо за спасение. И за мою стрелу. И за того стервеца, в которого я на вырубке скверно выстрелила.

Кмет, получивший между ног, согнувшись в три погибели, давился криком, вжавшись головой в лесной подстил. Наездник не глядел на него.

— Хватай коней, — сказал он, глядя на Мильву, — мы должны побыстрее отскочить от реки, армия прочесывает леса по обоим берегам.

— Мы? — поморщилась она, не опуская лука. — Вместе? С каких это пор мы стали родней? Или друзьями?

— Я объясню. — Он развернул коня и схватил вожжи гнедого жеребца. — Если ты дашь мне на это время.

— Времени-то как раз у меня и нету. Ведьмак и остальные...

— Знаю. Только нам не спасти их, если позволим себя прикончить или поймать. Хватай коней и в чащу. Поторопись.

***

«Его зовут Кагыр, — вспомнила Мильва, кинув взгляд на странного спутника, с которым ей довелось сидеть в яме из-под вывороченного дерева. — Странный нильфгаардец, который треплется, будто он не нильфгаардец. Кагыр. Ну да».

— Мы думали, тебя убили, — буркнула она. — Гнедой без седока вернулся...

— Было небольшое приключение, — сухо ответил он. — С тремя разбойниками, волосатыми словно оборотни. Налетели на меня из засады. Конь убежал. Разбойники не сумели. Они были без лошадей. Прежде чем мне удалось добыть нового верхового, я здорово отстал от вас. Догнал лишь сегодня утром. У самого лагеря. Перебрался через реку ниже по течению и ждал на том берегу. Знал, что вы поедете на восток.

Один из укрытых в ольховнике коней зафыркал, топнул. Смеркалось. Комары нагло зудили около ушей.

— Тихо в лесу, — сказал Кагыр. — Армия отошла. Бой кончился.

— Ты хотел сказать — резня.

— Наша конница... — Он осекся, кашлянул. — Императорская конница напала на лагерь, и тут с юга налетели ваши. Кажется, темерцы.

— Если бой кончился, надо вернуться. Ведьмака отыскать, Лютика и остальных.

— Разумнее дождаться вечера.

— Страшно тут как-то, — сказала она тихо, сжимая лук. — Угрюмое урочище, аж мурашки бегают.

Вроде тихо, а все что-то шуршит в кустах... Ведьмак болтал, мол, гули тянутся на места боев... А кметы о вомпере говорили...

— Ты здесь не одна, — ответил он вполголоса. — Одному страшнее.

— Угу! — Она поняла, о чем он. — Ты ведь почти две недели вслед за нами тащишься. Один, как в жопе дырочка. Волочишься за нами, а вокруг все твои... Хоть говоришь, ты не нильф, но все едино — твои. Пусть меня черти сжуют, если я понимаю... Заместо того чтобы к своим пристать, за ведьмаком тянешься. Зачем?

— Это долгая история.

Когда высокий скоя'таэль наклонился над ним, крепко связанный Струйкен зажмурился от страха. Говорили, некрасивых эльфов не бывает, все эльфы как на подбор прекрасны, такими уж они рождаются. Возможно, легендарный командир белок тоже родился красивым. Но сейчас, когда его лицо пересекал ужасный шрам, обезобразивший лоб, бровь, нос и щеку, от присущей эльфам красоты не осталось и следа.

Покореженный эльф присел на лежащий рядом ствол.

— Я — Исенгрим Фаоильтиарна, — сказал он, снова наклоняясь над пленником. — Четыре года я борюсь с людьми, три года командую группой. Я схоронил погибшего в боях родного брата, четырех двоюродных, больше сорока братьев по оружию. Я считаю вашего императора своим союзником и неоднократно доказывал это, передавая вашим разведслужбам информацию,

помогая вашим агентам и резидентам, ликвидируя указанных вами людей.

Фаоильтиарна замолчал, подал знак затянутой в перчатку рукой. Стоящий неподалеку скоя'таэль поднял с земли небольшой туесок из березовой коры. Из туеска сочился сладкий запах.

— Я считал и считаю Нильфгаард союзником, — повторил эльф. — Поэтому сначала я не верил, когда мой информатор предупредил, что на меня готовится засада. Что я получу указание встретиться с глазу на глаз с нильфгаардским эмиссаром, а когда прибуду, меня схватят. Я не верил собственным ушам, но, будучи осторожным от природы, пришел на встречу пораньше и не один. Каково же было мое удивление и разочарование, когда оказалось, что на секретную встречу вместо эмиссара явилось шестеро бандитов с рыбацкой сетью, веревками, кожаным колпаком, кляпом и кафтаном с крючками, затягиваемым ремнями. Экипировка, я бы сказал, обычно применяемая вашей разведкой при похищениях. Нильфгаардская разведка захотела схватить меня, Фаоильтиарну, живого, отвезти куда-то с кляпом во рту, затянутого по уши в смирительный кафтан. Загадочное дело, сказал бы я. Требующее разъяснения. Я рад, что один из разбойников, несомненно, их начальник, позволил поймать себя живым и сможет дать мне необходимые разъяснения.

Струйкен стиснул зубы и отвернулся, чтобы не глядеть на изуродованное лицо эльфа. Он предпочитал глядеть на туесок из березовой коры, около которого бренчали две осы.

— Теперь же, — продолжал Фаоильтиарна, вытирая платочком вспотевшую шею, — поболтаем, господин похититель. Для облегчения переговоров я поясню тебе некоторые детали. В этом туеске находится кленовый сок. Если наша беседа будет далека от взаимопонимания и далеко идущей откровенности, то упомянутым соком мы обильно смажем тебе голову. С особым тщанием — веки и уши. Потом отнесем на муравейник, вон на тот, по которому бегают симпатичные и трудолюбивые насекомые. Добавлю, что метода эта прекрасно оправдалась уже в случае нескольких Dh'oine и an'givare, которые проявляли упорство и минимум откровенности.

— Я на императорской службе, — взвизгнул шпион, бледнея. — Я — офицер императорских специальных подразделений, подчиненный господина Ваттье де Ридо, виконта Эиддона! Меня зовут Йан Струйкен! Я протестую...

— По роковому стечению обстоятельств, — прервал эльф, — здешние красные муравьи, обожающие кленовый сок, никогда не слышали о господине Ридо. Начнем. О том, кто отдал приказ похитить меня, я спрашивать не стану, ибо это ясно. Мой первый вопрос: куда меня должны были отвезти?

Нильфгаардский агент задергался в веревках, затряс головой, ему показалось, будто муравьи уже ползают по щекам. Однако молчал.

— Что делать, — прервал молчание Фаоильтиарна, давая рукой знак эльфу с туеском. — Обмажьте его.

— В Вердэн, в замок Настрог! — завопил Струйкен. — По приказу господина де Ридо.

— Благодарю. И что же в Настроге?

— Следствие...

— О чем собирались расспрашивать?

— О событиях на Танедде! Умоляю, развяжите меня! Я скажу все!

— Конечно, скажешь, — вздохнул эльф, потягиваясь. — Тем более что начало уже положено, а в таких делах самое трудное — начать. Продолжай.

— У меня был приказ узнать у вас, где скрываются Вильгефорц и Риенс! И Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах!

— Забавно. На меня расставляют ловушку, чтобы расспрашивать о Вильгефорце и Риенсе? И что же я могу о них сказать? Что может меня с ними связывать? А с Кагыром еще забавнее. Ведь его я отослал к вам, как вы и желали. В путах. Неужели посылка не дошла?

— Отряд, высланный на место встречи, уничтожен... Кагыра среди убитых не было...

— Так. И у господина Ваттье де Ридо возникли подозрения? Но вместо того чтобы попросту послать к нам очередного эмиссара и попросить объяснений, он тут же устраивает мне западню. Приказывает отвезти в Настрог и выслушать. Относительно событий на Танедде.

Шпион молчал.

— Ты не понял? — Эльф наклонился к нему. — Это был вопрос. Так в чем дело?

— Не знаю... Этого я не знаю, клянусь...

Фаоильтиарна махнул рукой. Струйкен рычал, дергался, клялся Великим Солнцем, заверял в своей не-

виновности, плакал, мотал головой и плевался соком, который плотным слоем покрывал его лицо. И только когда четверо скоя'таэлей потащили его к муравейнику, он решился заговорить. Хотя последствия могли быть еще ужаснее, чем муравьи.

— Господин... Если об этом узнают, я погиб... Но я признаюсь... Я видел секретные приказы. Подслушал... Скажу вам...

— Это ясно, — кивнул эльф. — Рекорд в муравейнике, составляющий час сорок минут, принадлежит некоему офицеру из специальных отрядов короля Демавенда. Но в конце концов и он заговорил. Ну начинай. Быстро, складно и конкретно.

— Император уверен, что на Танедде его предали. Предатель — Вильгефорц из Роггевеена, чародей. И его помощник по имени Риенс. А прежде всего Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. Ваттье... Господин Ваттье не уверен, не причастны ли и вы к этому делу, хотя бы невольно... Поэтому приказал схватить вас и без лишнего шума доставить в Настрог... Господин Фаоильтиарна, я двадцать лет работаю в разведке. Ваттье де Ридо — мой третий начальник...

— Пожалуйста, поскладнее. И перестань трястись. Если будешь со мной откровенен, тебе представится возможность послужить еще нескольким шефам.

— Это держалось в величайшей тайне, но я знал... Знал, кого Вильгефорц и Кагыр должны были схватить на острове. И получилось, что им вроде бы удалось. Потому что в Лок Грим привезли эту, ну... Как там ее... Ну, принцессу из Цинтры. Вот и я подумал, что

это успех, что Кагыр и Риенс станут баронами, а тот чародей никак не меньше чем графом... А вместо этого император вызвал Филина... То есть господина Скеллена и господина Ваттье, и приказал схватить Кагыра... И Риенса, и Вильгефорца... Всех, кто знает что-либо о Танедде и этом деле, велено было взять на пытки... И вас тоже... Нетрудно было догадаться... Ну... что было предательство. Что в Лок Грим привезли поддожную принцессу.

Шпион задохнулся, нервно хватая воздух ртом, залитым кленовым соком.

— Развяжите его, — скомандовал Фаоильтиарна. — И пусть вымоет лицо.

Приказ был исполнен незамедлительно. Спустя минуту организатор неудавшейся засады уже стоял, опустив голову, перед легендарным командиром скоя'таэлей. Фаоильтиарна равнодушно глядел на него.

— Вытри как следует сок из ушей, — сказал он наконец. — Слушай внимательно и напряги память, как пристало многолетнему практику. Я представлю императору доказательство моей лояльности, дам полный отчет об интересующих вас проблемах. А ты слово в слово повторишь все Ваттье де Ридо.

Агент усердно закивал головой.

— В середине блатэ, то есть в начале июня по вашему календарю, — начал эльф, — со мной связалась Энид ан Глеанна, чародейка, известная как Францеска Финдабаир. Вскоре по ее поручению в мою группу прибыл некий Риенс, кажется, фактотум Вильгефорца из Роггевеена, тоже магик. В величайшей тайне был раз

работан план операции, в ходе которой предполагалось ликвидировать определенную часть чародеев во время Большого Сбора на острове Танедд. Мне было сказано, что этот план одобрен Ваттье де Ридо, Стефаном Скелленом и поддержан императором Эмгыром. В противном случае я б не согласился сотрудничать с Dh'oine. Не важно — чародеями или нет, ибо я был в жизни свидетелем слишком многих провокаций. Интерес империи к этой афере подтвердило прибытие на полуостров Бреммервоорд корабля под командованием Кагыра, сына Кеаллаха, имевшего особые полномочия. Выполняя распоряжения Кагыра, я выделил в его подчинение специальную группу. Я знал, что группе поручено поймать и увезти с острова... некую особу.

Фаоильтиарна немного помолчал. Потом продолжил:

— На Танедд мы пошли на корабле Кагыра. У Риенса были амулеты, при помощи которых он укрыл корабль чародейским туманом. Мы заплыли в пещеру под островом. Оттуда перебрались в подземелья Гарштанга. Уже там заметили, что не все в порядке. Риенс принял какие-то телепатические сигналы от Вильгефорца. Мы знали, что нам придется прямо с марша включиться в идущий уже бой, и были готовы. И хорошо, потому что как только вышли из пещер — попали в ад.

Эльф сильно скривил покалеченное лицо, как будто воспоминания причинили ему боль.

— После первых успехов начались сложности. Нам не удалось уничтожить всех королевских чародеев, мы понесли большие потери. Погибло несколько магов-заговорщиков, другие кинулись спасать свою шкуру и на-

чали телепортироваться. В какой-то момент исчез Вильгефорц, следом за ним — Риенс, а вскоре после этого Энид ан Глеанна. Исчезновение Энид я расценил как сигнал к отступлению. Однако приказа не отдавал, ждал возвращения Кагыра и его группы, которая, как только началась операция, направилась выполнять свою миссию. Поскольку они не возвращались, мы начали их искать. Из его группы, — Фаоильтиарна посмотрел в глаза нильфгаардскому агенту, — не уцелел ни один, все были посечены самым зверским образом. Кагыра мы нашли на лестнице, ведущей в Тор Лара, башню, которая во время боя взорвалась и развалилась на куски. Он был без сознания и ранен. Стало ясно, что поручения не выполнил. Объекта его миссии не было нигде, а снизу, от Аретузы, уже бежали королевские солдаты. Я знал, что Кагыр ни в коем случае не должен попасть им в руки, иначе он стал бы доводом активного участия Нильфгаарда в акции. Мы забрали его и спустились в подземелья, там погрузились на корабль и уплыли. Из моей команды уцелело двенадцать бойцов, в большинстве своем раненных.

Ветер нам благоприятствовал. Мы высадились к западу от Гируида, укрылись в лесах. Кагыр пытался сорвать с себя повязки, кричал что-то о спятившей девчонке с зелеными глазами, о Львенке из Цинтры, о ведьмаке, который вырезал его группу, о Башне Чайки и о чародее, который летал словно птица. Требовал коня, приказывал двинуться на остров, ссылаясь на императорские указы. В такой ситуации я вынужден был признать это бредом сумасшедшего. В Аэдирне, как мы знали, шла война, я

считал более важным поскорее восстановить поредевшую команду и возобновить борьбу с Dh'oine.

Кагыр все еще был с нами, когда в контактном пункте я нашел ваш секретный приказ. Я был изумлен. Кагыр явно не выполнил своей миссии, однако не было никаких признаков тому, что он предал. Впрочем, я рассуждать не стал, решив, что это ваше дело и разбираться вам. Кагыр, когда его связывали, не сопротивлялся, был спокоен и покорен. Я приказал уложить его в деревянный гроб и с помощью знакомого hav'caare доставить на указанное в письме место. Признаться, я не намерен был ослаблять свою команду и дать им эскорт. Не знаю, кто уничтожил ваших людей в месте встречи. А о том, где это место находится, знал только я. Так что, если вам не нравится версия совершенно случайной гибели вашего подразделения, то ищите предателя у себя, поскольку, кроме меня, только вы знали время и место.

Фаоильтиарна встал.

— Это все. Все, что я сказал, — правда. Ничего больше я б не сказал даже в казематах Настрога. Ложь и выдумки, которыми, возможно, попытался бы удовлетворить следователя и палачей, вам скорее напортили бы, нежели помогли. Ничего больше я не знаю. Не знаю, где находятся Вильгефорц и Риенс. Не знаю, есть ли у вас основания подозревать их в предательстве. Заявляю также, что ничего не знаю о принцессе из Цинтры, ни о настоящей, ни о подложной. Я сказал все, что знал. Рассчитываю, что ни господин де Ридо, ни Стефан Скеллен не пожелают больше устраивать на меня ловушки.

Dh'oine уже давно пытаются меня поймать либо убить, поэтому я взял за правило в любом случае уничтожать всех участников засад. В будущем также я не стану выяснять, не имею ли случайно дело с подчиненными Ваттье либо Скеллена. На такие разбирательства у меня не будет ни времени, ни охоты. Я выражаюсь ясно?

Струйкен кивнул, сглотнул слюну.

— Бери коня, шпион, и убирайся из моих лесов.

— Значит, в том гробу тебя к палачу везли, — буркнула Мильва. — Теперь-то понимаю, хоть тоже не все. Почему ж заместо того чтобы затаиться где-нигде, ты за ведьмаком шлепаешь? Он на тебя зверски зол... Два раза жизнь подарил...

— Три.

— Два я видела. Хоть не ты ведьмаку на Танедде яйца перетряхнул, как я изначала думала, не знаю, стоит ли тебе без опаски снова под его меч переться. Я мало чего из вашего трепа разумею, но меня-то ты спас и глаза у тебя какие-то хорошие... Потому говорю тебе, Кагыр, кратко: когда ведьмак вспоминает тех, кто его Цирю в Нильфгаард уволок, то зубами скрежещет, аж искры летят. А ежели на него плюнуть, слюна зашипит.

— Цири, — повторил Кагыр. — Красиво ее зовут.

— Не знал, что ль?

— Нет. При мне ее всегда называли Цириллой или Львенком из Цинтры... А когда она была со мной... А она когда-то была... То не проронила ни слова. Хоть я и спас ей жизнь.

— Черт один, пожалуй, разберется в делах ваших, — покачала она головой. — Поперекручены ваши судьбы, Кагыр, попутаны и повывернуты. Не на мой ум.

— А как тебя зовут? — вдруг спросил он.

— Мильва... Мария Барринг. Но ты говори — Мильва.

— Ведьмак едет не туда, куда надо, Мильва, — сказал он, помолчав. — Нету Цири в Нильфгаарде. Не в Нильфгаард ее увели. Если вообще увели.

— Как так?

— Это долгая история.

— Великое Солнце! — Остановившись на пороге, Фрингилья наклонила голову и удивленно взглянула на подругу. — Что ты сотворила с волосами, Ассирэ?

— Вымыла, — сухо ответила Ассирэ вар Анагыд. — И сделала прическу. Входи, садись. Брысь со стула, Мерлин!

Чародейка присела на место, которое с явным нежеланием освободил черный кот. При этом она не переставала рассматривать новую прическу подруги.

— Перестань пялиться, — Ассирэ коснулась рукой пушистых блестящих локонов, — к тому же я взяла пример с тебя.

— Меня, — расхохоталась Фрингилья Виго, — всегда считали чудачкой и бунтаркой. Но когда тебя увидят на торжествах или при дворе...

— Я не бываю при дворе, — отрезала Ассирэ. — А торжественные сборища должны будут привыкнуть.

За окнами тринадцатый век. Самое время покончить с мнением, будто забота чародейки о внешности говорит о ее несовершенном и мелочном уме.

— Ногти тоже. — Фрингилья слегка прищурила зеленые глаза, от которых никогда и ничто не ускользало. — Не узнаю тебя, дорогая моя.

— Простейшее заклинание, — холодно ответила чародейка, — и ты убедишься, что перед тобой я, а никакой не двойник. Ну, давай шепчи, если так уж надо. А потом переходи к тому, о чем я тебя просила.

Фрингилья Виго погладила кота, который терся об ее ногу, мурлыча и выгибая спину, прикидываясь, будто выражает тем самым любовь, а в действительности намекая на то, что черноволосой чародейке неплохо бы освободить стул.

— А тебя, — проговорила она, не поднимая головы, — просил сенешаль Кеаллах аэп Груффыд, верно?

— Верно, — тихо подтвердила Ассирэ. — Кеаллах просил, он был в отчаянии, просил о помощи, о заступничестве, о спасении сына, которого Эмгыр приказал схватить, пытать и обезглавить. К кому он мог еще обратиться, если не к свояченице? Маур, супруга Кеаллаха, мать Кагыра, — моя племянница, младшая дочь моей родной сестры. К тому же я ничего ему не обещала. Потому что я бессильна что-либо сделать. Недавние события не позволяют мне обращать на себя внимание. Я объясню. Но только после того, как выслушаю сведения, которые просила тебя собрать.

Фрингилья Виго украдкой облегченно вздохнула. Она боялась, что подруга все же захочет вмешаться в

грозящее эшафотом дело Кагыра, сына Кеаллаха. И попросит ее о помощи, а она не сможет отказать.

— Примерно в середине июля, — начала она, — собравшийся в Лок Криме двор имел возможность лицезреть пятнадцатилетнюю девушку, якобы княжну Цириллу, которую Эмгыр во время аудиенции упорно именовал королевой и принял так ласково, что даже появились слухи о скором браке.

— Слышала. — Ассирэ погладила кота, который отрекся от Фрингильи и теперь пытался аннексировать уже ее стул. — Об этом, несомненно политическом марьяже, продолжают говорить.

— Но уже не так громко и не так часто. Цинтрийку увезли в Дарн Рован. В Дарн Роване, как ты знаешь, часто держат государственных узников. Кандидаток в императрицы — значительно реже.

Ассирэ смолчала. Терпеливо ждала, рассматривая свои недавно обстриженные и покрытые лаком ногти.

— Ты, конечно, помнишь, — продолжала Фрингилья Виго, — как три года назад Эмгыр вызвал всех нас и приказал установить место пребывания некой особы. На территории Северных Королевств. Несомненно, помнишь также, как он взбеленился, когда у нас ничего не получилось. Альбрыха, пытавшегося объяснить, что на таком расстоянии зондировать невозможно, не говоря уж о том, чтобы пробивать экраны, Эмгыр покрыл последними словами. А теперь слушай. Спустя неделю после памятной аудиенции в Лок Криме, когда праздновали победу под Альдерсбергом, Эмгыр увидел в зале замка Альбрыха и меня. И удостоил нас

беседой. Смысл его слов, немного опошляя, был таков: «Вы дармоеды и лентяи. Ваши шарлатанские штучки обходятся мне в целое состояние, а толку от них нуль с хвостиком. Задание, с которым не справилась вся ваша затраханная братия, простой астролог выполнил в четыре дня».

Ассирэ вар Анагыд презрительно фыркнула, не переставая поглаживать кота.

— Я легко узнала, — продолжала Фрингилья Виго, — что этим астрологом-кудесником был не кто иной, как знаменитый Ксартисиус.

— Стало быть, искали ту самую цинтрийку, кандидатку в императрицы. Ксартисиус ее отыскал. Ну и что? Его назначили министром иностранных дел? Главой Департамента Неразрешимых проблем?

— Нет. Через неделю бросили в тюрьму.

— Прости, но я не вижу связи между Ксартисиусом и Кагыром, сыном Кеаллаха.

— Терпение. Позволь излагать по порядку. Это необходимо.

— Извини. Слушаю.

— Помнишь, что дал нам Эмгыр, когда мы три года назад брались за поиски?

— Прядь волос.

— Верно. — Фрингилья открыла сумочку. — Вот эту. Светленькие волосы десятилетней девочки. Я сохранила немного. Тебе следует знать, что надзор за изолированной в Дарн Роване цинтрийской княжной поручен Стелле Конгрев, графине Лиддерталь. Когда-то Стелле пришлось кое-что задолжать мне, поэтому

я без проблем получила другую прядку волос. Вот эту. Они немного темнее, но волосы с возрастом темнеют. Однако дело в том, что волосы принадлежат совершенно разным людям. Я проверила. Это несомненно.

— Я догадывалась о чем-то подобном, — признала Ассирэ вар Анагыд, — как только услышала, что цинтрийку направляют в Дарн Рован. Астролог либо провалил дело, либо позволил втянуть себя в заговор, имеющий целью «всучить», прости за грубость, Эмгыру фальшивую девицу. Заговор, который будет стоить Кагыру, сыну Кеаллаха, головы. Благодарю, Фрингилья. Все ясно.

— Не все, — покачала черной головкой чародейка. — Во-первых, не Ксартисиус отыскал цинтрийку и не он доставил ее в Лок Крим. Астролог занялся гороскопами и астромантией уже после того, как Эмгыр понял, что ему подсунули «липовую» княжну, и начал активные поиски настоящей. А в тюрьму старый идиот попал за обыкновенную ошибку в фокусе или шарлатанство. Дело в том, что, как мне удалось установить, он определил место нахождения искомой особы с точностью порядка ста верст. А центр этой территории оказался в пустыне, в диком безлюдье где-то за массивом Тир Тохаир, за истоками Вельды. Посланный туда Стефан Скеллен нашел одних только скорпионов да стервятников.

— А чего ты еще хотела от Ксартисиуса? Но на судьбе Кагыра это никак не отразится. Эмгыр запальчив, но никогда не пошлет на пытку и смерть просто так, без оснований. Кто-то, как ты сама сказала, виновен в том, что в Лок Крим доставили фальшивую

княжну вместо истинной. Кто-то постарался раздобыть двойника. Стало быть, заговор был, а Кагыр позволил себя в него втянуть. Я не исключаю, что непреднамеренно. Что им воспользовались.

— Если так, то им воспользовались бы до конца. Он бы лично привез двойника Эмгыру. А Кагыр исчез без следа. Почему? Ведь его исчезновение должно было вызвать подозрения. Неужели думал, что Эмгыр раскроет обман с первого взгляда? А ведь раскрыл! Да и обязательно раскрыл бы, ведь у него была...

— Прядка волос, — прервала Ассирэ, — прядка волос шестилетней девочки. Фрингилья, эту девочку Эмгыр ищет не три года, а гораздо дольше. Похоже, Кагыр влип во что-то паршивое, что-то такое, что началось еще в то время, когда он ездил верхом на палочке. Хммм... Оставь мне эти волосы. Я хотела бы как следует исследовать обе прядки.

Фрингилья Виго медленно прищурила зеленые глаза.

— Оставлю. Но будь осторожна, Ассирэ. Не впутывайся в паршивые дела. Ты можешь обратить на себя внимание. А в начале беседы ты намекнула, что тебе это не на руку. И обещала объяснить причины.

Ассирэ вар Анагыд встала, подошла к окну, засмотрелась на блестящие в свете заходящего солнца островерхие крыши, шпили и башенки Нильфгаарда, имперской столицы, именуемой Городом Золотых Башен.

— Когда-то ты сказала, а я запомнила, — проговорила она, не поворачиваясь, — что магию не должны разделять границы. Что благо магии должно быть величайшим благом, не признающим никаких границ. Что

пригодилось бы что-то вроде... секретной организации... Что-то вроде конвента или ложи...

— Я готова, — прервала длившееся несколько секунд молчание Фрингилья Виго, нильфгаардская чародейка. — Я решила и готова присоединиться. Благодарю за доверие и отличие. Когда и где произойдет собрание этой ложи, моя загадочная и таинственная подружка?

Ассирэ вар Анагыд, нильфгаардская чародейка, повернулась. На ее губах играла тень улыбки.

— Скоро, — сказала она. — Сейчас все объясню. Но сначала, чуть не забыла... Дай мне адрес твоей модистки, Фрингилья.

— Ни одного огня, — шепнула Мильва, всматриваясь в темный берег за блестевшей в лунном свете рекой. — Ни живого духа там нет, мнится мне. В лагере было сотни две беженцев. Ни один головы не сносил?

— Если победили имперские, то погнали всех в неволю, — шепнул в ответ Кагыр. — Если победили ваши, прихватили, уходя, и их.

Они подошли ближе к берегу, к заросшей камышом трясине. Мильва наступила на что-то и еле сдержала крик, увидев торчащую между кочками усеянную пиявками руку.

— Всего-навсего труп, — буркнул Кагыр, схватив ее за плечо. — Наш. Даэрляндец... Седьмая даэрляндская кавалерийская бригада. Серебряный скорпион на рукаве...

— О боги... — вздрогнула девушка, сжимая лук вспотевшей рукой. — Слышал голос? Что это было?

— Волк.

— Или гуль... Или какой другой окаянец. Там, в лагере, тоже должна куча трупов лежать... Зараза, не пойду я ночью на тот берег!

— Подождем до рассвета... Мильва? Чем тут так странно...

— Регис?.. — Лучница сдержала крик, почувствовав запах полыни, шалфея, кориандра и аниса. — Регис? Ты, что ль?

— Я, — бесшумно появился из мрака цирюльник. — Беспокоился за тебя. Вижу, ты не одна.

— Угу. Верно видишь. — Мильва отпустила плечо Кагыра, который уже доставал меч. — Я не одна, и он теперь тоже не один. Но это долгая история, как говорят некоторые. Регис, что с ведьмаком? С Лютиком? С остальными? Знаешь, что с ними?

— Знаю. Лошади есть?

— Есть. В ивняке укрыты.

— Двигаем на юг, вниз по Хотле. Немедленно. До полуночи надо быть у Армерии.

— Что с ведьмаком и поэтом? Они живы?

— Живы. Но у них неприятности.

— Какие?

— Это долгая история.

Лютик застонал, пытаясь повернуться и устроиться хоть немного поудобнее. Однако это была задача, невыполнимая для человека, лежащего в куче осыпающихся стружек и опилок и связанного веревками наподобие подготовленного к копчению свиного рулета.

— Не повесили нас сразу, — ойкнул он. — Вся надежда... В этом вся наша надежда...

— Успокойся. — Ведьмак лежал не двигаясь, глядя на луну, просвечивающую сквозь щели в крыше дровяного сарая. — Знаешь, почему Виссегерд не повесил нас сразу? Потому что решил казнить публично, на рассвете, когда весь корпус соберется уходить. В пропагандистско-воспитательных целях.

Лютик умолк. Геральт слышал, как он сопит и постанывает.

— У тебя-то есть шансы вывернуться, — сказал он, чтобы успокоить поэта. — Мне Виссегерд собирается отомстить за личную обиду, а против тебя он ничего не имеет. Твой знакомый граф вытащит тебя из беды, вот увидишь.

— Хрен вам, — ответил бард, к удивлению ведьмака спокойно и совершенно рассудительно, — хрен вам, хрен и дерьмо. Не считай меня ребенком. Во-первых, в пропагандистско-воспитательных целях два висельника лучше, чем один. Во-вторых, он не захочет оставлять в живых свидетелей. Нет, брат, будем болтаться рядышком.

— Перестань, Лютик. Лежи тихо и обдумывай возможности.

— Какие еще возможности, черт побери?

— Любые.

Болтовня поэта мешала ведьмаку собраться с мыслями, а мыслил он интересно. Все время ждал, что в сарай вот-вот ввалятся люди из темерской войсковой разведки, которые, несомненно, были в корпусе Виссегерда.

Разведку наверняка заинтересовали бы подробности событий в Гарштанге на острове Танедд. Геральт почти не знал подробностей, однако понимал, что прежде чем агенты в это поверят, он уже будет очень, очень больным. Вся его надежда основывалась на том, что ослепленный жаждой мести Виссегерд не разболтал о его поимке. Разведка могла бы попытаться вырвать пленников из когтей взбешенного маршала, чтобы забрать их в главную квартиру. Вернее, потащить в главную квартиру то, что останется от них после первых допросов.

Меж тем поэт придумал «возможность».

— Геральт! Давай прикинемся, будто знаем что-то очень важное. Что мы действительно шпионы или нечто подобное. Тогда...

— Умоляю тебя, Лютик!

— Можно попытаться подкупить стражу. У меня есть немного денег. Дублоны, зашитые в подкладку сапога. На черный день... Давай крикнем стражников...

— И они отберут у тебя все да еще и поколотят.

Поэт заворчал, но тут же умолк. С майдана долетали крики, конский топот и — что хуже всего — запах солдатской гороховой похлебки, за миску которой Геральт отдал бы всю стерлядку и все трюфели мира. Стоящие перед сараем стражи лениво переговаривались, похохатывали, время от времени кашляли и отхаркивались. Стражи были профессиональными солдатами, это чувствовалось по фразам, составленным почти исключительно из местоимений и изысканно-грязных ругательств.

— Геральт!

— Ну?

— Интересно, что сталось с Мильвой... С Золтаном, Персивалем, Регисом... Ты их не видел?

— Нет. Вполне возможно, что во время стычки их зарубили или потоптали конями. Там, в лагере, труп на трупе валялся.

— Не верю, — твердо и с надеждой в голосе заявил Лютик. — Не верю, чтобы такие ловкачи, как Золтан и Персиваль... Или Мильва...

— Не обольщайся. Даже если они выжили, нам не помогут.

— Почему?

— По трем причинам. Во-первых, у них свои заботы. Во-вторых, мы лежим связанные в сарае в центре лагеря, насчитывающего несколько тысяч солдат.

— А третья причина? Ты сказал — три?

— А в-третьих, — утомленно проговорил Геральт, — лимит чудес на этот месяц исчерпала встреча керновской бабы с ее потерявшимся мужем.

— Там. — Цирюльник указал на светящиеся точечки бивуачных огней. — Там форт Армерия, теперешний передовой лагерь темерских войск, сконцентрированных под Майеной.

— Там держат ведьмака и Лютика? — поднялась Мильва на стременах. — Да, тогда дело хреново... Там уйма вооруженного люда, да и охрана вокруг. Нелегко будет прокрасться.

— И не надо, — ответил Регис, слезая с Пегаса. Мерин протяжно фыркнул, отвернул морду. Ему

явно не нравился щекочущий в носу травяной аромат цирюльника.

— И не надо подкрадываться, — повторил он. — Я сделаю все сам. Вы подождите с лошадьми там, у реки, видите — пониже самой яркой звезды Семи Коз. Там Хотля впадает в Ину. Когда я вытащу ведьмака из беды, направлю его туда. Там и встретитесь.

— До чего самоуверенный, — буркнул Кагыр Мильве, когда, слезши, они оказались рядом. — Один, без всякой помощи собрался вытащить их из беды, слышала? Кто он такой?

— Взаправду, не знаю, — тоже тихо ответила Мильва. — А что до вытаскивания, так я ему верю. Вчера он на моих глазах голой рукой вытащил из угольев раскаленную подкову...

— Чародей?

— Нет, — возразил из-за Пегаса Регис, демонстрируя тонкий слух. — Разве так уж важно, кто? Я ведь не спрашиваю тебя, кто ты такой?

— Я — Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

— Благодарю и восхищаюсь. — В голосе цирюльника прозвучала легкая ирония. — Почти не чувствуется нильфгаардский акцент в нильфгаардском имени.

— Я не...

— Довольно! — перебила Мильва. — Не время препираться и канителиться. Регис, ведьмак ждет помощи.

— Не раньше полуночи, — холодно бросил цирюльник, глядя на луну. — Значит, у нас есть время поговорить. Кто этот человек, Мильва?

— Этот человек, — взяла Кагыра под защиту явно раздраженная Мильва, — выручил меня. Этот человек скажет ведьмаку, как только они встретятся, что тот идет не туда, куда надо. Цири нет в Нильфгаарде.

— Действительно, любопытно. — Голос цирюльника помягчал. — А каков источник, уважаемый Кагыр, сын Кеаллаха?

— Это долгая история.

Лютик уже долго молчал, когда один из стражей вдруг осекся на полуслове, второй кашлянул, а может, охнул. Геральт знал, что их было трое, поэтому напряг слух, но третий солдат не издал ни звука.

Геральт затаил дыхание. То, что он услышал, был не скрип открываемых спасительных дверей сарая. Отнюдь. Это был ровный, тихий, многоголосый храп. Стражи элементарно уснули на посту.

Геральт вздохнул, беззвучно выругался и уже собирался было снова погрузиться в мысли о Йеннифэр, когда медальон на его шее сильно дрогнул, а в ноздри ударил запах полыни, базилика, кореандра, шалфея, аниса и дьявол знает чего еще.

— Регис? — недоверчиво шепнул он, напрасно пытаясь оторвать голову от стружек.

— Регис, — прошептал Лютик, зашуршав опилками. — Только один он так смердит. Где ты? Я тебя не вижу...

— Тише.

Медальон перестал дрожать. Геральт услышал облегченный вздох поэта и тут же скрип лезвия, пере-

пиливающего веревку. Через минуту Лютик уже стонал от боли, вызванной восстанавливающимся кровообращением, но при этом сдерживал стоны, засунув в рот кулак.

— Геральт. — Размытая колеблющаяся тень цирюльника возникла перед ним. — Через лагерные посты пойдете сами. Направляйтесь на восток, на самую яркую звезду Семи Коз. Прямо к Ине. Там вас ожидает Мильва с лошадьми.

— Помоги мне встать.

Освобожденный Регисом ведьмак постоял сначала на одной, потом на другой ноге, кусая кулак. Кровообращение Лютика уже пришло в норму. Через минуту ведьмак тоже был в порядке.

— Как нам выйти? — вдруг спросил поэт. — Стражники у дверей храпят, но могут...

— Не могут, — шепотом прервал Регис. — Будьте осторожны. Полная луна, на майдане светло от костров. Несмотря на ночную пору, в лагере движение, но это даже к лучшему. Дозорным надоело окрикивать всех подряд. Ну — успеха! Выходите.

— А ты?

— Обо мне не беспокойтесь. Не ждите меня и не оглядывайтесь.

— Но...

— Лютик, — прошипел ведьмак. — О нем не беспокойся. Слышал?

— Выходите, — повторил Регис. — Успеха. До встречи, Геральт.

Ведьмак обернулся.

— Благодарю тебя за спасение, — сказал он. — Но лучше б нам никогда не встречаться. Ты меня понимаешь?

— Полностью. Не теряйте времени.

Охранники спали в живописных позах, похрапывая и посапывая. Ни один не дрогнул, когда Геральт с Лютиком проскальзывали в приотворенную дверь. Ни один не пошевелился, когда ведьмак бесцеремонно стаскивал с двоих толстые домотканые плащи.

— Это не обычный сон, — шепнул Лютик.

— Конечно, — шепнул Геральт, незаметный в темноте у стены сарая.

— Понимаю, — вздохнул поэт. — Регис — чародей?

— Нет. Не чародей.

— Он вытащил из огня подкову. Усыпил стражников...

— Перестань болтать и сосредоточься. Мы еще не на свободе. Завернись в плащ и идем через майдан. Если кто-нибудь остановит, прикинемся солдатами.

— Хорошо. В случае чего скажу...

— Мы прикинемся глупыми солдатами! Пошли.

Они пересекли площадь, держась подальше от солдат, собравшихся вокруг горящих мазниц и бивуачных костров. По майдану во всех направлениях сновали люди, двое лишних не бросались в глаза. Они не вызывали подозрений, никто их не окликал и не задерживал. Быстро и без помех вышли за поломанную изгородь.

Все шло гладко, даже чересчур гладко. Геральт почувствовал беспокойство, поскольку инстинктивно ощущал опасность. И это ощущение, вместо того чтобы уменьшаться, усиливалось по мере удаления от центра лагеря. Он повторял себе, что тут нет ничего странного — в центре шумного даже ночью сборища они не обращали на себя внимания, в крайнем случае могла начаться суета, если кто-то обнаружит усыпленных у дверей дровяного сарая охранников. Теперь же они приближались к внешнему кольцу охраны, где посты, естественно, должны были быть бдительнее. То, что они шли со стороны лагеря, не могло им помочь, совсем наоборот! Ведьмак помнил о ширящемся в корпусе Визегерда дезертирстве и был уверен, что часовые получили приказ тщательно следить за всеми, кто намеревался покинуть лагерь.

Луна давала достаточно света, чтобы Лютик мог идти не на ощупь. Ведьмак же при таком освещении видел не хуже, чем днем, и это помогло им обойти два пикета и переждать в кустах, пока проедет конный патруль. Впереди, почти сразу за постами, лежал темный ольховник. Все шло гладко. Даже чересчур гладко.

Погубило их незнание воинских порядков.

Низкая и мрачная ольховая роща манила, обещала укрытие. Но сколько существует мир, бывалые вояки, когда им доводится выходить на охрану, устраивались в кустах, откуда бодрствующие могли наблюдать и за возможным неприятелем, и за собственными, чересчур ретивыми офицерами, которым вдруг приспичило бы явиться с неожиданной проверкой.

Едва Геральт и Лютик подошли к рощице, как перед ними выросли люди. И острия копий.

— Пароль!

— Цинтра! — не раздумывая, выпалил Лютик.

Солдаты дружно расхохотались.

— Эх, люди, люди, — сказал один. — Ну ни на шелонг фантазии. Ну хоть бы один что-нибудь новенького придумал. Так нет же, «Цинтра» — и вся недолга. По печке затосковали, а? Порядочек. Ставка такая же, что и вчера.

Лютик громко скрежетнул зубами. Геральт оценил ситуацию и шансы. Оценка получалась явно не в их пользу.

— Ну, чего умолкли? — подгонял солдат. — Хотите пройти, гоните пошлину, а мы прикроем глаза. Да пошибчей, того и гляди обходящий явится.

— Щас. — Поэт сменил стиль разговора и акцент. — Присесть надыть, да сапог стянуть, потому как тама у меня...

Больше он сказать не успел. Четверо солдат повалили его на землю, двое, зажав его ноги своими, стянули сапоги. Тот, что спрашивал о пароле, отодрал с внутренней стороны голенища подкладку. Что-то со звоном посыпалось.

— Золото! — рявкнул старший. — А ну, разуйте энтого второго! Да кликните проверяющего!

Однако разувать и вызвать было некому, потому что часть патрульных кинулась на колени в поисках рассыпавшихся меж листьев дублонов, остальные же яростно дрались за овладение вторым сапогом Лютика. «Теперь или никогда», — подумал Геральт и тут же саданул старшего в челюсть, а пока тот падал, хватил

его по голове. «Золотоискатели» этого даже не заметили. Лютик, не ожидая приглашения, вскочил и помчался сквозь кусты, за ним на ветру, словно вымпелы, развевались онучи. Геральт бежал следом.

— Хватай! Хватай! — вопил поваленный старшой, тут же поддержанный товарищами. — Разводящий!

— Мерзавцы! — взвизгнул на бегу Лютик. — Стервецы! Деньги отобрали!

— Береги дыхание, дурень! Лес видишь? Ну, бегом, быстрей!

— Тревога! Тревога! Трево-о-о-га!!!

Они бежали. Геральт зверски выругался, слыша крики, свист, топот и ржание. Позади. И впереди. Удивление его было недолгим, хватило одного внимательного взгляда. То, что он принял за спасительный лес, оказалось приближающейся к ним лавиной конницы.

— Стой, Лютик! — крикнул он, мгновенно поворачиваясь в сторону настигающего их галопом патруля, и пронзительно засвистел, сунув пальцы в рот.

— Нильфгаард! Нильфгаард наседает! — заорал он что было сил в легких. — В лагеры! Назад в лагерь, дурьи головы! Играть сбор! Нильфгаард!

Выдвинувшийся вперед конник преследующего их патруля осадил лошадь, глянул в указанном направлении, громко вскрикнул и хотел завернуть, но Геральт, решив, что и без того достаточно много сделал для цинтрийских львов и темерских лилий, подскочил к солдату и ловким рывком стащил его с седла.

— Запрыгивай, Лютик! И держись!

10 Зак. № 548

Повторять дважды не потребовалось. Конь слегка присел под тяжестью дополнительного седока, но, получив по бокам двумя парами пяток, помчался галопом. Сейчас приближающиеся массы нильфгаардцев были гораздо опаснее Виссегерда с его корпусом, поэтому беглецы пустили коня вдоль кольца лагерных постов, пытаясь как можно скорее уйти с линии готового вот-вот разгореться столкновения противников. Однако нильфгаардцы были уже ближе и заметили их. Лютик крикнул. Геральт оглянулся и увидел, как из темной стены нильфгаардских конников в их сторону начинает выдвигаться черное щупальце погони. Он не колеблясь направил коня к лагерю, обгоняя ретирующихся охранников. Одинаково хорошо он видел и мчащуюся на них со стороны лагеря конницу. Поднятый по тревоге корпус Виссегерда на удивление быстро оказался в седлах. А Геральт и Лютик — в западне.

Выхода не было. Ведьмак снова изменил направление и выжал из коня все возможное, стараясь выскользнуть из опасно сужающейся щели между молотом и наковальней. Когда засветила надежда, что им все-таки повезет, ночной воздух неожиданно заполнился шумом перьев. Лютик взвизгнул, на этот раз действительно громко, и впился пальцами в бока Геральта. Ведьмак почувствовал, как что-то теплое потекло ему на шею.

— Держись! — схватил он поэта за локоть и сильно притянул к себе. — Держись, Лютик!

— Убили меня! — завыл поэт, удивительно громко для убитого. — Истекаю кровью! Умираю!

— Держись!

Град стрел из луков и арбалетов, которым осыпали друг друга обе армии, оказавшийся роковым для Лютика, одновременно стал и избавлением. Обстреливающие друг друга войска сбились в кучи, нажим ослаб, а вот-вот готовая захлопнуться щель между фронтами оставалась щелью еще достаточно долго, чтобы тяжело храпящий конь успел вынести обоих ездоков из ловушки. Геральт нещадно колотил пятками коня, заставляя того продолжать галоп, потому что хоть перед ними уже и маячил спасительный лес, позади не умолкал гул копыт. Конь взвизгнул, споткнулся. Возможно, им и удалось бы убежать, но Лютик вдруг застонал и обмяк, стягивая с седла и Геральта. Геральт машинально натянул поводья, конь встал на дыбы, и оба они слетели на землю, упав между невысокими сосенками. Поэт бессильно повалился и не вставал, продолжая душераздирающе стонать. Вся левая сторона головы и левое плечо у него были в крови, отливающей черным в лунном свете.

Позади них с гулом, грохотом и ревом столкнулись конники. Но несмотря на кипящую битву, нильфгаардские преследователи не забыли о беглецах. Прямо на них мчались галопом трое наездников.

Ведьмак вскочил, чувствуя вздымающуюся в нем волну леденящей ярости и ненависти. Прыгнул навстречу преследователям, отводя внимание конников от Лютика. Нет, он не собирался жертвовать собою ради друга. Он хотел убивать.

Первый выдвинувшийся вперед наездник налетел на него с поднятым топором, но ведь он не мог знать, что перед ним ведьмак. Геральт легко увернулся от удара, ухватил наклонившегося в седле нильфгаардца за плащ, пальцами другой руки стиснул широкий пояс, сильным рывком стянул конника с седла, навалился на него, прижал к земле и только тут сообразил, что у него нет оружия. Тогда он ухватил поваленного солдата за горло, но удушить не смог, мешал железный ринграф. Нильфгаардец дернулся, ударил его железной перчаткой, рассек щеку. Ведьмак придавил его всем телом, нащупал на широком поясе противника короткий кинжал, вырвал его из ножен. Солдат почувствовал это и завыл. Геральт оттолкнул все еще колотящую по нему руку с серебряным скорпионом на рукаве, замахнулся кинжалом.

Нильфгаардец заорал.

Геральт врубил ему кинжал в раскрытый рот. По самую рукоять. Вскочив, он увидел коней без седоков, трупы и удаляющуюся в сторону продолжающегося боя группу конных. Цинтрийцы из лагеря разгромили нильфгаардскую погоню, а поэта и дерущихся на земле даже не заметили во мраке, заполняющем лесок.

— Лютик! Куда тебя? Где стрела?

— В го... голове... В голову вонзилась...

— Не болтай глупостей! Черт, повезло тебе... Только чиркануло...

— Я истекаю кровью.

Геральт сбросил куртку и оторвал рукав рубахи. Наконечник стрелы прошел у Лютика над ухом, расцарапав кожу до виска. Поэт то и дело прижимал к ранке трясущуюся руку, потом рассматривал кровь, обильно пачкающую ладони и манжеты. Глаза были дурные. Ведьмак подумал, что перед ним человек, которому впервые в жизни причинили боль и ранили. Который впервые в жизни видит собственную кровь в таком количестве.

— Вставай, — сказал он, быстро и кое-как обматывая голову трубадура рукавом рубахи. — Это ничего, Лютик, всего лишь царапина... Вставай, надо побыстрее сматываться отсюда...

Ночная битва на лугу продолжалась, звон железа, ржание и крики все усиливались. Геральт быстро поймал двух нильфгаардских коней, но нужен оказался только один. Лютик сумел встать, однако тут же снова тяжело уселся на землю, застонал, громко зарыдал. Ведьмак поднял его, прижал к себе, усадил в седло. Сам сел позади и погнал коня. На восток, туда, где повыше уже видной на небе бледно-голубой полосы рассвета висела самая яркая звезда созвездия Семи Коз.

— Скоро рассветет, — сказала Мильва, глядя не на небо, а на блестящую поверхность реки. — Сомы крепко белорыбиц гоняют. А ведьмака и Лютика ни слуха ни духа. Ох, не испоганил ли дело Регис...

— Не накличь беды, — буркнул Кагыр, поправляя подпругу гнедого жеребца.

— Тьфу-тьфу... Так ведь оно как-то уж так идет... Кто с этой вашей Цирей столкнется, так все одно что башку под топор поклал... Несчастье эта девка приносит... Несчастье и смерть.

— Сплюнь, Мильва.

— Тьфу-тьфу от сглаза, от порчи... Ну и холодина, аж трясет всю. И пить хочется, а в реке у берега обратно труп гниющий видела... Брр... Тошнит меня... Не иначе — блевать буду...

— На, — Кагыр протянул ей фляжку, — глотни. И сядь ближе ко мне, согрею.

Новый сом ударил на мелководье в косячок уклеек. Рыбки прыснули по поверхности серебристым градом. В лунной дорожке мелькнула то ли летучая мышь, то ли козодой.

— Кто знает, — задумчиво протянула Мильва, прижавшись к плечу Кагыра, — что будет завтра? Кто реку перейдет, а кто землюшку обымет?

— Будет, что должно быть. Отбрось дурные мысли.

— Не боишься?

— Боюсь. А ты?

— Тошнит меня.

Молчали долго.

— Расскажи, Кагыр, когда ты с той Цирей встретился?

— Впервые? Три года назад. Во время боев за Цинтру. Вывез ее из города. Нашел окруженную со всех сторон огнем. Я ехал сквозь пламя и дым, держа ее в руках, а она тоже была как пламя.

— И что?

— Пламя в руках не удержать.

— Если в Нильфгаарде не Циря, — сказала Мильва после долгого молчания. — То кто же?

— Не знаю.

* * *

У Дракенборга, реданского форта, превращенного в лагерь для интернированных эльфов и других подрывных элементов, были свои печальные традиции, созданные в ходе трех лет функционирования. Одна из таких традиций — казнь на рассвете. Вторая — предварительный сбор обреченных на смерть в большой общей камере, откуда на заре их выводили к виселице.

Смертников набиралось в камере около десятка, а вешали каждое утро двух, трех, порой четырех. Остальные ждали своего часа. Долго. Иногда неделю. Ожидающих в лагере называли «шутами». Потому что атмосфера в камере смертников всегда была веселая. Во-первых, на завтрак подавали кислое и крепко разбавленное вино, носящее на лагерном жаргоне название «Сухой Дийкстра», поскольку не было секретом, что предсмертный напиток поставлялся приговоренным по личному распоряжению шефа реданских разведслужб. Во-вторых, из камеры смертников уже не таскали на допросы в зловещих подземельях «Мойки», а стражникам запрещалось измываться над заключенными.

В ту ночь с традициями тоже все было в порядке. В камере, занятой шестью эльфами, одним полуэльфом, одним низушком, двумя людьми из королевств и одним нильфгаардцем, было весело. «Сухого Дийкстру» по общему согласию выливали в жестяную миску и хлебали без помощи рук. Такая метода позволяла хотя бы чуточку захмелеть. Лишь один из эльфов, скоя'таэль из разгромленного отряда Иорвета, недавно жестоко избитый в «Мойке», держался спокойно и серьезно, за-

нятый тем, что выцарапывал на бревне стены надпись: «Свобода или смерть». Подобных надписей на стенах было бессчетное множество. Остальные смертники, поддерживая традицию, без конца пели «Гимн шутов», сложенную в Дракенборге песню, слова которой каждый выучивал в бараках, слушая по ночам звуки, долетавшие из камеры смертников и зная, что придет и его черед выступить в хоре.

Пляшут шуты на веревке,
Дергают петлю ритмично,
Ох, до чего же мы ловки,
Как же мы пляшем отлично.

Как же не дергать веревку,
Если солдат из-под ног
Выбьет скамеечку ловко
Сильным ударом сапог!

Звякнул засов, скрипнул замок. «Шуты» замолчали. Появление стражников на заре могло означать только одно — сейчас хор станет жиже на несколько голосов. Вопрос — чьих?

Стражники вошли группой. В руках веревки, чтобы связать руки тех, кого поведут на виселицу. Один шмыгнул носом, сунул палку под мышку, развернул пергамент откашлялся.

— Эхель Трогельтон!

— Трайгльтан, — равнодушно поправил эльф из команды Иорвета, еще раз глянул на выцарапанный «лозунг» и с трудом поднялся.

— Космо Бальденвегг!

Пизушек громко сглотнул.

Назариан знал, что Бальденвегга арестовали по подозрению в актах диверсии, совершаемых по поручению нильфгаардской разведки. Однако Бальденвегг не признавался и упорно твердил, что обоих нильфгаардских коней он украл по собственной инициативе и заработка ради, а Нильфгаард никакого отношения к этому не имеет. Но ему явно не поверили.

— Назариан!

Назариан послушно встал, подал стражникам руки. Когда всю тройку выводили, остальные «шуты» затянули:

Пляшут в петельках шуты,
Ах ты, ух ты!
Ну а ветерок легко
Песни носит далеко!

Рассвет горел пурпуром и кармином. День обещал быть прекрасным, солнечным.

«Гимн шутов, — подумал Назариан, — вводит в заблуждение».

Действительно, повешенные не могли плясать лихого танца висельников, потому что вешали их не на виселице с поперечиной, а просто на столбах, вкопанных в землю. Из-под ног же выбивали не скамейки, а практичные, невысокие, носящие следы частого использования березовые пеньки. К тому же анонимный, казненный год назад автор песенки не мог знать этой висельной технологии, когда творил. Как и каждый по-

вешенный, он ознакомился с деталями непосредственно перед смертью. В Драке́нборге экзекуции никогда не совершались публично. Справедливое наказание, а не садистская месть. Слова «Гимна», как и название вина, приписывали Дийкстре.

Эльф из команды Иорвета стряхнул с себя руки стражников, не задерживаясь, поднялся на пень и позволил надеть себе на шею петлю.

— Да здрав...

Пенек выбили у него из-под ног.

Низушку потребовалось два пенька, поставленных один на один. Мнимый диверсант не пытался выкрикивать патетических лозунгов. Он просто энергично дрыгнул короткими ногами и повис на столбе. Голова бессильно свесилась набок.

Стражники схватили Назариана, и тут Назариан вдруг решился.

— Буду говорить! — прохрипел он. — Буду давать показания! У меня есть важная информация для Дийкстры!

— Поздновато, пожалуй, — с сомнением проговорил Васконье, присутствующий при экзекуции заместитель коменданта Дракенборга по политическим вопросам. — Стоит увидеть петлю, как в каждом втором из вас просыпается фантазия!

— Я не выдумываю! — Назариан дернулся в руках палачей. — У меня информация!

Спустя неполный час Назариан сидел в карцере и восторгался прелестью жизни, гонец стоял в полной готовности около коня и яростно чесал между ног, а Васконье читал предназначенный Дийкстре рапорт и исправлял в нем ошибки.

Покорнейше уведомляю Ваше превосходительство графа, что преступник по имени Назариан, приговоренный за нападение на королевского чиновника к смертной казни через повешение, показал следующее:

По распоряжению некоего Риенса в день июльского новолуния сего года он совместно с двумя сообщниками своими Ягдой и эльфом-полукровкой Ширру́ участвовал в убийстве юристов Кодрингера и Фэнна в городе Дорьян. Там Ягда был убит, а полуэльф Ширру́ убил обоих юристов и дом их подпалил. Преступник Назариан все на оного Ширру́ сваливает, отпирается и утверждает, будто сам он не убивал, но, вероятно, говорит так из-за страха перед повешением. Ваше превосходительство графа может заинтересовать следующее: до того как совершить преступление, злодеи оные, то есть Назариан, полуэльф Ширру́ и Ягда, следили за ведьмаком, неким Геральдом из Ривии, коий с юристом Кодрингером тайно сносился. По какому вопросу, того преступник Назариан не знает, ибо ни вышеупомянутый Риенс, ни полуэльф Ширру́ ему секрета не выдали. Когда же Риенсу было сообщено о тех закулисных переговорах, Риенс приказал юристов умертвить.

Далее преступник Назариан показал следующее: сообщник его Ширру́ выкрал из дома юристов документы, кои Риенсу были доставлены в Каррерас, в трактир «У Пройдохи Лиса». О чем Риенс и Ширру́ там совещались, Назариану не ведомо, но на другой день вся преступная тройка направилась в Бругге и там на четвертый день после новолуния похитила юную девицу из дома красного кирпича, на дверях коего латунные ножницы прибиты были. Девицу Риенс магическим напоем ошеломил, а преступники Ширру́ и Назариан с великой поспешностию отвезли ее в Вердэн, в крепость Настрог.

А теперь наиболее великоважное, о чем я Вашему превосходительству графу доношу: преступники выдали похищенную девицу нильфгаардскому коменданту крепости, заверив оного, что похищенную звать Кирилой из Цинтры. Комендант, как сообщил преступник Назариан, был таковым сообщением весьма возбужден.

Вышеизложенное направляю Вашему превосходительству графу особо тайным курьером. Подробный протокол допроса также вышлю, как только писарь его начисто перепишет. Покорно прошу Ваше превосходительство графа об инструкциях, что с преступником Назарианом учинить. Быть может, сечь его кнутом, дабы он больше деталей припомнил, либо же повесить для всеобщего обозрения?

С величайшим уважением и т.д. и т.п.

Васконье размашисто подписал рапорт, оттиснул печать и вызвал гонца.

Содержание рапорта стало известно Дийкстре вечером того же дня. Филиппе Эйльхарт — в полдень дня следующего.

Когда несший ведьмака и Лютика конь выбрался из прибрежного ольховника, Мильва и Кагыр сильно нервничали. Они уже раньше слышали отголоски боя, вода Ины относила звуки на большое расстояние.

Помогая стащить поэта с седла, Мильва заметила, как при виде нильфгаардца у Геральта окаменело лицо. Она не успела и слова сказать, впрочем, Геральт тоже, потому что Лютик отчаянно стонал и вырывался из рук. Поэта уложили на песок, подсунули под голову свернутый плащ. Мильва собиралась было сменить пропитавшуюся кровью кустарную повязку, но тут почувствовала на плече руку и учуяла знакомый запах полыни, аниса и других трав. Регис по обыкновению явился неведомо когда, неведомо как и неведомо откуда.

— Позволь, — сказал он, вытаскивая из своей бездонной торбы медицинские препараты и инструменты. — Я им займусь.

Когда цирюльник отрывал перевязку от раны, Лютик болезненно застонал.

— Спокойно, — сказал Регис, промывая рану. — Это пустяки. Немного крови. Просто немного крови... А славно пахнет твоя кровь, поэт.

И именно тогда ведьмак повел себя так, как Мильва ожидать не могла. Он подошел к коню и вытащил из

ножен, притороченных под тебеньками седла, длинный нильфгаардский меч.

— Отойди от него, — буркнул он, встав над цирюльником.

— Славно пахнет эта кровь, — повторил Регис, не обращая внимания на ведьмака. — Я не чувствую в ней запаха заражения, которое при ранении головы могло бы оказаться роковым. Артерии и вена не повреждены... Сейчас будет щипать...

Лютик застонал, бурно втянул воздух. Меч в руке ведьмака дрогнул, заблестел отраженным от реки светом.

— Я наложу несколько швов, — сказал Регис, по-прежнему не обращая внимания ни на ведьмака, ни на его меч. — Держись, Лютик.

Лютик держался.

— Все, кончаю. — Регис взялся за перебинтовку. — До свадьбы, тривиально говоря, заживет. Рана в самый раз для поэта. Будешь, Лютик, расхаживать как военный герой с гордой повязкой на лбу, а сердца взирающих на тебя дам будут трепыхаться и таять как воск. Да, ничего не скажешь, поэтическая рана. Не то что стрела в живот, разорванная печень, разодранные почки и кишки, вывалившееся содержимое и кал, воспаление брюшины... Ну, готово. Геральт, я в твоем распоряжении.

Он встал, и тогда ведьмак быстрым, неуловимым движением приставил ему меч к горлу.

— Отойди, — буркнул он Мильве. Регис даже не дрогнул, хотя острие меча слегка упиралось ему в шею. Лучница затаила дыхание, видя, как глаза ведьмака разгораются во мраке страшным кошачьим блеском.

— Ну давай, — спокойно сказал Регис. — Тычь!

— Геральт, — простонал с земли Лютик совершенно осознанно. — Ты что, вконец спятил? Он спас нас от виселицы... Перевязал мне голову...

— Спас в лагере девушку и нас, — тихо напомнила Мильва.

— Молчите. Вы не знаете, кто он такой.

Цирюльник не пошевелился. А Мильва вдруг с ужасом обнаружила то, что должна была обнаружить уже давно.

Регис не отбрасывал тени.

— Действительно, — медленно сказал он. — Вы не знаете, кто я такой. А пора бы. Зовут меня Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой. На этом свете я живу четыреста двадцать восемь лет, или пять тысяч сто тридцать шесть месяцев по вашему летосчислению, или же три тысячи четыреста двадцать четыре месяца по исчислению эльфов. Я — потомок потерпевших крушение несчастных существ, застрявших среди вас после катаклизма, который вы называете Сопряжением Сфер. Я, деликатно говоря, считаюсь чудовищем. Кровожадным монстром. А сейчас столкнулся с ведьмаком, который профессионально занимается истреблением таких, как я. Это все.

— Вполне достаточно. — Геральт опустил меч. — Даже слишком. Исчезни, Эмиель Регис Что-то-Там Как-то-Там еще. Выматывайся!

— Невероятно, — съехидничал Регис. — Ты позволяешь мне уйти? Ты — ведьмак? Мне — грозе людей? Но ведьмак обязан воспользоваться оказией, чтобы этого не допустить! Любой оказией!

— Выматывайся! Удались, да побыстрее!

— В сколь дальние страны прикажешь удалиться? — медленно спросил Регис. — Ведь ты — ведьмак и знаешь обо мне. Когда разберешься со своей проблемой, когда покончишь со всем, с чем тебе надо покончить, ты, вероятно, вернешься в эти пределы. Ты знаешь, где я обретаюсь, где бываю, чем занимаюсь. Будешь меня преследовать?

— Не исключено. Если заплатят. Я — ведьмак.

— Желаю удачи. — Регис застегнул торбу, развернул плащ. — Бывай. Да, вот еще что. Сколь высока должна быть плата за мою голову, чтобы ты соблаговолил обеспокоить себя? Как ты меня оцениваешь?

— Дьявольски высоко.

— Ты щекочешь мое тщеславие. А конкретно?

— Валяй отсюда, Регис.

— Незамедлительно. Но сначала назначь за меня цену. Пожалуйста.

— За обычного вампира я брал столько, сколько стоит хороший конь под седло. Но ведь ты — необычный.

— Так сколько?

— Сомневаюсь. — Голос ведьмака был холоден как лед. — Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог такую услугу оплатить.

— Понимаю и благодарю, — усмехнулся вампир, на этот раз показав зубы. Мильва и Кагыр попятились, а Лютик с трудом сдержал крик ужаса.

— Ну всего! Успеха вам!

— Всего, Регис, взаимно.

Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой тряхнул плащом, закутался в него и исчез. Просто взял и исчез.

— Теперь, — Геральт повернулся, все еще держа обнаженный меч в руке, — твоя очередь, нильфгаардец.

— Нет, — зло прервала Мильва. — С нас хватит. По коням, выбираемся отсюда! Река крик несет, не успеем обернуться, как на горб сядут!

— Я с ним вместе не поеду.

— Ну так езжай один! — крикнула разъяренная не на шутку Мильва. — В другую сторону! У нас уже вот где твои фокусы сидят, ведьмак! Региса прогнал, а ведь он спас тебе жизнь. Но это твое дело. А вот Кагыр спас меня, и он мне друг! Если тебе он враг, то возвращайся в Армерию, скатертью дорога! Там твои дружки уже с петлей поджидают!

— Не кричи.

— Так не стой пень пнем. Подсоби посадить Лютика на мерина.

— Ты сохранила наших лошадей! Плотву тоже?

— Он сохранил, — кивнула она на Кагыра. — Ну, в путь.

Переправившись через Ину, они поехали правым берегом реки, по мелким разливам, через лозняк и старицы, через поймы и заболотины, гудящие кваканьем лягушек, кряканьем невидимых уток и чирков. День вспыхнул красным солнцем, слепя глаза, заблестел на зеркалах озерков, заросших кубышками, а они свернули

к тому месту, где один из многочисленных рукавов Ины впадал в Яругу. Теперь их охватили мрачные, угрюмые леса, в которых деревья вырастали прямо из зеленой от ряски трясины.

Мильва ехала впереди, рядом с ведьмаком, пересказывая ему то, что узнала от Кагыра. Геральт хранил гробовое молчание, ни разу не повернул головы, не взглянул на нильфгаардца, ехавшего позади и помогавшего поэту. Лютик тихонько постанывал, ругался и жаловался на головную боль, но держался героем и не задерживал движения. То, что нашелся Пегас и приторочененная к седлу лютня, заметно поправило его самочувствие.

К полудню снова выехали на освещенные солнцем заливные луга, за которыми растянулась широкая гладь Большой Яруги. Перебрались через старицы, перешли бродом мели и рукава. И попали на остров, сухое место среди болот и зарослей, разбросанных между многочисленными рукавами реки. Остров зарос кустарником и лозняком, было здесь и несколько крупных деревьев, голых, усохших, белых от бакланьего помета.

Мильва обнаружила в камышах лодку, которую, видимо, загнало сюда течением. Она же первой высмотрела меж ив полянку, прекрасное место для отдыха.

Остановились, и тогда ведьмак решил, что пришло время поговорить с нильфгаардцем с глазу на глаз.

— Я подарил тебе жизнь на Танедде. Жаль мне тебя стало, молокосос. Самая большая ошибка в моей жизни. Утром я выпустил из-под ножа высшего вампира, у которого на совести наверняка не одна человеческая жизнь. А должен был бы убить. Но я думал не о нем, потому что у меня голова занята только одним: добраться до тех, кто причинил зло Цири. Я поклялся себе, что они заплатят за это кровью.

Кагыр молчал.

— То, что ты рассказал Мильве, ничего не меняет. Из этого следует лишь одно: на Танедде тебе не удалось похитить Цири, хоть ты и очень старался. И теперь ты тащишься за мной, думая, что я снова приведу тебя к ней и ты опять наложишь на нее лапу. Рассчитываешь на то, что тогда твой император, может быть, подарит тебе жизнь, не отправит на эшафот.

Кагыр молчал. Геральт чувствовал себя скверно. Очень скверно.

— Из-за тебя она кричала по ночам, — буркнул он. — В ее детских глазах ты превратился в кошмар. А ведь ты был и остаешься только орудием, всего лишь жалким слугой своего императора. Не знаю, что ты с ней сделал, чтобы стать для нее кошмаром. А еще хуже, что я не понимаю, почему, несмотря на все это, я не могу тебя убить. Не понимаю, что меня удерживает.

— Может, то, — тихо сказал Кагыр, — что наперекор всем предположениям и видимостям у нас с тобой есть нечто общее. У тебя и у меня?

— Интересно, что?

— Как и ты, я хочу спасти Цири. Как и ты, я не переживаю, когда вижу, что кого-то это удивляет и возмущает. Как и ты, я не намерен никому объяснять, почему это происходит.

— Ты кончил?

— Нет.

— Тогда слушаю.

— Цири, — медленно проговорил нильфгаардец, — едет на лошади через пыльную деревню. С шестеркой молодых людей. Среди них — коротко остриженная девушка. Цири пляшет в сарае на столе, и она счастлива.

— Мильва пересказала тебе мои сны.

— Нет. Она не рассказала мне нечего. Ты не веришь?

— Нет.

Кагыр опустил голову, покрутил каблуком в песке.

— Я забыл, — сказал он, — что ты не можешь мне верить, не можешь доверять. Понимаю. Но ведь ты, как и я, видел еще один сон. Сон, о котором никому не рассказывал. И вряд ли захочешь.

Можно сказать, что Сервадио просто повезло. В Лоредо он прибыл, не собираясь шпионить за кем-либо определенным. Но деревня неспроста называлась Разбойничьим Посадом. Лежала она на Бандитском Тракте, разбойники и бандиты со всех лежащих над Верхней Вельдой районов заглядывали сюда, встречались, чтобы продать либо обменять добычу, запастись чем надо, отдохнуть и повеселиться в отборной бандитской компании. Деревню несколько раз сжигали дотла, но немногочисленные постоянные и многочисленные непостоянные обитатели всякий раз отстраивали ее заново. Жили

здесь за счет бандитов, и жили, надо сказать, вполне сносно. А шпики и доносители типа Сервадио не теряли надежды добыть в Лоредо какую-нибудь информацию, за которую префект отвалил бы несколько флоренов.

Сейчас Сервадио рассчитывал получить больше чем несколько. Потому что в деревню въезжали Крысы.

Вел Гиселер, слева и справа от него ехали Искра и Кайлей. За ними — Мистле и новенькая, сероволосая, которую называли Фалькой, замыкали процессию Ассе и Рееф, которые вели запасных лошадей, несомненно, краденных и предназначенных на продажу. Наездники были утомлены и покрыты пылью, но держались в седлах гордо, охотно отвечали на приветствия гостящих в Лоредо дружков и знакомых. Спрыгнув с коней и угостившись пивом, они тотчас же приступили к шумным переговорам с торговцами и скупщиками краденого. Все, кроме Мистле и новенькой, сероволосой, носящей меч за спиной. Эти отправились к прилавкам, как всегда, заполняющим площадь. В Лоредо были свои торговые дни, и тогда выбор товаров, рассчитанных на приезжих бандитов, был значительно богаче и разнообразнее. Сегодня был как раз такой день.

Сервадио осторожно последовал за девушками. Чтобы заработать, надо было донести, а чтобы донести — подслушать.

Девушки рассматривали пестрые платки, бусы, расшитые блузки, чепраки, изукрашенные налобные ремни для лошадей. Копались в товаре, но не покупали. Мистле почти все время держала руку на плече сероволосой.

Шпион осторожно подобрался ближе, прикинулся, будто рассматривает ремни и пояса на прилавке шорника. Девушки разговаривали, но тихо, он не мог разобрать, а подойти ближе опасался. Они могли заметить, заподозрить.

В одной из лавочек продавали сахарную вату. Девушки подошли, Мистле купила две обмотанные снежной сладостью палочки, одну подала сероволосой. Та деликатно отщипнула. Белый лоскуток приклеился к ее губе. Мистле отерла его осторожным, заботливым движением. Сероволосая широко раскрыла изумрудные глаза, медленно облизала губы, улыбнулась, кокетливо наклонила голову. Сервадио почувствовал дрожь, струйку холодного пота, стекавшую с шеи между лопатками. Он вспомнил слухи, ходившие о двух бандитках.

Собрался потихоньку отойти, было ясно, что ничего здесь не подслушаешь, не вынюхаешь. Девушки не говорили ни о чем важном, зато подальше, где собрались атаманы разбойничьих шаек, Гиселер, Кайлей и другие, шумно ругались, торговались, кричали, то и дело подставляли кубки под шпунт бочонка. Здесь Сервадио надеялся узнать побольше. Кто-нибудь из Крыс мог обронить слово, пусть даже полслова, относительно ближайших планов банды, их пути или цели. Если б удалось подслушать и своевременно передать сведения солдатам префекта или живо интересующимся Крысами нильфгаардским агентам, награда была бы практически в кармане. А если б, воспользовавшись этой информацией, префект сумел расставить удачную ловушку, то можно было рассчитывать на хорошие наличные. «Куплю бабе

кожух, — лихорадочно думал он. — Детям наконец-то башмаки и какие-нибудь игрушки... А себе...»

Девушки расхаживали вдоль палаток и прилавков, облизывая и сдирая с палочки сахарную вату. Сервадио неожиданно обнаружил, что за ними наблюдают. И указывают на них пальцами. Он знал этих бандитов и конокрадов из шайки Пинты по кличке Вырвихвост.

Бандиты обменялись несколькими вызывающе громкими замечаниями, расхохотались. Мистле прищурилась, положила сероволосой девочке руку на плечо.

— Горлинки! — фыркнул один из бандюг Вырвихвоста, дылда с усами вроде пучков пакли. — А поглядывают так, будто вот-вот клювики друг дружке сунут!

Сервадио видел, как сероволосая девочка вздрогнула, видел, как Мистле стиснула пальцами ее плечо. Бандиты зашлись смехом. Мистле медленно повернулась, некоторые из них тут же замолчали. Но тот, что с паклеными усами, был либо пьян, либо совершенно лишен воображения.

— Может, которой из вас мужик нужон? — подошел он ближе, проделывая гадкие и недвузначные жесты. — Похоже, ежели таких, как вы, как следует пришпуровать, дык враз от энтой вашенской любови излечитеся! Эй! С тобой говорю, ты...

Тронуть ее он не успел. Сероволосая девочка свернулась как нападающая змея, меч сверкнул и ударил еще прежде, чем выпущенная из руки сахарная вата коснулась земли. Усач покачнулся, забулькал индюком, кровь из рассеченной шеи брызнула длинной струей. Девушка снова свернулась, налетела двумя танцующими шагами,

рубанула еще раз, поток крови хлынул на прилавки, труп повалился, песок вокруг него моментально покраснел. Кто-то крикнул. Другой бандит наклонился, вытащил из-за голенища нож, но в тот же момент упал, получив от Гиселера окованной рукояткой нагайки.

— Хватит одного трупа! — рявкнул атаман Крыс. — Этот сам напросился, не знал, с кем задирается! Назад, Фалька!

Только теперь сероволосая опустила меч. Гиселер поднял над головой мешочек и тряхнул им.

— По законам нашего братства плачу за убитого. Как положено, по весу, талер за каждый фунт паршивого трупа! И на том конец! Я верно говорю, други? Эй, Пинта, твое слово?

Искра, Кайлей, Реф и Ассе встали позади предводителя. Лица у них были каменные, руки — на рукоятках мечей.

— Верно, — отозвался из группы бандитов Вырвихвост, невысокий, кривоногий мужчина в кожаной куртке. — Прав ты, Гиселер. Конец распре. Было — нету.

Сервадио сглотнул, пытаясь впитаться в уже окружившую их толпу. Неожиданно почувствовал, что не имеет никакого желания крутиться около Крыс и пепельноволосой девчонки, которую называли Фалькой. И тут же решил, что обещанная префектом награда не так уж и высока, как ему думалось.

Фалька спокойно убрала меч в ножны, оглянулась. Сервадио остолбенел, видя, как ее миниатюрное личико вдруг покрывается морщинками.

— Моя вата, — жалостно ойкнула девочка, глядя на валяющуюся на грязном песке сладость. — Моя вата упала...

— Куплю тебе другую, — обняла ее Мистле.

Ведьмак сидел на песке между ивами угрюмый, злой и задумчивый. Глядел на бакланов, рассевшихся на обделанном ими же дереве.

Кагыр после разговора скрылся в кустах и не показывался. Мильва и Лютик искали чего бы поесть. В пригнанной течением лодке удалось под сетями обнаружить медный котел и корзину с овощами. Они поставили в прибрежном заливчике найденную в лодке ивовую вершу, а сами бродили у берега и колотили палками по водорослям, чтобы загнать в ловушку рыб. Поэт уже чувствовал себя хорошо, ходил павлином, геройски задрав голову.

Геральт был задумчив и зол.

Мильва с Лютиком вытащили вершу и начали ругаться, потому что вместо ожидаемых сомов и карпов там серебрилась и трепыхалась мелочь.

Ведьмак встал.

— Идите-ка сюда оба! Бросьте свой вентерь и идите сюда. Хочу вам кое-что сказать...

— Возвращайтесь домой, — начал он без вступлений, когда они подошли, мокрые и воняющие рыбой. — На север, в сторону Махакама. Дальше я поеду один.

— Что?

— Расходятся наши пути, Лютик. Хватит играться. Возвращаешься домой стихи писать. Мильва проводит тебя через леса... В чем дело?

— Ни в чем. — Мильва резко откинула волосы с плеча. — Ни в чем. Продолжай, ведьмак. Интересуюсь, что скажешь.

— Мне больше нечего сказать. Я еду на юг, на тот берег Яруги. Через захваченную нильфгаардцами территорию. Путь опасный и дальний. А я больше не могу оттягивать. Поэтому поеду один.

— Отделавшись от неудобного груза, — покачал головой Лютик. — Гири у ноги, сдерживающей движение и доставляющей хлопоты. Иными словами — меня.

— И меня, — добавила Мильва, глядя в сторону.

— Послушайте, — сказал Геральт уже гораздо спокойнее. — Это мое, лично мое дело. Совсем не ваше. Я не хочу, чтобы вы подставляли шеи за то, что касается исключительно меня...

— Это касается исключительно тебя, — медленно повторил Лютик. — Никто тебе не нужен. Спутники тебе мешают и тормозят движение. Ты ни от кого не ждешь помощи. И не намерен ни на кого оглядываться. Кроме того, ты обожаешь одиночество. Что-нибудь я забыл сказать?

— Да, — зло ответил Геральт. — Забыл сказать, что тебе необходимо поменять свою пустую башку на другую, с мозгами. Если б та стрела прошла дюймом правее, идиот, то сейчас вороны выклевали бы тебе глаза. Ты — поэт, у тебя есть воображение, попытайся представить себе такую картинку. Повторяю — вы возвращаетесь на север, я направляюсь в противоположную сторону. Один.

— Ну и езжай, — пружинисто встала Мильва. — Может, думаешь, я стану тебя упрашивать? Бес с тобой, ведьм! Пошли, Лютик, приготовим чего-нибудь пожрать. Голод меня морит, а когда я твоего ведьма слушаю, мне блевать хочется.

Геральт отвернулся. Принялся рассматривать зеленоглазых бакланов, сушивших крылья на покрытых пометом ветках. Неожиданно почувствовал запах трав и зло выругался.

— Ты злоупотребляешь моим терпением, Регис.

Вампир, появившийся неведомо откуда и неведомо когда, не обиделся, присел рядом.

— Надо сменить поэту повязку, — сказал он спокойно.

— Ну так иди к нему. И держись от меня подальше.

Регис вздохнул, вовсе не намереваясь отходить.

— Я только что слышал ваш разговор с Мильвой и Лютиком, — сказал он серьезно. — Надо признать, у тебя истинный талант привлекать на свою сторону людей. Хоть весь мир «покушается на твою добродетель», ты пренебрегаешь и союзниками, и товарищами, которые стараются тебе помочь.

— Мир перевернулся! Вампир принимается меня учить, как мне поступать с людьми. Что тебе известно о людях, Регис? Единственное, что ты знаешь, это вкус их крови. Дьявольщина, я начал с тобой разговаривать?

— Начал. Мир перевернулся, — согласился вампир совершенно серьезно. — Так, может, захочешь и совет выслушать?

— Нет. Не захочу. Он мне не нужен.

— Да, совсем забыл! Советы тебе не нужны, союзники тебе не нужны, без спутников ты тоже обойдешься. Ведь цель твоего похода — цель личная и особая, больше того, характер цели требует, чтобы ты реализовал ее самолично. Риск, опасность, труд, борьба с сомнениями должны лечь на тебя. Только и исключительно. Ибо все это элементы покаяния, искупления вины, которое ты стремишься совершить. Этакое, сказал бы я, испытание, крещение огнем. Ты пройдешь сквозь опаляющее, но и очищающее пламя. Сам, в одиночку. Потому что если кто-нибудь тебя в этом поддержит, поможет, возьмет на себя хотя бы частичку этого огненного крещения, этой боли, этого покаяния, то тем самым как бы обеднит тебя, урвет у тебя ту часть искупления, которая достанется ему. Твой, это только твой долг и ничей больше. Долг, который надобно заплатить, и ты не хочешь расплачиваться за него, одновременно одалживаясь у других кредиторов. Я рассуждаю логично?

— Удивительно трезво! Твое присутствие раздражает меня, вампир. Оставь меня один на один с моим искуплением, пожалуйста. И с моим долгом.

— Незамедлительно, — поднялся Регис. — А ты посиди подумай. Совет же я все-таки тебе дам. Потребность в искуплении, очищающем крещении огнем, ощущение вины — это не то, на что ты можешь иметь исключительное право. Жизнь отличается от банковского дела тем, что ей знакомы долги, которые можно заплатить, только задолжав другим.

— Уйди. Пожалуйста.

— Незамедлительно.

Вампир ушел, присоединился к Лютику и Мильве. Пока сменяли Лютику повязку, все активно рассуждали, что бы поесть. Мильва вытряхнула из верши мелочь и весьма критически посмотрела на нее.

— Нечего раздумывать, — сказала она. — Надо надеть этих тараканов на ветки и поджарить над костром.

— Нет, — повертел свежеперевязанной головой Лютик. — Мысль не из лучших. Предлагаю сварить из них суп.

— Суп из рыб?

— Конечно. У нас масса этой мелочи, есть соль, — загибал Лютик пальцы. — Мы раздобыли лук, морковь, петрушку, сельдерей с ботвой. И котел. Соединив все это, получим суп. Уха называется.

— Надо бы немного приправ.

— О, — усмехнулся Регис, берясь за торбу. — Нет проблем. Базилик, перец душистый, перец горький, лавровый лист, шалфей...

— Хватит, хватит, — остановил его Лютик. — Достаточно. Мандрагора в ухе нам не нужна. Лады, за работу. Очисти рыбу, Мильва.

— Сам чисти! Нет, гляньте на них! Думают, ежели баба в компании завелась, так она у них на кухне будет вкалывать? Воды я принесу и огонь распалю. А с этими пескарями поганьтесь сами.

— Это не пескари, — сказал Регис. — Это гольяны, плотвички, ершики и подлещики.

— Ха! — не выдержал Лютик. — Видно, ты и в рыбке разбираешься.

— Я во многом разбираюсь, — спокойно сказал вампир без всякого зазнайства. — Кое-чему учился.

— Ежели ты такой уж ученый, — Мильва еще раз дунула в огонь, потом встала, — то выпотроши по-ученому эту рыбешку. Я по воду пошла.

— Одна потащишь полный котел? Геральт, помоги ей!

— Сама справлюсь, — фыркнула Мильва. — А его помощь мне ни к чему. У этого ведьма свои, особые, личные дела, ему нельзя мешать!

Геральт отвернулся, сделав вид, будто не слышит. Лютик и вампир ловко чистили рыбью мелочь.

— Жидковата будет ушица, — отметил Лютик, вешая котел над костром. — Хорошо б рыбку покрупнее.

— Такая сгодится? — Из ивняка неожиданно появился Кагыр, неся за шею трехфунтовую щуку, все еще дергающую хвостом и работающую жабрами.

— Ого! Ну, красавец! Где откопал, нильфгаардец?

— Я не нильфгаардец. Я из Виковаро, а зовут меня Кагыром...

— Ладно-ладно, слышали уже. Где щуку-то взял, спрашиваю?

— Смастерил жерлицу, в качестве приманки использовал лягушек. Закинул в яму у берега. Щука взяла сразу.

— Одни спецы, — покрутил перевязанной головой Лютик. — Эх, жаль, не предложил я бифштексов, наверняка тут же притащили бы корову. Ну, беремся за то, что имеем. Регис, всех маленьких рыбок сыпь в котел с головами и хвостами. А щуку надо как следует приготовить. Умеешь, нильф... Кагыр?

— Умею.

— Ну, тогда за дело. Геральт, чертушка, долго собираешься сидеть с обиженной миной? Чисти овощи!

Ведьмак послушно встал, подсел, но демонстративно подальше от Кагыра. Не успел сказать, что у него нет ножа, как нильфгаардец — или виковарец? — подал свой, достав себе другой из-за голенища. Геральт принял, ворчливо поблагодарил.

Совместная работа шла споро. Полный рыбьей мелочи и овощей котел вскоре забулькал и запенился. Вампир ловко собрал пену выструганной Мильвой ложкой. Когда Кагыр очистил и порезал щуку, Лютик бросил в котел хвост, плавники, позвоночник и зубатую голову хищника и перемешал.

— Ням-ням! Ну и аромат! Когда все как следует выварится, отцедим мусор.

— Не иначе как через онучи, — поморщилась Мильва, стругая очередную ложку. — Как ты собираешься цедить, ежели решета нету?

— Ах, дорогая Мильва, — улыбнулся Регис. — Нельзя же так! То, чего у нас нет, мы легко заменим тем, что у нас есть. Все это — исключительно вопрос инициативы и позитивного мышления.

— Иди ты к бесу со своим трепом, вомпер.

— Процедим через мою кольчугу, — сказал Кагыр. — Не беда. Потом я ее прополощу.

— До того тоже, — бросила Мильва. — Иначе я эту суху, или как там ее, есть не стану.

Процеживание прошло нормально.

— Теперь бросай в отвар щуку, Кагыр, — распорядился Лютик. — Ну запах, скажу я вам! Слюнки текут! Больше дров не подбрасывайте, пусть только мерцает. Куда ты прешь, Геральт, со своей ложкой! Теперь мешать нельзя!

— Не шуми. Я не знал.

— Незнание, — усмехнулся Регис, — не оправдывает непродуманных действий. Если чего-то не знаешь, если в чем-то сомневаешься, полезно спросить совета...

— Замолкни, вампир! — Геральт встал и отвернулся. Лютик прыснул.

— Гляньте-ка! Обиделся.

— Такой уж он есть, — отметила Мильва, надув губы. — Болтун. Когда не знает, что делать, начинает болтать и обижаться. Неужто еще не поняли?

— Давно, — тихо казал Кагыр.

— Перца добавить. — Лютик облизал ложку, почмокал. — Еще немного соли. О, теперь в сам раз! Снимем котел с огня. Дьявольщина. Горячий! Рукавиц нету...

— У меня есть, — сказал Кагыр.

— А мне, — Регис схватил котел с другой стороны, — не нужны.

— Ладно. — Поэт вытер ложку о брюки. — Ну, компания, подсаживайтесь. Приятного аппетита! Геральт, тебе нужно особое приглашение? С герольдом и фанфарами?

Все плотно окружили стоящий на песке котел, и долгое время слышно было лишь благовоспитанное черпание. После того как жидкость была уполовинена, начались осторожные поиски кусочков щуки, наконец ложки заскребли по дну котла.

— Ну, набила брюхо, — крякнула Мильва. — Неглупая была мыслишка с этим супом, Лютик.

— И верно, — согласился Регис. — Что скажешь, Геральт?

— Скажу спасибо. — Ведьмак с трудом поднялся, помассировал колено, которое снова начало побаливать. — Достаточно? Или тебе нужны фанфары?

— Вечно с ним так, — махнул рукой поэт. — Не обращайте внимания. Вам крепко повезло, что не довелось быть с ним, когда он лаялся со своей Йеннифэр, бледнолицей красавицей с эбеновыми волосами.

— Помягче, — напомнил вампир. — И не забывай — у него прблемы.

— Проблемы, — сдержал отрыжку Кагыр, — следует разрешать.

— Точно, — заметил Лютик. — Но как?

Мильва фыркнула, поудобнее устраиваясь на горячем песке.

— Вон вомпер внает. Он ученый.

— Суть дела не в знаниях, а в умении оценить конъюнктуру, — спокойно сказал Регис. — А когда конъюнктуру оценишь, то приходишь к выводу, что имеешь дело с проблемами неразрешимыми. Все ваше мероприятие лишено шансов на успех. Вероятность отыскать Цири равна нулю.

— Ну, так-то не можно, — съязвила Мильва. — Мыслить надо позитивно и спецтативно. Как с тем ситом. Ежели его нет, заменим чем-нито другим. Я так думаю.

— До последнего времени, — продолжал вампир, — вы считали, что Цирилла находится в Нильфгаарде. Добраться туда и освободить или выкрасть казалось мероприятием, превышающим наши силы. Теперь, после сенсационного заявления Кагыра, мы вообще не знаем, где Цири находится. О какой инициативе говорить, если понятия не имеешь, в какую сторону двигаться.

— Так что ж делать? — охнула Мильва. — Ведьмак уперся — на юг и все тут...

— Для него, — усмехнулся Регис, — стороны света не имеют особого значения. Ему все равно куда двигаться, лишь бы не бездействовать. Типично ведьмачий принцип. Мир полон Зла, поэтому достаточно идти куда глаза глядят, а встреченное по дороге Зло изничтожать. И тем самым послужить делу Добра. Остальное придет само собой. Иначе говоря: движение — все, цель — ничто.

— Осёльство, — прокомментировала Мильва. — Ведь же евонная цель — Циря. Как же это так: она — ничто?

— Я пошутил, — признался вампир, уставившись на все еще стоявшего к ним спиной Геральта. — К тому же не очень тактично. Прошу простить. Ты права, дорогая Мильва. Наша цель — Цири. А поскольку мы не знаем, где она находится, есть смысл узнать об этом и соответствующим образом направить свои действия. Проблема Дитя-Неожиданности, как я заметил, прямо-таки клокочет магией, предназначением и прочими сверхъестественными элементами. А я знаю кое-

кого, кто в таких вопросах прекрасно разбирается и наверняка нам поможет.

— Да? — обрадовался Лютик. — Кто такой? Где? Далеко?

— Ближе, чем в Нильфгаарде, столице Нильфгаарда. Точнее говоря, совсем близко. В Ангрене, на том берегу Яруги. Я имею в виду друидский круг в борах на Каэд Дху.

— Немедленно отправляемся!

— А что, никто из вас, — наконец занервничал Геральт, — не считает нужным узнать мое мнение?

— Твое? — повернулся Лютик. — Ты же понятия не имеешь, что делать. Даже супом — в смысле ухой, — который хлебал, обязан нам. Если б не мы, ходил бы голодным. Да и мы тоже, если б стали ждать тебя. Этот котел ухи — результат кооперации. Эффект совместной деятельности группы, дружины, команды, коллектива, наконец, сплоченного общей целью. Ты это понимаешь, дорогой друг?

— Да разве ж он поймет? — поморщилась Мильва. — Он только и знает, что Я да Я. Сам. Один. Волк-одиночка! Видно сразу, не волчий он никакой, к лесу не обвыклый. Не охотятся волки в одиночку! Никогда! Волк-одиночка, ха, ажа это, глупая городская болтовня. А он того не понимает!

— Понимает, понимает! — усмехнулся Регис, по своей привычке не размыкая губ.

— Он только выглядит идиотом, — подтвердил Лютик. — Но я постоянно рассчитываю на то, что ему в конце концов захочется пошевелить мозгами. Может,

тогда он сделает верные выводы? Может, поймет, что единственное, что у одиночек получается хорошо, — это рукоблудство?

Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах тактично молчал.

— Чтоб всех вас черти взяли, — наконец проговорил ведьмак, пряча ложку за голенище. — Чтоб всех вас черти взяли, вас, кооперированную кучу идиотов, объединенных общей целью, которой никто из вас не понимает. И меня тоже пусть черти возьмут!

На этот раз по примеру Кагыра тактично промолчали все: Лютик, Мария Барринг по прозвищу Мильва и Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой.

— Ну и компашка мне досталась, — проговорил Геральт, покачав головой. — Братья по оружию! Дружина героев! Прямо садись и плачь! Виршеплет с лютней. Дикие мордастые полудриады-полубабы. Вампир, которому пять тысяч сто с хвостиком месяцев, и чертов нильфгаардец, упорно твердящий, что он не нильфгаардец.

— А во главе дружины ведьмак, страдающий угрызениями совести, бессилием и невозможностью принимать решения, — спокойно докончил Регис. — Нет, предлагаю двигаться инкогнито, чтобы не вызывать сенсаций.

— И смеха, — добавила Мильва.

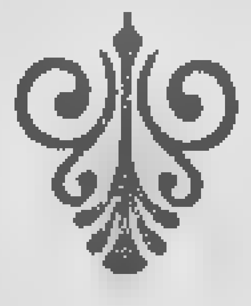

...и ответила королева: «Не меня о милости проси, а тех, кому ты чарами своими зло причинила. Отважилась ты злые дела творить, так будь же отважной и теперь, когда расплата и справедливость близки. Не в моих силах грехи твои отпустить». И тут же зафыркала ведьма, ровно кошка, загорелись ее злые глаза. «Моя погибель близка, — крикнула она, — но и твоя недалека, королева. Ты еще вспомнишь в свой смертный час Лару Доррен и ее проклятие. И то еще знай, что проклятие мое ляжет и на потомков твоих до десятого колена». Однако, сообразив, что в груди у королевы бесстрашное бьется сердце, злая эльфья чародейка перестала браниться и пугать, проклятием грозить, а словно сука побитая принялась скулить, моля о помощи и милосердии...

Сказ о Ларе Доррен. Версия людей.

...но мольбы не смягчили каменных сердец Dh'oine, безжалостных, жестоких людей. А когда Лара, прося о милости уже не для себя, а для своего ребенка, вцепилась в двери кареты, то палач-разбойник ударил ее кордом и отсек ей пальцы. А когда ночью мороз лютый прихватил, испустила Лара последнее издыхание на холме меж лесов, родив девочку, которую оберегла остатками еще теплившегося в ее теле тепла. И хоть вокруг была ночь, зима и снежная заметь, на холме наступила вдруг весна и расцвели цветы феаинневедд. До сего дня такие цветы цветут только в двух местах: в Доль Блатанна и на холме, на котором погибла Лара Доррен аэп Шиадаль.

Сказ о Ларе Доррен. Версия эльфов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я же просила тебя, — гневно проворчала лежащая на спине Цири. — Просила же, чтобы ты ко мне не прикасалась.

Мистле отдернула травинку, которой щекотала Цири по шее, растянулась рядом, уставилась в небо, подложив обе руки под стриженый затылок.

— Странно ты последнее время ведешь себя, сокольчик.

— Не хочу, чтобы ты ко мне прикасалась, вот и все.

— Это же просто забава!

— Знаю. — Цири стиснула зубы. — Просто забава. Все это была лишь просто забава. Но, знаешь, меня это перестало забавлять. Совсем перестало!

Мистле приподнялась на локте, потом снова легла, долго молчала, глядя в голубизну неба, иссеченную рваными полосами облаков. Высоко над ними кружил ястреб.

— Твои сны, — наконец сказала она. — Это все из-за твоих снов, да? Почти каждую ночь ты вскакиваешь с криком. То, что некогда пережила, возвращается в снах. Мне это знакомо.

Цири не ответила.

— Ты никогда не говорила мне о себе, — снова прервала тишину Мистле. — О том, что перенесла. Откуда ты? Есть ли у тебя родные...

Цири резко провела рукой по шее, но теперь это была всего лишь божья коровка.

— У меня были близкие, — сказала она глухо, не глядя на подругу. — То есть я думала, что были... Такие, которые отыскали бы меня даже здесь, на краю света, если б только хотели... Или если б жили. Слушай, что тебе надо, Мистле? Я должна тебе рассказать о себе?

— Не обязательно.

— Это хорошо. Потому что это, наверное, просто забава. Как и все между нами.

— Не понимаю, — Мистле отвернулась, — почему ты не уйдешь, если тебе так плохо со мной.

— Не хочу быть одна.

— И всего-то?

— Это очень много.

Мистле закусила губу. Однако прежде чем успела что-либо сказать, они услышали свист. Обе вскочили, отряхнули иголки, подбежали к лошадям.

— Начинается забава, — сказала Мистле, запрыгивая в седло и вытаскивая меч, — та самая, которую с некоторых пор ты полюбила больше всего на свете, Фалька. Не думай, будто я не заметила.

Цири зло ударила коня пятками. Они сломя голову помчались по склону оврага, уже слыша дикое улюлюканье остальных Крыс, вылетающих из рощицы по другую сторону тракта. Клещи засады захлопывались.

Неофициальная аудиенция подошла к концу. Ваттье де Ридо, виконт Эиддон, шеф военной разведки императора Эмгыра вар Эмрейса, покинул библиотеку, кланяясь королеве Долины Цветов гораздо почтительнее, нежели того требовал придворный этикет. В то же время поклон был очень осторожный, а движения Ваттье отработанны и сдержанны — императорский шпион не спускал глаз с двух оцелотов, растянувшихся у ног владычицы эльфов. Золотоглазые коты казались ленивыми и сонными, но Ваттье-то знал, что это не талисманы, а чуткие стражи, готовые мгновенно превратить в кровавое месиво любого, кто попробует приблизиться к королеве ближе, чем того требует протокол.

Францеска Финдабаир, она же Энид ан Глеанна, Маргаритка из Долин, дождалась, пока за Ваттье затворятся двери, и погладила оцелотов.

— Можно, Ида.

Ида Эмеан аэп Сивней, чародейка эльфов, вольная Aen Seidhe с Синих Гор, скрывавшаяся во время аудиенции под заклинанием невидимости, материализовалась в углу библиотеки, поправила платье и киноварно-рыжие волосы. Оцелоты прореагировали лишь тем, что чуточку шире приоткрыли глаза. Как все коты, они видели невидимое, их невозможно было обмануть таким простым заклинанием.

— Меня уже начинает раздражать этот парад шпионов, — язвительно сказала Францеска, устраиваясь поудобнее на стуле черного дерева. — Хенсельт из Каэдвена недавно прислал «консула». Дийкстра направил в Доль Блатанна «торговую миссию». А теперь сам супершпик Ваттье де Ридо! Ах, а еще раньше тут крутился Стефан Скеллен, Великий Императорский Никто. Но я не дала ему аудиенции. Я — королева, а Скеллен — никто. Хоть и с должностью, а — никто.

— У нас Стефану Скеллену больше повезло, — медленно проговорила Ида Эмеан. — Он беседовал с Филавандрелем и Ванадайном.

— И, как Ваттье меня, выпытывал их о Вильгефорце, Йеннифэр, Риенсе и Кагыре Маур Дыффине, сыне Кеаллаха?

— В частности. Ты удивишься, но его больше интересовала оригинальная версия пророчества Ithlinne Aegli aep Aevenien, особенно фрагменты, говорящие о Aen Hen Ichaer, Старшей Крови. Интересовала его также Tor Lara, Башня Чайки, и легендарный портал, некогда связывавший Башню Чайки с Tor Zireael, Башней Ласточки. Это так типично для людей, Энид. Рассчитывать на то, что сразу, по первому их слову, мы откроем им загадки и тайны, которые сами пытаемся распутать уже не одну сотню лет.

Францеска подняла руку и посмотрела на перстни.

— Любопытно, — сказала она, — знает ли Филиппа о странных интересах Скеллена и Ваттье? И Эмгыра вар Эмрейса, которому оба они служат?

— Рискованно предполагать, будто не знает, — Ида Эмеан быстро взглянула на королеву, — и утаить,

что мы знаем это, от Филиппы и от всей ложи на совещании в Монтекальво. Это могло бы поставить нас в ложное положение... А ведь мы хотим, чтобы ложа возникла. Хотим, чтобы нам, эльфьим чародейкам, верили, не подозревали в двойной игре.

— Дело в том, что мы действительно ведем двойную игру, Ида. И чуточку играем с огнем. С Белым Пламенем Нильфгаарда...

— Огонь опаляет, — Ида Эмеан подняла на королеву удлиненные умелым макияжем глаза, — но и очищает. Сквозь него надо пройти. Необходимо рискнуть, Энид. Ложа должна возникнуть, должна начать действовать. В полном составе. Двенадцать чародеек, среди них та, о которой говорит пророчество. Даже если это игра, мы должны поставить на доверие.

— А если провокация?

— Ты лучше знаешь втянутых в дело лиц.

Энид ан Глеанна задумалась.

— Шеала де Танкарвилль, — сказала она наконец, — это скрытная отшельница, никаких связей. У Трисс Меригольд и Кейры Мец такие связи были, но сейчас обе они эмигрантки, король Фольтест изгнал из Темерии всех чародеев. Маргариту Ло-Антиль интересует только ее школа и ничего кроме. Конечно, в данный момент три последние находятся под сильным влиянием Филиппы, а Филиппа — загадка. Сабрина Глевиссиг не откажется от политического влияния, которое сохраняет в Каэдвене, но ложу не предаст. Ее слишком привлекает власть, которую дает ложа.

— А Ассирэ вар Анагыд? И вторая нильфгаардка, с которой мы познакомимся в Монтекальво?

— О них я знаю мало, — слегка улыбнулась Франческа. — Но как только увижу, буду знать больше. Как только увижу, во что и как они одеты.

Ида Эмеан прищурила подведенные глаза, но задавать вопросы поостереглась.

— Остается нефритовая статуэтка, — проговорила она спустя минуту. — По-прежнему ненадежная и загадочная фигурка из нефрита, упоминание о которой тоже можно выискать в Ithlinnespeath. Пожалуй, пора бы дать ей высказаться. И сообщить, что ее ждет. Помочь тебе с декомпрессией?

— Нет. Я сделаю это сама. Ты же знаешь, как реагируют на распаковку. Чем меньше свидетелей, тем легче она переживет удар, нанесенный ее гордости.

Франческа Финдабаир еще раз проверила, весь ли дворик плотно изолирован от остальной части дворца охранным полем, перекрывающим изображение и заглушающим звуки. Зажгла три черные свечи в подсвечниках с вогнутыми зеркальными отражателями. Подсвечники стояли на символах Беллетэйна, Ламмаса и Йуле в местах, обозначенных кольцевой мозаикой пола, изображающей восемь знаков Викки, эльфьего зодиака. Внутри зодиакального кольца располагался мозаичный же круг поменьше, усеянный магическими символами и охватывающий пентаграмму. На трех символах меньшего круга Франческа поставила небольшие металлические треножники, а на них осторожно и тщательно разместила три кристалла. Нижние шлифованные грани кристаллов повторяли форму верхних плоскостей треножников, что само по себе обеспечивало чрезвычайно точную их установку. Тем не менее Франческа все же несколько раз проверила правильность сопряжения. Ошибки допустить было нельзя. Слишком велик риск.

Неподалеку шумел фонтан, вода изливалась из мраморного кувшина, который держала мраморная наяда, и четырьмя каскадами спадала в бассейн, шевеля листья кувшинок, между которыми шныряли золотые рыбки.

Франческа отворила шкатулку, вынула маленькую нефритовую, мыльную на ощупь фигурку, установила ее строго по центру пентаграммы. Отступила, еще раз взглянула на лежащий на столе листок с непонятной обычному эльфу тарабарщиной, глубоко вздохнула, подняла руки и произнесла заклинание.

Свечи мгновенно вспыхнули ярче, фасетки кристаллов разгорелись и начали лучиться струями света. Струи ударили в фигурку, которая тут же изменила цвет — из зеленоватой стала золотой, а через мгновение — прозрачной. Воздух задрожал от магической энергии, бьющей в защитные экраны. Одна из свечей прыснула искрами, по полу заплясали тени, мозаика ожила, изменяя рисунки. Франческа не опускала рук, не прекращала инкантации.

Фигурка очень быстро вырастала, увеличивалась, пульсируя и оживая, изменяла структуру и форму, словно ползающий по полу клуб дыма. Свет, вырывающийся из кристаллов, прошивал этот дым насквозь, в лентах блеска появилось движение и затвердевающая материя. Еще мгновение, и в центре магических кругов возникла

человеческая фигура. Фигура черноволосой женщины, бессильно лежащей на полу.

Свечи расцвели лепестками дыма, кристаллы помутнели. Франческа опустила руки, расслабила пальцы и смахнула пот со лба.

Черноволосая женщина на мозаичном паркете свернулась в клубок и начала кричать.

— Как тебя зовут? — звучно спросила Франческа.

Женщина напряглась, прижимая обе руки к низу живота.

— Как тебя зовут?

— Йе... Йенни... Йеннифэр!!! Аааааа...

Эльфка облегченно вздохнула. Женщина продолжала извиваться, выть, колотить кулаками по полу. Казалось, ее вот-вот вырвет. Франческа ждала терпеливо. И спокойно. Женщина, еще минуту назад бывшая нефритовой статуэткой, мучилась и страдала, это было видно. И нормально. Но мозг у нее поврежден не был.

— Ну, Йеннифэр, — после долгого молчания прервала Франческа стоны чародейки. — Может, хватит, а?

Йеннифэр с видимым трудом поднялась на четвереньки, вытерла нос предплечьем, глянула дурными глазами. Ее взгляд скользнул по Франческе так, словно эльфки вообще не было во дворике, остановился и ожил лишь при виде исходящего водой фонтана. Йеннифэр с огромным трудом подползла к нему, перевалилась через облицовку и с плеском шлепнулась в бассейн. Захлебнулась, принялась кашлять и фыркать, плеваться и наконец, разгребая водяные лилии, добралась на чет-

вереньках до мраморной наяды и села, прислонившись спиной к цоколю статуи. Вода стекала у нее по груди.

— Франческа, — с трудом проговорила она, тронув обсидиановую звезду на шее и взглянув на эльфку уже более осмысленно. — Ты...

— Я. Что ты помнишь?

— Ты меня упаковала... Дьявольщина, ты меня упаковала?

— Упаковала и распаковала. Что ты помнишь?

— Гарштанг... Эльфы. Цири. Ты. И три с лишним тысячи пудов, неожиданно свалившихся мне на голову... Теперь уже знаю, что это было. Артефактная компрессия...

— Так. Память работает. Хорошо.

Йеннифэр опустила голову, глянула себе между ляжек, туда, где шмыгали золотые рыбки.

— Прикажи потом сменить воду в бассейне, Энид, — пробормотала она. — Я только что... упустила...

— Чепуха, — усмехнулась Франческа. — Посмотри, нет ли в воде крови. Случается, компрессия разрушает почки.

— Только почки? — Йеннифэр осторожно вздохнула. — Во мне, кажется, нет ни одного здорового органа... Во всяком случае, так я себя чувствую. Дьявольщина, Энид, не понимаю, чем я заслужила такое угощение...

— Выйди из бассейна.

— Нет. Мне здесь хорошо.

— Знаю. Дегидратация.

— Деградация! Дегренгхолада! Моральное падение! Зачем ты со мной так поступила?

— Вылезай, Йеннфэр!

Чародейка с трудом встала, обеими руками ухватилась за мраморную наяду. Стряхнула с себя кувшинки, рывком разорвала и скинула истекающее водой платье. Встала нагая перед фонтаном, под струями. Ополоснувшись и напившись, вышла из бассейна, присела на облицовке, отжала волосы, осмотрелась.

— Где я?

— В Доль Блатанна.

Йеннифэр вытерла нос.

— Драка на Танедде еще продолжается?

— Нет. Кончилась. Полтора месяца назад.

— Похоже, я здорово тебе насолила, — помолчав, сказала Йеннифэр. — Здорово прищемила нос, Энид. Но можешь считать, что мы квиты. Отомстила ты достойно, хоть, пожалуй, слишком уж садистски. Не могла просто перерезать мне горло?

— Не говори глупостей, — поморщилась эльфка. — Я упаковала тебя и вынесла из Гарштанга, чтобы спасти твою жизнь. Мы еще вернемся к этому чуть позже. Вот полотенце. Возьми. Вот простыня. Новое платье получишь после купания в соответствующем месте в ванне с теплой водой. Ты уже достаточно навредила золотым рыбкам.

Ида Эмеан и Францеска пили вино. Йеннифэр — глюкозу и морковный сок. В огромных количествах.

— Подобьем баланс, — сказала она, выслушав сообщение Францески. — Нильфгаард захватил Лирию, на пару с Каэдвеном разделил Аэдирн, спалил Венгерберг, подчинил себе Вердэн, сейчас заглатывает Бругге и Содден. Вильгефорц бесследно исчез. Тиссая де Врие покончила с собой. А ты стала королевой Долины Цветов, император Эмгыр короной и скипетром отблагодарил тебя за мою Цири, которую так долго разыскивал и которую теперь заполучил и использует как хочет. Меня ты упаковала и полтора месяца держала в коробке в виде нефритовой статуэтки. И, вероятно, ожидаешь, что я тебя за это поблагодарю.

— Не помешало бы, — холодно ответила Францеска Финдабаир. — На Танедде был некий Риенс, который долгом чести почитал медленно и жестоко прикончить тебя, а Вильгефорц обещал ему в этом помочь. Риенс бегал за тобой по всему Гарштангу. Но не нашел, потому что ты уже была нефритовой фигуркой у меня за декольте.

— И была ею сорок семь дней. Правда, не за декольте.

— Да. Я же, когда меня спрашивали, могла со спокойной совестью отвечать, что Йеннифэр из Венгерберга нет в Доль Блатанна. Ведь спрашивали о Йеннифэр, а не о статуэтке.

— Что же изменилось, если ты наконец решилась меня распаковать?

— Многое. Сейчас поясню.

— Сначала поясни кое-что другое. На Танедде был Геральт. Ведьмак. Помнишь, я представила его тебе в Аретузе? Что с ним?

— Успокойся. Он жив.

— Я спокойна. Говори, Энид.

— Твой ведьмак, — сказала Франческа, — за один час наделал больше, чем кто-нибудь другой за всю свою жизнь. Не рассусоливая: сломал ногу Дийкстре, снес голову Артауду Терранове и зверски изрубил около десятка скоя'таэлей. Ах, чуть не забыла: он еще разбередил нездоровое вожделение Кейры Мец.

— Это ужасно, — поморщилась Йеннифэр. — Надеюсь, Кейра уже пришла в себя? К нему претензий нет? Убеждена, что если, нездорово разбередив ее вожделение, он незамедлительно же ее не оттрахал, то виновата не нехватка уважения, а банальный недостаток времени. Заверь ее от моего имени.

— Тебе самой представится случай это сделать, — холодно бросила Маргаритка из Долин. — Причем в самое ближайшее время. Однако обратимся к темам, которые, как ты бездарно пытаешься показать, тебе безразличны. Твой ведьмак с такой энергией бросился выгораживать Цири, что поступил весьма и весьма опрометчиво — накинулся на Вильгефорца, и Вильгефорц изуродовал его. В том, что, изуродовав, незамедлительно не убил, виновата не нехватка старательности, а банальный недостаток времени. И что, ты по-прежнему станешь прикидываться, будто тебя это не колышет?

— Нет. — Издевательская гримаса сошла с лица Йеннифэр. — Нет, Энид. Меня это колышет. И сильно. Я бы даже сказала — волнует. И в самое ближайшее время некоторые особы лично познакомятся с моим волнением. Даю тебе слово!

Франческа не восприняла угрозу, как раньше не восприняла насмешку.

— Трисс Меригольд телепортировала изувеченного ведьмака в Брокилон, — сказала она. — Насколько я знаю, дриады продолжают его лечить. Кажется, ему уже лучше, но полезнее б ему было не высовывать оттуда носа. Его разыскивают агенты Дийкстры и разведки всех королевств. Кстати, тебя тоже.

— Я-то чем заслужила такую честь? Ведь я Дийкстре ничего плохого не сделала... Ах, не говори, сама догадаюсь. Исчезла с Танедда без следа. Никто не догадывается, что я, редуцированная и упакованная, оказалась у тебя за декольте. Все уверены, что я сбежала в Нильфгаард вместе с участниками заговора. Все, кроме действительных заговорщиков, разумеется, но эти никого не выведут из заблуждения. Как ни говори, продолжается война, дезинформация — оружие, острие которого всегда должно быть хорошо отточено и направлено в нужную сторону. А теперь, спустя сорок семь дней, пришло время оружие использовать. Мой дом в Венгерберге сожжен, меня разыскивают. Мне не остается ничего иного, кроме как присоединиться к командам скоя'таэлей. Либо другим образом включиться в борьбу эльфов за свободу.

Йеннифэр отхлебнула морковного сока и уставилась в глаза по-прежнему спокойной и молчаливой Иды Эмеан аэп Сивней.

— Ну что, госпожа Ида? Госпожа вольная Aen Seidhe с Синих Гор. Я точно угадала писанную мне судьбу? Почему вы молчите, словно камень?

— Я, госпожа Йеннифэр, — ответила рыжеволосая эльфка, — молчу, когда не могу сказать ничего толкового. Это значительно лучше, чем заниматься не-

обоснованными предположениями и прикрывать беспокойство болтовней. Переходи к делу, Энид. Объясни госпоже Йеннифэр, что к чему.

— Я вся — внимание. — Йеннифэр коснулась пальцами обсидиановой звезды на бархотке. — Говори, Францеска.

Маргаритка из Долин положила подбородок на сплетенные пальцы.

— Сегодня, — сказала она, — вторая ночь после полнолуния. Еще немного, и мы телепортируемся в замок Монтекальво, владение Филиппы Эйльхарт. Примем участие в собрании организации, которая должна тебя заинтересовать. Ведь ты всегда считала, что магия — величайшая ценность, стоящая над всяческими раздорами, спорами, политическими разногласиями, личными интересами, антипатиями, недовольством и неприязнью. Тебя, я думаю, обрадует известие, что недавно сложился «костяк» организации, что-то вроде тайной ложи, создаваемой исключительно ради защиты магии. Цель ложи — следить за тем, чтобы магия занимала в иерархии всяческих проблем надлежащее ей место. Воспользовавшись правом рекомендовать новых членов упомянутой ложи, я решила предложить две кандидатуры: Иду Эмеан аэп Сивней и тебя.

— Ах, какие неожиданные честь и доверие, — съязвила Йеннифэр. — Из магического небытия за декольте прямиком в тайную элитную и всемогущественную ложу. Стоящую выше личных интересов и вражды. Только вот гожусь ли я? Найду ли в себе достаточно силы характера, чтобы отказаться от неприязни к тем

особам, которые отняли у меня Цири, изуродовали небезразличного мне мужчину, а самое меня...

— Уверена, Йеннифэр, — прервала эльфка, — что ты найдешь в себе сил характера. Я знаю тебя и убеждена, что у тебя достаточно таких сил. У тебя также хватит амбиций, чтобы развеять сомнения относительно нежданной чести и доверия. Однако, если ты того желаешь, скажу прямо: я рекомендую тебя ложе, потому что считаю личностью, которая того заслуживает и может с большой пользой послужить нашему делу.

— Благодарю. — Насмешливая улыбка и не думала сходить с губ чародейки. — Благодарю, Энид. Я прямо-таки физически ощущаю, как меня распирают гордость, спесь и самообожание. Я могу лопнуть в любой момент. И даже раньше, чем подумаю, почему вместо меня ты не рекомендуешь в вашу ложу еще одного эльфа из Доль Блатанна либо эльфку с Синих Гор?

— В Монтекальво, — холодно ответила Францеска, — узнаешь, почему.

— Хотелось бы сейчас.

— Скажи ей, — проворчала Ида Эмеан.

— Дело в Цири, — сказала после краткого раздумья Францеска, подняв на Йеннифэр непроницаемые глаза. — Ложа интересуется ею, а никто не знает девочку лучше тебя. Остальное узнаешь на месте.

— Хорошо. — Йеннифэр энергично потерлась лопаткой о спинку стула. Высушенная компрессией кожа все еще немилосердно зудела. — Скажи только, кто еще входит в состав вашей ложи? Кроме вас двоих и Филиппы.

— Маргарита Ло-Антиль, Трисс Меригольд и Кейра Мец, Шеала де Танкарвилль из Ковира. Сабрина Глевиссиг. И две чародейки из Нильфгаарда.

— Интернациональная бабская республика?

— Можно сказать и так.

— Они, конечно, по-прежнему считают меня сообщницей Вильгефорца. И тем не менее одобрят мою кандидатуру?

— Они одобрят мой выбор. Об остальном позаботишься сама. Тебя попросят рассказать о связях с Цири. С самого начала. С первых дней, имевших место не без участия твоего ведьмака пятнадцать лет назад в Цинтре, и до событий полуторамесячной давности. Откровенность и правдивость будут абсолютно необходимы. И подтвердят твою лояльность конвенту.

— Кто сказал, будто мне есть что подтверждать? Не рановато ли говорить о лояльности? Я не знаю ни статуса, ни программы вашего бабьего интернационала...

— Йеннифэр, — эльфка слегка свела к переносице свои идеально правильные брови, — я рекомендую тебя ложе. Но принуждать к чему-либо не намерена. И уж тем более к лояльности. У тебя есть выбор.

— Догадываюсь, какой.

— Правильно догадываешься. Но это по-прежнему выбор свободный. Однако, со своей стороны, я искренне рекомендую выбрать ложу. Поверь, так ты поможешь своей Цири гораздо эффективнее, нежели кидаясь вслепую в водоворот событий, на что, как мне думается, тебя так и тянет. Цири угрожает смерть. Спасти ее могут только наши совместные действия. Вы-

слушав то, что будет сказано в Монтекальво, ты убедишься в моей правоте... Йеннифэр, мне не нравятся вспышки, которые я вижу в твоих глазах. Дай мне слово, что не попытаешься сбежать.

— Нет, — покачала головой Йеннифэр, прикрывая рукой звезду на бархотке. — Нет, Францеска, не дам.

— Хочу предупредить, дорогая: все стационарные порталы Монтекальво имеют искривляющую блокаду. Любой, пожелавший без разрешения Филиппы войти туда или выйти оттуда, окажется в камере, стены которой выложены двимеритом. Собственный телепорт ты открыть не сможешь, не располагая компонентами. Твою звезду я отбирать не хочу, потому что ты должна полностью сохранить способность мыслить здраво и логично. Но если попытаешься устроить какие-нибудь фокусы... Йеннифэр, я не могу этого позволить... Ложа не может допустить, чтобы ты очертя голову в одиночку бросилась спасать Цири и искать способы отомстить. Я редуцирую тебя и снова упакую в нефритовую статуэтку. Если потребуется — на несколько месяцев. Или лет.

— Благодарю за предупреждение. Но слова все равно не дам.

Фрингилья Виго старалась казаться спокойной, но в действительности была очень напряжена и сильно нервничала. Она сама неоднократно журила начинающих нильфгаардских магиков за некритичное следование стереотипным мнениям и представлениям, сама постоянно высмеивала тривиальный, созданный сплетнями, слухами

и пропагандой образ типичной чародейки с Севера — искусственно прекрасной, грубой, праздной и порочной до пределов извращенности, а зачастую и за пределами. Однако сейчас, по мере того как многочисленные пересадки в телепортах приближали ее к замку Монтекальво, ее все сильнее охватывали сомнения: что же она в действительности застанет на сборище таинственной ложи? И что ее там ждет? Разыгравшееся воображение рисовало картинки убийственно красивых женщин с бриллиантовыми колье на лебяжьих шеях и обнаженными грудями с карминными сосками, женщин с влажными губами и блестящими от алкоголя и наркотиков глазами. Внутренним взором Фрингилья уже видела, как заседания тайного конвента переходят в дикую и разнузданную оргию с бешеной музыкой, афродизиями, невольниками обоих полов и изощренными аксессуарами.

Последний телепорт бросил ее между двух колонн из черного мрамора. Во рту у нее пересохло, магический ветер выжимал слезы. Рука лихорадочно стискивала изумрудное ожерелье, закрывающее каре декольте. Рядом материализовалась Ассирэ вар Анагыд, также заметно нервничающая. Правда, у Фрингильи были основания предполагать, что подругу смущает новая и нетипичная для нее одежда: неброское, но очень элегантное платье цвета гиацинта, дополненное маленьким скромным колье из александритов.

Возбуждение мгновенно развеялось. В огромном, светлом от магических лампионов зале было прохладно и тихо. Нигде ни обнаженного негра, шпарящего в барабан, ни отплясывающих на столах девиц с цехинами

на вздувшихся лонах. Не чувствовался запах гашиша и кантарид. Нильфгаардских чародеек встретила Филиппа Эйльхарт, владелица замка, стройная, серьезная, предупредительная и деловитая. Другие чародейки подошли и представились. Фрингилья облегченно вздохнула. Магички с Севера были красивы, ярки и блистали драгоценностями, но в подчеркнутых тонирующим макияжем глазах не чувствовалось ни одурманивающих средств, ни нимфомании. Ни у одной не были открыты груди. Совсем наоборот. Две из них были в платьях, очень скромно застегнутых под горлышко, — суровая, одетая в черное Шеала де Танкарвилль и молоденькая Трисс Меригольд с голубыми глазами и изумительно красивыми каштаново-рыжими волосами. У темноволосой Сабрины Глевиссиг и блондинок Маргариты Ло-Антиль и Кейры Мец были декольте, но совсем немногим более глубокие, нежели у Фрингильи.

Ожидание других участниц конвента заполнила приятная беседа, во время которой все имели случай рассказать кое-что о себе, а тактичные замечания и утверждения Филиппы Эйльхарт быстро и умело крушили лед, хотя единственным льдом в пределах досягаемости был лед в буфете, где вздымалась горка устриц. Другого льда не чувствовалось. У исследовательницы Шеалы де Танкарвилль незамедлительно отыскалось множество общих тем с исследовательницей Ассирэ вар Анагыд, Фрингилья же быстро почувствовала расположение к веселой Трисс Меригольд. Беседа сопровождалась поглощением устриц. По-настоящему же ела лишь Сабрина Глевиссиг, достойная дщерь каэдвенских лесов, которая позволила

себе высказать пренебрежительное мнение касательно «склизкой мерзости» и желание отведать кусочек холодной косулины с черносливом. Филиппа Эйльхарт вместо того, чтобы ответить холодным высокомерием, дернула шнурок звонка, и через минуту незаметные и бесшумные слуги внесли мясо. Изумление Фрингильи было неописуемо. «Ну что ж, — подумала она, — что город, то норов, что деревня, то обычай».

Телепорт между колоннами черного мрамора разгорелся и глухо завибрировал. На лице Сабрины Глевиссиг появилось безмерное удивление. Кейра Мец упустила на лед устрицу и нож. Трисс сдержала вздох.

Из портала вышли три чародейки. Три эльфки. Одна — с волосами цвета темного золота, вторая — карминово-рыжая, третья — с волосами цвета воронова крыла.

— Приветствую тебя, Францеска, — сказала Филиппа. В ее голосе не было того возбуждения, которое выражали глаза. Однако она тут же прищурилась. — Приветствую тебя, Йеннифэр.

— Я получила право на два кресла, — мелодично сказала названная Францеской темноволосая эльфка, несомненно, заметившая изумление Филиппы. — Вот мои кандидатки. Всем знакомая Йеннифэр из Венгерберга. И госпожа Ida Emean aep Sivney, Aen Saevherne с Синих Гор.

Ида Эмеан слегка наклонила рыжую голову, зашуршала воздушным нарциссово-желтым платьем.

— Думаю, — осмотрелась Францеска, — мы уже все в сборе?

— Недостает только Вильгефорца, — тихо, но с явной злобой прошипела Сабрина Глевиссиг, косо поглядывая на Йеннифэр.

— И спрятанных в подземелье скоя'таэлей, — буркнула Кейра Мец. Трисс остудила ее взглядом.

Филиппа покончила с представлением дам. Фрингилья с интересом рассматривала Францеску Финдабаир, Энид ан Глеанна, Маргаритку из Долин, знаменитую королеву Доль Блатанна, владычицу эльфов, недавно обретших свою страну. Слухи о красоте Францески, отметила Фрингилья, не были преувеличены.

Рыжеволосая и большеглазая Ида Эмеан вызвала явный интерес у всех, не исключая обеих магичек из Нильфгаарда. Вольные эльфы с Синих Гор не поддерживали контактов не только с самими людьми, но даже с живущими рядом с ними соплеменниками. А немногочисленные среди вольных эльфов Aen Saevherne, Ведуньи, были почти легендарной загадкой. Мало кто даже среди эльфов мог похвалиться близким знакомством с Ведуньями. Ида выделялась в группе не только цветом волос. В ее украшениях не было ни унции золота, ни карата камней — только жемчуг, кораллы и янтарь.

Однако самые явные эмоции вызывала третья из вновь прибывших чародеек, Йеннифэр, черноволосая, одетая в черное с белым и, вопреки первому впечатлению, не эльфка. Ее появление в Монтекальво оказалось большой и не для всех приятной неожиданностью. Фрингилья чувствовала исходящую от некоторых магичек антипатию и даже враждебность.

Когда ей представляли нильфгаардских чародеек, Йеннифэр задержала на Фрингилье фиолетовые глаза,

глаза утомленные и обведенные кругами. Даже макияж не в силах был этого скрыть.

— Мы встречались, — бросила она, касаясь приколотой к бархотке обсидиановой звезды.

В зале вдруг повисла напряженная тишина.

— Мы уже виделись, — повторила Йеннифэр.

— Не припоминаю, — сказала Фрингилья, выдерживая ее взгляд.

— Неудивительно. Но у меня прекрасная память на лица и фигуры. Я видела тебя на Содденском Холме.

— Значит, ошибки быть не может. — Фрингилья Виго гордо подняла голову, повела по собравшимся взглядом. — Я была у Содденского Холма.

Филиппа Эйльхарт опередила ответ Йеннифэр.

— Я тоже там была. Тоже многое помню. Однако, мне кажется, чрезмерное напряжение памяти и выискивание ненужных подробностей не принесет пользы здесь, в этом зале. Нам сейчас гораздо больше помогла бы забывчивость, прощение и объединение. Нам и тому, что мы собираемся предпринять. Ты согласна со мной, Йеннифэр?

Черноволосая чародейка откинула со лба крутые локоны.

— Когда я наконец узнаю, что именно вы намерены предпринять, — ответила она, — тогда и скажу, с чем согласна, а с чем — нет.

— В таком случае полезнее начать незамедлительно. Прошу вас, дамы, занять свои места.

Места за круглым столом — все, кроме одного, — были помечены. Фрингилья сидела рядом с Ассирэ вар

Анагыд, справа от нее расположился свободный стул, отделяющий ее от Шеалы де Танкарвилль, дальше сидели Сабрина Глевиссиг и Кейра Мец. Слева от Ассирэ — Ида Эмеан, Францеска Финдабаир и Йеннифэр. Точно напротив Ассирэ уселась Филиппа Эйльхарт, справа от которой поместилась Маргарита Ло-Антиль, а слева — Трисс Меригольд.

У всех стульев подлокотники были выполнены в виде сфинксов.

Начала Филиппа. Повторив приветствие, она сразу же перешла к делу. Фрингилья, которую Ассирэ детально ознакомила с предыдущим собранием, из вступительного слова не узнала ничего нового. Не удивили ее ни заявления всех чародеек о присоединении к конвенту, ни первые слова, касающиеся войны, которую империя вела с нордлингами, в особенности же недавно начатой операции в Соддене и Бругге, в ходе которой императорские войска вступили в вооруженный конфликт с армией Темерии. Несмотря на объявленную аполитичность конвента, чародейки не скрывали своих воззрений. Некоторых явно беспокоило присутствие Нильфгаарда у ворот их государств. Фрингилью обуревали смешанные чувства. Ей казалось, что столь образованное общество должно понимать, что Империя несет на Север культуру, благосостояние, порядок и политическую стабильность. С другой же стороны, она не знала, как стала бы реагировать сама, если б не к их, а к ее дому подходили вражеские армии.

Однако Филиппа Эйльхарт считала, что следует прекратить дискуссии на военные темы.

— Результатов войны никто предвидеть не может, — сказала она. — Более того, такая попытка лишена смысла. Давайте взглянем наконец на эти проблемы трезво. Во-первых, война не столь уж большое зло. Гораздо опаснее, на мой взгляд, перенаселение, которое при теперешнем уровне сельского хозяйства и промышленности означало бы безусловную победу голода. Во-вторых, война — это продолжение политики владык. А сколько из ныне правящих будут жить через сто лет? Ни один, это очевидно. Сколько династий выдержат? Предвидеть невозможно. Сегодняшние территориальные и династические споры, сегодняшние амбиции и сегодняшние надежды через сто лет будут прахом и пылью, покрывающими хроники. И если мы себя не защитим, если позволим втянуть себя в войну, то и от нас останутся те же прах и пыль. Если же мы взглянем несколько шире, по-над королевскими и императорскими штандартами, если перестанем откликаться на боевые и патриотические вопли, то мы выдюжим и выживем. А выжить мы обязаны. Обязаны, ибо на нас лежит бремя ответственности. Нет, не перед королями с их местническими интересами, ограничивающимися одним-единственным — своим — королевством. Мы ответственны за мир. За прогресс. За изменения, которые этот прогресс несет. Мы ответственны за будущее. Ибо если не мы, то кто?

— Тиссая де Врие выразила бы это иначе, — сказала Францеска Финдабаир. — Ее всегда волновала ответственность перед обычными, простыми обитателями. Не в будущем, но здесь и сейчас.

— Тиссая де Врие умерла. Будь она жива, она была бы с нами.

— Наверняка, — улыбнулась Маргаритка из Долин. — Но не думаю, чтобы она согласилась с теорией о войне как лекарстве против голода и, простите за неологизм, «перелюднения». Обратите внимание на последнее слово, уважаемые дамы. Мы общаемся, используя всеобщий язык, имеющий целью облегчить взаимопонимание. Но для меня это язык чужой. Все более чужой. На языке же моей матери нет слова «перелюднение», а слово «переэльфинье» было бы совсем уж двойным неологизмом, ибо такового нет ни в человеческом, ни в эльфьем языке. Незабвенная Тиссая де Врие беспокоилась о судьбах обычных людей, которых ты тактично назвала просто «обитателями». Мне же не менее важна судьба обычных эльфов. Я б охотно аплодировала идее уйти мыслью в будущее и рассматривать сегодняшний день как эфемериду. Но с огорчением вынуждена отметить, что сегодняшний день обусловливает день завтрашний, а без завтра не будет будущего. Вам, людям, возможно, кажутся смешными рыдания над кустом сирени, сгоревшей в военной разрухе. Ведь в конце концов в сирени нет недостатка, не этот куст, так другой. Не будет сирени, будет акация. Простите ботанический уклон моих метафор. Но соблаговолите понять: то, что для вас, людей, — вопрос политики, то для нас, эльфов, — проблема выживания.

— Политика меня не интересует, — громко заявила Маргарита Ло-Антиль, ректор академии магики. — Я просто не желаю, чтобы девушек, воспитанию кото-

рых я себя посвятила, использовали в качестве кондотьерок, забивая им головы лозунгами о любви к родине. Родина этих девушек — магия, этому я их учу. Если моих девочек вовлекут в войну, поставят на новом Содденском Холме, то они проиграют независимо от результатов драки на поле боя. Я понимаю твои опасения, Энид, но мы должны заниматься будущим магии, а не расовыми проблемами.

— Мы должны заниматься будущим магии, — повторила Сабрина Глевиссиг. — Но будущее магии обусловливает статус чародеев. Наш статус. Наше значение. Роль, которую мы играем в обществе. Доверие, уважение и достоверность, повсеместная вера в нашу полезность, в то, что магия необходима. Стоящая перед нами дилемма представляется детски простой: либо утрата статуса и изоляция в башнях из слоновой кости, либо служение. Служение даже на Содденских Холмах, даже как кондотьерки...

— Или как прислужницы и девки на побегушках? — Трисс Меригольд откинула с плеча свои роскошные волосы. — С согнутыми шеями, готовые к услугам при первом же движении императорского пальца? Ибо такую роль выделит нам Pax Nilfgaardiana*, если воцарится повсюду.

— Если воцарится, — с нажимом сказала Филиппа. — Для нас нет никаких дилемм. Мы должны служить. Но магии. Не королям и императорам, не их сегодняшней политике. Не проблемам расовой интегра-

* Нильфгаардская империя *(лат.)*.

ции, ибо она тоже подчиняется сиюминутным политическим целям. Наш конвент, дорогие дамы, не для того созван, чтобы приспосабливаться к теперешней политике и ежедневным изменениям линии фронта. Не для того, чтобы лихорадочно искать решений, адекватных данной ситуации, словно хамелеоны изменяя цвет. Роль нашей ложи, нашей лиги, нашего конвента должна быть активной. И совершенно обратной сказанному. Реализуемой всеми доступными нам способами.

— Если я верно поняла, — подняла голову Шеала де Танкарвилль, — ты уговариваешь нас активно влиять на ход событий. Всеми способами. В том числе и противозаконными?

— О каких законах ты говоришь? О законах для малых мира сего? О внесенных в кодексы, которые мы сами разработали и продиктовали королевским юристам? Нас обязывает только один закон. Наш!

— Понимаю, — улыбнулась чародейка из Ковира. — Итак, мы активно начнем влиять на ход событий. Если политика владык нам не понравится, мы ее самым элементарным образом изменим. Так, Филиппа? А может, лучше сразу свергнуть коронованных дурней, сместить с тронов и изгнать? Может, сразу взять власть в свои руки?

— Мы уже сажали на троны удобных нам владык. Наша ошибка состояла в том, что мы ни разу не возвели на престол магию. Ни разу не дали магии абсолютной власти. Пора исправлять ошибку.

— Ты, конечно, имеешь в виду себя? — Сабрина Глевиссиг перегнулась через стол. — И конечно, на

12 Зак. № 548

троне Редании? Ее величество Филиппа Первая? С Дийкстрой в качестве принца-консорта?

— Я не имею в виду себя. Я не имею в виду королевство Редании. Я имею в виду великое Королевство Севера, в которое, расширившись, превратится нынешнее королевство Ковир. Я имею в виду Империю, сила которой будет равна силе Нильфгаарда, благодаря чему неустойчивые сейчас плечи весов мира наконец перестанут раскачиваться. Империю, управляемую магией, которую мы возведем на трон, поженив наследника ковирского престола на чародейке. Да, именно это, вы правильно меня поняли, дорогие единомышленницы. И не случайно всех так заинтересовал пустующий сегодня стул. Именно на этот стул мы посадим двенадцатую чародейку ложи. А потом возведем ее на престол.

Воцарившееся молчание прервала Шеала де Танкарвилль.

— Прожект действительно дерзкий, — проговорила она чуть-чуть насмешливо. — Действительно достойный всех здесь сидящих. Полностью оправдывающий создание такого конвента, как наш. Разумеется, нам не к лицу задачи менее почетные, даже если они балансируют на грани реальности и выполнимости. Это все равно что вколачивать гвозди астролябией. Нет-нет, лучше уж сразу ставить перед собой задачи явно невыполнимые.

— Почему невыполнимые?

— Помилуй, Филиппа, — сказала Сабрина Глевиссиг. — Ни один король никогда не возьмет в жены чародейку, ни одно общество не примет чародейки на троне. Помехой тому извечный обычай. Возможно, обычай неумный, но он существует.

— Существуют также, — добавила Маргарита Ло-Антиль, — помехи, я бы сказала, технического характера. Особа, которую можно было бы сочетать с ковирским двором, должна соответствовать ряду условий как в наших глазах, так и в глазах ковирского двора. Эти условия, совершенно очевидно, противоречат друг другу. Ты этого не видишь, Филиппа? Для нас это должна быть особа, обученная магии, целиком и полностью преданная делу магии, понимающая свою роль и способная играть ее умело, незаметно, не вызывая подозрений. Без дирижеров и суфлеров, без каких-либо прячущихся в тени серых кардиналов, на которых всегда, при первом же перевороте, обращается гнев мятежников. В то же время это должна быть личность, которую Ковир возведет на трон сам, без видимого нажима с нашей стороны.

— Это очевидно.

— И как ты думаешь, кого изберет не «нажимаемый» нами Ковир? Девушку из королевского рода, в жилах которой из поколения в поколение течет королевская кровь. Девушку молоденькую, соответствующую юному принцу. Девушку, которая сможет рожать, ибо речь идет о династии. Установленная на такой высоте планка исключает тебя, Филиппа, исключает меня, исключает даже Кейру и Трисс, самых младших среди нас. Исключает также всех выпускниц моей школы, которые, кстати, и нам мало интересны, ведь это бутоны, цвет лепестков которых пока еще загадка. Невозможно представить себе, чтобы одна из них села на пустое, двенадцатое, место за этим столом. Иными словами, даже если весь Ковир спятит и согласится одоб-

рить супружество принца с чародейкой, у нас такой чародейки нет. Так кто же станет Королевой Севера?

— Девушка из королевского рода, — спокойно ответила Филиппа. — В жилах которой течет королевская кровь, кровь нескольких великих династий. Молоденькая и способная рожать. Девушка с небывалыми магическими и провидческими способностями, носительница Старшей Крови, предсказанная прорицаниями. Девушка, которая напеваючи будет играть свою роль без дирижеров, хореографов, суфлеров, пособников и серых кардиналов, даже если они будут коричневыми. Ибо такова воля Предназначения. Девушка, фактические способности которой известны и будут известны только нам. Цирилла, дочь Паветты из Цинтры, внучка Львицы Калантэ. Старшая Кровь. Леденящее Пламя Севера. Разрушительница и Обновительница, приход которой напророчен уже сотни лет назад. Цири из Цинтры, Королева Севера. И ее кровь, из которой восстанет Королева Мира.

Увидев вырывающихся из засады Крыс, двое сопровождающих карету верховых тут же развернулись и кинулись в стороны. Шансов у них не было. Гиселер с Реефом и Искрой отрезали им путь и после короткой схватки зарубили. На двух оставшихся, готовых отчаянно защищать карету, запряженную четверкой серых в яблоках лошадей, вылетели Кайлей, Ассе и Мистле. Цири почувствовала разочарование и непреодолимую злость. Ей не оставили никого. Похоже, ей некого будет убить.

Но был еще один всадник, едущий перед каретой в качестве гонца, легковооруженный, на быстром коне. Он мог бы убежать, но не убежал. Развернулся, закрутил мечом и помчался прямо на Цири.

Она подпустила его, даже немного сдержала коня. Когда он ударил, она приподнялась на стременах, свесилась с седла, ловко избежав клинка, тут же вынырнула, резко оттолкнувшись от стремян. Наездник был ловок и скор, сумел ударить снова. На этот раз она парировала удар наискось, а когда его меч соскользнул, рубанула наездника снизу, коротко, по кисти руки, проделав финт, нацелилась мечом в лицо, и когда он машинально заслонился левой рукой, ловко развернула меч и хлестнула его под мышку ударом, которому часами училась в Каэр Морхене. Нильфгаардец сполз с седла, упал, поднялся на колени, дико завыл, резкими движениями пытаясь сдержать рвущуюся из разрубленных артерий кровь. Цири несколько мгновений присматривалась у нему, как всегда, очарованная видом человека, изо всех сил борющегося со смертью. Дождалась, пока он истечет кровью. Потом отъехала, не оглядываясь.

Все кончилось. Эскорт перебит до последнего человека. Ассе и Рееф остановили карету, уцепившись за узды первой пары цуговых лошадей. Форейтор, молоденький паренек в цветастой ливрее, которого сбросили с правой цуговой, ползал на коленях, плакал и умолял о милосердии. Кучер бросил вожжи и вторил ему, складывая руки как для молитвы. Гиселер, Искра и Мистле галопом подскочили к карете. Кайлей спрыгнул с лошади и дернул дверцу. Цири подъехала ближе, слезла, все еще держа в руке покрытый кровью меч.

В карете сидела толстая матрона в роброне и чепце, обнимающая молоденькую и ужасно бледную девушку в черном, застегнутом под шею платьице с гипюровым воротничком. К платьицу, как заметила Цири, была приколота гемма. Очень красивая.

— Ну, лошадки! — крикнула Искра, рассматривая упряжку. — Хороши — в яблоках! Картинка, да и только! Заработаем на них по нескольку флоренов!

— А каретку, — Кайлей улыбнулся женщине и девочке, — оттащут в городок кучер и форейтор, надев на себя упряжь. А если придется в гору тянуть, то и дамочки помогут!

— Господа бандиты! — заныла матрона в роброне, которую плотоядная ухмылочка Кайлея напугала больше, чем окровавленное железо в руке Цири. — Взываю к вашей совести. Ведь вы не опозорите эту юную девочку?!

— Эй, Мистле, — крикнул Кайлей, насмешливо усмехаясь. — Тут, я слышу, к твоей совести взывают!

— Заткнись, — поморщился Гиселер, все еще не слезая с лошади. — Никому не смешно от твоих глупостей. А ты успокойся, женщина. Мы — Крысы. Мы не воюем с женщинами и не обижаем их. Рееф, Искра, выпрягайте лошадей! Мистле, хватай верховых! И — смываемся!

— Мы, Крысы, не воюем с женщинами, — снова ощерился Кайлей, поглядывая на побледневшее лицо девушки в черном платье. — Только время от времени шалим с ними, ежели у них есть на то охота. А у тебя, мавелька, есть на это охота? У тебя случайно не чешется между ножками? Ну, стыдиться нечего. Достаточно кивнуть головкой.

— Больше почтительности! — крикнула ломким голосом дама в роброне. — Да как ты смеешь так обращаться к благородной баронессе, милсдарь бандит?

Кайлей захохотал, затем преувеличенно почтительно поклонился.

— Прощения просим! Не хотел оскорбить! Что, даже спросить не дозволено?

— Кайлей! — крикнула Искра. — Иди сюда! Ты что там треплешься? Помоги лошадей выпрягать! Фалька! Двигайся!

Цири не отрывала глаз от герба на дверях кареты, серебряного единорога на черном поле. «Единорог, — подумала она. — Когда-то видела я такого единорога... Когда? В другой жизни? А может, это был сон?»

— Фалька! Что с тобой?

«Я — Фалька. Но я была ею не всегда. Не всегда».

Она вздрогнула, сжала губы. «Я плохо обошлась с Мистле. Обидела ее. Надо как-то извиниться».

Она поставила ногу на ступеньку кареты, вперилась в гемму на платьице бледной девушки и кратко бросила:

— Давай это.

— Да как ты смеешь?! — завопила матрона. — Знаешь ли ты, с кем разговариваешь? Это благородная баронесса Касадей!

Цири оглянулась, удостоверилась, что никто не слышит.

— Ах, баронесса? Баронессочка? — прошипела она. — Невысок титул. И даже если б эта молокососка была герцогиней, то должна передо мной присесть, да так, чтобы задницей земли коснуться, да и головкой

тоже. Давай брошку! Ну, чего ждешь? Сорвать ее с тебя вместе с корсетом?

Тишина, наступившая за столом после заявления Филиппы, быстро сменилась общим гулом. Магички наперебой выражали удивление и недоверие, требовали объяснений. Некоторые, несомненно, многое знали о предполагаемой Владычице Севера Цирилле, или Цири, другим имя было знакомо, но знали они меньше. Фрингилья Виго не знала ничего, но кое-что подозревала и терялась в догадках, вращающихся в основном вокруг некой прядки волос. Однако Ассирэ, которую она спросила вполголоса, молчала и посоветовала помолчать и ей, тем более что Филиппа Эйльхарт продолжала:

— Многие из нас видели Цири на Танедде, где высказанным в трансе пророчеством она наделала много шума. У некоторых из нас был с нею близкий и даже очень близкий контакт. Я в основном имею в виду тебя, Йеннифэр. Теперь твоя очередь заговорить.

Пока Йеннифэр рассказывала о Цири, Трисс Меригольд внимательно присматривалась к подруге. Йеннифэр говорила спокойно и без эмоций, но Трисс знала ее достаточно долго и достаточно хорошо. Ей уже доводилось видывать ее в самых различных ситуациях, к тому же в таких, которые вызывали стресс, мучили и доводили до грани болезни, а порой и до самой болезни. Сейчас Йеннифэр, несомненно, была именно в таком

состоянии. Она выглядела утомленной, больной и, можно бы сказать, пришибленной.

Чародейка рассказывала, а Трисс, которая знала и рассказ, и того, о ком шла речь, незаметно посматривала на слушательниц. Особенно же на двух чародеек из Нильфгаарда. На невероятно похорошевшую Ассирэ вар Анагыд, ухоженную, но все еще неуверенно чувствующую себя в макияже и модном платье. И на Фрингилью Виго, ту, что помоложе, симпатичную, привлекательную от природы и скромно элегантную, с зелеными глазами и черными, как у Йеннифэр, волосами, правда, не такими буйными, короче подстриженными и гладко зачесанными.

Не видно было, чтобы нильфгаардки заплутались в лабиринтах истории Цири, хотя рассказ Йеннифэр был длинным и достаточно запутанным, начинался с нашумевшей любовной истории Паветты из Цинтры и юноши, колдовством превращенного в Йожа, повествовал о роли Геральта и о Праве Неожиданности, о связывающем ведьмака и Цири Предназначении. Йеннифэр рассказывала о встрече Цири и Геральта в Брокилоне, о войне, о потере и обретении, о Каэр Морхене. О Риенсе и преследующих девочку нильфгаардских агентах. Об учебе в храме Мелитэле, о загадочных способностях Цири.

«Они слушают с каменными лицами, — подумала Трисс, глядя на Ассирэ и Фрингилью. — Как сфинксы. Но они, это ясно, что-то скрывают. Интересно, что? Удивление, потому что не знали, кого Эмгыр притащил в Нильфгаард? Или то, что обо всем знают давно, может, даже лучше, чем мы? Сейчас Йеннифэр станет

говорить о прибытии Цири на Танедд, о сделанном в трансе предсказании, которое вызвало такой переполох. О кровавом бое в Гарштанге, в результате которого Геральт был изувечен, а Цири похищена. И тогда придет конец притворству, — подумала Трисс. — Будут сброшены маски. Все знают, что за аферой на Танедде стоял Нильфгаард. А когда глаза всех уставятся на вас, нильфгаардки, выхода не будет, придется говорить. И тогда выяснится многое, тогда, возможно, и я узнаю кое-что новое. Каким образом Йеннифэр исчезла из Танедда, почему вдруг появилась здесь, в Монтекальво, в обществе Францески? Кто такая и какую роль играет Ида Эмеан, эльфка, Aen Saevherne с Синих Гор? Почему мне кажется, что Филиппа Эйльхарт все время говорит меньше, чем знает, хоть и демонстрирует преданность и верность магии, а не Дийкстре, с которым постоянно обменивается письмами?

И может, узнаю наконец, кто такая Цири в действительности. Цири, для них — Королева Севера, а для меня пепельноволосая ведьмачка из Каэр Морхена, о которой я все время думаю как о младшей сестренке».

Фрингилья Виго кое-что слышала о ведьмаках, типах, профессионально занимающихся истреблением чудовищ и бестий. Она внимательно слушала повествование Йеннифэр, вслушивалась в звучание ее голоса, наблюдала за выражением лица. Не дала себя обмануть. Сильная эмоциональная связь между Йеннифэр и так интересующей всех Цири была очевидна. Связь между чародейкой

и упомянутым ею ведьмаком была также очевидной не менее. И столь же сильной. Фрингилья начала размышлять об этом, но ей помешали возбужденные голоса.

Она уже поняла, что многие из собравшихся здесь чародеек во время бунта на Танедде оказались во враждующих лагерях, поэтому ее нисколько не удивляла неприязнь, проявляющаяся за столом в форме колких замечаний в адрес Йеннифэр. Назревал скандал, однако его упредила Филиппа Эйльхарт, бесцеремонно стукнув кулаком по столу так, что звякнули фужеры и кубки.

— Довольно! Заткнись, Сабрина! Не поддавайся провокации, Францеска! Хватит болтать о Танедде и Гарштанге. Теперь это уже история!

«История, — подумала с неожиданной досадой Фрингилья. — Но такая, на ход которой они, будучи в разных лагерях, оказывали влияние. Они знали, что и для чего делают. А мы, имперские чародейки, ничего не знаем. Мы и вправду что-то вроде «девчонок на побегушках», которые знают, куда их посылают, но не знают, зачем. Хорошо, — подумала она, — что создается эта ложа. Черт знает, чем все кончится, но хорошо, что хоть начинается».

— Продолжай, Йеннифэр, — попросила Филиппа.

— У меня все, — сжала губы чародейка. — Повторяю, именно Тиссая деВрие приказала мне привести Цири в Гарштанг.

— Ничего проще, как свалить все на покойницу, — буркнула Сабрина Глевиссиг, но Филиппа резким жестом заставила ее замолчать.

— Я не хотела вмешиваться в то, что произошло ночью в Аретузе, — заговорила Йеннифэр, побледнев

и явно занервничав. — Я хотела забрать Цири и бежать с Танедда. Но Тиссая убедила меня в том, что появление девочки в Гарштанге для многих станет шоком, а ее пророчество, высказанное в трансе, предупредит конфликт. Я не сваливаю на нее вину, ведь я думала так же. Обе мы совершили ошибку. Однако моя вина была больше. Если б я оставила Цири под присмотром Риты...

— Что стало, то стало, — прервала Филиппа. — Ошибиться может каждый. Даже Тиссая де Врие. Когда Тиссая впервые увидела Цири?

— За три дня до начала Большого Сбора, — сказала Маргарита Ло-Антиль. — В Горс Велене. Я тоже тогда с ней познакомилась. И как только увидела, поняла: это необыкновенная личность!

— Необычайно необыкновенная, — проговорила молчавшая до того Ида Эмеан аэп Сивней. — Ибо в ней сконцентрировалось наследие необыкновенной крови. Hen Ichaer, Старшая Кровь. Генетический материал, играющий решающую роль в необыкновенных способностях носителя. Решающий фактор в той величайшей роли, которую ей предстоит сыграть. Которую она должна будет сыграть.

— Ибо того требуют эльфьи легенды, мифы и пророчества? — насмешливо спросила Сабрина Глевиссиг. — Все это с самого начала попахивало сказкой и фантазией! Теперь я уже не сомневаюсь. Благородные дамы, я предлагаю для разнообразия заняться чем-нибудь более серьезным, рациональным и реальным.

— Склоняю голову перед трезвой рациональностью — силой и источником великих преимуществ вашей расы, — слегка улыбнулась Ида Эмеан. — Однако

здесь, в кругу лиц, способных воспользоваться мощью, которая не всегда поддается рациональному анализу и объяснению, мне представляется несколько неуместным отмахиваться от пророчеств эльфов. Наша раса не столь рационалистична и не в рационализме черпает силу. И все же существует несколько десятков тысячелетий.

— Однако генетический материал, о котором мы ведем речь, именуемый Старшей Кровью, оказался несколько менее устойчивым, — заметила Шеала де Танкарвилль. — Даже эльфьи легенды и пророчества, от которых я отнюдь не отмахиваюсь, считают Старшую Кровь полностью уничтоженной, вымершей, утерянной. Не так ли, госпожа Ида? В мире уже нет Старшей Крови. Последней, в которой она текла, была Lara Dorren aep Shiadhal. Все мы знаем легенду о Ларе Доррен аэп Шиадаль и Крегеннане из Лёда.

— Не все, — впервые подала голос Ассирэ вар Анагыд. — Не все. Вашу мифологию я изучала поверхностно и этой легенды не знаю.

— Это не легенда, — сказала Филиппа Эйльхарт. — Это истинная история. Среди нас есть чародейка, которая прекрасно знает не только историю Лары и Крегеннана, но и ее последствия, а они, несомненно, всех заинтересуют. Попросим тебя, Францеска.

— Из сказанного тобой следует, — усмехнулась королева эльфов, — что ты знаешь это не хуже меня.

— Возможно. Но именно тебя я прошу высказаться.

— Чтобы испытать мою искренность и лояльность ложе, — кивнула Энид ан Глеанна. — Хорошо. Прошу вас, дамы, сесть поудобнее, ибо рассказ будет не из коротких.

***

— История Лары и Крегеннана — это история истинная, однако к настоящему времени она настолько орнаментирована сказочными деталями, что распознать ее зерно трудно. Имеются также колоссальные расхождения между человеческой и эльфьей версиями легенды, в обеих просматриваются шовинизм и расовая неприязнь. Поэтому я откину орнаментировку и ограничусь сухими фактами. Итак, Крегеннан из Лёда был чародеем, человеком. Лара Доррен аэп Шиадаль — эльфьей магичкой, Aen Saevherne, Ведуньей, одной из загадочных даже для нас, эльфов, носителей Hen Ichaer, Старшей Крови. Их дружба, а затем любовная связь вначале была с удовлетворением воспринята обеими расами, однако вскоре появились враждебно настроенные решительные противники идеи объединения людской и эльфьей магии. Как среди эльфов, так и среди людей нашлись такие, кто считал это предательством, изменой. Возникли какие-то неясные сегодня конфликты личного свойства, ревность и зависть. Короче: в результате интриги Крегеннан был убит. Лару Доррен травили и преследовали, она скончалась от истощения где-то на безлюдье, родив дочь. Девочка уцелела чудом. Ее приютила Керо, королева Редании.

— Напуганная заклятием, которое посулила наслать на нее Лара, после того как Керо отказала ей в помощи и выгнала на мороз, — вклинилась Кейра Мец. — Если бы она после этого не приютила ребенка, на нее и на весь ее род обрушились бы страшные несчастья... Якобы...

— Это-то как раз и есть те сказочные украшения, от которых отказалась Франческа, — прервала Филиппа Эйльхарт. — Будем придерживаться фактов.

— Пророческие способности Ведунов Старшей Крови — это факты, — сказала Ида Эмеан, подняв глаза на Филиппу. — А настойчиво повторяющийся во всех версиях легенды мотив пророчества заставляет задуматься.

— Заставляет сегодня и заставлял некогда, — подтвердила Франческа. — Слухи о заклятии Лары не утихли, о них вспоминали даже через семнадцать лет, когда взятая под крылышко Керо девочка, получившая имя Рианнон, превратилась в девушку, красота которой затмевала даже легендарную красоту матери. Удочеренная Керо Рианнон носила официальный титул реданской принцессы, и ею интересовалось много правящих домов. Когда из массы конкурентов Рианнон наконец выбрала Гоидемара, юного короля Темерии, слухи о проклятии чуть было не разрушили марьяж. Однако особенно активно слухи распространились спустя три года после свадьбы Гоидемара и Рианнон. Во время мятежа Фальки.

Фрингилья, которая никогда не слышала ни о Фальке, ни о ее мятеже, подняла брови. Франческа заметила это.

— Для северных королевств, — пояснила она, — это были трагические и кровавые события, о которых помнят до сих пор, хоть прошло уже больше ста лет. В Нильфгаарде, с которым в те времена Север практически не имел никаких отношений, все это наверняка не известно, поэтому я позволю себе очень кратко на-

помнить некоторые факты. Фалька была дочерью Вриданка, короля Редании, от брака, с которым он покончил, когда ему на глаза попалась красавица Керо, та самая, которая позже приютила ребенка Лары. Сохранился документ, пространно и путанно объясняющий причины развода, но сохранился также портретик первой жены Вриданка, ковирской дворянки, несомненно, полуэльфки, но с решительным перевесом человеческих черт. Глаза сумасшедшей отшельницы, волосы утопленницы и рот ящерицы. Короче: дурнушку отослали в Ковир вместе с годовалой дочерью, Фалькой. И вскоре забыли и о той, и о другой.

— Фалька, — немного помолчав, продолжала Энид ан Глеанна, — напомнила о себе спустя двадцать пять лет, подняв восстание и вроде бы собственноручно убив отца, Керо и двух единокровных братьев. Вооруженный мятеж вначале вспыхнул в виде поддерживаемой частью темерского и ковирского дворянства борьбы законной первородной дочери за надлежащий ей трон, но вскоре он перерос в крестьянскую войну, охватив колоссальные территории. Стороны не уступали друг другу в жестокости. Фалька вошла в легенды как кровавый демон, хотя вероятнее всего она просто перестала владеть ситуацией и вышедшими из-под ее контроля требованиями, которые выписывали мятежники на своих штандартах. Смерть королям, смерть чародеям, смерть священнослужителям, дворянам, богачам и господам, наконец — смерть всему живому, ибо опьяневшую от крови чернь уже невозможно было сдержать. Мятеж перекинулся и на другие государства...

— Между прочим, — неожиданно вставила Сабрина Глевиссиг, — имя «Фалька», первоначально означавшее небольшую волну, на одном из древних языков означало «Сокол» и писалось, кажется, «Фалько». А что касается мятежа, — с явной насмешкой добавила она, — то нильфгаардские историки писали об этом. А госпожи Ассирэ и Виго, несомненно, читали. Закругляйся, Франческа. Переходи к Рианнон и тройняшкам из Гутборга.

— Пожалуйста. Рианнон, то есть удочеренную Керо дочь Лары Доррен, теперь уже супругу Гоидемара, короля Темерии, случайно поймали повстанцы Фальки и заключили в замок Гутборг. В это время она была беременна. Замок еще очень долго сопротивлялся после всеобщего усмирения мятежа и казни Фальки, но в конце концов Гоидемар взял его приступом и освободил жену. С тремя детьми — двумя девочками, которые уже ходили, и мальчиком, только-только начинавшим. Рианнон лишилась разума. Разъяренный Гоидемар подверг дикой пытке всех пленников, и из обрывков, прерываемых воем показаний, сложилась удобочитаемая картина.

Фалька, воспринявшая красоту скорее от эльфьей бабки, нежели от матери, щедро одаряла прелестями своих вожаков, не брезгуя ни дворянами, ни предводителями шаек и убийцами, тем самым обеспечивая себе их преданность. В конце концов она забеременела и одновременно с заключенной в Гутборге Рианнон родила дитя. Своего младенца Фалька приказала подкинуть к двум близнецам, рожденным Рианнон. Как она, кажется, заявила, чести быть мамками ее ублюдков достойны только королевы, и такая судьба ждет всех ко-

рованных самок при новом порядке, который она, Фалька, построит после победы.

Проблема состояла в том, что никто, включая и Рианнон, не знал, кто из тройки был ребенком Фальки. С большой долей вероятности предполагали, что это одна из девочек, потому что Рианнон вроде бы родила девочку и мальчика. Повторяю: вроде бы, поскольку, несмотря на чванливые заявления Фальки, детей вскармливали обыкновенные деревенские мамки. Пришедшая в конце концов в себя Рианнон почти ничего не помнила. Да, родила. Да, иногда ей в постель приносили и показывали тройняшек. Ничего больше.

Тогда призвали чародеев, чтобы те исследовали всех троих и установили, кто есть кто. Гоидемар был в таком бешенстве, что собирался после того, как Фалькиного ублюдка обнаружит, уничтожить ребенка, причем публично. Этого мы допустить не могли. После подавления мятежа пойманных повстанцев зверски истязали, следовало наконец положить этому конец. Убийство ребенка, не достигшего и двух лет, вы понимаете? Вот тогда-то и возникла бы легенда! А уже и без того начинали кружить слухи, что сама Фалька родилась чудовищем в результате наговора Лары Доррен, что было очевидным вздором, так как Фалька родилась еще до того, как Лара сошлась с Крегеннаном. Но мало кому хотелось подсчитывать годы. Памфлеты и нелепые документы втихую появлялись даже в оксенфуртской академии. Однако возвращаюсь к исследованиям, которые нам поручил Гоидемар...

— Нам? — подняла голову Йеннифэр. — Это кому же?

— Тиссае де Врие, Августе Вагнер, Летисии Шарбоннэ и Хену Гедымгейту, — спокойно сказала Франческа. — Позже подключили и меня. Я была молодой чародейкой, но эльфкой чистой крови. А мой отец... Биологический, ибо он отказался от меня... Он был Ведуном. Я знала, что такое ген Старшей Крови.

— И такой ген отыскали у Рианнон, когда исследовали ее и короля, прежде чем исследовать детей, — догадалась Шеала де Танкарвилль. — И у двух детей, что позволило выявить внебрачного ребенка Фальки. И как вам удалось уберечь ребенка от гнева короля?

— Очень просто, — усмехнулась эльфка. — Мы разыгрывали незнание. Объясняли королю, что проблема очень сложная, что мы продолжаем исследования, а такие исследования требуют времени... Много времени. Гоидемар, человек по сути своей добрый и благородный, быстро остыл и вовсе не подгонял нас, а тройняшки росли и носились по дворцу, приводя в восторг королевскую чету и весь двор. Амавет, Фиона и Адель. Три одинаковых воробушка. Разумеется, к ним внимательно присматривались, то и дело возникали подозрения, особенно если кто-то из детей натворит что-нибудь. Однажды Фиона вылила из окна содержимое «ночной вазы» прямо на крупного коннетабля, тот во всеуслышание окрестил ее дьявольским отродьем и распрощался с должностью. Спустя некоторое время Амавет измазал лестницу жиром, а некая придворная дама, когда ее руку брали в лубки, прошептала что-то о проклятой крови и... распрощалась со двором. Не столь высокородных крикунов незамедлительно знакомили с позорным столбом и плетью, так что все быстро на-

учились держать язык за зубами. Даже некий барон из очень древнего рода, которому Адель угодила стрелой в «нижний бюст», отделался всего лишь...

— Не надо отвлекаться на рассказы о проделках детишек, — прервала Филиппа Эйльхарт. — Так когда наконец Гоидемару сказали правду?

— Никогда. Он не спрашивал, а нас это устраивало.

— Но кто из детей был незаконнорожденным ребенком Фальки, вы знали?

— Конечно. Адель.

— Не Фиона?

— Нет. Адель. Она скончалась от чумы. Дьявольский ублюдок, проклятая кровь, дочь чертовой Соколихи-Фальки наперекор протестам короля помогала жрецам в пригородной больнице, спасала больных детей, а сама заразилась и умерла. Ей было семнадцать лет. Годом позже ее псевдобрат Амавет учинил роман с графиней Анной Камэни и пал от рук убийц, нанятых графом. В тот же год скончалась Рианнон, не перенесшая смерти обожаемых ею детей. Тогда-то Гоидемар призвал нас снова. Потому что принцессой Фионой, последней из тройки, интересовался король Цинтры, Корам. Хотел взять ее женой своему сыну, кстати, тоже Кораму, но, зная кружащие слухи и сплетни, опасался, как бы Фиона не оказалась внебрачной дочерью Фальки. Мы использовали весь свой авторитет, чтобы убедить его в том, что Фиона — законный ребенок. Не знаю уж, поверил ли он, но молодые пришлись друг другу по вкусу, и таким образом вскоре дочь Рианнон, прапрапрабабка вашей Цири, стала королевой Цинтры.

— Внеся в династию Корамов тот самый ген, за которым вы продолжали охотиться.

— Фиона, — спокойно сказала Энид ан Глеанна, — не была носителем гена Старшей Крови, который мы уже тогда называли «геном Лары».

— То есть как это?

— Носителем «гена Лары» был Амавет, а наш эксперимент продолжался. Ибо Анна Камэни, из-за которой распрощались с жизнью любовник и муж, еще не сняв траура, родила близнецов. Мальчика и девочку. Отцом, несомненно, был Амавет, потому что девочка оказалась носительницей гена. Девочку назвали Мюриель.

— Прелестная Мерзавка Мюриель? — удивилась Шеала де Танкарвилль.

— Гораздо позже, — усмехнулась Францеска. — Вначале — Малютка Мюриель. Действительно, это был милый, прелестный ребенок. Когда ей исполнилось четырнадцать, ее уже называли Мюриель — Бархатные Глазки. Многие утонули в этих глазках. Наконец ее выдали за Роберта графа Гаррамона.

— А мальчик?

— Криспин. У него этого гена не было, потому он нас и не интересовал. Погиб, кажется, во время какой-то войны. В голове у него только и было, что драться да стрелять.

— Постой. — Сабрина резким движением растрепала волосы. — Ведь Прелестная Мерзавка Мюриель была матерью Адалии по прозвищу Ворожейка...

— Верно, — подтвердила Францеска. — Любопытная штучка эта Адалия. Мощный Исток, идеальный

материал для чародейки. Увы, она не хотела быть чародейкой. Предпочитала быть королевой.

— А ген? — спросила Ассирэ вар Анагыд. — Она была его носителем?

— Как ни странно — нет.

— Так я и думала, — кивнула Ассирэ. — Непрерывно «ген Лары» может передаваться только по женской линии. Если же носителем оказывается мужчина, ген редуцируется во втором, самое большее в третьем поколении.

— Однако после этого, вероятно, все же активизируется, — сказала Филиппа Эйльхарт. — Адалия, у которой «ген Лары» не проявился, была матерью Калантэ, а ведь Калантэ, бабка Цири, снова оказалась носительницей «гена Лары».

— Первой после Рианнон, — неожиданно проговорила Шеала де Танкарвилль. — Вы ошибались, Францеска. Было два гена. Один, истинный, был скрытым, латентным, вы прозевали его у Фионы, обманутые сильным и четко выраженным геном Амавета. Но у Амавета был не «ген Лары», а активатор. Госпожа Ассирэ права. Передающийся по мужской линии активатор уже у Адалии был настолько нечетким, что вы его не обнаружили. Адалия была первым ребенком Мерзавки. У следующих наверняка не было и следа активатора. Латентный ген Фионы тоже скорее всего редуцировался бы у ее мужских потомков не дальше чем в третьем поколении. Но он не исчез, и я знаю, почему.

— Черт побери, — прошипела сквозь зубы Йеннифэр.

— Я заплутала, — сообщила Сабрина Глевиссиг, — заплутала в дебрях вашей генетики и генеалогии.

Францеска пододвинула к себе патеру с фруктами, протянула руку, прошептала заклинание.

— Простите за базарный психокинез, — улыбнулась она, приказав красному яблоку подняться высоко над столом. — Но при помощи левитирующих фруктов мне легче будет все объяснить, в том числе и ошибку, которую мы совершили. Красное яблочко — это «ген Лары». Старшая Кровь. Зеленое — латентный ген. Гранат — это псевдоген, активатор. Начнем. Вот Рианнон, красное яблочко. Ее сын Амавет — гранат. Дочь Амавета — Прелестная Мерзавка Мюриель и его внучка Адалия — тоже гранаты, причем последний — уже редуцирующийся. А вот вторая линия: Фиона, дочь Рианнон — зеленое яблочко. Ее сын Корбетт, король Цинтры, — зеленое. Сын Корбетта и Элен Каэдвенской, Дагорад — зеленое. Как видите, в двух последующих поколениях исключительно мужские потомки, ген редуцируется, он уже очень слаб. Однако в самом низу у нас теперь гранат и зеленое яблочко. Адалия, княжна Марибора, и Дагорад, король Цинтры. И их дочь — Калантэ, красное яблочко. Возродившийся, сильный «ген Лары».

— Ген Фионы, — кивнула Маргарита Ло-Антиль, — встретился с активатором Амавета в результате супружеского инцеста, и никто не обратил внимания на кровное родство? Ни один королевский геральдик и хронист не обратили внимания на явное кровосмешение?

— Оно не было столь уж явным. Ведь Анна Камэни не кричала на весь базар, что ее близнецы — внебрачные дети, потому что родственники мужа незамедлительно лишили бы и ее самое, и ее детей герба, титулов и имущества. Да, верно, сплетни появились и кружили упорно, причем не только среди плебса. Мужа для «порченной» инцестом Калантэ пришлось искать аж в дальнем Эббинге, куда слухи не дошли.

— Прибавь к своей пирамиде еще два красных яблока, Энид, — сказала Маргарита. — Теперь, в соответствии со справедливыми замечаниями госпожи Ассирэ, возродившийся «ген Лары» гладко идет по женской линии.

— Да. Вот Паветта, дочь Калантэ. И дочь Паветты — Цирилла. Единственная в данный момент наследница Старшей Крови, носительница «гена Лары».

— Единственная? — резко спросила Шеала де Танкарвилль. — Не слишком ли ты самоуверенна, Энид?

— Что ты имеешь в виду?

Шеала неожиданно поднялась, стрельнула унизанными перстнями пальцами в патеру и заставила левитировать оставшиеся на ней фрукты, разрушив и превратив в разноцветный хоровод всю схему Францески.

— Вот что я имею в виду, — холодно проговорила она, указав на фруктовый хаос. — Все это — возможные генетические комбинации. И мы знаем не больше, чем видим здесь, то есть ничего. Ваша ошибка отыгралась на вас, Францеска, породила лавину ошибок. Ген проявился случайно спустя сто лет, за эти годы могло случиться такое, о чем мы и понятия не имеем. События тайные, тщательно скрываемые, затушевываемые. Дети добрачные, внебрачные, зачатые тайно, даже подмененные. Инцесты. Смешение рас, кровь забытых предков, отзывающаяся в поздних поколениях. Короче говоря, ген, который сто лет тому назад был у вас на расстоянии вытянутой руки, даже в руках, теперь ускользнул. Ошибка, Энид, ошибка, ошибка! Слишком много стихийности, слишком много случайностей. Слишком мало контроля. Слишком мало вмешательства в случайность.

— Мы, — стиснула зубы Энид ан Глеанна, — имели дело не с кроликами, которых можно запирать в клетки, подбирая из них пары.

Фрингилья, следуя за взглядом Трисс Меригольд, заметила, как руки Йеннифэр вдруг сжали резные подлокотники стула.

«Так вот что сейчас связывает Йеннифэр и Францеску, — лихорадочно размышляла Трисс, по-прежнему избегая взгляда подруги. — Расчет. Ведь, конечно же, не обошлось без сознательного подбора пар и разведения потомства. Да, их планы относительно Цири и принца из Ковира, на первый взгляд, казалось бы, невероятные, в действительности были совершенно реальны. Они такое уже делали. Возводили на троны кого хотели, по собственному желанию конструировали союзы и династии, которые были им удобны и выгодны.

В дело шло все: чары, афродизии, эликсиры. Короли и королевы неожиданно заключали странные, часто морганатические браки, зачастую наперекор всем планам, намерениям и договорам. А позже тем, кто хотел, но не должен был родить, тайно подавали противозачаточные средства. Те же, кто рожать не собирался, а надо было, чтобы рожал, вместо обещанных средств получали плацебо, воду с лакрицей. Отсюда и все эти невероятные родственные отношения — Калантэ, Паветта... И Цири. Йеннифэр была в этом замешана. А теперь сожалеет. И правильно делает. Черт побери, если об этом узнает Геральт...»

«Сфинксы, — думала Фрингилья Виго. — Сфинксы, вырезанные на подлокотниках стульев. Да, это должно стать знаком и эмблемой ложи. Знание, тайна, молчание. Они — сфинксы. Они без труда добьются всего, чего пожелают. Им ничего не стоит поженить Ковир на этой их Цири. В их руках сила. В их руках знание. В их руках средства. Бриллиантовое колье на шее Сабрины Глевиссиг стоит, вероятно, без малого столько, сколько составляет весь платежный баланс лесистого и скалистого Каэдвена. Они запросто добились бы того, что планируют. Но есть одна закавыка...»

«Так, — подумала Трисс Меригольд, — наконец-то начинается разговор о том, с чего следовало начать. С того отрезвляющего и остужающего факта, что Цири

находится в Нильфгаарде, во власти Эмгыра. Очень далеко от разрабатываемых здесь планов...»

— Несомненно, — говорила Филиппа, — Эмгыр охотился за Цириллой давно. Все считали, что предполагался политический марьяж с Цириллой и овладение леном, который на законном основании унаследовала девочка. Однако нельзя исключить, что дело тут вовсе не в политике, а в гене Старшей Крови, который Эмгыр вознамерился внести в императорскую линию. Если Эмгыр знает то же, что знаем и мы, то он может пожелать, чтобы пророчество осуществилось в его роду, а будущая Королева Мира родилась бы в Нильфгаарде.

— Поправка, — вставила Сабрина Глевиссиг. — Того хочет не Эмгыр, а нильфгаардские чародеи. Только они могли выискать ген и объяснить Эмгыру его значение. Присутствующие здесь нильфгаардские дамы, я думаю, не откажутся это подтвердить и прояснить свою роль в интриге.

— Меня удивляет, — не выдержала Фрингилья, — тенденция присутствующих здесь ненильфгаардских дам искать нити интриг в далеком Нильфгаарде, хотя все указывает на то, что заговорщиков и предателей следует искать гораздо ближе к вам самим.

— Замечание столь же прямое, сколь и точное. — Шеала де Танкарвилль суровым взглядом удержала готовящуюся было возразить Сабрину. — Информация о Старшей Крови проникла в Нильфгаард от нас, все указывает на это. Или вы забыли о Вильгефорце?

— Я — нет. — В черных глазах Сабрины на секунду полыхнул огонь ненависти. — Я не забыла!

— Придет его час, — зловеще сверкнула глазами Кейра Мец. — Но пока речь не о нем, а о том, что Цири, столь важная для нас Старшая Кровь, находится в руках Эмгыра вар Эмрейса, императора Нильфгаарда.

— У императора в руках, — спокойно пояснила Ассирэ, взглянув на Фрингилью, — нет ничего похожего. У содержащейся в Дарн Роване девушки нет никакого экстраординарного гена. Она обычна до банальности. Вне всяких сомнений, это не Цири из Цинтры. Не та девушка, которую разыскивал император. А искал он ту, которая носит «ген Лары». Он даже получил ее волосы. Волосы эти я исследовала и обнаружила нечто такое, чего понять не могла. Теперь понимаю.

— Итак, Цири нет в Нильфгаарде, — тихо проговорила Йеннифэр. — Ее там нет.

— Ее там нет, — серьезно подтвердила Филиппа Эйльхарт. — Эмгыра обманули, подсунули ему двойника. Я сама узнала об этом только вчера. Однако меня радует искренность госпожи Ассирэ. Это подтвердило, что наша ложа уже действует.

Йеннифэр с трудом сдерживала дрожь в руках. «Только спокойно, — повторяла она, — только спокойно, не выдавать себя, ждать подходящего момента. И слушать, слушать, собирать информацию. Сфинкс. Быть сфинксом».

***

— Итак, Вильгефорц, — хлопнула Сабрина рукой по столу. — Не Эмгыр, а Вильгефорц, эта очаровашка, этот благопристойный подлюга! Провел и Эмгыра, и нас!

Йеннифэр успокаивала себя глубокими вдохами. Ассирэ вар Анагыд, чародейка из Нильфгаарда, совершенно явно чувствовавшая себя неуютно в плотно облегающем платье, рассказывала о каком-то молодом нильфгаардском дворянине. Йеннифэр знала, о ком речь, и невольно сжимала кулаки. Черный рыцарь в крылатом шлеме, кошмар и бред Цири... Она ловила на себе взгляды Францески и Филиппы. Трисс, взгляд которой она пыталась привлечь, избегала ее глаз. «Дьявольщина, — думала Йеннифэр, с трудом придавая лицу безразличное выражение, — ну и влипла я. В какую паршивую ловушку я загнала девочку... Черт, как мне теперь глядеть в глаза ведьмаку...»

— Значит, представится прекрасная возможность, — возбужденно воскликнула Кейра Мец, — отыскать Цири и одновременно взять за глотку Вильгефорца! Подожжем у подлеца землю под задницей!

— Чтобы поджигать землю, сначала надо найти убежища Вильгефорца, — съехидничала Шеала де Танкарвилль, чародейка из Ковира, которую Йеннифэр никогда не жаловала избытком симпатии. — А пока что это никому не удалось. Даже некоторым сидящим за нашим столом дамам, которые, к слову сказать, не жалели на поиски ни времени, ни своих незаурядных способностей.

— Уже найдены два из многочисленных убежищ Вильгефорца, — холодно ответила Филиппа Эйльхарт. — Дийкстра активно разыскивает остальные, а я бы его со счетов не сбрасывала. Порой там, где подводит магия, справляются шпионы и осведомители.

Один из сопровождающих Дийкстру агентов заглянул в камеру, испуганно попятился, прислонился к стене и побледнел как полотно. Смотрелся он так, словно вот-вот потеряет сознание. Дийкстра сделал пометку в памяти: перевести неженку на бумажную работу. Но стоило ему самому заглянуть в камеру, как он тут же изменил мнение о работнике. Желудок подскочил у него к горлу. Однако, чтобы не компрометировать себя перед подчиненным, он не спеша вынул из кармана надушенный платок, приложил к носу и рту и наклонился над голым телом, валявшимся на каменном полу.

— Рассечены живот и матка, — поставил он диагноз, стараясь говорить спокойно и холодно. — Очень умело, рукой хирурга. Из девушки извлекли плод. Делали это, когда она была еще жива. Но не здесь. И что, все в таком состоянии? Леннеп, я к тебе обращаюсь?

— Нет... — вздрогнул агент, оторвав глаза от трупа. — У других винтовой гарротой сломаны шеи. Они не были беременны... Но мы произведем вскрытие...

— Сколько нашли всего?

— Кроме этой — четырех. Ни одну не удалось опознать.

— Неправда, — проговорил из-за платочка Дийкстра. — Я уже успел опознать эту. Это Жоли, младшая дочь графа Ланьера. Та, что год назад пропала без вести. Взгляну на остальных.

— Некоторых огонь подпортил, — сказал Леннеп. — Трудно будет узнать... Но, милостивый государь, кроме того... Мы нашли...

— Ну говори, перестань заикаться!

— В том колодце, — агент указал на зияющую в полу дыру, — кости. Много костей. Мы не успели достать и проверить, но ручаюсь, все они окажутся костями юных девок. Если попросить магиков, может, удалось бы распознать... И сообщить родителям, которые все еще разыскивают пропавших дочерей...

— Ни в коем случае. — Дийкстра резко повернулся. — Ни слова о том, что здесь найдено. Никому. А тем более магикам. После того, что я здесь видел, я теряю к ним доверие. Леннеп, верхние уровни осмотрены тщательно? Найдено что-нибудь, что могло бы нам помочь?

— Ничего, милостивый государь. — Леннеп опустил голову. — Как только к нам поступило донесение, мы тут же кинулись в замок. Но было уже поздно. Все сгорело. Огонь ужасной силы. Не иначе — магический. Не знаю, почему...

— А я знаю. Пожар устроил не Вильгефорц, а Риенс или другой фактотум чародея. Вильгефорц не оставил бы ничего, кроме сажи на стенах. Он бы ошибки

не совершил. Да, он знает, что огонь очищает... И стирает следы.

— Верно, стирает, — буркнул Леннеп. — Нет даже признаков того, что Вильгефорц тут вообще был...

— Значит, надо такие признаки создать. — Дийкстра отнял платок от лица. — Учить вас, как это делается? Я знаю, что Вильгефорц тут был. Кроме трупов, в подземелье ничего не уцелело? А за железной дверью что? Вон там?

— Позвольте, милостивый государь. — Агент взял из рук помощника факел. — Я покажу.

Не было сомнений, что магический пожар, которому предстояло испепелить все, что находилось в подземелье, начался именно здесь, в просторном помещении за железными дверями. Ошибка в заклинании существенно испортила план, но и без того пожар был сильный и бурный. От огня обуглились книжные полки, занимавшие одну из стен, разорвались и расплавились стеклянные сосуды. Все превратилось в вонючую массу. Единственное, что осталось нетронутым, был стол с жестяной столешницей и два вмурованных в пол кресла странной формы. Странной, но не оставляющей сомнения в их назначении.

— Они сконструированы так, — сглотнул Леннеп, указывая на кресла и прикрепленные к ним захваты, — чтобы держать ноги... разведенными. Разведенными широко.

— Сукин сын, — прошипел сквозь стиснутые зубы Дийкстра. — Сволочной сукин сын...

— В стоке под деревянным креслом, — продолжал агент, — мы обнаружили следы крови, кала и мочи. Стальное кресло новенькое, вряд ли когда-либо использовалось. Не знаю, что и думать...

— А я знаю, — сказал Дийкстра. — Стальное было специально создано для кого-то особого. Для кого-то, кого Вильгефорц подозревал в особых способностях.

— Я отнюдь не недооцениваю Дийкстру и его разведку, — сказала Шеала де Танкарвилль. — Знаю, чтобы отыскать Вильгефорца, требуется время. Однако, отбросив проблему личной мести, которая, кажется, занимает некоторых из нас, позволю себе заметить, что вовсе не обязательно думать, будто именно Вильгефорц держит Цири.

— Если не Вильгефорц, то кто? Она была на острове. Никто из нас, как я понимаю, не телепортировал ее оттуда. Ее нет у Дийкстры, нет у кого-либо из королей. Это нам известно. А в развалинах Башни Чайки мы не нашли ее тела.

— Тор Лара, — медленно произнесла Ида Эмеан, — некогда скрывала в себе очень мощный портал. Вы исключаете вероятность того, что девочка убежала с Танедда, воспользовавшись этим порталом?

Йеннифэр прикрыла глаза, впилась ногтями в головы сфинксов на подлокотниках. «Только спокойно, — подумала она. — Только спокойно». Она почувствовала на себе взгляд Маргариты, но не подняла головы.

13 Зак. № 548

— Если Цири проникла в телепорт Тор Лара, — проговорила слегка изменившимся голосом ректор Аретузы, — опасаюсь, нам придется забыть о наших планах и проектах. Боюсь, мы можем уже никогда не увидеть Цири. Не существующий больше портал Башни Чайки был поврежден, искажен. Он был убийствен.

— О чем мы говорим? — вспыхнула Сабрина. — Чтобы даже просто обнаружить телепорт в башне, чтобы даже просто суметь его увидеть, необходимо воспользоваться магией четвертого порядка. А для приведения портала в действие необходимы сверхмагические способности! Не знаю, сумел ли бы это сделать даже Вильгефорц, а что говорить о пятнадцатилетней девчонке! Как можно даже предполагать нечто подобное? Кто, по-вашему, эта девчонка? Что в ней такого есть?

— Разве важно, — протянул Стефан Скеллен по прозвищу Филин, коронер императора Эмгыра вар Эмрейса, — что в ней такого есть, господин Бонар? И вообще есть ли в ней что-то? Мне важно, чтобы ее вообще не было. Я плачу вам за это сто флоренов. Если вам так хочется, проверьте, что в ней такого есть. После того, как убьете, или до того. Как вам удобнее. Кстати, цена не возрастет, даже если вы что-то найдете, торжественно заявляю и предупреждаю.

— А если доставлю живой?

— Тоже нет.

Огромного роста, но костлявый как скелет мужчина, которого назвали Бонаром, подкрутил седые усы. Дру-

гой рукой он все время опирался о меч, словно хотел скрыть от глаз Скеллена резьбу рукояти.

— Привезти голову?

— Нет, — поморщился Филин. — Зачем мне ее голова? Законсервировать в меду?

— Доказательство.

— Поверю на слово. Вы — человек, известный делами, Бонар. Солидностью тоже.

— Благодарю за доверие. — Ловец наград усмехнулся, а Скеллен, у которого перед трактиром стояло двадцать вооруженных человек, при виде его улыбки почувствовал, как по спине поползли мурашки. — Вроде бы так и должно быть, а встречается редко. Господам баронам и господам Варнхагенам я обязательно должен притащить головы всех Крыс, иначе не заплатят. Коли вам Фалькина голова ни к чему, думаю, вы не станете возражать, если я присовокуплю и ее для полноты комплекта?

— Чтобы оприходовать и вторую награду? А как же профессиональная этика?

— Я, уважаемый господин Скеллен, — прищурился Бонар, — беру плату не за убиение, а за услугу, оказываемую убиением. А ведь оную я окажу и вам, и Варнхагенам.

— Логично, — согласился Скеллен. — Поступайте, как сочтете нужным. Когда можно вас ожидать за получением оплаты?

— Вскоре.

— То есть?

— Крысы идут на Бандитский Тракт, надеются перезимовать в горах. Я перережу им дорогу. Двадцать дней, не больше.

— Вы уверены в их маршруте?

— Они были у Фэн Аспры, там разграбили обоз и двух купцов. Бушевали под Тыффией. Ночью влетели в Друи поплясать на кметском празднике. Наконец заглянули в Лоредо. Там, в Лоредо, Фалька зарубила человека. Да так, что до сих пор об этом говорят, щелкая зубами. Поэтому я и спрашивал, что такого сидит в той Фальке.

— Может, что-то такое, что и в вас, — насмешливо бросил Скеллен. — Хотя нет. Простите. Вы ведь берете деньги не за убиение, а за предоставленные услуги. Вы — настоящий ремесленник, Бонар, истинный профессионал. Специальность не лучше и не хуже другой. Работа, которую надлежит выполнить. За нее платят, а жить-то надо? Э?

Ловец наград долго глядел на него. Так долго, что с губ Филина наконец сползла улыбка.

— Истинно. Жить-то надо. Один зарабатывает на жизнь тем, что умеет делать. Другой делает то, что делать вынужден. Мне в жизни посчастливилось, как мало какому ремесленнику, разве что какой-нибудь курве. Мне платят за ремесло, которое я искренне, по-настоящему люблю.

Предложение Филиппы перекусить и смочить пересохшее от многочисленных речей горло Йэннифэр

встретила с облегчением, радостью и надеждой. Однако вскоре оказалось, что надежды были тщетными. Маргариту, явно желавшую с ней поговорить, Филиппа быстренько оттеснила в другой конец зала. Подошедшую Трисс Меригольд сопровождала Франческа. Эльфка не смущаясь следила за беседой. Однако Йеннифэр видела беспокойство в васильковых глазах Трисс и была уверена, что даже в разговоре без свидетелей ее просьбы о помощи остались бы без ответа. Трисс, несомненно, уже была всей душой предана ложе. И несомненно, чувствовала, что верность Йеннифэр все еще сомнительна.

Трисс пыталась ее утешить, уверяла, что в Брокилоне Геральт вне опасности и стараниями дриад выздоравливает. У нее, как всегда, когда речь заходила о Геральте, на щеках вспыхивал румянец. «Видимо, он ее тогда здорово ублажил, — не без язвительности подумала Йеннифэр. — Раньше ей не доводилось иметь дело с такими, как он. Не скоро она о нем забудет. И очень хорошо».

На сообщение Трисс она отреагировала равнодушным пожатием плеча. Ее не волновало, что ни Трисс, ни Франческа не поверили ее безразличию. Она хотела остаться в одиночестве и хотела дать им это понять.

Они поняли.

Йеннифэр стояла в дальнем углу буфета, занимаясь устрицами. Ела осторожно, все еще чувствуя боль — последствие компрессии. Пить вино опасалась, не зная, как прореагирует организм.

— Йеннифэр?

Она обернулась. Фрингилья Виго слабо улыбнулась, глядя на короткий нож, который Йеннифэр держала в руке.

— Вижу и чувствую, что ты с удовольствием отворила бы меня вместо устрицы. Все еще неприязнь?

— Ложа, — холодно ответила Йеннифэр, — требует взаимного доверия. Приязнь — не обязательна.

— Не обязательна и не требуется. — Нильфгаардская чародейка повела глазами по залу. — Приязнь возникает либо в результате длительного процесса, либо спонтанно.

— То же самое и с неприязнью. — Йеннифэр раскрыла устрицу и проглотила содержимое вместе с морской водой. — Порой видишь человека всего за долю секунды перед тем, как он тебя ослепит, и уже не любишь.

— О, проблема неприязни го-о-ораздо сложнее, — прищурилась Фрингилья. — Допустим, кто-то, кого ты не распознаешь с вершины холма, на твоих глазах разрубает на куски твоего друга. Ты вообще не видишь кто, а уже не любишь.

— Бывает и так, — пожала плечами Йеннифэр. — Судьба временами выкидывает фортели.

— Судьба, — тихо проговорила Фрингилья, — действительно непредсказуема, как озорной ребенок. Порой друзья отворачиваются от тебя, а враги приносят пользу. Можно, к примеру, поговорить с ними один на один. Никто не пытается помешать, не прерывает, не подслушивает. Все думают: о чем могут беседовать

два врага? Ни о чем существенном. Так, высказывают друг другу разные банальности, время от времени вставляя шпильки.

— Несомненно, — кивнула Йеннифэр, — так все и думают. И правильно поступают.

— Тем удобнее нам будет, — не смутилась Фрингилья, — затронуть некую тему. Важную и небанальную.

— Какую ж тему ты имеешь в виду?

— Тему бегства, которую ты обдумываешь.

Йеннифэр, в этот момент открывавшая вторую устрицу, чуть не порезала палец. Украдкой осмотрелась, потом взглянула на нильфгаардку из-под полуопущенных ресниц. Фрингилья Виго еле заметно улыбнулась.

— Будь добра, одолжи нож. Для устриц. Ваши устрицы великолепны. У нас, на юге, нелегко такие достать. Особенно сейчас, в условиях военной блокады... Блокада — штука очень неприятная. Верно?

Йеннифэр тихо кашлянула.

— Я заметила. — Фрингилья проглотила устрицу, потянулась за второй. — Да, Филиппа смотрит на нас. Ассирэ тоже. Ассирэ, вероятно, волнует моя верность ложе. Как же: верность под угрозой! Она уже готова подумать, что я размякну. Хммм... Любимый мужчина изуродован. Девочка, которую ты считаешь дочерью, исчезла, возможно, брошена в тюрьму... Может быть, ей угрожает смерть? А может быть... ее просто используют в качестве карты в шулерской игре? Даю слово, я б не выдержала. Немедленно сбежала бы отсюда. Пожалуйста, возьми нож. Хватит устриц, надо следить за фигурой.

— Блокада, как ты только что изволила заметить, — шепнула Йеннифэр, глядя в зеленые глаза нильфгаардской чародейки, — штука очень неприятная. Прямо-таки вредная. Она не позволяет сделать желаемое. Блокаду можно преодолеть, если располагаешь... средствами. У меня их нет.

— Рассчитываешь на то, что я их тебе дам? — Нильфгаардская чародейка внимательно посмотрела на шершавую поверхность створок устрицы, которую все еще держала в руке. — О, об этом нет и речи. Ложа может быть уверена в моей преданности. А ложа — это, я думаю, ясно — не желает, чтобы ты поспешала на выручку любимым людям. Кроме того, я твой недруг, Йеннифэр. Как ты могла забыть!

— Действительно! Как я могла?

— Друга, приятеля, — тихо сказала Фрингилья, — я предупредила бы, что, даже располагая компонентами для телепортационных заклинаний, он не сумеет незаметно разрушить блокаду. Такая операция требует времени и слишком уж бросается в глаза. Немного лучше был бы какой-нибудь незаметный, стихийный «кабестан», притягатель. Повторяю — немного. Телепортироваться на импровизированный притягатель, как ты, несомненно, знаешь, очень рискованно. Приятельнице, если б она решилась пойти на такой риск, я не посоветовала бы. Но ты — не она.

Фрингилья наклонила раковину, которую держала в руке, и слила на столешницу немного морской воды. Совсем немного.

— На этом мы и закончим наш банальный разговор. Ложа требует от нас всего лишь взаимного доверия. Дружба, к счастью, не обязательна.

— Телепортировалась, — сказала тихо и невыразительно Францеска Финдабаир, как только улеглось вызванное исчезновением Йеннифэр волнение. — Не надо горячиться, милые дамы. Теперь уже поздно охать и ахать. Она слишком далеко. Это моя ошибка. Я подозревала, что ее обсидиановая звезда маскирует эхо заклинаний...

— Как она это сделала, черт побери?! — рявкнула Филиппа. — Эхо она приглушить могла, это нетрудно. Но каким чудом она раскрыла для себя портал? Монтекальво заблокирован!

— Никогда я ее не любила, — пожала плечами Шеала де Танкарвилль. — Никогда не одобряла ее образ жизни. Но никогда не сомневалась в ее способностях.

— Она выболтает все! — разоралась Сабрина Глевиссиг. — Все о ложе! Помчится напрямик...

— Глупости, — быстро прервала Трисс Меригольд, глядя на Францеску и Иду Эмеан. — Йеннифэр не предаст нас. Не для того она отсюда сбежала, чтобы нас предавать.

— Трисс права, — поддержала ее Маргарита Ло-Антиль. — Я знаю, почему она сбежала. Знаю, кого хочет спасти. Я видела их обеих, ее и Цири, вместе. И все понимаю.

— А я ничего не понимаю! — крикнула Сабрина, и снова в зале стало шумно.

Ассирэ вар Анагыд наклонилась к подруге.

— Я не спрашиваю, зачем ты это сделала, — шепнула она. — Не спрашиваю, как сделала. Я спрашиваю — куда?

Фрингилья Виго едва заметно улыбнулась, поглаживая пальцами резную головку сфинкса на подлокотнике стула.

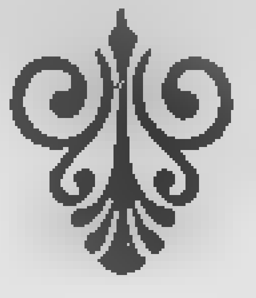
— А откуда мне знать, — прошептала она в ответ. — На каком побережье ловят таких роскошных устриц?

ИТЛИНА, собственно Ithlinne Aegli aep Aevenien, легендарная эльфья целительница, астролог и прорицательница, славящаяся своими предсказаниями, ворожбой и пророчествами, из которых наиболее известно Aen Ithlinnespeath, Предсказание Итлины. Распространявшееся в списках и неоднократно издававшееся в различной форме Предсказание в разные периоды пользовалось огромной популярностью, а комментарии, расшифровки и пояснения, к нему присовокупляемые, приспосабливали текст к текущим событиям, что укрепляло веру в величайшее ясновидение И. В особенности считается, что И. предсказала Северные Войны (1239—1268); Великие Эпидемии (1268, 1272 и 1294); кровавую войну Двух Единорогов (1309—1318) и вторжение гиаков (1350). И. предвидела также наблюдаемые с конца XIII века климатические изменения («белый

хлад»), которые суеверия всегда почитали указаниями на конец света и связывали с предсказанным приходом Разрушительницы (см.). Тот же пассаж из Пророчества И. дал повод к позорной охоте на чародеек (1272—1276) и привел к смерти множества женщин, принимаемых за воплощение Разрушительницы. Сегодня многие исследователи считают И. фигурой мифической, а ее «пророчества» — современным, от начала до конца сфабрикованным апокрифом и ловким литературным надувательством.

Эффенбах и Тальбот.
Encyclopaedia Maxima Mundi, том X.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дети, веночком окружавшие бродячего сказителя Посвиста, запротестовали, подняв невообразимый и бестолковый галдеж. Наконец Коннор, кузнецов сын, самый старший, самый сильный и самый смелый, а вдобавок притащивший сказителю горшок-двойчатку, полную щей и перемешанных со шкварками картофелин, выступил в роли доверенного лица и выразителя воли общества.

— Как же так?! — воскликнул он. — Ну как же так, дедушка? Как же так — на сёння хватит? Разве ж можно в таком месте сказку обрывать? В таком желательстве нас оставить? Мы хочим знать, что дальше-то было! Не могём мы ждать, кады вы обратно в село заглянете, потому как это через полгода аль через год могёт случиться! Сказывайте дале!

— Солнышко закатилось, — ответил старик. — В постельки вам пора, малышня! Ежели завтра с утра на

работе зевать станете и охать, что родители-то вам скажут? Знаю я, что скажут. Опять, мол, старый Посвист болтал им до полуночи, головы детям былинами заморочил, выспаться не дал. Значит, когда он снова в село заявится, не давать ему ничего, ни каши, ни клецок, ни кусочка сала, а только выгнать его, деда, потому как от евонных сказок один вред да неприятности.

— А вот и не скажут так-то! — хором закричали дети. — Рассказывайте еще, дедунь! Просим вас!

— Хммм, — забормотал старик, поглядывая на солнце, понемногу скрывающееся за кронами деревьев на другом берегу Яруги. — Ну, воля ваша. Но уговор будет, значит, такой: один пусть сбегает в халупу и принесет простокиши, чтоб мне было чем горло промочить. А остальные подумайте, о чьих судьбах рассказывать, потому как обо всех я вам ныне рассказать не успею, хоть и до утра стану говорить. Стало быть, надо выбрать, о ком сегодня, а о ком в другоряд.

Дети снова подняли шум, стараясь перекричать друг друга.

— Тихо! — крикнул Посвист, взмахнув посохом. — Я сказал — выбрать, а не как сойки: рет-рет, рет-рет-рет! Ну, так как же? О чьих судьбах рассказывать-то?

— О Йеннифэр, — поглаживая спящего на подоле котенка, пропищала Нимуэ, самая младшенькая из слушателей, которую из-за ее роста прозвали Коротышкой. — Рассказывайте о дальших судьбах чародейки, дедушка. Как она с того кове... из конвета на Лысой Горе волшебством сбегла, чтоб Цирю спасать. Это хочется послушать. Потому как я, когда вырасту, чародейкой стану.

— Аккурат! — крикнул Броник, сын мельника. — Сопли-то утри, Коротышка. В чародейские подмастерья сопливых не берут! А вы, дедунь, рассказывайте не об Йеннифэр, а о Цири и Крысях, как они на разбой ходили и бились...

— Тихо вы, — проговорил Коннор, хмурый и задумчивый. — Глупые вы все. Ежеле сегодня еще чегонито услыхать хочим, то пусть это в порядке каком-никаком будет. Расскажите нам, дедушка, о ведьмаке и дружине евонной, как они от Яруги двинулись...

— Я хочу о Йеннифэр, — пискнула Нимуэ.

— Я тоже, — отозвалась Орля, ее старшая сестра. — Об ее с ведьмаком любови хочу. Как они любились! Только пусть это добром кончится, дедуля! Не хочу, чтобы о смерти было. Нет!

— Тихо, дурная, кому о любови-то интересно? О войне хочим, о битвах!

— О ведьмачьем мече!

— О Цири и Крысях!

— Заткните хлебалы! — грозно глянул на всех Коннор. — Нито схвачу палку и отдубасю, мелюзга! Я сказал: по порядку. Пусть дед дальше о ведьмаке говорит, о том, как он путешествовал с Лютиком и Мильвой!

— Да! — снова запищала Нимуэ. — О Мильве хочу послушать, о Мильве! Потому как я, если меня в чародейки взять не захочут, то лучницей стану!

— Значит, выбрали, — сказал Коннор. — И в сам час, потому что дед, гляньте-ка, задремал враз, уж

головой покачивает, носом ровно деркач клюет... Эй, дед! Не спите! Сказывайте нам о ведьмаке Геральте. С того места, где над Яругой дружина остановилася.

— Токо для начала, чтобы нас так любопытство не разбирало, — вставил Броник, — скажите нам, дедушка, хоть малость о других. Что с ними было. Легше будет ждать, пока вы в село возвернетесь, чтоб сказку продолжить. Хочь кратенько скажите. Об Йеннифэр и о Цири. Пожалуйста.

— Йеннифэр, — хмыкнул дед Посвист, — из чародейского замку, который Лысой Горой звался, на заклинании улетела. И прямиком в море шлепнулась. Во вздымающиеся волны океановы, промеж скал вострых. Но не страшитесь, то для магички мелочь, не утопла она. На острова Скеллиге попала, там союзников нашла. Потому как, видите ли, преогромная в ней злоба на чародея Вильгефорца вздымалась. Убежденная, что это он Цири порвал, умыслила она его выискать, месть жестокую сотворить, а Цири освободить. Вот и все. Когда-нито расскажу, как было.

— А Циря?

— Цири безотрывно с Крысами разбойничала, под именем Фальки скрываясь. Любо ей было разбойничье житье, потому как, хоть никто в те времена об этом не знал, были в той девице злость и жестокость — все самое отвратное, что в каждом человеке сокрыто, вылазило из нее и верх над добром помаленьку брало. Ох, великую ошибку пополнили ведьмаки из Каэр Морхена, что ее убивать приспособили. А сама-то Цири и не мнила, смерть неся, что ей самой костлявая на пятки наступает. Потому как уже страшный Бонар за ей сле-

дил, по следу ее шел. Писано им было встренуться, Бонару, стало быть, и Цири. Но об этом в инший раз расскажу. Теперича о ведьмаке послушайте.

Дети притихли, окружили старца тесным кругом. Слушали. Надвигались сумерки. Дружественные днем коноплянки, малинник и росшие неподалеку от домишек мальвы вдруг превратились в таинственный, темный бор. Что это так в нем шуршит? Мышь ли, страшный ли огненноокий эльф? А может, упырь или баба яга за детьми явилась? Что ли то вол в заграде топочет, что ли топот боевых коней жестоких напастников, опять, как сто лет назад, переправляющихся через Яругу? Или это летучая мышь над крышей мелькнула, или, может, вампир, по магическому заклинанию летящий к далекому морю?

— Ведьмак Геральт, — начал сказитель, — вместе со своей новой компанией двинулся на Ангрен, где болота и боры. В тот час еще были там боры, хо-хо, не то что ноне, ноне нету уж таких боров, разве что в Брокилоне... Компания направилась на восток, в верховья Яруги, в сторону урочищ Черного Леса. Поначалу хорошо у них шло, но потом, хо-хо... Что было, расскажу...

Текла, струилась сказка-вязь о давно минувших, забытых временах. Дети слушали.

Ведьмак сидел на пеньке, на краю обрыва, с которого раскинулся вид на заливные луга и камышники на берегу Яруги. Солнце заходило. Журавлиный клин поднялся с лугов, закурлыкал.

«Все испортилось, — подумал ведьмак, оглядываясь на развалины шалаша лесорубов и тоненький дымок, вьющийся от костра Мильвы. — Все пошло наперекосяк. А как хорошо начиналось. Странная была компания, но ведь была. Была у нас впереди цель, близкая, реальная, конкретная. Через Ангрен на восток, в Кагид Дху. Вполне нормально получалось. Но, поди ж ты, испортилось. Невезение или рок?»

Журавли курлыкали свой журавлиный хейнал.

Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой ехал впереди на гнедом нильфгаардском жеребце, добытом ведьмаком под Армерией. Жеребец, первое время косившийся на вампира и его травяной запах, быстро обвык и доставлял забот не больше, чем идущая рядом Плотва, которая здорово брыкалась в ответ на укусы слепней. За Регисом и Геральтом трусил на Пегасе Лютик с перевязанной головой и воинственной миной. По пути поэт слагал ритмичную геройскую песнь, в боевой мелодии и рифмах которой звучали отголоски недавних приключений. Форма произведения однозначно говорила о том, что во всех этих приключениях именно автор и исполнитель оказался самым мужественным из мужественных. Процессию замыкали Мильва и Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. Кагыр ехал на вновь обретенном гнедом, ведя на поводу сивую, навьюченную частью их скромной экипировки.

Наконец выехали из приречных болот на лежащую выше сухую территорию, на холмы, с которых уже

можно было видеть блестящую ленту Большой Яруги, а на севере — высокие и скалистые предгорья далекого массива Махакам. Погода стояла прекрасная, солнышко пригревало, москиты утихомирились и перестали докучать и бренчать в ушах. Сапоги и брюки высохли. На залитых солнцем склонах кусты ежевики были черным-черны от ягод, кони отыскивали траву, стекающие с возвышенностей ручейки несли хрустально чистую воду и были полны форелей. Когда настала ночь, можно было разжечь костер и даже прилечь рядом с ним. Словом, было прекрасно, а настроение должно было немедленно поправиться. Но не поправилось. Почему — стало ясно на одном из первых бивуаков.

— Погоди минутку, Геральт, — начал поэт, оглядываясь и покашливая. — Не спеши в лагерь. Мы хотим здесь, одни, поговорить с тобой. Я и Мильва. Тут дело... Ну, в Регисе.

— Так. — Ведьмак опустил на землю охапку хвороста. — Начали бояться? Самое время.

— Перестань, — поморщился Лютик. — Мы приняли его как товарища, он предложил свою помощь в поисках Цири. Мою собственную шею вытащил из петли, этого я ему не забуду. Но, черт побери, мы чувствуем что-то вроде страха. Удивляешься? Ты всю жизнь преследовал и убивал таких, как он.

— Его я не убил. И не собираюсь. Тебе этого достаточно? Если нет, то, хоть жалость разрывает мое бедное сердце, излечить тебя от страха я, убей меня, не в

состояния. Это звучит парадоксально, но единственный среди нас знаток по части лечения именно он, Регис.

— Я же сказал, перестань, — занервничал трубадур. — Ты разговариваешь не с Йеннифэр, тут красноречивые выкрутасы ни к чему. Ответь прямо на прямой вопрос.

— Задавай. Без красноречивых выкрутасов.

— Регис — вампир. Чем питаются вампиры — не секрет. Что будет, если он как следует проголодается? Да-да, мы видели, как он ел уху, с той поры он ест и пьет с нами, совершенно нормально, как любой из нас. Но... Но сможет ли он сдержать жажду... Геральт, тебя что, за язык надо тянуть?

— Он сдержал жажду крови, хоть был близко, когда твоя кровушка лилась у тебя из башки. Перебинтовывая тебя, он даже пальцев не облизал. А тогда, в полнолуние, когда мы обожрались мандрагоровой сивухой и переспали в его шалаше, у него была прекрасная оказия взяться за нас. Ты проверил, нет ли случайно следов на твоей лебяжьей шейке?

— Не смейся, ведьмак, — буркнула Мильва. — Ты больше нас знаешь о вомперах. Над Лютиком смеешься, тады ответь мне. Я в пуще выросла, в школах не училась, темная я. Но не моя в том вина, смеяться надо мной не гоже. Я, стыдно сказать, тоже малость побаиваюсь этого... Региса.

— Небезосновательно, — кивнул Геральт. — Это так называемый высший вампир. Чрезвычайно опасный. Будь он нашим врагом, я б тоже боялся. Но, хрен знает почему, он оказался нашим другом.

Именно он ведет нас на Каэд Дху, к друидам, которые могут помочь мне добыть сведения о Цири. Я потерял надежду, поэтому хочу использовать этот шанс, не отказываюсь от него. Потому и соглашаюсь на его вампирье общество.

— Только потому?

— Нет, — ответил он не сразу. Наконец решился на откровенность. — Не только... Он... Он очень порядочно и справедливо поступает. В лагере беженцев над Хотлей, во время суда над девушкой он не раздумывал, не колебался. Хотя знал, что это его выдает.

— Вытащил раскаленную подкову из огня, — подтвердил Лютик. — Даже несколько минут держал ее в руке и не поморщился. Ни один из нас не сумел бы повторить этот фокус даже с печеной картофелиной.

— Он невосприимчив к огню.

— Что он может еще?

— Может, если захочет, стать невидимым. Может взглядом заколдовать, погрузить в глубокий сон, как поступил со стражами в лагере Виссегерда. Может обращаться в нетопыря и летать, как нетопырь. Думаю, все это он может проделывать только ночью и только в полнолуние. Но я могу и ошибаться. Он уже несколько раз заставал меня врасплох, вероятно, у него может еще что-то быть в запасе. Подозреваю, что он необычен даже для вампира. Идеально уподобляется человеку, и уже многие годы. Лошади и собаки могут учуять его истинную природу, но он сбивает их с толку запахом трав, которые постоянно носит с собой. Но ведь и мой медальон на него тоже не реагирует, а должен бы. По-

вторяю, его нельзя мерить обычной меркой. Об остальном спросите его сами. Это наш товарищ. Между нами не должно быть недоговоренностей, а тем более взаимного недоверия и опасений. Возвращаемся в лагерь. Помогите с хворостом.

— Геральт?

— Слушаю, Лютик.

— Ну а если... Ну, я спрашиваю чисто теоретически... Если бы...

— Не знаю, — ответил ведьмак честно и искренне. — Не знаю, смог бы я его прибить. И поверьте, предпочитаю не пробовать.

Лютик принял близко к сердцу совет ведьмака и решил выяснить неясности и развеять сомнения. Сделал он это, как только они отправились в путь. И сделал со свойственным ему тактом.

— Мильва! — воскликнул он вдруг, не останавливая лошадь и косясь на вампира. — Ты могла бы проехать вперед, подстрелить олененка или кабанчика? Я уже по горло сыт ягодами и грибами, рыбами и беззубками, с удовольствием съел бы для разнообразия хороший кус настоящего мяса. Как ты на это, Регис?

— Слушаю? — Вампир поднял голову от шеи лошади.

— Говорю, мясо! — четко повторил поэт. — Я уговариваю Мильву поохотиться. Ты б съел свежего мяса?

— Съел бы.

— А крови, свежей крови б выпил?

— Крови? — Регис сглотнул. — Нет. Что до крови — благодарю. А вы, если есть желание, не стесняйтесь.

Геральт, Мильва и Кагыр хранили молчание. Тяжелое, гробовое молчание.

— Я понимаю, в чем дело, Лютик, — медленно проговорил Регис. — И позволь мне успокоить тебя. Я вампир, верно. Но крови я не пью.

Гробовое молчание стало могильным. Но Лютик не был бы Лютиком, если б тоже молчал.

— Думаю, ты неверно меня понял, — сказал он беззаботно, — я имею в виду не...

— Я не пью крови, — прервал Регис. — Давно. Отучился.

— То есть как — отучился?

— Обыкновенно.

— Я, ей-богу, не понимаю.

— Прости. Это личная проблема.

— Но...

— Лютик... — не выдержал ведьмак, обернувшись в седле. — Это элементарно, Лютик. Регис только что сказал тебе, чтобы ты заткнулся. Только выразил это вежливее. Так будь добр, закрой хайло наконец.

Однако посеянное зерно беспокойства и неуверенности проклюнулось и дало всходы. Когда они остановились на ночлег, атмосфера все еще была тяжелой и напряженной, ее не разрядила даже подбитая Мильвой у реки жирная, не меньше восьми фунтов черная казарка, которую они обмазали глиной, испекли и съели, дочиста обглодав даже самые маленькие косточки. Голод забили, но беспокойство осталось. Разговор не

клеился, несмотря на титанические усилия Лютика. Болтовня поэта превратилась в столь очевидный монолог, что наконец он заметил это и сам. И умолк. Воцарившуюся у костра глубокую тишину нарушал лишь хруст сена, которое методически пережевывали лошади.

Несмотря на позднюю пору, никого, однако, не тянуло спать. Мильва грела воду в подвешенном над огнем котле и распрямляла над паром смявшиеся перья стрел. Кагыр ремонтировал полуоторвавшуюся застежку сапога. Геральт стругал палочку. Регис водил глазами от одного к другому.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Похоже, никуда не денешься. Сдается, я давно должен был вам объяснить...

— Никто тебя не заставляет. — Геральт кинул в костер долго и упорно обрабатываемую палочку и поднял голову. — Мне, к примеру, не нужны твои объяснения. Я — старомодный тип, если протягиваю кому-то руку и принимаю как товарища, то для меня это значит гораздо больше, чем контракт, заключенный в присутствии нотариуса.

— Я тоже старомодный, — отозвался Кагыр, все еще занятый сапогом.

— Я воще других модов не знаю, — сухо бросила Мильва, сунув очередную стрелу во вздымающийся из котла пар.

— Не обращай внимания на треп Лютика, — добавил ведьмак. — Такой уж он есть. А откровенничать перед нами и признаваться в чем-то ты не обязан. Мы перед тобой тоже душу не изливали.

— Однако я думаю, — слегка улыбнулся вампир, — вы соблаговолите выслушать то, что я хочу сказать, отнюдь не будучи обязан? Я чувствую потребность быть откровенным с людьми, которым протягиваю руку и принимаю как товарищей.

На этот раз не ответил никто.

— Начать следует с того, — помолчав, сказал Регис, — что все опасения, которые могут быть связаны с моей вампирьей природой, безосновательны. Я ни на кого не набрасываюсь, не подбираюсь ночью, чтобы впиться зубами в шею спящего. И не только в шеи моих спутников, к которым у меня отношение не менее старомодное, нежели у других присутствующих здесь... старомодников. Я не касаюсь крови вообще. Вообще и никогда. Отказался и отвык от нее, когда она стала для меня проблемой. Опасной проблемой, разрешить которую мне было нелегко. Проблема, — продолжал он, помолчав, — по сути дела, проявилась и стала опасной чуть ли не строго по учебнику «О вреде кровопийства». Уже в юные годы я любил... хммм... поразвлечься в хорошей компании и этим не отличался от большинства сверстников. Вы ведь знаете, как это бывает, сами были молодыми. Однако у вас, людей, действует система запретов и ограничений: родительская власть, опекуны, начальники и руководители, обычаи, наконец. У нас этого нет. Молодежь пользуется полной свободой. И создает собственные образцы поведения, разумеется, глупые, отличающиеся истинно младенческой дурью. Не хлебнешь? Ах, нет? Ну тогда что же ты за вампир? Ах, он не пьет? Ну так не приглашайте его больше, он портит нам всю

потеху. Я не хотел портить потеху, а перспектива потерять одобрение друзей меня пугала. Ну... и я играл, веселился. Гульба и баловство, пирушки и попойки, каждое полнолуние мы летали в деревни и пили из кого попало. Наисквернейшую, самого отвратного качества... хммм... влагу. Нам было без разницы, из кого... лишь бы... хмммм... гемоглобин... Какая ж потеха без крови! С вампирками пошалить тоже как-то смелости не хватало, пока не глотнешь.

Регис замолчал, задумался. Все тоже молчали. Геральт почувствовал, что ему ужасно хочется упиться вдрызг.

— Игры делались все развязнее, — продолжал вампир. — Дальше — больше. Порой как пойдет-поедет, так по три-четыре ночи кряду я не возвращался в склеп. От самого малого когда-то количества... влаги я начинал терять контроль над собой, однако это не мешало мне продолжать пиршество. Друзья — как друзья. Одни по-дружески унимали, так я на них обижался. Другие, наоборот, уговаривали, вытаскивали из склепа на гулянки, да что там, подсовывали... хммм... объекты. И веселились, поглядывая на меня.

Мильва, по-прежнему занятая подновлением смятых перьев, забурчала. Кагыр наконец кончил починять сапог и, казалось, спал.

— Потом, — продолжал Регис, — появились тревожные признаки. Шалости и общество отошли на второй план. Оказалось, что я вполне могу обойтись и без них. Меня начала устраивать просто... кровь, даже та, которую пьешь...

— Чокаясь с зеркалом? — вставил Лютик.

— Хуже, — спокойно ответил Регис. — Я не отражаюсь в зеркалах.

Он какое-то время помолчал.

— Я сошелся с одной... вампиркой. Все могло быть, да, пожалуй, и было всерьез. Я прекратил кутежи. Но ненадолго. Она ушла от меня. А я принялся пить, как говорится, в два горла. Отчаяние, обида, сами знаете — отличные самооправдания. Всем кажется, будто они понимают. Даже мне самому казалось, что я понимаю. А получилось, что я просто подгоняю теорию к практике. Вам надоело? Я кончаю. Наконец я стал выделывать такое, чего не делал ни один вампир. Начал летать попьянке. Однажды к ночи парни послали меня в село за кровью. Я нацелился на девушку, идущую по воду, промахнулся и с разгона врезался в венцы колодца... Кметы меня чуть было не прикончили. К счастью, они не знали, как за это взяться... Продырявили меня кольями, отрубили голову, облили святой водой и закопали. Представляете, что я чувствовал, когда проснулся?

— Представляем, — сказала Мильва, рассматривая стрелу. Все удивленно взглянули на нее. Лучница кашлянула и отвернулась. Регис незаметно улыбнулся.

— Я уже заканчиваю, — сказал он. — В могиле у меня было достаточно времени, чтобы подумать.

— Достаточно? — спросил Геральт. — И сколько же?

— Любознательность профессионала? — взглянул на него Регис. — Около пятидесяти лет. Регенерировавшись, я решил взять себя в руки. Было нелегко, но я справился. С тех пор — ни капли. Не пью.

— Совсем? — Лютик принялся было икать, но любопытство пересилило. — Совсем? Никогда? Но ведь...

— Лютик, — слегка приподнял брови Геральт. — Возьми себя в руки. И подумай. Молча.

— Извините, — проворчал поэт.

— Не извиняйся, — сказал вампир. — А ты, Геральт, не делай ему замечаний. Его любопытство понятно. Во мне, вернее, во мне и в моем мифе воплощены все его человеческие страхи. Трудно требовать от человека, чтобы он освободился от страхов. Страхи выполняют в психике человека не менее важную роль, чем все остальные эмоциональные состояния. Психика, лишенная страха, была бы психикой ущербной. Увечной.

— Представь себе, — сказал Лютик, приходя в себя. — Ты не вызываешь у меня страха. Выходит, я калека?

На миг Геральт подумал, что сейчас Регис покажет наконец зубы и вылечит Лютика от предполагаемого увечья, но ошибся. Вампир не был любителем театральных жестов.

— Я говорил о страхах, укоренившихся в сознании и подсознании, — спокойно пояснил он. — Пожалуйста, не обижайся на сравнение, но ворона не пугается развешенных на палке шапок и тряпок после того, как переборет страх и сядет. Но стоит ветру пошевелить лохмотьями, и птица тут же улетит.

— Поведение вороны, — заметил из темноты Кагыр, — объясняется борьбой за существование.

— Объясняется-обсирается, — фыркнула Мильва. — Ворона не боится пугала, просто она думает, что у человека супротив нее припасены камни и стрелы.

— Борьба за существование, — подтвердил Геральт. — Только в человеческом, а не в вороньем издании. Благодарим за разъяснение, Регис, принимаем его целиком и полностью. Только перестань копаться в человеческом подсознании. Это бездна. Мильва права. Причины, по которым люди впадают в панику, увидев жаждущего крови вампира, не иррациональны, но вытекают из стремления выжить.

— Слышу глас специалиста. — Вампир слегка поклонился в его сторону. — Специалиста, которому профессиональная гордость не позволяет брать деньги за борьбу с мнимыми страхами. Уважающий себя ведьмак нанимается, как известно, исключительно для борьбы с реальным и непосредственно угрожающим злом. Полагаю, профессионал пожелает нам объяснить, почему вампир — большее зло, нежели дракон либо волк. Как ни говори, у последних тоже есть клыки.

— Может, потому, что последние пускают клыки в ход с голода либо в порядке самообороны, но никогда — потехи ради или чтобы преодолеть робость по отношению к объекту противоположного пола?

— Люди об этом не знают, — сразу же парировал Регис. — Ты знаешь давно, остальные наши друзья узнали всего минуту назад. Большинство же глубоко убеждено, что вампиры не забавляются, а питаются кровью, только кровью и ничем, кроме крови, да притом только кровью человеческой. А кровь — это животворная жидкость, потеря ее приводит к ослаблению организма, витальной силы. Вы рассуждаете так: существо, проливающее нашу кровь, — наш смертельный враг. А такое существо, которое вдобавок еще и спе-

циально охотится за нашей кровью, ибо питается ею, — существо вдвойне поганое и враждебное: оно повышает свою витальную силу за счет нашей. Чтобы его род процветал, наш должен погибнуть. Наконец, такое существо отвратительно еще и потому, что хоть мы и знаем жизненную силу крови, но пить ее нам противно. Хоть кто-нибудь из вас стал бы пить кровь? Сомневаюсь. А есть и такие люди, которым достаточно просто увидеть кровь, как они тут же млеют или падают в обморок. В некоторых сообществах женщин в течение нескольких дней месяца считают нечистыми и изолируют их...

— Пожалуй, только дикари... — прервал Кагыр. — А млеют и падают в обморок при виде крови разве что вы — нордлинги.

— Мы плутаем по бездорожью, — поднял голову ведьмак, — сворачиваем с прямого пути в дебри сомнительной философии. Ты считаешь, Регис, что людям было бы легче, знай они, что вы видите в них не жратву, а... «рюмочную»? Где ты отыскал иррациональность страхов? Вампиры сосут из людей кровь — этого-то факта отрицать нельзя. Человек, к которому вампир относится как к кувшину водки, теряет силы, это тоже очевидно. Человек, я бы так сказал, «осушенный», теряет витальность полностью. То есть умирает. Прости, но страх перед смертью нельзя пихать в тот же мешок, что и отвращение к крови. Менструальной или какой другой.

— Вы несете такую заумь, что у меня башка кругом идет, — бросила Мильва. — А вообще-то вся ваша мудрость вкруг одного вертится — что у бабы под юбкой. Философы засратые, прости господи.

— Оставим ненадолго символику крови, — сказал Регис. — Потому что здесь мифы действительно основаны на фактах. Перейдем к мифам, которые на фактах не основаны, а меж тем широко распространены. Каждому известно, что человек, укушенный вампиром, если он, конечно, выживет, сам должен стать вампиром. Так?

— Так, — сказал Лютик. — Была такая баллада...

— Ты знаком с основами арифметики?

— Я изучал все семь главных искусств: тривий и квадриум. А диплом получил summa cum laude*.

— В вашем мире после Сопряжения Сфер осталось около тысячи двухсот высших вампиров. При этом количество абсолютных абстинентов, а кроме меня, таких немало, уравновешивает масса пьющих сверх меры, как и я в свое время. Среднестатистический вампир пьет в каждое полнолуние, ибо полнолуние для нас — праздник, который мы привыкли... хммм... обмывать. Сводя проблему к человеческому календарю и принимая двенадцать полнолуний в году — вообще-то это не совсем так, — мы получим теоретическое количество ежегодно укушенных людей, равное четырнадцати тысячам четыремстам. После Сопряжения прошло около тысячи пятисот лет. В результате простого умножения получим, что в данный момент на свете теоретически должны существовать двадцать один миллион шестьсот тысяч вампиров. Если же учесть геометрическую прогрессию...

— Достаточно, — вздохнул Лютик. — У меня нет абаки, но общее количество я себе представляю. А вер-

* с высшей похвалой (*лат.*).

нее — не представляю. Значит, поражение вампиризмом — чушь собачья и вымысел.

— Благодарю, — поклонился Регис. — Переходим к следующему мифу, утверждающему, что вампир — это человек, который умер, однако не совсем. В могиле он не гниет и в прах не обращается. Лежит себе там свеженький и румяненький, готовый выйти и кусаться. Откуда берется такой миф, если не из вашего подсознательного и иррационального отвращения к почтенным покойникам? На показ-то вы окружаете мертвых почестями и памятью, мечтаете о бессмертии, в ваших мифах и легендах то и дело кто-нибудь воскресает, побеждает смерть. Но если ваш достопочтенный покойник-прадедушка действительно неожиданно вылезет из могилы и потребует пива, начнется паника. И неудивительно. Органическая материя, в которой прекращаются жизненные процессы, разлагается. Внешние проявления такого разложения малопривлекательны. Труп, прости Мильва, воняет, превращается в отвратительное месиво. Бессмертный дух, непременный элемент ваших мифов, с ужасом сбрасывает смердящую падаль и возносится. Он чист, его можно безопасно почитать. Однако вы ухитрились придумать такой отвратительный тип духа, который не улетает, не покидает останки, больше того, не желает даже, опять же, Мильва, прости, вонять. Это отвратительно и противоестественно! Живой мертвец — что может быть для вас отвратительнее? Какой-то кретин даже пустил в оборот термин «мертвяк», которым вы с таким восторгом нас награждаете.

— Люди, — едва заметно усмехнулся Геральт, — раса примитивная и суеверная. Им трудно как следует понять и правильно назвать существо, которое воскресает после того, как его продырявили кольями, обезглавили и на пятьдесят лет закопали в землю.

— Действительно, трудно. — Вампир не обиделся на насмешку. — Ваша мутированная раса восстанавливает ногти, волосы и эпидермис, но не способна согласиться с существованием более совершенных в этом смысле творений. Все, что совершеннее вас, вы считаете отвратительной аберрацией. А отвратительные аберрации вы вставляете в мифы. В социологических целях.

— Ни фига я во всем этом не поняла, — спокойно заметила Мильва, наконечником стрелы откидывая волосы со лба. — Нет, конечно, понимаю, что вы балакаете о сказках, сказки знаю и я, хоть я и дурная девка из леса. Чудно мне, что ты вовсе солнца не боисся, Регис. В сказках солнце вомперов в пепел оборачивает. Это, что ли, тоже сказка?

— Как нельзя более, — сказал Регис. — Вы верите, что вампир опасен только ночью, первый луч солнца превращает его в прах. В основах мифа, родившегося за первобытными кострами, лежит ваша солярность, то есть теплолюбие и суточный ритм, предполагающий дневную активность. Ночь для вас — холодная, темная, недоброжелательная, опасная, полная неожиданностей пора, а восход солнца означает очередную победу в борьбе за выживание, новый день, продолжение жизни. Солнце приносит свет и тепло, живительные для вас солнечные лучи несут гибель враж-

дебным вам монстрам. Вампир рассыпается в пыль, тролль окаменевает, оборотни перестают быть оборотнями, гоблин бежит куда глаза глядят. Ночные хищники возвращаются по своим логовам, перестают угрожать. До самого захода солнца мир принадлежит вам. Повторяю и подчеркиваю: миф возник у костров древнейших стоянок. Теперь он всего лишь миф, потому что вы освещаете и обогреваете свои жилища; и хоть вами все еще управляет солярный ритм, вы сумели победить ночь. Мы, высшие вампиры, тоже немного отдалились от своих первоначальных склепов. Освоили день. Аналогия полная. Такое объяснение тебя, дорогая Мильва, удовлетворяет?

— Не-а. — Лучница отбросила стрелу. — Однако я поняла. Учусь. Умная буду — аж жуть! Социология, активоция, сратовация, вурдолация. В школах, говорят, розгами секут. С вами учиться приятней. Башка трещит малость, зато задница цела.

— Одно не подлежит сомнению, и заметить это легко, — сказал Лютик. — Солнечные лучи не превращают тебя в пепел, Регис, солнечное тепло на тебя так же мало влияет, как раскаленная подкова, которую ты лихо вытащил из огня голой рукой. Однако, возвращаясь к твоим аналогиям, для нас, людей, день навсегда останется естественной порой активности, а ночь — естественной порой отдыха. Таково наше физическое и физиологическое строение: днем, к примеру, мы видим лучше, чем ночью. Исключение — Геральт, который всегда видит одинаково хорошо, но он — мутант. А что, у вампиров это тоже было результатом мутации?

— Можно сказать и так, — согласился Регис. — Хоть я считаю, что мутация, растянувшаяся на достаточно долгое время, перестает быть мутацией, а становится эволюцией. Но то, что ты сказал о физическом строении, очень точно. Приспособление к солнечному свету было для нас печальной необходимостью. Чтобы выжить, мы должны были уподобиться в этом отношении людям. Мимикрия, сказал бы я. Впрочем, имеющая последствия. Воспользуюсь метафорой: мы легли в постель больного.

— Не понял.

— Есть основания думать, что долговременный солнечный свет убийствен. Существует теория, что, по скромным прикидкам, примерно через пять тысяч лет этот мир будут заселять только лунарные существа, активные ночью.

— Хорошо, что не доживу, — вздохнул Кагыр, зевнув во весь рот. — Не знаю, как вам, а мне повышенная дневная активность явно напоминает о необходимости ночного сна.

— Мне тоже, — потянулся ведьмак. — А до восхода убийственного солнца осталось всего несколько часов. Однако, прежде чем нас сморит... Регис, в порядке обучения и расширения познаний, развей еще какой-нибудь миф о вампирах. Я полагаю, еще хоть один да остался неразвеянным.

— Именно, — кивнул вампир. — Еще один. Последний, но в принципе не менее важный. Это миф, продиктованный вам вашими сексуальными фобиями.

— Во, фобиев каких-то приплел, — зевнула Мильва.

Кагыр тихо прыснул.

— Миф я оставил под конец, — Регис смерил его взглядом, — и тактично не стал бы о нем упоминать, но Геральт сам захотел, так что у меня нет причин утаивать. Сильнее всего людьми управляют страхи с сексуальной подоплекой. Девушка, теряющая сознание в объятиях сосущего ее вампира, молодец, млеющий от мерзостных действий вампирки, осыпающей поцелуями его тело, — так вы это себе представляете. Оральное насилие. Вампир парализует жертву страхом и принуждает к оральному акту. Точнее — жуткой пародии на оральный акт. А такой акт, исключающий продолжение рода, есть нечто отвратительное.

— Говори за себя, — буркнул ведьмак.

— Акт, завершающийся не зачатием, а удовлетворением и смертью, — продолжал Регис. — Вы сплели из этого зловещий миф. Сами подсознательно мечтаете о чем-то подобном, но вас передергивает при одной мысли о том, чтобы нечто такое дать партнеру либо партнерше. Потому за вас это делает мифологический вампир, вырастая в связи с этим до размеров привлекательнейшего символа зла.

— Ну, разве ж я не говорила?! — воскликнула Мильва, как только Лютик кончил ей объяснять, что имел в виду Регис. — Ни о чем другом, только об одном! Оратéльный сеск какой-то придумали! Начинаете мудро, а кончаете всегда на жопе! Ораторы! Мать вашу...

***

Журавлиное курлыканье понемногу стихало вдали. «На следующее утро, — вспомнил ведьмак, — мы уже в серьезно улучшившемся настроении двинулись в путь. И тут совершенно неожиданно нас настигла война».

Они шли по заросшему дремучим лесом, практически безлюдному и стратегически маловажному району, который вряд ли мог привлечь агрессоров. Хоть от имперских земель их отделяла всего лишь гладь Большой Яруги, этот рубеж преодолеть было непросто. Тем большим было их изумление.

Война проявилась не столь эффектно, как в Бругге и Содде́не, где по ночам горизонт полыхал пожарами, а днем столбы черного дыма рассекали голубизну неба. Здесь, в Ангрене, было не так зрелищно. Было хуже. Неожиданно возникла стая ворон, с диким карканьем круживших над лесом, а вскоре они наткнулись на трупы. Раздетые и не пригодные для опознания останки являли собою несомненные и откровенные следы насильственной и жестокой смерти. Эти люди были убиты в бою. Но не только. Большинство трупов лежало в зарослях, однако некоторые, зверски искалеченные, висели на ветвях деревьев, подвешенные за руки либо за ноги, протягивали обугленные конечности с погасших костров, торчали на кольях. И воняли. Весь Ангрен вдруг начал смердить жуткой, отвратительной вонью варварства.

Вскоре пришлось прятаться в оврагах и зарослях, потому что справа и слева, спереди и сзади земля загудела от топота копыт кавалерийских коней. И все новые отряды проносились мимо их укрытий, вздымая пыль.

— Снова, — крутил головой Лютик, — снова мы не знаем, кто кого бьет и почему. Снова мы не знаем, кто у нас позади, а кто впереди и куда направляется. Кто нападает, а кто отступает. Чтоб все это ведьма лысая взяла! Не помню, говорил ли я вам уже, но утверждаю, что война всегда напоминала мне охваченный пожаром бордель...

— Говорил, — прервал Геральт, — добрую сотню раз.

— За что тут дерутся? — смачно сплюнул поэт. — За бесплодную землю и пески? Ведь ничем больше не может похвалиться эта очаровательная страна!

— В кустарнике, — сказала Мильва, — валялись и эльфы. Здесь ходят команды скоя'таэлей. Всегда ходили. Тут им дорога лежит, когда добровольцы из Доль Блатанна и Синих Гор в Темерию тянутся. Ктой-то им эту дорогу загородить хочет. Так я думаю.

— Не исключено, — согласился Регис, — что темерская армия устраивает здесь облавы на белок. Но что-то многовато этих войск в районе. Подозреваю, нильфгаардцы все же переправились через Яругу.

— Я тоже, — слегка поморщился ведьмак, глядя на каменное лицо Кагыра. — На трупах, которых мы видели утром, явные следы нильфгаардского метода ведения войны.

— Одни других стоют, — буркнула Мильва, неожиданно взяв молодого нильфгаардца под защиту. — А на Кагыра нечего коситься, потому как теперича вы одной одинаковой и дивной долей повязаны. Ему смерть, ежели Черным в лапы попадет, а ты недавно у темерцев из петли сбег. Чего ж теперь гадать, какое войско у нас взаду, какое впереду, которые свои, которые чужие, которые добрые, которые злые. Ныне все они наши недруги, не гляди, какие цвета носят.

— Ты права.

— Интересно, — сказал Лютик, когда на следующий день они снова затаились в овраге, пережидая, пока пройдет очередная кавалькада. — Войска галопируют по холмам, аж земля гудит, а снизу, от Яруги, слышны топоры. Дровосеки рубят лес как ни в чем не бывало. Слышите?

— Может, дровосеки, — задумался Кагыр, — а может, тоже армия? Какие-то саперные работы?

— Нет, это лесорубы, — сказал Регис. — Ясно — не могут отказаться от ангренского золота.

— Какого золота?

— Взгляните как следует на деревья. — Вампир в очередной раз заговорил тоном всеведущего мудреца, поучающего несообразительных малышей. Такой тон ему доводилось использовать достаточно часто, и это немного раздражало Геральта.

— Это, — продолжал Регис, — кедры, яворы и ангренские сосны. Очень ценный материал. Тут повсюду разбросаны лесосеки-биндюги, на которых вяжут

в плоты и сплавляют вниз по реке стволы. Всюду вырубки, а топоры звенят и день, и ночь. Война, которую мы видим и слышим, обретает ощутимый смысл. Как известно, Нильфгаард захватил устье Яруги, Цинтру и часть Нижнего Соддена. Это означает, что сплавляемый из Ангрена лес уже идет на императорские лесопилки и верфи. Северные королевства пытаются сдержать сплав, а нильфгаардцы — наоборот, хотят, чтобы вырубали и сплавляли как можно больше.

— А нам, как всегда, не везет, — покачал головой Лютик. — Потому что нам надо в Каэд Дху, точь-в-точь через самый пуп Ангрена и этой дровяной войны. Нету, что ли, ё-мое, другой дороги?

«Тот же вопрос, — вспоминал ведьмак, уставившись на заходящее над Яругой солнце, — я задал Регису, как только топот копыт утих вдали, кругом успокоилось и мы смогли наконец двинуться дальше».

— Другая дорога в Каэд Дху? — задумался вампир. — Чтобы обойти взгорья, сойти с дороги армии? Верно, есть такая дорога. Не очень удобная и не очень безопасная. И более длинная. Но войск, гарантирую, мы там не повстречаем.

— Говори.

— Можно свернуть на юг и попробовать перебраться через впадину в излучине Яруги. Через Ийсгит. Знаешь Ийсгит, ведьмак?

— Знаю.

— Доводилось проезжать через лиственный лес, тот, что на мокрых глинах растет?

— Угу.

— Спокойствие в твоем голосе, — откашлялся вампир, — вроде бы свидетельствует о том, что ты одобряешь идею. Ну что ж, нас пятеро, в том числе ведьмак, солдат и лучница. Опыт, два меча и лук. Маловато, чтобы противостоять нильфгаардскому разъезду, но на Ийсгит должно хватить.

«Ийсгит, — подумал ведьмак. — Тридцать с гаком квадратных стае болот и трясин, испещренных глазками озерков. И разделяющие трясины мрачные леса со странными деревьями. У одних стволы покрыты чешуей, а комли — вроде луковиц, более стройные к вершинам, к плоским и густым кронам. Другие — высокие и тощие, сидят на перекрученных вроде осьминожьих щупалец корнях, а с их голых ветвей свисает бахрома мха и высохших болотных растений. Бахрома постоянно шевелится, но не ветер ее шевелит, а ядовитый болотный газ. Ийсгит, или «болотняк», название «смердяк» было бы точнее.

А в трясинах, болотах, прудиках и озерках, заросших ряской и водяной заразой — злодеей, кипит жизнь. Там обитают не только бобры, лягушки, черепахи и водоплавающие птицы. Ийсгит кишмя кишит существами гораздо более опасными, вооруженными клешнями, щупальцами и хватательными конечностями, которыми они ухитряются ловить, калечить, топить и раздирать на части. Этих существ столько, что никто никогда не смог их перечислить и проклассифицировать. Даже ведьмаки».

Сам он тоже редко охотился в Ийсгите, да и вообще в Нижнем Ангрене. Местность была слабо заселена, немногочисленные обитающие по берегам болот люди привыкли смотреть на чудовищ как на элемент ландшафта. Относились к ним почтительно, и им редко приходило в голову нанимать ведьмака, чтобы уничтожить чудовищ. Редко, но все же приходило. Поэтому Геральт знал Ийсгит и его опасности.

«Два меча и лук, — подумал он. — И опыт, моя ведьмачья практика. Вместе у нас должно получиться. Особенно если я пойду впереди и буду внимательно наблюдать за всем — гнилыми стволами, водорослями, кустами, травой, даже орхидеями. Потому как на Ийсгите даже орхидеи порою только выглядят цветком, а на поверку оказываются ядовитым крапауком. Надо будет придерживать Лютика, смотреть, чтобы он ни к чему не прикасался. Тем более что там нет недостатка в растениях, обожающих кусочки мяса в качестве добавки к хлорофилловой диете. Растений, побеги которых, прикоснувшись к коже человека, действуют не хуже крапаучьего яда. Ну и газ, разумеется. Ядовитый газ. Надо подумать о повязках на рот и нос...»

— Ну так как? — вырвал его из задумчивости Регис. — Одобряешь план?

— Одобряю. Двигаем.

«Что-то меня тогда заставило, — вспоминал ведьмак, — не говорить остальным о намерении идти через Ийсгит. Попросить Региса тоже на эту тему не распространяться. Сам не знаю, почему я тянул. Сегодня, когда все полетело к чертовой матери, я мог бы толковать себе, будто обратил внимание на поведение Мильвы. На ее проблемы. На очевидные признаки. Но это было бы неправдой. Ничего я не заметил, а то, что заметил, меня не интересовало. Балбес! И мы продолжали двигаться на восток, не торопясь свернуть к болотам.

С другой стороны, хорошо, что не торопились, — подумал он, доставая меч и пробуя большим пальцем острое как бритва лезвие. — Если б мы тогда сразу поехали к Ийсгиту, сегодня у меня не было бы этого оружия».

С рассвета не было ни видно, ни слышно никаких войск. Мильва ехала первой, далеко опережая остальных. Регис, Лютик и Кагыр беседовали.

— Лишь бы только друиды захотели нам помочь, — опасался поэт. — Случалось мне встречать друидов, и поверьте, это были молчуны, нелюдимы с причудами. Может случиться так, что они вообще не пожелают с нами разговаривать, не говоря уж о том, чтобы примененить магию.

— Регис, — напомнил ведьмак, — кого-то знает в Каэд Дху.

— А не случилось ли это знакомство лет триста или четыреста назад?

— Мы познакомились гораздо позже, — заверил, загадочно улыбнувшись, вампир. — Впрочем, друиды — долгожители. Они постоянно находятся на воз-

духе, среди первобытной и непорушенной природы, и это прекрасно влияет на их здоровье. Дышат полной грудью. Лютик, наполняй легкие лесным воздухом — тоже будешь здоровяком.

— От этого лесного воздуха, — насмешливо бросил Лютик, — я скоро шерстью обрасту, черт. По ночам мне снятся корчма, пиво и баня. А первобытную и непорушенную природу пусть первобытная зараза порушит, ибо сомневаюсь я сильно в ее спасительном влиянии на здоровье, особенно психическое. Упомянутые друиды — лучший тому пример, поскольку они — выжившие из ума психи. Зациклившиеся на своей природе и ее охране. Сколько раз был я свидетелем того, как они подавали петиции властям! «Не охотиться, деревьев не рубить, отходы в реки не спускать» и тому подобная чепуховина. А уж вершиной идиотизма было явиться всей их украшенной венками из омелы делегацией к королю Этайну в Цидарис. Я как раз там был...

— И чего хотели? — полюбопытствовал Геральт.

— Цидарис, как вы знаете, одно из королевств, в которых большинство населения живет рыболовством. Друиды потребовали, чтобы король приказал использовать только сети с определенным размером ячеек и сурово наказывал всех, у кого ячейки окажутся меньше разрешенных. У Этайна челюсть отвисла, а омельщики пояснили, что такие ячейки — единственный способ сохранить рыбные запасы от уничтожения. Но король вывел их на террасу, указал на море и поведал, как однажды самый смелый из его мореходов плыл на запад два месяца и вернулся, потому что на корабле пресная вода кончилась, а суши на горизонте и в помине не было. И они, друиды, думают, спросил он, будто можно вычерпать всю рыбу из такого моря? Вполне можно, заявили омельщики, хотя, несомненно, морское рыболовство дольше других продержится в качестве источника пищи, взятой прямо из природы. Однако же придет время, когда рыб станет недоставать и голод даст о себе знать. Поэтому надо обязательно ловить сетями с большими ячейками, брать взрослых рыб, охранять мелюзгу. Этайн спросил, когда, по мнению друидов, наступит этот ужасный голодный день, а они ему на то — скоро, мол, через две тысячи лет, по их прогнозам. Король любезно попрощался с ними и попросил снова зайти через тысчонку годков, не стесняться. Тогда он и подумает над их предложением. Омельщики шутки не поняли и принялись было возражать, тогда их выставили за ворота.

— Уж такие они, друиды, — подтвердил Кагыр. — У нас в Нильфгаарде...

— Ага! — торжествующе воскликнул Лютик. — «У нас в Нильфгаарде»! Еще вчера, когда я назвал тебя нильфом, ты подпрыгнул так, будто тебя шершень укусил! Может, наконец решишь, кто ты такой?

— Для вас, — пожал плечами Кагыр, — я остаюсь нильфгаардцем, ничто вас, вижу, не убедит. Однако точности ради вам следует знать, что нильфгаардцами в Империи называют только коренных жителей столицы и ее ближайших окрестностей, лежащих в Нижней Альбе. Мой род идет из Виковаро, а значит...

— Тихо, вы! — неожиданно и малолюбезно скомандовала едущая в авангарде Мильва. Все тут же умол-

кли и остановили лошадей, уже зная, что скорее всего девушка видит, слышит или инстинктивно чует нечто такое, что удастся съесть, ежели к этому можно будет подобраться и попасть в него стрелой. Мильва действительно схватила лук, но не спрыгнула с седла. Значит, речь шла не об охоте. Геральт осторожно приблизился.

— Дым, — сказала она кратко.

— Не вижу.

— Понюхай.

Обоняние не подвело лучницу, хоть запах дыма был слабый.

Это не мог быть дым пожара или погорелья. У этого дыма, отметил Геральт, был приятный запах, и шел он от костра, на котором что-то жарилось.

— Обойдем стороной? — вполголоса спросила Мильва.

— Но сначала глянем, — ответил он, слезая с кобылы и бросая поводья Лютику. — Неплохо знать, что обходишь стороной. И кто останется за спиной. Пошли со мной. Другие пусть ждут в седлах. Будьте внимательны.

Из зарослей на опушке раскинулся вид на обширную вырубку и уложенные ровными штабелями стволы. Тоненькая струйка дыма поднималась как раз между штабелями. Геральт немного успокоился — в пределах видимости ничто не шевелилось, а между штабелями было слишком мало места для большой группы людей. Мильва тоже это заметила.

— Лошадей нет, — шепнула она. — Это не армия. Лесорубы, мнится мне.

— Мне тоже. Но пойду проверю. Прикрой.

Когда он крадучись подошел, то услышал голоса. Подошел ближе. И страшно удивился. Но слух его не подвел.

— Пол лепни в шарах!

— Малая куча в звонах!

— Гвинт!

— Пас!

— Вист! Клади карту! А, чтоб тебя!!!

— Ха-ха-ха! Нижник с сеном! Фигня! Усрешься сначала, пока целую кучу наберешь!

— Поглядим! Кладу нижника! Что, взял? И-эх, Язон, спел, как утка жопой!

— Чего бабу-то не поклал, засранец? Эх, взял бы дубину...

Возможно, ведьмак и дальше осторожничал бы — в конце концов, в гвинт мог играть кто угодно, да и Язон — тоже имя не из редких. Однако в возбужденные голоса картежников вдруг ворвался хорошо знакомый скрежет Фельдмаршала Дуба, услышавшего, видимо, в слове одного из картежников нечто знакомое:

— Крррва... мать!

— Привет, парни! — вышел из-за штабеля Геральт. — Рад видеть. К тому же снова в полном составе, даже с генералиссимусом, в смысле с фельдмаршалом!

— Хрен синий! — Золтан Хивай от изумления упустил карты и тут же быстро вскочил на ноги, да так прытко, что сидевший у него на плече Фельдмаршал Дуб захлопал крыльями и испуганно вскрикнул. — Ведьмак, чтоб мне провалиться! Иль фатаморгана? Персиваль, ты видишь то же, что и я?

Персиваль Шуттенбах, Мунро Бруйс, Язон Варда и Фиггис Мерлуццо окружили Геральта и крепко помяли ему правую руку своими ручищами. А когда из-за навала стволов появилась остальная часть группы, шумная радость соответственно усилилась.

— Мильва! Регис! — выкрикивал Золтан, обнимая всех по очереди. — Лютик, живой, хоть с повязкой на башке! Ну, что скажешь, музыкантишка затраханный, относительно очередной мелодраматической банальности? Жизнь, брат, получается, не поэзия! Знаешь, почему? Потому как не поддается критике!

— А где, — осмотрелся Лютик, — Калеб Страттон?

Краснолюды сразу умолкли и посмурнели.

— Калеб, — наконец сказал Золтан, шмыгнув носом, — в земле под березкой спит, далеко от своих любимых вершин и горы Карбон. Когда нас Черные над Иной достигли, он слишком медленно ногами перебирал, до лесу не добег... Огреб по башке мечом, а когда упал, они истыкали его рогатинами. Ну, веселей! Мы уж его оплакали, хватит. Радоваться надо. Вы вон в комплекте из суматохи лагерной вышли. Ха, даже приросла дружина-то, как вижу..

Кагыр наклонил голову под внимательным взглядом краснолюда, но смолчал.

— Ну, присаживайтесь, — пригласил Золтан. — Мы тут овечку запекаем. Наткнулись пару дней тому, одинокая и грустная, ну не дали мы ей злой смертью погибнуть с голода или в волчьей пасти, милостиво прирезали и на жратву перерабатываем.

Садитесь. А тебя, Регис, на минутку в сторонку попрошу. Геральт, тебя тоже...

За штабелем сидели две женщины. Одна кормила грудью младенца. Увидев приближающихся мужчин, скромно отвернулась. Рядом молодая девушка с обмотанной не очень чистой тряпицей рукой играла на песке с двумя ребятишками. Эту ведьмак узнал сразу, как только она подняла на него затуманенные, равнодушные глаза.

— Отвязали мы ее от телеги, которая уже горела, — пояснил краснолюд. — Еще б немного, и кончилась бы так, как хотел тот взъевшийся на нее попина. Огненное крещение все ж прошла. Лизнуло ее пламя, припекло до живого мяса. Ну, перевязали, как могли, салом помазали. Но это малость не то. Цирюльник, вот если б ты мог...

— Незамедлительно.

Регис хотел развернуть повязку, но девушка запищала, отступила и заслонила лицо здоровой рукой. Геральт подошел, чтобы ее придержать, но вампир жестом остановил его. Глубоко заглянул в бездумные глаза девушки, и та тут же успокоилась, обмякла. Голова опустилась на грудь. Она даже не дрогнула, когда Регис осторожно отлеплял грязную повязку и мазал обожженное предплечье резко и странно пахнущей мазью.

Геральт отвернулся, поглядел на женщин, на детей, потом на краснолюда. Золтан откашлялся.

— На бабу, — пояснил он вполголоса, — и двух малолеток мы наткнулись здесь, в Ангрене. Потерялись они, одни были, напуганные и голодные, ну, так прибрали мы их, охраняем. Как-то так уж получилось...

— Вечно у тебя как-то так получается, — повторил Геральт, слегка улыбнувшись. — Неисправимый ты альтруист, Золтан Хивай.

— У каждого свои недостатки. Вон ты, к примеру, по-прежнему девчонке на спасение торопишься.

— По-прежнему. Хоть дело усложнилось.

— Из-за нильфгаардца, который раньше за тобой следил, а теперь к компании пристал?

— Частично. Золтан, откуда беженцы? От кого бежали? От Нильфгаарда или белок?

— Трудно сказать. Ребятня ни хрена не знает, бабы малоразговорчивы и сторонятся, неведомо почему. Капризничают. Выругаешься при них или пёрнешь, так словно буряки краской наливаются... Ладно. Но встречали мы других беженцев, лесорубов, от них знаем, что бушует тут Нильфгаард. Старые наши знакомцы, пожалуй, разъезд, который с запада пришел, из-за Ины. Но есть тут вроде бы группы, что и с юга пришли. Из-за Яруги.

— А с кем бьются?

— Загадка. Лесорубы говорили о войске, которым какая-то Белая Королева командует. Эта королева Черных бьет. Кажется, даже на тот берег Яруги перебирается со своим войском, на императорские земли огонь и меч несет.

— Что за войско?

— Представления не имею, — почесал ухо Золтан. — Видишь ли, каждый день тут какие-то вооруженные по просекам мотаются, но мы не спрашиваем, кто такие. Прячемся по кустам...

Разговор прервал Регис, управившийся с обожженным предплечьем девушки.

— Перевязку надо менять ежедневно, — сказал он краснолюду. — Я оставлю мазь и бинт, который не прилипает к ожогу.

— Спасибо, цирюльник.

— Рука у нее заживет, — тихо сказал вампир, глядя на ведьмака. — Со временем даже шрам исчезнет с молодой кожи. Хуже с головой. Этого моей мазью не вылечишь.

Геральт молчал. Регис вытер руки тряпочкой.

— Рок либо проклятие, — сказал он вполголоса. — Уметь почувствовать в крови болезнь, всю суть болезни, и быть не в состоянии вылечить...

— Оно, конечно, — вздохнул Золтан, — кожу латать — одно дело, а вот разум исправить никто не сумеет. Только заботиться да опекать. Спасибо за помощь, цирюльник. Ты, гляжу, тоже к ведьмачьей компании пристал?

— Как-то так уж получилось.

— Хм, — погладил Золтан бороду. — И куда вы направляетесь Цири искать?

— Идем к Каэд Дху, в друидский круг. Надеемся на помощь друидов.

— Ниоткуда нету помощи, — проговорила звучным, металлическим голосом сидящая у штабеля девушка с перевязанной рукой. — Ниоткуда нету помощи. Только кровь. И огненное крещение. Огонь очищает. Но и убивает.

Регис сильно ухватил за руку остолбеневшего Золтана, жестом велел ему молчать. Геральт, который знал, что это гипнотический транс, не шевелился.

— Кто кровь проливал и кто кровь пил, — говорила девушка, не поднимая головы, — тот кровью заплатит. Три дня не минуют, одно умрет в другом, и тогда что-то умрет в каждом. Понемногу будут умирать, понемножечку... А когда сотрутся подошвы железные и высохнут слезы, тогда умрет последнее, что еще осталось. Умрет даже то, что никогда не умирает.

— Говори, — тихо и ласково сказал Регис. — Говори, что ты видишь.

— Туман. В тумане Башня. Это Башня Ласточки... На озере, которое сковано льдом.

— Что еще?

— Туман.

— Что чувствуешь?

— Боль...

Регис не успел задать следующего вопроса. Девушка дернула головой, дико закричала, завыла, а когда подняла глаза, в них действительно был один лишь туман.

Золтан, вспоминал Геральт, все еще водя пальцами по покрытому рунами оружию, после той истории с девушкой проникся к Регису уважением, отбросил фамильярный тон. Выполняя просьбу Региса, они ни слова не сказали остальным о странном явлении. Ведьмак не очень-то обеспокоился. Ему уже доводилось видывать подобные трансы, и он в общем-то полагал, что болтовня загипнотизированных была не вещанием, а повторением уловленных мыслей и подсознательных внушений гипнотизера. Правда, сейчас был не гипноз, а вампировы чары, и Геральта немного интересовало, что бы околдованная девушка еще выловила из мыслей Региса, продлись транс дольше.

Полдня они шли вместе с краснолюдами и их подопечными. Потом Золтан Хивай остановился и отозвал ведьмака в сторону.

— Надо расходиться, — сказал он кратко. — Мы, Геральт, решили. На севере уже голубеет Махакам, а долина эта ведет прямо в горы. Довольно приключений. Хватит. Мы возвращаемся к своим. К горе Карбон.

— Понимаю.

— Приятно знать. Желаю счастья, тебе и твоей компании. Странной компании, осмелюсь заметить.

— Они хотят мне помочь, — тихо сказал ведьмак. — Для меня это нечто новое. Поэтому я решил не доискиваться, что ими движет.

— Умно. — Золтан скинул с плеча свой краснолюдский сигилль в лаковых ножнах, обернутых кошачьими шкурками. — На, держи, прежде чем наши пути разошлись.

— Золтан...

— Не болтай, ведьмак, бери. Мы войну в горах пересидим, зачем нам железо? Но приятно будет порой за кружкой пива вспомнить, что выкованный в Махакаме сигилль в добрые руки попал и за доброе дело свищет. Не опозорится. А ты, когда этим клинком обидчиков твоей Цири будешь хлестать, рубани хоть одного за Калеба Страттона. И вспомни Золтана Хивая и краснолюдские кузни.

— Будь уверен. — Геральт принял меч, закинул за спину. — Можешь быть уверен, Золтан Хивай, краснолюд, — добро, искренность и справедливость навсегда остаются в памяти.

— И верно, — прищурился краснолюд. — Поэтому и я не забуду ни тебя, ни мародеров на лесной вырубке, ни Региса и подковы в огне. А что до взаимности и искренности...

Он заговорил тише, кашлянул, отхаркался, сплюнул.

— Мы, Геральт, обработали купца под Диллингеном. Богача, который на гавенкарской торговле разжирел. Когда он загрузил драгоценности и золото на воз и драпанул из города, мы устроили на него засаду. Он аки лев защищал свое имущество, помощь кликал. Вот я ему несколько разков обушком по кумполу и дал. А дальше уж он спокойный был и тихонький. Помнишь туеса, которые мы тащили, потом на телеге везли и наконец у речки О в землю зарыли? Там-то и было гавенкарское добро. Разбойничья добыча, на которой мы свое будущее строить собираемся.

— Зачем ты все это мне говоришь, Золтан?

— Потому как тебя, думается, не так давно здорово подвела обманчивая внешность. То, что ты принимал за добро и справедливость, оказалось дрянным и паршивым под красивой маской. Тебя легко обмануть, ведьмак, потому что ты не хочешь замечать, что людьми движет. Их побуждений. А я не хочу тебя обманывать. Так что не гляди на этих баб и детишек, не считай стоящего перед тобой краснолюда справедливым и благородным. Бандит перед тобой стоит, грабитель и, может, убийца. Потому как не исключено, что побитый

мною гавенкар так и не очухался, валяясь во рву на Диллигенском тракте.

Он долго молчал, глядя на далекие, тонущие в облаках горы на севере.

— Ну, бывай, Золтан, — сказал наконец Геральт. — Быть может, силы, в существовании которых я понемногу начинаю сомневаться, позволят нам когда-нибудь встретиться еще. Я б хотел этого. Хотел бы познакомить тебя с Цири, хотел бы познакомить ее с тобой. Но даже если это не получится, знай — я не забуду тебя. Бывай, краснолюд.

— Ты, человек, подашь мне руку? Мне — разбойнику и бандиту?

— Не задумываясь. Меня теперь уже не так легко обмануть, как прежде. И хоть я и не всегда догадываюсь о побудительных причинах, но понемногу овладеваю искусством заглядывать под маскарадные маски.

Геральт махнул сигиллем и перерубил пополам пролетающую мимо бабочку.

«После расставания с Золтаном и его группой, — вспоминал он, — мы наткнулись в лесах на группу кочующих кметов. Часть, увидев нас, разбежалась, некоторых Мильва остановила, угрожая луком. Оказалось, что кметы до недавних пор были нильфгаардскими пленниками. Их согнали рубить кедры, но несколько дней назад на стражников напал какой-то отряд и освободил их. Сейчас они возвращались по

домам. Лютик во что бы то ни стало хотел выяснить, кем были эти освободители, расспрашивал дотошно».

— Энти воины, — повторил кмет, — под Белой Королевой ходют. Громят Черных, ого-го! Балакали, мол, они словно гарилы на вражьих тылах...

— Кто-кто?

— Я ж говорю — гарилы.

— Гориллы, черт возьми, — поморщился Лютик и махнул рукой. — Ох, люди, люди... Какие знаки, спрашиваю, армия носила?

— Разные, господин. Особливо конные. Пехтура — красное чего-то.

Кмет взял ветку и накарябал на песке ромб.

— Ромб? — удивился сведущий в геральдике Лютик. — Не темерская лилия, а ромб, герб Ривии. Интересно. До Ривии отсюда добрых двести верст. Я уж не говорю о том, что армия Лирии и Ривии полностью уничтожена во время боев в Доль Ангре и под Альдерсбергом, а страну оккупирует Нильфгаард... Ничего не понимаю!

— Это нормально, — обрезал ведьмак. — Хватит болтать. В путь.

— Ха! — крикнул поэт, все время раздумывавший над полученной от кметов информацией. — Сообразил! Не гориллы, а герильясы! Партизаны! На тылах врага, понимаете?

— Понимаем, — кивнул Кагыр. — Одним словом, на этих территориях действуют партизаны нордлингов. Какие-то подразделения, сформированные, видимо, из остатков войск Лирии и Ривии, разбитых в середине июля под Альдерсбергом. Я слышал об этой битве, когда был у белок.

— Такое известие я полагаю утешительным, — заявил Лютик, гордый тем, что именно ему, а не кому-то еще удалось расшифровать «гарилью» загадку. — Даже если у мужиков в голове попутались геральдические знаки, то скорее всего мы имеем дело не с армией Темерии. Я не думаю, чтоб до ривских герильясов уже дошла весть о двух шпионах, таинственным образом сбежавших недавно из-под виселицы маршала Виссегерда. Если мы натолкнемся на этих партизан, то, может, удастся отбрехаться.

— Рассчитывать на это можно, — сказал Геральт, успокаивая брыкающуюся Плотву. — Но, честно говоря, я предпочел бы не встречаться.

— Но это же твои соплеменники, ведьмак, — сказал Регис. — Тебя же зовут Геральт из Ривии.

— Небольшая поправка, — сказал ведьмак. — Я сам себя так нарек, чтобы было покрасивее. У моих клиентов имя с такой добавкой вызывает больше доверия.

— Понимаю, — усмехнулся вампир. — Только почему ты вдруг выбрал Ривию? Ты оттуда, что ли?

— Вытягивал прутики, помеченные разными звучными названиями. Такую методу мне посоветовал мой наставник. Не сразу. Но когда я упорно просил именовать себя Геральтом Роджером Эриком дю Хо-Бел-

легардом, то Весемир решил, что это смешно, претенциозно и звучит идиотски. Сдается, он был прав.

Лютик громко фыркнул, многозначительно взглянув на вампира и нильфгаардца.

— Мое многочленное имя, — проговорил несколько обиженный его взглядом Регис, — имя настоящее. Согласующееся с вампирьей традицией.

— Мое тоже, — поспешил пояснить Кагыр. — Маур — имя моей матери, а Дыффин — прадеда. И не вижу здесь ничего смешного, поэт. А сам-то ты, интересно бы узнать, тебя-то самого как зовут? Ведь «урезанный» Лютик — явный псевдоним.

— Я не могу выдавать вам свое настоящее имя и пользоваться им, — таинственно ответствовал бард, гордо задирая нос. — Оно слишком знаменито.

— Меня, — неожиданно включилась в разговор Мильва, долго и угрюмо молчавшая, — здорово злило, когда меня сокращали в Майю, Маню, Марыльку. Кто такое имя слышит, зараз думает, что можно по заднице шлепнуть.

Темнело. Журавли улетели, их курлыканье утихло вдали. Успокоился ветер, веющий с гор. Ведьмак убрал сигилль в ножны.

«Можно было ожидать раньше, — подумал он. — Но кто из нас, кроме Региса, разбирался в таких делах? Нет, конечно, все заметили, что Мильву часто по утрам рвет. Но мы порой ели такое, что всех наизнанку выворачивало. Лютик тоже блевал раза два, а у Кагыра как-то разыгрался такой понос, что он перепугался, уж

не дизентерия ли это. А то, что девушка то и дело слезает с коня и уходит в кусты, я принял за воспаление мочевого пузыря...

Ну, балбес!

Регис, кажется, догадывался. Но молчал. Молчал до тех пор, когда больше уже молчать было нельзя. Когда мы остановились в покинутом лесорубами шалаше, Мильва отозвала его в лес и они долго, временами очень громко, разговаривали. Вампир вернулся из леса один. Варил и смешивал какие-то травы, потом неожиданно попросил всех нас в шалаш. Начал он издалека, как всегда, своим действующим на нервы менторским тоном».

— Обращаюсь ко всем, — повторил Регис. — Как ни говори, мы — команда и несем коллективную ответственность. Здесь ничего не меняет тот факт, что, вероятнее всего, среди нас отсутствует тот, кто несет самую большую — индивидуальную — ответственность. Я бы сказал так: непосредственную.

— Выражайся, язви тебя в душу, если она у тебя, конечно, есть, яснее, — занервничал Лютик. — Команда, коллектив, ответственность... Что с Мильвой? Чем она больна?

— Это не болезнь, — тихо сказал Кагыр.

— Во всяком случае, не в прямом значении этого слова, — подтвердил Регис. — Мильва беременна.

Кагыр кивнул, показав тем самым, что догадывался. Лютик осоловел. Геральт прикусил губу.

— Который месяц?

— Она отказалась назвать, притом в весьма малолюбезной форме, какую-либо дату, в том числе и дату последних месячных. Но я в этом разбираюсь. Десятая неделя.

— Значит, забудь о своих патетических намеках на непосредственную и индивидуальную ответственность, — угрюмо сказал Геральт. — Это не мы. Если у тебя и были какие-то сомнения, то я их отвожу. Однако ты совершенно прав, говоря о коллективной ответственности. Нам сразу и неожиданно достались, я бы сказал так, роли отцов и мужей. Послушаем, что скажет лекарь. Внимательно.

— Нормальное, регулярное питание, — начал перечислять Регис. — Никаких стрессов. Здоровый сон. А вскоре — конец конной езде.

Молчали долго.

— Понятно, — сказал наконец Лютик. — У нас проблемы, милсдари мужья и отцы.

— И более крупные, чем вы думаете, — сказал вампир. — Либо менее. Все зависит от точки зрения.

— Не понимаю.

— А должен бы, — буркнул Геральт.

— Она потребовала, — после краткого молчания проговорил Регис, — чтобы я приготовил и дал ей некий сильно и радикально действующий... медикамент. Она считает это ремедиумом против хлопот. Она настроена весьма решительно. Весьма.

— Ты дал?

— Не посоветовавшись с другими... отцами и мужьями? — усмехнулся Регис.

— Лекарство, о котором она просит, — тихо проговорил Кагыр, — не чудесная панацея. У меня три сестры, я знаю, что говорю. Она, кажется, думает, что вечером выпьет отвар, а наутро двинется вместе с нами. Ничего подобного. Ничего. Понадобится не меньше десяти дней, прежде чем можно будет посадить ее на лошадь. Ты, Регис, должен ей об этом сказать до того, как дать лекарство. А дать сможешь только тогда, когда мы найдем для нее кровать. Кровать и чистую постель.

— Понял, — кивнул Регис. — Один голос за. А ты, Геральт?

— Чего — я?

— Господа любезные. — Вампир обвел их своими темными глазами. — Не прикидывайтесь, будто не понимаете.

— В Нильфгаарде, — сказал Кагыр, краснея и опуская голову, — в таких вопросах решающий голос остается за женщиной. Никто не может влиять на ее решение. Регис сказал, что Мильва решила... воспользоваться медикаментом. Только поэтому, исключительно поэтому, я начал невольно думать о предстоящем как о свершившемся факте. И о его последствиях. Но я — чужеземец, не разбирающийся в ваших... Я вообще в такие дела не имею права вмешиваться. Простите.

— За что? — удивился трубадур. — Ты что, действительно принимаешь нас за дикарей, нильфгаардец? За примитивное племя, подчиняющееся каким-то шаманским табу? Разумеется, только женщина может принять решение, это ее неотъемлемое право. Если Мильва решается на...

— Замолкни, Лютик, — буркнул ведьмак. — Заткнись, очень тебя прошу.

— Ты думаешь иначе? — взорвался поэт. — Ты хотел бы ей запретить, либо...

— Заткнись, черт побери, иначе я за себя не ручаюсь. Сдается мне, Регис, ты проводишь среди нас нечто вроде плебисцита. Зачем? Медик — ты. Снадобья, которые она просит... Да, снадобья, к слову «медикамент» у меня как-то душа не лежит — гляньте-ка, опять душа вылезла! Только ты можешь это снадобье приготовить и дать. И ты это сделаешь, если она попросит опять. Не откажешь.

— Медикамент уже готов. — Регис показал маленькую бутылочку из темного стекла. — Если она попросит снова, я не откажу. Если попросит!

— Так в чем же дело? В нашем единомыслии? Во всеобщем одобрении? Ты этого ожидаешь?

— Ты прекрасно знаешь, в чем дело, — сказал вампир. — Верно чувствуешь, что надо сделать. Но поскольку спрашиваешь, отвечаю. Да, Геральт, дело именно в этом. Да, именно это следует сделать. Нет, этого ожидаю не я.

— Ты можешь выражаться яснее? — спросил Лютик.

— Нет, — ответил вампир. — Яснее уже не могу. Тем более что и надобности нет. Верно, Геральт?

— Верно. — Ведьмак положил голову на сплетенные пальцы. — Да, черт побери, верно. Но почему ты смотришь на меня? Это должен сделать я? Но я не умею. Не смогу. Я совершенно не гожусь на эту роль. Совершенно, понимаете?

— Нет, — возразил Лютик. — Совершенно не понимаем. Кагыр, ты понимаешь?

Нильфгаардец взглянул на Региса, потом на Геральта.

— Пожалуй, да, — сказал он медленно. — Так мне кажется.

— Ага, — кивнул трубадур. — Ага. Геральт понял с ходу. Кагыру кажется, что он понимает. Я явно нуждаюсь в пояснениях, но сначала мне велят молчать, потом я слышу, что нет нужды, чтобы я понимал. Благодарствую. Двадцать лет на службе поэзии достаточно много, чтобы знать: есть вещи, которые либо понимаешь сразу, даже без слов, либо не поймешь никогда.

Вампир улыбнулся.

— Не знаю никого, — сказал он, — кто мог бы выразить это изящнее.

Стемнело совершенно. Ведьмак встал.

«Двум смертям не бывать, — подумал он. — От этого не уйти. Нечего тянуть. Надо это сделать. Надо — и конец».

Мильва сидела в одиночестве около небольшого костерка, который разожгла в лесу, в яме от вывороченного дерева, вдали от шалаша лесорубов, где ночевали остальные. Она не вздрогнула, услышав его шаги. Словно ожидала его. Только подвинулась, дав ему место на поваленном стволе.

— Ну и что? — бросила резко, не ожидая, пока он что-нибудь скажет. — Наделала я вам дел, а?

Он не ответил.

— Небось и не предполагал, когда мы отправлялись, а? Когда меня в компанию брал? Небось думал, ну и что, что хамка, что дурная девка деревенская? Разрешил ехать. Потрепаться с ней в дороге о мудростях всяких — небось думал — не потрепешься, а сгодиться может. Здоровая, крепкая баба, из лука шьет, задницы в седле не натрет, а станет опасно, не наделает в портки, польза от нее будет. А вышла не польза, а одно горе. Колода на ноге. Разобрало дурную девку...

— Зачем ты поехала со мной? — спросил он тихо. — Почему не осталась в Брокилоне? Ты же знала...

— Знала... — быстро прервала она. — Ведь среди дриад была, а они мигом узнают, что с девкой, от них не утаишься. Они узнали, прежде чем я сама... Но, мнилось мне, так-то быстро меня слабость не возьмет. Думала, будет нужда, выпью спорыньи или другого какого отвара, и не заметишь, не догадаешься...

— Все не так просто.

— Знаю. Вомпер сказал. Долго я слишком валандалась, все размышляла, колебалась. Теперь уж гладко не пройдет...

— Я не это имел в виду.

— Зараза, — сказала она, помолчав. — Подумать! Я-то на Лютика грешила! Потому как видела, что он токо пыжится, а сам-то пустышка, слабак, к труду не привычный, того и гляди дальше идти не сможет и придется его бросить. Думала, будет плохо, вернусь с Лютиком... А глянь, Лютик-то хват, а я...

Голос у нее надломился. Геральт обнял ее. И тут же понял, что это было то движение, которого она ждала, которое ей было невероятно нужно. Шершавость и жестокость брокилонской лучницы мгновенно испарились, осталась дрожащая, тонкая мягкость испуганной девушки. Но именно она прервала затянувшееся молчание.

— Так ты мне и тада сказал... В Брокилоне. Мол, мне нужна будет... рука. Что буду я ночью кричать, в темноту... Ты здесь, я чувствую твое плечо рядом с моим... А кричать все равно хочется... О-ей-ей... Ты почему дрожишь?

— Да так, ничего. Воспоминание.

— Что со мной будет?

Он не ответил. Вопрос был адресован не ему.

— Папка мне однажды показал... У нас у реки такая черная оса живет, что в живую гусеницу яйца откладывает. Из яиц осята вылупляются, гусеницу заживо съедают... Изнутри... Сейчас во мне такое же сидит. Во мне, внутри, в моем собственном животе. Растет, все растет и заживо меня сожрет...

— Мильва...

— Мария. Мария я — не Мильва. Какая из меня Каня? Коршун? Квочка я с яйцом, не Коршун... Мильва с дриадами хохотала на побоище, вырывала стрелы из окровавленных трупов — не пропадать же добру, жаль доброго наконечника! А ежели который еще дышал, то ножом его по горлу! Вжик! На такую судьбу Мильва предательством выводила тех людей и хохотала... Их кровь кричит теперь. Та кровь, словно осиный яд, пожирает теперь Марию изнутри. Мария расплачивается за Мильву. За Каню-Коршуна.

15 Зак. № 548

Он молчал. В основном потому, что не знал, что сказать. Девушка сильнее прильнула к его плечу.

— Я вела в Брокилон команду скоя'таэлей, — сказала она тихо. — На Выжигах это было, в июне, с неделю до соботки. Загнали нас, битва была, ушли мы в семь коней: пятеро эльфов, одна эльфка и я. До Ленточки с полверсты, но конные за нами, конные перед нами, кругом тьма, мочага, болоты... Ночью упрятались мы в лозники, надо было коням передышку дать. Да и себе. Тогда-то эльфка разделась без слова, легла... Уйти или прикинуться, мол, не вижу? Кровь в виски колотит, а она вдруг и говорит: «Кто знает, говорит, что утром будет? Кто, говорит, Ленточку перейдет, а кто землю охватит? En'ca, говорит, minne. Так и сказала: маленько, дескать, любви. Только так, говорит, можно победить смерть. И страх». Они боялись, она боялась, и я боялась... И разделась я тоже и легла неподаль, попону под спину подстелила... Когда меня первый обнял, я зубы стиснула, потому как не готова была, испуганная и сухая... Но он мудрый был, эльф ведь, токо с виду молодой... Умный... Нежный... Мхом пахнул, травами и росой... К другому я сама руки протянула... С желанием... Маленько любви? Бес один знает, сколь в том было любви, а сколь страху, но страху было поболе, так мне мнится... Потому как любовь-то была притворная, хоть и добрая, но притворная все ж, словно в ярмарочной игре, как в вертепе, ведь там-то, если актеры способные, то даже забываешь, что притворное; а что правдивое. А страх был. Настоящий был страх.

Геральт молчал.

— А смерти все ж не удалось нам преобороть. На заре двух убили, пока мы до берега Ленточки дошли. Из тех трех, что выжили, ни одного боле не видела. Мамка моя говорила, что девка завсегда знает, чей плод в животе носит... А я не знаю. Я даже и имен-то тех эльфов не знала, откуда ж мне ведать-то? Скажи, откуда?

Он молчал. Позволяя своей руке говорить за себя.

— Да и зачем мне было знать? Вомпер уж спорыньи наварил... Придется вам меня оставить в какой-нито деревне... Нет, не говори ничего, молчи. Я знаю, какой ты. Ты даже своей норовистой кобылы не бросишь, не оставишь, на другую не выменяешь, хоть и грозишься весь час. Ты не из тех, кто бросает. Но теперь — надо. Я просто в седле не усижу. Но знай: как токо оздоровею, двину за вами вслед. Потому как хочу, чтобы ты свою Цирю отыскал, ведьмак. Чтобы ты ее с моей помощью отыскал и возвернул.

— Так вот почему ты поехала за мной? — сказал он, потирая лоб. — Вот почему.

Она опустила голову.

— Потому ты и поехала за мной, — повторил он. — Отправилась, чтобы помочь спасти чужого ребенка. Хотела расплатиться. Отдать долг, о котором думала уже тогда, отправляясь за мной... Чужой ребенок за своего. И я обещал тебе помочь в нужде. Мильва, я не смогу тебе помочь. Поверь, не смогу.

Теперь молчала она. Он не мог. Чувствовал, что ему нельзя молчать никак.

— Тогда, в Брокилоне, я остался твоим должником и поклялся, что расплачусь за это. Неразумно. Глупо. Ты помогла мне в тот момент, когда помощь была мне

необходима. Такой долг невозможно возвратить. Нельзя заплатить за то, что не имеет цены. Некоторые утверждают, будто каждая, абсолютно каждая вещь в мире имеет свою цену. Это неправда. Есть вещи, у которых нет цены, они бесценны. Их проще всего узнать: стоит только их потерять, и все — они уже потеряны навсегда. Я сам потерял очень многое. Поэтому сегодня не могу тебе помочь.

— Ты мне как раз помог, — очень спокойно ответила она. — Ты даже не знаешь, как помог. А теперь уходи. Пожалуйста. Оставь меня одну. Уходи, ведьмак. Уходи, пока ты не до конца развалил мой мир.

Когда на заре они двинулись в путь, Мильва поехала впереди, спокойная и улыбчивая. А когда следовавший за ней Лютик принялся бренчать на лютне, она посвистывала в такт мелодии.

Геральт и Регис замыкали процессию. После долгого молчания вампир взглянул на ведьмака, усмехнулся одобрительно и удивленно. Покачал головой. Потом вытащил из своей медицинской торбы маленькую бутылочку темного стекла, показал Геральту. Улыбнулся снова и кинул бутылочку в кусты.

Ведьмак молчал.

Когда они остановились напоить коней, Геральт отвел Региса в укромное место.

— Планы меняются, — сообщил он сухо. — Мы не поедем через Ийсгит.

Вампир минуту помолчал, буравя его черными глазами. Потом сказал:

— Если б я не знал, что как ведьмак ты опасаешься только реальных угроз, я б подумал, что ты принял близко к сердцу болтовню ненормальной девчонки.

— Но ты знаешь. Поэтому подумаешь логично.

— Ну-ну. Однако хочу обратить твое внимание на следующее: во-первых, состояние, в котором находится Мильва, не болезнь и не дефект. Конечно, девушка обязана о себе заботиться, но она совершенно здорова и разумна. Я бы даже сказал — весьма разумна. Гормоны...

— Брось менторский и отдающий превосходством тон, — прервал Геральт. — Он начинает действовать на нервы.

— Это был первый вопрос, — напомнил Регис, — из двух, которые я намерен был затронуть. А вот второй: когда Мильва обнаружит твою сверхзаботливость и поймет, что ты носишься с ней как курица с яйцом, она взбеленится, а затем последует стресс, который ей абсолютно противопоказан. Геральт, я не хочу быть ментором. Хочу быть рациональным.

Геральт не ответил.

— Есть еще и третья проблема, — добавил Регис, по-прежнему сверля его глазами. — Идти через Ийсгит нас заставляет не энтузиазм и жажда приключений, а необходимость. По горам шатаются войска, а нам необходимо добраться в Каэд Дху. Мне казалось, это срочно. Казалось — тебе важно как можно скорее добыть информацию и двинуться на спасение твоей Цири

— Важно. — Геральт отвел глаза. — Мне очень важно. Я хочу спасти и вернуть Цири. До последнего времени я думал, что любой ценой. Но нет. Этой — нет. Этой ценой я не заплачу, на такой риск не пойду. Не согласен. Мы не пойдем через Ийсгит.

— Альтернатива?

— Другой берег Яруги. Поедем вверх по течению, далеко за трясины. Переправимся через Яругу на высоте Каэд Дху. Если будет трудно, переправимся к друидам только вдвоем. Я переплыву, ты перелетишь под видом нетопыря. Что так смотришь? Ведь то, что река для вампира — преграда, это просто еще один миф и предрассудок. А может, я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Но летать я могу только в полнолуние.

— До полнолуния всего две недели. Пока мы доберемся до нужного места, как раз и будет почти полнолуние.

— Геральт, — сказал вампир, по-прежнему не спуская с ведьмака взгляда. — Странный ты человек, ведьмак. Для ясности: это не было определение уничижительное. Ну ладно. Отказываемся от Ийсгита, опасного для женщин в интересном положении. Переправимся на другой берег Яруги, по твоему мнению, безопасный.

— Я умею оценивать степень риска.

— Не сомневаюсь.

— Мильве и остальным ни слова. Если спросят, скажешь, что это часть нашего плана.

— Разумеется. Начинаем поиски лодок.

* * *

Долго искать не пришлось, а результат поисков превзошел все ожидания. Отыскалась даже не лодка, а паром. Спрятанный среди верб, ловко замаскированный ветками и пучками камыша, паром выдал канат, связывающий его с левым берегом. Нашелся и паромщик. Увидев их, он быстро шмыгнул в кусты, но Мильва засекла его и вытащила из укрытия за воротник, попутно спугнув и помощника, могучего сложения парня с плечами богатыря и лицом законченного идиота. Паромщик трясся от страха, глаза у него бегали, словно пара мышей по пустому амбару.

— На тот берег? — Паромщик икнул, узнав, чего от него ждут. — Ни за что! Там нильфгаардская земля, а теперича военный час! Схватют — на кол натянут! Не поплыву! Убейте, не поплыву!

— Убить можем, — скрипнула зубами Мильва. — Предварительно исколотить тоже можем. А ну, раскрой еще пасть — увидишь, что можем!

— Военный час, — вампир просверлил паромщика взглядом, — наверняка тебе в контрабанде не помеха, а, добрый человек? На то тебе и паром, хитро установленный подальше от королевских и нильфгаардских форпостов, я не ошибаюсь? А ну, давай, сталкивай его на воду.

— Так-то оно будет разумнее, — добавил Кагыр, поглаживая рукоять меча. — Будешь волокитить, переправимся сами, без тебя, паром останется на том берегу, и чтобы его вернуть, придется тебе плыть по-лягушачьи,

брассом, стало быть. А так — переправишь нас и вернешься. Часок страха — и забудешь.

— А станешь упираться, стервь, — снова пригрозила Мильва, — так приложу, до зимы не забудешь!

Перед лицом суровых, не подлежащих обсуждению аргументов паромщик отступил, и вскоре уже вся команда была на пароме. Некоторые лошади, особенно Плотва, упирались и не хотели грузиться, но паромщик и его придурковатый помощник, видимо, сталкивались с такой ситуацией не раз, что доказывала ловкость, с которой они управились с упирающимися лошадьми. Дурачок-гигант на пару с паромщиком принялся крутить ворот, приводящий в движение посудину, и переправа началась.

Когда выплыли на открытую воду и их охватил ветер, настроение улучшилось. Переправа через Яругу была чем-то новым, иным этапом, указывающим на прогресс в движении. Впереди был нильфгаардский берег, рубеж, граница. Все вдруг оживились. Это передалось даже глуповатому помощнику паромщика, который ни с того ни с сего принялся насвистывать какую-то кретинскую мелодийку. Геральт тоже чувствовал странную эйфорию, словно из ольховника на левом берегу вот-вот выглянет Цири и радостно крикнет, увидев его.

Вместо Цири крикнул паромщик. И отнюдь не радостно.

— О боги! Мы пропали! Гляньте туды!

Геральт взглянул в указанном направлении и выругался. Меж ольховин на высоком берегу сверкнули доспехи, загудели копыта. Еще мгновение, и левобережная паромная пристань почернела от конников.

— Черные! — взвизгнул паромщик, бледнея и отпуская ворот. — Нильфгаардцы! Смерть! Спасите, боги!

— Держи коней, Лютик! — заорала Мильва, пытаясь одной рукой вытащить лук из луба. — Держи коней!

— Это не имперские, — сказал Кагыр. — Мне кажется...

Его голос заглушили крики конников на пристани. И крик паромщика. Подгоняемый его криком придурковатый помощник схватился за топор, размахнулся и с силой опустил острие на канат. Паромщик помог вторым топором. Конники на пристани это увидели и тоже принялись орать. Несколько человек въехали в воду, схватили канат. Некоторые бросились к парому вплавь.

— Оставьте канат в покое! — крикнул Лютик. — Это не нильфгаардцы! Не перерубайте...

Однако было уже поздно. Перерубленный канат тяжело плюхнулся в воду, паром развернулся, и его подхватило течение. Конники на берегу подняли страшный крик.

— Лютик прав, — угрюмо сказал Кагыр. — Это не имперские... Они на нильфгаардском берегу, но это не нильфгаардцы.

— Конечно ж, нет! — закричал Лютик. — Я узнаю знаки! Орлы и ромбы! Знаки Лирии! Это лирийские герильясы! Эй, люди...

— Прячься за борт, дурень!

Поэт, как всегда, вместо того чтобы послушаться, пожелал узнать, в чем дело. И тут в воздухе засвистели стрелы. Часть со стуком врезалась в борт парома, часть пролетела выше и хлопнулась в воду. Две летели прямо

на Лютика, но ведьмак уже выхватил свой меч, прыгнул, быстрыми ударами отбил обе.

— Великое Солнце, — ахнул Кагыр. — Отбил... Отбил две стрелы! Невероятно! Ничего подобного я не видел...

— И не увидишь! Впервые в жизни мне удалось такое! Прячьтесь за борт!

Однако солдаты с пристани прекратили обстрел, видя, что течение несет паром прямо к их берегу. Вода вспенилась у боков лошадей, загоняемых в воду. Паромная пристань заполнилась новыми конниками. Их было никак не меньше двух сотен.

— Подмогайтя! — закричал паромщик. — А ну, за шесты, милсдари, мать вашу! К берегу нас несет!

Они поняли сразу, а шестов, к счастью, было достаточно. Регис и Лютик держали лошадей. Мильва, Кагыр и ведьмак помогали паромщику и его придурковатому прислужнику. Паром, который оттолкнули сразу пятью шестами, развернулся и пошел быстрее, явно направляясь к середине реки. Солдаты на берегу снова подняли крик, опять схватились за луки. Просвистело несколько стрел, одна из лошадей дико заржала. К счастью, подхваченный течением паром плыл быстро и все больше удалялся от берега, за пределы прицельных выстрелов.

Они уже были на середине реки. Паром крутился, словно дерьмо в проруби. Кони топали и ржали, вырывались от вцепившихся в поводья Лютика и вампира. Конники на берегу орали и грозились кулаками. Геральт вдруг заметил среди них наездника на белом коне, размахивавшего мечом и, кажется, отдававшего приказы.

Спустя минуту кавалькада отступила к опушке леса и галопом помчалась краем высокого берега. Латы посверкивали в прибрежных зарослях.

— Они не отстанут, — застонал паромщик. — Знают, что за заворотом быстрина снова нас к ихнему берегу прибьет... Держитя палки наготове, милсдари! Как нас к правому берегу повернет, надыть барке подмогнуть перебороть течение и выскакивать. Иначей нам горе...

Паром плыл, понемногу дрейфуя к правому берегу, к высокому, крутому, ощетинившемуся кривыми соснами откосу. Левый берег, от которого они сейчас удалялись, сделался плоским, вдавался в реку полукруглой песчаной косой. На косу галопом вылетели наездники, с разгона въезжая в воду. Рядом с косой явно была мелина, застружина, и прежде чем вода дошла лошадям до брюха, конники вошли в реку довольно далеко.

— Дойдут на выстрел, — угрюмо оценила Мильва. — Прячьтесь.

Снова засвистели стрелы, некоторые попали в доски. Но отбивающееся от застружины течение быстро понесло паром в сторону крутого поворота на правом берегу.

— Таперича за шесты! — приказал трясущийся паромщик. — Живо, пристаем, пока быстрина не ухватит!

Однако сделать это оказалось не так просто. Течение было быстрым, вода глубокой, а паром большим тяжелым и неповоротливым. Вначале он вообще не реагировал на их усилия, наконец шесты сильнее уперлись в дно. Походило на то, что у них получится, когда Мильва вдруг упустила шест и молча указала на правый берег.

— А вот теперь... — Кагыр смахнул пот со лба. — Теперь — точно нильфгаардцы.

Геральт тоже видел это. У наездников, неожиданно появившихся на правом берегу, были черные и зеленые плащи, у коней — характерные узды, набранные из колец. Наездников была по меньшей мере сотня.

— Пропали мы таперича вконец... — заныл паромщик. — Ох, маменька родная, это ж Черные!

— К шестам! — рявкнул ведьмак. — К шестам и на быстрину! Дальше от берега.

Задача опять оказалась не из легких. Течение у правого берега было сильное, паром несло прямо к высокому обрыву, с которого уже слышались крики нильфгаардцев. Когда через минуту упершийся в шест Геральт поднял голову, то увидел над собой ветки сосен. Выпущенная с края обрыва стрела врезалась в палубу почти отвесно в двух ступнях от него. Вторую, метившую в Кагыра, он отбил ударом меча.

Мильва, Кагыр, паромщик и его помощник отталкивались уже не от дна, а от берега, от обрыва. Геральт бросил меч, схватил шест и помог им, а паром начало снова сносить на стрежень. Однако они все еще были в опасной близости от правого берега, а по берегу мчалась погоня. Не успели отдалиться, как обрыв кончился и на плоский, заросший камышом берег вылетели нильфгаардцы. В воздухе завыли перья стрел.

— Прячьтесь!

Помощник паромщика вдруг как-то странно выругался и упустил шест в воду. Геральт увидел окровавленный наконечник и четыре вершка стрелы, торчащие из его спины. Гнедой конь Кагыра встал на дыбы, заржал, мотая простреленной шеей, повалил Лютика и выпрыгнул за борт. Остальные лошади тоже ржали и метались, паром трясся от ударов копыт.

— Держите коней! — крикнул вампир. — Дер...

Он вдруг осекся, навалился спиной на борт, осел, наклонил голову. Из груди у него торчала черноперая стрела.

Мильва увидела это. Она дико вскрикнула, схватила лук, высыпала под ноги стрелы из колчана и начала шить. Быстро. Стрела за стрелой. Ни одна не прошла мимо цели.

На берегу закипело. Нильфгаардцы отступали к лесу, оставляя в камышах воющих раненых и убитых. Укрывшиеся в лесу продолжали стрелять, но стрелы уже едва долетали, быстрое течение несло паром к середине реки. Расстояние было слишком велико для прицельной стрельбы нильфгаардских луков. Но не для лука Мильвы.

Среди нильфгаардцев вдруг возник офицер в черном плаще, в шлеме, на котором раскачивались черные крылья. Он кричал, размахивал булавой, указывал на реку ниже по течению. Мильва шире расставила ноги, подтянула тетиву к уголку рта, быстро прицелилась. Стрела зашумела в воздухе, офицер выгнулся дугой назад в седле, повис в руках подхвативших его солдат. Мильва снова натянула лук, выпустила тетиву из пальцев. Один из поддерживавших офицера нильфгаардцев душераздирающе крикнул и свалился с лошади. Остальные скрылись в лесу.

— Мастерские выстрелы, — спокойно сказал Регис из-за спины ведьмака. — Но лучше беритесь-ка за шесты. Мы все еще слишком близко от берега, а несет нас на мель!

Лучница и Геральт обернулись.

— Ты жив?

— А вы думали, — вампир показал на черноперую стрелу, — что мне можно нанести вред каким-то обрубком прутика?

Удивляться было некогда. Паром снова крутился и плыл по стремнине. Но на повороте реки опять возникла песчаная коса и мель, а на берегу стало черным-черно от нильфгаардцев. Некоторые спускались в воду и готовили луки. Все, не исключая и Лютика, схватились за шесты. Вскоре шесты перестали доставать дно, течение вынесло паром на глубину.

— Лады, — засопела Мильва, бросая шест. — Теперь они нас не достанут...

— Один добрался до отмели, — указал Лютик. — Готовится стрелять. Прячьтесь!

— Не попадет, — холодно оценила обстановку Мильва.

Стрела плюхнулась в воду в двух саженях от носа парома.

— Снова натягивает! — воскликнул трубадур, выглядывая из-за борта. — Внимание!

— Не попадет, — повторила Мильва, поправляя щиток на левом предплечье. — Лук у него добрый, но лучник из него, как из козьей жопы валторна. Горячится. После выстрела дергается и трясется как баба, у которой слизень ползает промежду полжопками. Держите коней, чтоб меня не толкнули.

На этот раз нильфгаардец взял слишком высоко. Стрела просвистела над паромом. Мильва подняла лук, расставила ноги, быстро натянула тетиву до щеки и от-

пустила ее нежно, даже на долю дюйма не изменив позиции. Нильфгаардец рухнул в воду, как молнией пораженный, течение понесло его. Черный плащ вздулся пузырем.

— Это делается так, — опустила Мильва лук. — Токо ему уж поздно научаться.

— Остальные едут за нами следом, — Кагыр указал на правый берег, — и после того как Мильва подстрелила офицера, погони не прекратят. Ручаюсь. Река извивается, на следующем повороте течение снова прибьет нас к ихнему берегу. Они знают и будут ждать...

— Таперича у нас иншая печаль, — заныл паромщик, поднимаясь с колен и бросив убитого помощника. — Теперича нас прет прямиком к левому берегу. О боги, наперехлест нас взяли... И все из-за вас, милостивцы, мать вашу так! На ваши головы кровь та падет...

— Захлопни пасть и берись за шест!

На левом, теперь уже пологом берегу толпились, кричали и размахивали руками конники, в которых Лютик признал лирийских партизан. Геральт снова заметил наездника на белом коне. Уверенности не было, но ему показалось, что наездник — женщина. Светловолосая женщина в латах, но без шлема.

— Что они кричат, — прислушался Лютик. — Что-то, вроде бы, о королеве.

Крик на левом берегу усилился. Стал слышен звон металла.

— Бой, — кратко бросил Кагыр. — Взгляните. Из леса выезжают имперские. Нордлинги бегут. Теперь они в ловушке.

— Выходом из ловушки, — сплюнул Геральт в воду, — был паромом. Они, сдается, хотели спасти хотя бы свою королеву и старших военачальников, перевезти их паромом на другой берег. А мы паром украли. Ох, не любят они теперь нас, не любят...

— А должны бы, — сказал Лютик. — Паром не спас бы никого, а отнес бы прямо в лапы нильфгаардцев на правом берегу. Мы тоже должны избегать правого берега. С лирийцами попытаюсь договориться, но Черные забьют нас безжалостно...

— Несет все шибче, — бросила Мильва, тоже сплюнув в воду и рассматривая плывущий плевок. — И серединой глубизны. Теперь пусть нас в задницу поцелуют и те, и другие. Повороты тут некрутые, берега ровные и все заросли ивняком. Мы плывем вниз по Яруге, они нас не достанут. Им быстро надоест.

— Хреновину порешь, девка, — простонал паромщик. — Перед нами Красная Биндюга... Тамотка — мост! Паром уткнется... Ежели они нас опередят, то ждать тама будут...

— Нордлинги нас не опередят. — Регис указал с кормы на левый берег. — У них свои проблемы.

Действительно, на правом берегу шел ожесточенный бой. Центр его был в лесу и давал о себе знать лишь боевыми криками, но во многих местах черные и разноцветные наездники рубились мечами в прибрежной воде, трупы с плеском падали в реку. Шум и звон металла постепенно стихали, паром величаво, но довольно быстро плыл вниз по течению.

На заросших берегах не было видно вооруженных, не слышно было звуков погони. Геральт уже начал было

надеяться, что все кончится добром, но тут увидел впереди деревянный мост, стягивающий берега. Река под мостом обтекала мели и островки, на самый большой из островков упирался один из мостовых быков. На правом берегу виднелись беспорядочные навалы стволов, штабеля, кучи дерева.

— Там везде мелко, — выдохнул паромщик. — Токмо середкой можно проплыть, право от острова. Течение туда нас несет, но хватайте шесты, могут пригодиться, если уткнемся...

— На мосту, — Геральт заслонил глаза рукой, — военные. На мосту и на биндюге, на вырубке.

Это уже видели все. И видели, как из леса за вырубкой вдруг вылетает ватага всадников в черных и зеленых плащах. Уже можно было услышать гул боя.

— Нильфгаардцы, — сухо отметил Кагыр. — Те, которые нас преследовали. Значит, на мосту — нордлинги...

— За шесты! — крикнул паромщик. — Пока бьются, может, промкнемся!

Не «промкнулись». Они были уже совсем близко от моста, когда он загудел под ногами бегущих солдат. Поверх кольчуг на солдатах были белые накидки, украшенные красными ромбами. У большинства — самострелы, которые сейчас они уперли в перила и целились в приближающийся к мосту паром.

— Не стрелять, ребята! — во весь голос заорал Лютик. — Не стрелять! Мы свои!

Солдаты не расслышали. Или не хотели расслышать.

Залп из самострелов оказался трагическим по своим последствиям. Одна из стрел угодила в паромщика, все

еще пытавшегося управлять паромом с помощью шеста. Стрела прошила его навылет. Кагыр, Мильва и Регис своевременно укрылись за бортами. Геральт схватился за меч и отбил одну из стрел, но стрел было множество. Лютика, который все еще кричал и размахивал руками, необъяснимым чудом не ранило. Однако истинное побоище град стрел учинил среди лошадей. Сивый запасной, в которого угодили три стрелы разом, рухнул на колени. Пал, дергаясь, вороной Мильвы, пал гнедой жеребец Региса. Получившая в круп Плотва встала на дыбы и выскочила за борт.

— Не стрелять! — орал Лютик. — Мы свои!

На этот раз подействовало.

Снесенный течением паром со скрежетом врезался в мель и замер. Все выскочили на островок либо в воду, прячась от ударов копыт бьющихся в муках лошадей. Мильва была последней, потому что ее движения вдруг сделались странно медлительными. «Получила стрелой», — подумал ведьмак, видя, как девушка неловко перебирается через борт, бессильно падает на песок. Он подскочил к ней, но вампир его опередил.

— Что-то во мне оборвалось, — очень медленно и очень неестественно проговорила девушка. А потом прижала руки к промежности. Геральт увидел, как штанина шерстяных брюк темнеет от крови.

— Лей мне на руки. — Регис подал ему выхваченную из торбы бутылочку. — Лей мне это на руки, быстро!

— Что с ней?

— Выкидыш. Дай нож, надо разрезать одежду. И отойди.

— Нет, — сказала Мильва. — Я хочу, чтобы он был рядом.

По ее щеке потекла слеза.

Мост над ними гудел от солдатских сапог.

— Геральт! — верещал Лютик.

Ведьмак, видя, что вампир делает с Мильвой, смущенно отвернулся. Увидел, как по мосту мчатся солдаты в белых накидках. С правого берега, от вырубки, все еще был слышен гул.

— Бегут, — выдохнул Лютик, подскакивая и хватая Геральта за рукав. — Нильфгаардцы уже на правом предмостье! Там все еще идет бой, но большинство бойцов бежит на левый берег! Ты слышишь? Нам тоже надо бежать!

— Нельзя, — стиснул зубы ведьмак. — У Мильвы выкидыш. Она не сможет идти.

Лютик зверски выругался.

— Значит, надо нести, — бросил он. — Это единственная возможность.

— Не единственная, — сказал Кагыр. — Геральт, на мост!

— Зачем?

— Остановим бегство. Если нордлинги удержат хоть ненадолго правый подступ к мосту, может, нам удастся уйти по левому.

— Как ты собираешься остановить бегство?

— Я уже командовал войсками. Лезь на бык и на мост!

На мосту Кагыр с ходу показал, что он действительно человек опытный и прекращать панику среди военных умеет.

— Ну, сукины дети! Куда, сволота поганая! — орал он, подкрепляя каждый рык ударом кулака, валящим отступающих на доки моста. — Стоять! Стоять, трусы поганые!

Некоторые из бегущих — далеко не все — остановились, пораженные ревом и сверканием меча, которым размахивал Кагыр. Другие пытались проскользнуть у него за спиной. Но Геральт тоже выхватил меч и включился в операцию.

— Куда! — крикнул он, мощным ударом осадив одного из бегущих. — Куда? Стоять! Поворачивай! Тпрррру!

— Нильфгаард, господин! — крикнул кнехт. — Там резня! Пустите!

— Трусы! — рявкнул влезающий на мост Лютик таким голосом, какого Геральт никогда от него не ожидал. — Паршивые, засранные трусы! Заячьи сердца! Удираете, шкуры свои спасаете? Чтобы в сраме жизнь прожить, подлецы?

— Силища их, господин лыцарь, — не выстоим!

— Сотник убит... — простонал другой. — Десятники сбежали! Смерть идет!

— Надо головы свои спасать!

— Ваши товарищи, — крикнул Кагыр, размахивая мечом, — продолжают биться на предмостье и на вырубке. Позор тому, кто не двинется им на помощь! За мной!

— Лютик, — прошипел ведьмак. — Сигай на остров. Как-нибудь с Регисом доставьте Мильву на левый берег! Ну, чего стоишь?

— За мной, парни! — орал Кагыр, размахивая мечом. — За мной! Кто в богов верует! На берег! На биндюгу! Бей, круши!

Несколько солдат подхватили голосами, выражающими различные степени решимости. Некоторые из тех, кто уже убежал, устыдились, повернулись и присоединились к «мостовой армии», во главе которой вдруг оказались ведьмак и нильфгаардец.

Возможно, солдаты и вправду кинулись бы на выручку, но тут на подходах к мосту зачернели плащи конников. Нильфгаардцы прорвали оборону и ворвались на мост, по доскам загрохотали подковы. Часть остановившихся было солдат снова кинулась бежать, часть нерешительно остановилась. Кагыр выматерился. По-нильфгаардски. Но никто, кроме ведьмака, не обратил на это внимания.

— Что началось, надобно заканчивать! — буркнул Геральт, сжимая в руке меч. — Идем на них! Надо распалить наше войско.

— Геральт. — Кагыр остановился, неуверенно глянул на него. — Ты хочешь, чтобы я... Чтобы я убивал своих? Я не могу...

— Насрал я на эту войну, — скрежетнул зубами ведьмак. — Но тут Мильва. Ты присоединился к команде? Решай. Идешь за мной или встаешь на сторону черных плащей? Ну, быстрее!

— Иду с тобой!

Так и получилось, что один ведьмак и один союзный ему нильфгаардец заорали, завертели мечами и не раздумывая ринулись вперед, два спутника, два друга, два соратника — навстречу общему врагу, в неравный бой.

И это было их общее огненное крещение. Крещение общим боем, яростью, сумасшествием и смертью. Они шли на смерть, они, два товарища. Так они думали. Ведь не могли они знать, что не умрут в тот день на этом мосту, перекинувшемся через Яругу. Не знали, что предначертана им обоим иная смерть. В другом месте и в другое время.

На рукавах у нильфгаардцев было серебряное шитье, изображающее скорпиона. Кагыр зарубил двоих быстрыми ударами своего длинного меча. Геральт рассек двоих ударами сигилля. Потом запрыгнул на перила моста и, пробегая по ним, напал на остальных. Геральт был ведьмаком, удерживать равновесие для него было пустяк, но его акробатический номер изумил и застал врасплох нильфгаардцев. Так они и умерли, не успев оправиться от изумления, от ударов краснолюдского оружия, для которого кольчуги были не прочнее шерсти. Кровь брызнула на измызганные доски и бревна моста.

Увидев боевое преимущество предводителей, теперь уже сильная количественно армия, оборонявшая мост, подняла невообразимый рев и крик, в котором звучал возрастающий боевой дух. И стало так, что минуту назад паниковавшие беглецы кинулись на нильфгаардцев разъяренными волками, рубя налево и направо мечами и топорами, протыкая копьями, избивая палицами и алебардами. Развалились перила, кони рухнули в воду вместе с наездниками в черных плащах. Рычащая армия ворвалась на предмостье, продолжая гнать перед собой Геральта и Кагыра, случайных командиров, не позволяя им сделать то, ради чего они все это затеяли. А затеяли

они одно: как можно скорее выбраться, вернуться к Мильве и сбежать на левый берег.

На вырубке тоже кипел бой. Нильфгаардцы окружили и отрезали от моста солдат, которые не удрали и яростно оборонялись из-за баррикад, сооруженных из кедровых и сосновых стволов. При виде наступающей подмоги горстка защитников баррикады подняла радостный крик. Чуть-чуть рановато. Плотный клин лирийской подмоги выжал нильфгаардцев с моста, однако теперь на лирийцев обрушились фланговые удары императорской конницы. Если б не баррикады и штабеля стволов, мешавшие и бегству, и нападению кавалерии, пехота была бы мгновенно рассеяна. Припертые к штабелям солдаты начали яростный бой.

Для Геральта это было нечто новое, такой тактики боя он не знал. Никакого фехтования и работы ног, только хаотичная рубка и непрекращающиеся удары, сыплющиеся со всех сторон... Однако ему помогало то, что он неожиданно и не совсем заслуженно оказался в роли командира, и теперь солдаты дрались за него, прикрывали бока, защищали спину, расчищали перед ним фронт, освобождая место, в которое он мог ударить и ужалить насмерть. Сутолока все увеличивалась. Ведьмак и его «армия» уже дрались плечом к плечу с кровоточащей и поредевшей горсткой защитников баррикады, в большинстве своем краснолюдских кнехтов. Дрались в кольце окружения.

А потом вспыхнул огонь.

Одна из сторон баррикады, разместившейся между биндюгой и мостом, представляла собой огромную, колючую, как еж, кучу сосновых веток и сучьев — не-

преодолимое препятствие для лошадей и пехоты. Сейчас все это полыхало пламенем — кто-то кинул туда факел. Защитники пятились, подгоняемые жаром и дымом. Сбившись в кучу, ослепнув, мешая друг другу, они один за другим умирали под ударами штурмующих нильфгаардцев.

Положение спас Кагыр. Имея военный опыт, он не дал окружить на баррикаде собравшихся вокруг него солдат. Позволил отрезать себя от группы Геральта, но теперь возвращался. Даже добыл коня в черном чепраке и, работая мечом, ударил по флангу. За ним с диким ревом в образовавшийся прогал врывались алебардисты и пикинеры в белых накидках с красными ромбами.

Геральт сложил пальцы знаком Аард и ударил в полыхающие ветки. На особый эффект он не рассчитывал, поскольку уже несколько недель не употреблял ведьмачьих эликсиров. Но результат все же был. Костер словно взрывом разметало, и он рассыпался, разбрасывая искры.

— За мной! — рявкнул он, ткнув мечом в висок взбирающегося на баррикаду нильфгаардца. — За мной! Сквозь огонь!

И они пошли, раскидывая копьями все еще горящую кучу, забрасывая нильфгаардских коней схваченными голыми руками головнями. «Крещение огнем, — подумал ведьмак, словно сумасшедший рубя и парируя удары. — Я должен был пройти сквозь огонь ради Цири. А иду сквозь огонь в бою за дело, которое вообще меня не касается. Огонь, который должен был меня

очистить, самым поганым образом палит мои волосы и обжигает лицо».

Кровь, которой он был обрызган, шипела и исходила паром.

— Вперед, ребята! Кагыр! Ко мне!

— Геральт! — Кагыр смел с седла очередного нильфгаардца. — На мост! Пробивайся с людьми на мост! Организуем оборону...

Он не докончил, потому что на него галопом налетел конник в черном нагруднике, без шлема, с развевающимися окровавленными волосами. Кагыр парировал удар длинного меча, но упал с присевшего на задние ноги коня. Нильфгаардец наклонился, чтобы пригвоздить его к земле. Но не сделал этого, сдержал удар. На его наплечнике горел серебряный скорпион.

— Кагыр? Кагыр аэп Кеаллах! — воскликнул он изумленно.

— Мортейсен... — В голосе растянувшегося на земле Кагыра было не меньше изумления.

Бегущий рядом с Геральтом наемник-краснолюд в закопченной и обгоревшей по краям накидке с красным ромбом изумляться не стал, а, не теряя напрасно время, с размаху вбил рогатину в живот нильфгаардца и, толкнув древко, свалил того с седла. Второй подскочил, наступил тяжелым ботинком на черный нагрудник упавшего, вонзил острие копья прямо в горло. Нильфгаардец захрипел, вырвал кровью и заскреб по песку шпорами.

В тот же миг ведьмак получил в крестец чем-то очень тяжелым и очень твердым. Колени у него подогнулись. Он упал, слыша громкий торжествующий рев.

Видел, как наездники в черных плащах уносятся в лес. Слышал, как мост гудит под копытами мчащихся с левого берега конников, над которыми развевался штандарт с орлом, обрамленным красными ромбами.

Так окончилась для Геральта великая битва за мост на Яруге, битва, которой впоследствии исторические хроники не уделили, разумеется, ни строчки.

— Не беспокойтесь, милостивый государь, — сказал фельдшер, ощупывая и осматривая спину ведьмака. — Мост уничтожен. Погоня с того берега нам не угрожает. Ваши друзья и женщина в безопасности. Это ваша супруга?

— Нет.

— Ах, а я подумал... Всегда страшно, когда война беременных женщин бередит...

— Молчите. Ни слова об этом. Что у вас за знамена?

— Не знаете, за кого дрались? Поразительно, поразительно... Это армия Лирии. Видите, лирийский черный орел и ривские красные ромбы. Ну, готово. Всего-навсего удар. Крестец малость поболит, и все. Ничего страшного. Выздоровеете.

— Благодарю.

— Это я вас благодарить должен. Если б вы моста не удержали, нильфгаардцы бы нас на том берегу под корень вырубили, к реке прижавши. Не сумели бы мы уйти от погони... А вы королеву спасли! Ну, бывайте, господин... Я пошел, другие раненые помощи требуют.

— Благодарю.

* * *

Он сидел на стволе поваленного на вырубке дерева утомленный, измученный, разбитый и безразличный ко всему. Один. Кагыр куда-то исчез. Между бревнами переломившегося пополам моста катила свои зелено-золотые воды Яруга, посверкивая в лучах клонящегося к горизонту солнца.

— Это он, милостивая государыня. Позвольте, я помогу вам слезть.

— Прекрати.

Геральт поднял голову, услышав шаги, стук подков и скрип панцирей. Перед ним стояла женщина в латах, женщина с очень светлыми волосами, почти такими же светлыми, как его собственные. Впрочем, он тут же понял, что волосы не были светлыми, они были седыми, хотя на лице женщины не было заметно признаков старости. Зрелого возраста — да. Но не старости.

Женщина прижимала ко рту батистовый платочек с кружевными ромбиками по краям. Платочек был в крови.

— Встаньте, милостивый государь, — шепнул Геральту один из стоявших рядом рыцарей. — И отдайте честь. Перед вами королева.

Ведьмак встал. Поклонился, превозмогая боль в крестце.

— Ты ваффифил мофт?

— Простите?

Женщина отняла платочек ото рта, сплюнула кровью. Несколько красных капелек попало на орнаментированный нагрудник.

— Ее величество Мэва, королева Лирии и Ривии, — сказал стоявший рядом с женщиной рыцарь с фиолетовом плаще, украшенном золотым шитьем, — спрашивает, вы ли геройски командовали обороной моста на Яруге?

— Так уж как-то получилось.

— Полуфилофы! — Королева попробовала засмеяться, но ничего у нее не вышло. Она поморщилась, невнятно выругалась, снова сплюнула. Прежде чем успела заслонить платочком рот, он увидел отвратительную рану, заметил отсутствие нескольких зубов. Она поймала его взгляд.

— Ну да, — проговорила она из-за платочка, глядя ему в глаза. — Какой-то фукин фын фаданул мне пъямо в мовду. Мелоть.

— Королева Мэва, — высокопарно сообщил человек в фиолетовом плаще, — билась в первых рядах, как доблестный муж, как рыцарь, противостоя превосходящим силам Нильфгаарда! Эта рана болит, но не уродует! А вы спасли и ее, и наш корпус. Когда какие-то изменники захватили и увели паром, этот мост остался для нас единственным спасением. А вы его геройски защитили.

— Певефтань, Одо. Как ваф вовут, гевой?

— Меня?

— Ну конечно, вас. — Рыцарь в фиолетовом грозно глянул на него. — Что с вами? Вы ранены? Контужены? Вас ранили в голову?

— Нет.

— Тогда отвечайте, когда королева спрашивает! Вы же видите, у нее поранен рот и ей трудно говорить!

— Певефтань, Одо.

Фиолетовый поклонился, потом взглянул на Геральта.

— Ваше имя?

«А, да что там, — подумал Геральт. — Семь бед, один ответ. Не стану врать».

— Геральт.

— Геральт откуда?

— Ниоткуда.

— Не поффяффенный? Не выцавь? — Мева украсила песок под ногами красными брызгами слюны, смешанной с кровью.

— Не понял. А, нет-нет. Не посвященный... Ваше королевское величество.

Мэва вынула меч.

— На колени.

Он выполнил приказ, по-прежнему не в состоянии поверить происходящему и продолжая думать о Мильве и дороге, которую выбрал для нее, испугавшись трясин и болот Ийсгита.

Королева повернулась к фиолетовому.

— Пвоивнефи фовмулу. У меня нет фубов.

— За беспримерное мужество в бою за справедливое дело, — торжественно провозгласил фиолетовый, — за доказательство доблести и чести, за верность короне, я, Мэва, волею богов королева Лирии и Ривии, правом моим и привилегией посвящаю тебя в рыцари. Служи верно. Стерпи этот удар, и ни одного более.

Геральт почувствовал на плече легкий удар клинка. Взглянул в светло-зеленые глаза королевы. Мэва сплю-

нула густой красной слюной, приложила платочек к лицу, подморгнула ему поверх кружев.

Фиолетовый подошел к монархине, что-то шепнул. Ведьмак расслышал слова: «поименование», «ривские ромбы», «штандарт» и «честь».

— Справедливо, — кивнула Мэва. Она говорила все четче, перебарывая боль, просовывала язык в щербину, оставшуюся на месте выбитых зубов. — Ты дерзал мофт вместе с воинами из Ривии, мувественный Геральт ниоткуда. Так уф как-то полуфилось, ха-ха! Ну а мне полуфилось поваловать тебе ва это поименование: Гевальт Вивский. Ха-ха!

— Поклонитесь, милостивый государь рыцарь, — прошипел фиолетовый.

Свежеиспеченный рыцарь Геральт Ривский поклонился так глубоко, чтобы королева Мэва, его сюзерен, не смогла увидеть горькой усмешки, которой не сумел сдержать Геральт из Ривии, ведьмак.

Литературно-художественное издание

Анджей Сапковский

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Роман

Ответственные редакторы *Н.А.Науменко, Н.Ю.Ютанов*
Редакторы *Е.А.Барзова, Г.Г.Мурадян*
Художественный редактор *С.Н.Герцева*
Художник-дизайнер *А.А.Кудрявцев*
Технический редактор *Н.Н.Хотулева*
Корректоры *Э.Н.Маркевич, М.В.Козлова*

Подписано в печать 27.10.98.
Формат 84×108 1/32. Усл.печ.л. 25,20.
Тираж 4000 экз. Заказ № 548.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.
366720, РФ, РИ, г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU. E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано с готовых монтажей в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

45–